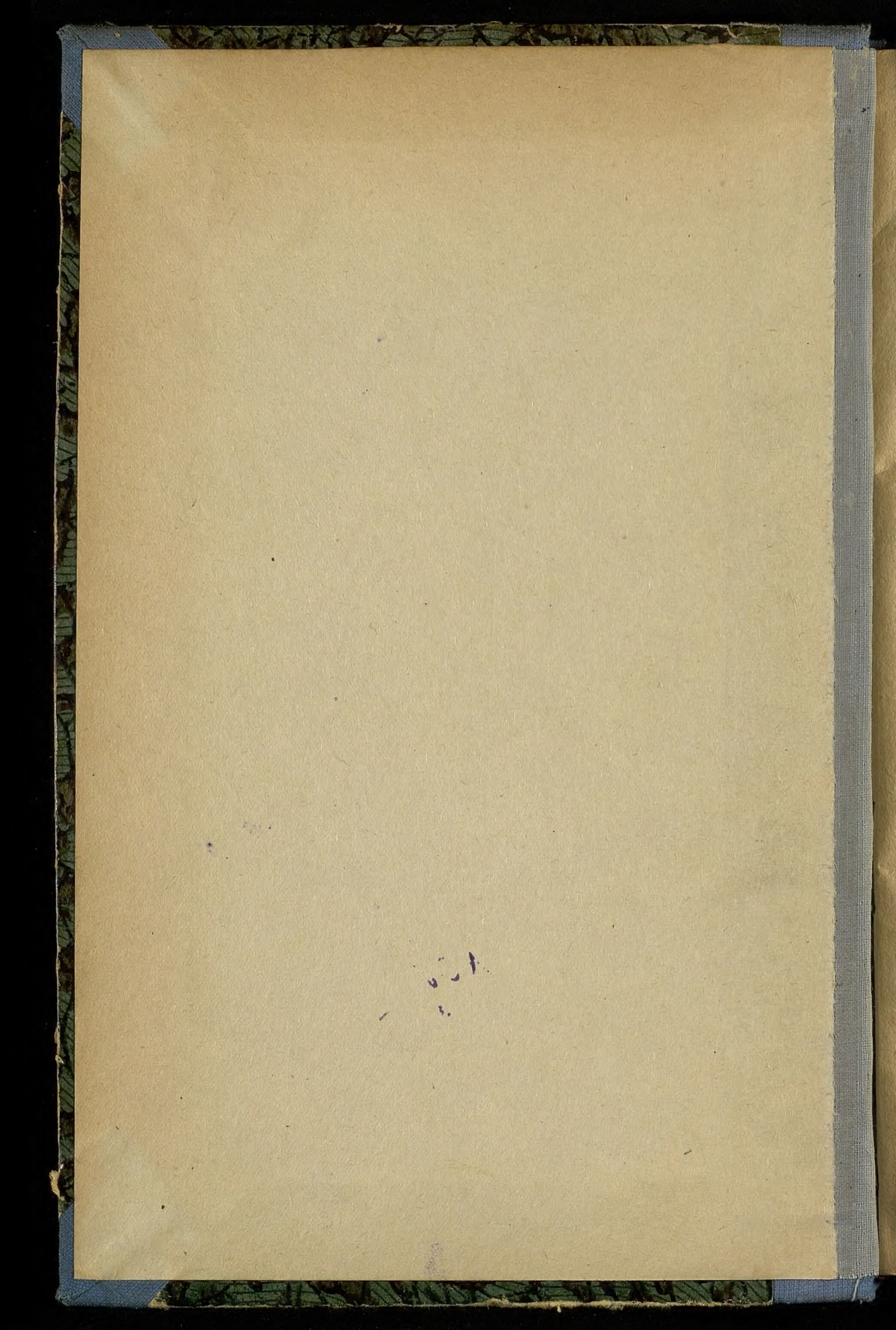
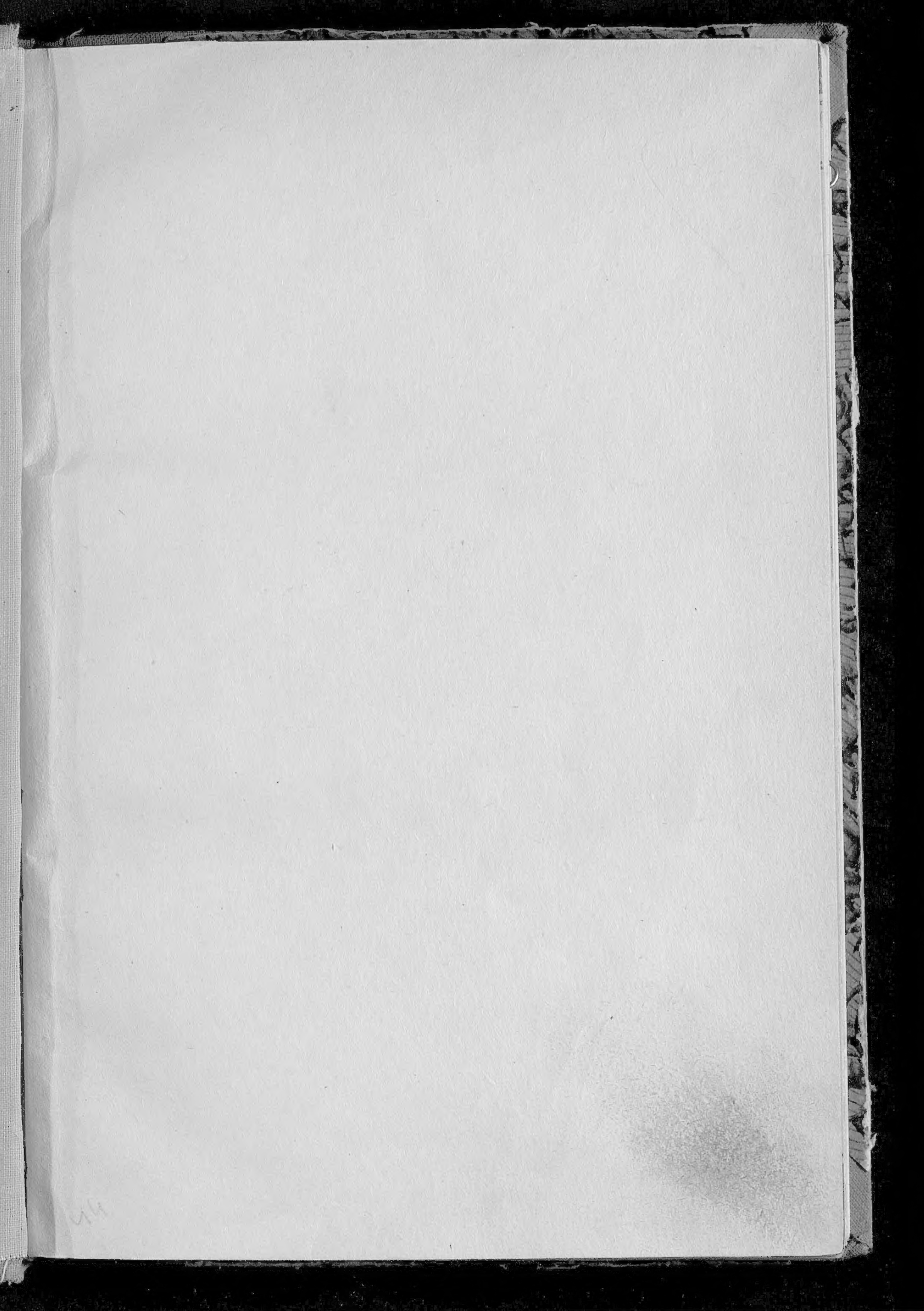

PH
80

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА им. В. И. ЛЕНИНА

СБОРНИК

IV

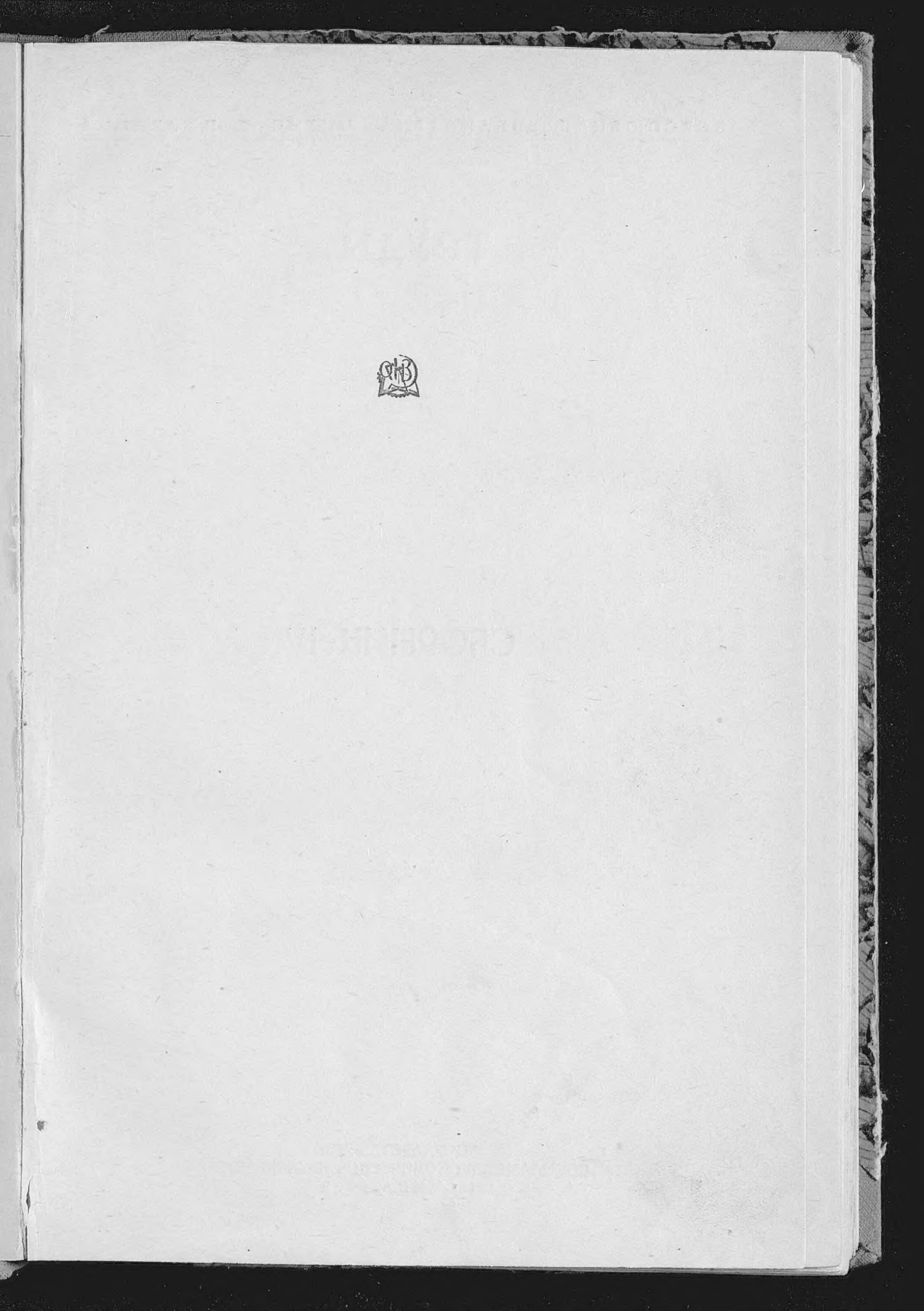
ПУШКИН

ОСТРОВСКИЙ

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

СОЦЭКГИЗ · 1939

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ТРУДЫ

СБОРНИК IV

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

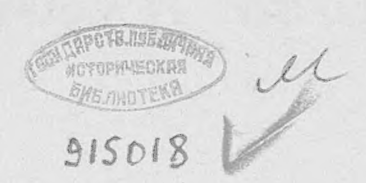
А. С. ПУШКИН

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ПИСЬМА И СТАТЬИ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ Н. Л. МЕЩЕРЯКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1939

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
915018

I

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
9	25 сн.	4-ая мая	4-ая моя
13	20 сн.	найдете	найдите
77	5 св.	все же не	все они не
78	4 сн.	опустили	опустим
120	6 св.	М. Бр—же	М. Бр-де
138	9 сн.	ставить	вставить

ТРУДЫ. Сборник IV.

I

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКОГО

Говоря об эпистолярном наследии А. Н. Островского, прежде всего приходится выразить сожаление, что это наследие не только не собрано вместе, в одну книгу, но даже и не все выявлено. Так, например, даже неизвестно, где находятся письма драматурга к его брату М. Н. Островскому, с которым он постоянно переписывался, еще до смерти отца, с начала 50-х годов, когда М. Н. Островский в Симбирске начинал свою чиновничью карьеру. Судя по ответным письмам будущего министра, письма драматурга являются ценнейшим материалом как для его биографии, так и для истории его литературной деятельности.

Несомненно, что некоторые письма А. Н. Островского или не дошли до нас и где-нибудь хранятся, или же пропали совершенно. Будем надеяться, что переписка драматурга с братом еще выявится на свет.

Такая участь выпала на долю писем А. Н. Островского к М. П. Погодину, из которых до сих пор было напечатано полностью всего только семь в книжке Н. М. Мендельсона (№№ 11, 13, 21, 26, 36, 45, 51). Оказалось, что архив М. П. Погодина, хранившийся с незапамятных времен в недрах Румянцовского музея, не был даже разобран. Только Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина приступила к его разбору, и сразу же открылось заключающееся в этом архиве богатство. Теперь стало известно не семь, а пятьдесят пять писем А. Н. Островского к М. П. Погодину, причем три из них все же не сохранились в подлиннике и печатаются по тексту использовавшего их Н. П. Барсукова, автора известной работы: «Жизнь и труды М. П. Погодина». Стоит только обратить внимание на то, что эти письма относятся к началу 50-х годов, т. е. ко времени сотрудничества А. Н. Островского в «Москвитянине», чтобы понять, какое значение представляют эти письма. На основании этих писем, равно как и извлеченных из этого же архива писем Е. Н. Эдельсона к М. П. Погодину, удалось осветить одну из самых темных и малоизвестных страниц в литературной деятельности А. Н. Островского, именно его сотрудничество в «Москвитянине» в качестве литературного критика, и установить принадлежность Островскому, по крайней мере, шестнадцати литературно-критических статей в «Москвитянине», из которых только две были подписаны инициалами и потому были ранее известны, а все остальные напечатаны без подписи, и авторство их устанавливается только теперь. Точно так же удалось установить почти все статьи, принадлежащие Е. Н. Эдельсону.

Письма А. Н. Островского к М. П. Погодину, равно как и письма драматурга к его приятелю Н. А. Дубровскому, извлеченные из архива последнего, также хранящегося в Библиотеке имени В. И. Ленина, печатаются по новой орфографии, так как интерес их прежде всего историко-литературный, а не лексический.

В своих письмах, так же как и в рукописях своих пьес, особенно черновых, А. Н. Островский обычно не соблюдает пунктуации. Ясно, что и в настоящем случае, при печатании писем, приходится применять современную пунктуацию.

Библиографию писем нашего драматурга, правда, до 1924 года, можно найти в сообщении Б. Л. Модзалевского «Из архива артиста М. И. Писарева» (Ежегодник Петроградских государственных театров. Сезон 1918—1919. Под редакцией А. С. Полякова. Петроград, 1920, на обложке 1922, стр. 80—81) и в книжке А. М. Линина: «Литература по А. Н. Островскому». Владикавказ, 1924, стр. 124—126.

Н. Кашин

ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКОГО К М. П. ПОГОДИНУ

1

[Конец июля — начало августа 1850]

Повесть Писемского у Графини, Одарку посылаю, Сосулькина взял автор для переделки. О Греческих стихотворениях привезу в типографию. — За Плавта примусь и вероятно кончу скоро. Если буду здоров, то в субботу буду у Вас.

А. Островский.

2

О Щербине пришлю завтра. Я занимаюсь теперь Плавтом, потому Вы меня не видите и не слышите обо мне.

А. Островский.

3

[Август 1850]

Михайло Петрович! Я болен и телом и духом. Страшная зубная боль, у меня всегда сопровождаемая нервным расстройством, в продолжении двух недель совершенно одолела меня. Много начато, много доделывается и на все это нет сил. Ко всему этому расстройство домашнее — у меня нет ни копейки денег. Взять мне не у кого! А занимать я не умею. Я готов продать за что Вам угодно остальные экземпляры моей комедии, только бы не пострадала моя деликатность, которой к несчастью слишком много у меня. Я должен по дому руб. 50 сер. и это меня мучает и не дает мне минуты покою. Выручите Михайло Петрович! Кроме вас мне не к кому обратиться. Я не возьму ничего, чтоб итти к книгопродавцам и предлагать им то, что я Вам предлагаю. Достаньте мне денег Михайло Петрович рублей хоть 150 сер., а я вам всегда слуга. Бог даст, я вам кончу к сентябрю такую драму, которая вознаградит и Вас за хлопоты и меня за прежнюю нужду.

Ваш слуга *А. Островский.*

P. S. Азинарию на днях кончу. Отдам Вам также пиэсу, которую пишу для бенефиса Садовского. Мне нужны деньги нынче непременно; к завтрашнему утру я должен их иметь во что бы то ни стало. Можете, так дайте, только не браните и не сердитесь на меня. Я знаю, что в последнее время много виноват перед Вами; но если бы вы знали меня и мои обстоятельства, Вы бы мне легко извинили.

А. Островский.

4

[Сентябрь 1850]

Был я, Михайло Петрович, в конторе и по поверке оказалось.
Представлено в контору 1180 экзем[пляров].
Взято мною в разное время 90.
На лицо . . . . 1035.
За тем прикащик сказал, что 20 послано в Петербург и 35 продано здесь.

Ваш слуга *А. Островский.*

Из 90, которые я взял, я 40 роздал книгопродавцам.

5

[Январь 1851]

Михайло Петрович! Сейчас у меня был Родиславский, и просил написать критику на Драматический сборник: так вы скажите, что ее взял Эдельсон. О Костромской сватьбе * скажите, сделайте милость, что она у вас и что мы ее *когда-нибудь* напечатаем.

А. Островский.

---

* Так в оригинале.

6

[1 февраля 1851]

Михайло Петровичь! Извините, что я не был у Вас в середу, как я обещал Вам. Дело такое серьезное, что надобно было о многом подумать и основательно рассчитать. Я вас прошу не решаться окончательно ни с кем до завтрашнего утра: а завтра (т. е. в пятницу) я явлюсь для окончательных переговоров.

А. Островский.

7

[5—6 февраля 1851]

Михайло Петровичь! Я нездоров, с тех самых пор, как приехал от Вас. Некоторые поручения Ваши я исполнил, но некоторые не успел. Для меня весьма тяжко, что это дело так долго тянется — рассудите ради бога, что все выгоды от этого дела я представляю Вам, себе прошу только необходимое. Нужно кой куда съездить и потом к Вам; а прогонов нет. Пришлите мне что нибудь.

А. Островский.

P. S. У Вас буду вероятно в четверг.

8

[8 февраля 1851]

Михайло Петровичь! Я сейчас собирался к Вам; но вдруг получил записку от Писемского. Он приехал из Костромы и при том больной. Посылаю Вам рецензии, остальные в тот №. При свидании я Вам сообщу много утешительного на счет Москвитянина.

А. Островский.

Прошу Вас по крайней мере не препятствовать тому слуху, что Москвитянин *может* быть под моим распоряжением. Мне уж теперь кроме многих ученых статей обещано 3 повести к 15 февраля да 4-ая мая.

9

[9—12 февраля 1851]

Михайло Петровичь! Я успел выханжить у Писемского его роман. Он продает нам его совсем с правом напечатать сколько угодно экземпляров в нашу пользу, за 1000 целковых. Надо дать. Вот его условия. 500 р. по напечатании, из которых несколько вперед; а остальные в продолжении года. Мы ужо к Вам приедем часов в 6-ть. Согласитесь Михайло Петровичь. Если Вам неугодно будет взять роман по этой цене, то заплатите обыкновенную цену; а остальные я достану. Одним словом, сделайте милость не спорьте. Эти условия для нас выгодны и очень выгодны.

А. Островский.

10

[Февраль 1851]

Михайло Петровичь!

Сделайте одолжение, пришлите повесть Писемского. Мы нынче в 1-м часу должны ее читать у Графини Ростопчиной, где будет и Графиня Сальяс. По прочтении нескольких глав мы его * сейчас же направим к Вам.

А. Островский.

11

[25 февраля 1851]

Михайло Петровичь! С Пожогиным я толковал не мало; он говорит, что по бумагам и книгам нет никаких средств ничего отыскать, так это

* Так в оригинале.

тонко сделано; и придется, говорит, мне заплатить за бумагу, вот и все. Есть одно средство: попробовать с различными ласками допросить кого нибудь из наборщиков, кто познакомее. Теперь об нашем деле. Чего я опасался, то и вышло. Когда я сказал кой-кому, на чем мы порешили (т. е. сказал так, как уговорились), то получил вот какие возражения: «Значит это только на нынейшний год! Значит мы должны отдавать статьи всетаки Погодину! Поднять его журнал! И какую вы роль берете на себя! Он может и сам обратиться ко всем литераторам! Не того мы ждали! Мы думали, что журнал будет ваш, а следовательно и наш; кроме трудов можно бы решиться на пожертвования, по крайней мере была бы надежда на вознаграждение! А теперь мы и вы должны служить Погодину!» — Хорошо еще, что я не был ни у кого из значительных деятелей, т. е. ни у Грановского, ни у граф. Сальяс, ни у Леонтьева и проч. Каково бы мне было с ними разговаривать! Что мне делать, научите меня. Напишите мне поскорей ответ; дело не терпит отлагательства. Последний наш разговор, мне кажется, показал Вам, как готов я на бескорыстное служение всякому серьезному делу. Напишите мне, сделайте одолжение, что мне делать и что говорить; сделайте милость, напишите что нибудь решительное. Вы знаете, в каком душевном состоянии я нахожусь, оно для меня невыносимо. Я теперь в таком положении, что должен устроить свои дела, и не как нибудь, а совершенно определенно. Напишите мне, можете ли вы мне дать 50 руб. сер. в месяц за простое сотрудничество, с обязательством с моей стороны доставить впродолжении года статей на эту сумму, и с правом кроме того давать статьи и в другие издания. Примите в расчет то, что я, по своему характеру, всетаки всеми силами стану стараться для «Москвитянина». Если же вы на это не согласны, то напишите, что вы от меня хотите, чтобы я знал это определенно. Извините, что я беспокою вас, мне самому, Михайло Петрович, очень тяжело.

Ваш *Островский.*

25 Февр. 1851.

P. S. Завтра я с нетерпением буду ждать вашего ответа.

12

[Конец марта 1851]

Михайло Петровичь! Не можете ли Вы приготовить мне деньги немного ранее первого числа. Я говею да и к празднику вообще нужны всякому деньги; а мне нужней всякого. В середу поутру я к Вам пришлю брата. Да хорошо бы опубликовать о Бедной невесте в Ведомостях.

А. Островский.

Я слышал, что Вы хотите опубликовать о Бедной невесте в сентябре. Теперь ее требуют, а тогда она кому будет нужна; а из-за одной комедии едвали кто подпишется.

13

[Конец апреля 1851]

Михайло Петровичь! Сижу и пишу о Комете. К вечеру доставлю через контору к Вам. О своей пьэске я вам вот что скажу: я хотел показать только все отношения, вытекающие из характеров двух лиц, изображенных мною; а так как в моем намерении не было писать комедию, то я и представил их голо, почти без обстановки (от чего и назвал этюдом). Если принять в соображение существующую критику, то я поступил неосторожно: как вещь очень тонкую, им не понять ее, они возьмут ее со стороны формы, принимая в основание те шаткие и условные положения, которые выработались при нынешнем литературном разврате во француз-

ской и петербургской литературе. Не говорю уже о литературных *жуликах*. Посылаю к вам повесть Дементьева — она не годится по совершенной ложности во взгляде на предмет.

А. Островский.

14

[Конец апреля 1851]

Эти два дня писал, переписывал, перемарывал и всетаки выходит скверно; совестно показаться в публику с этим после тех критик, которые были в прежних книжках. Ради бога, Михайло Петрович, напишите, что о художественной части альманаха будет говорено в следующем №. А в случае крайности у меня будет готово к завтрашнему утру кое что.

А. Островский.

15

[Конец апреля 1851]

Михайло Петрович! Извините, что я давно не был у Вас, не хочется отрываться от комедии, в которую уж я втянулся. На той неделе я привезу вам почитать кое что из нее. А между тем приближается самое интересное, 1-ое число, которое впрочем только тогда и хорошо, когда есть деньги. Итак благоволите прислать с Евгением Николаевичем.

Ваш *А. Островский.*

16

[Май 1851]

Михайло Петрович! Я жду обещанного Вами, т. е. в полном смысле слова жду, со вторника я уж это в 8-й раз в конторе, значит для меня это дело весьма серьезно.

А. Островский.

17

[Май 1851]

Михайло Петрович! Я не отвечал на ваше письмо потому, что надеялся сделать вам сюрприз, т. е. прислать 2 акта своей комедии, но теперь обстоятельства изменились и я кончу их только к субботе. О подробностях при личном свидании.

А. Островский.

18

[25 мая 1851]

Михайло Петрович! Сделайте одолжение, отдайте брату деньги первого числа; а он мне перешлет в Кострому. —

Иначе мне не с чем будет вернуться.

25 мая. *А. Островский.*

19

[Конец августа — начало сентября 1851]

Статья от Евгения Николаевича послана к Вам через контору; известие о бенефисе Садовского остановилось по тому, что послано к нему на рассмотрение. Завтра поутру я пришлю его Вам по городской почте. Необходимо нужно посоветоваться о последней книжке Современника; и потому назнач[ь]те день, когда к Вам приехать.

А. Островский.

20

[Конец августа — начале сентября 1851]

Михайло Петрович прикажите набрать это в Московские известия, да нельзя ли повиднее, т. е. с начала. Теперь еще успеют, потому что

и у Готье еще дела много. Я на этой неделе побываю у Вас; а то в эти дни было очень несвободно. — Если Вам будет угодно сделать какие нибудь поправки, то ни я, ни Садовский не будем в претензии.

А. Островский.

21

[Конец августа — начало сентября 1851]

Объявление я вам пришлю или привезу в четверг. Писать мне какие-либо другие вещи для «Москвитянина», кроме художественных очень тяжело, вследствие разных сплетней, которые мы пригрели при журнале и которые помаленьку отодвигают нас от вас. Пиэс обещанных вы насчитали много: Плавтова комедия готова и печатайте ее хоть сейчас; «Бедная невеста» была готова еще летом, сцены из русской жизни я уже начал; только Александра Макед[онского] вам придется подождать. Вы знаете, в какое положение я был поставлен в начале нынешнего лета критиками, и потому мне хочется выступить с чем нибудь важным, совершенно доделанным. Мелкие вещи я боюсь пускать. «Бедную невесту» я вам доставлю скоро и две или три сцены из русского быта. А впрочем всетаки надобно поговорить лично, потому что, как я вижу, дела начинают запутываться.

Готовый к услугам *А. Островский.*

22

Пятница 21 сентября [1851]

Михайло Петрович! Я в крайности, в какой не дай бог быть никому. Если Вы считаете для себя обязательным то условие, которое было между нами, то Вы мне должны 75 руб. сер., которые мне завтра неотразимо нужны; если не считаете, то я Вам должен. В последнем случае прошу Вас счесть мой долг и надеюсь, что Вы не откажете мне принять в уплату экземпляры комедии, а остальной долг счесть за мной до 1-го генваря, по какому вам будет угодно обязательству. К этому времени, принимая в расчет усиленную мою работу и значительность оканчиваемых произведений, я надеюсь вполне расплатиться с Вами. Извините меня, ради бога, если письмо мое покажется Вам жестким; примите в соображение мое положение. Я горьким опытом убедился, что в таком неопределенном состоянии нельзя быть человеку нуждающемуся в душевном спокойствии не только для художественной работы, но и для нравственной чистоты, что я считаю самым первым благом и без чего мне быть тяжелее всего на свете. Завтра утром я буду ожидать Михайло Петрович более всего денег, потом уж какого нибудь решительного ответа, который мне почти также необходим, как деньги. Надеюсь, что Вы недолго оставите меня в мучительном ожидании. Еще раз прошу у Вас извинения; но делать мне больше, ей богу, нечего.

Ваш *А. Островский.*

Если Вам угодно будет дать мне денег, то напишите. Я или сам приеду завтра *или пришлю.*

23

[3 ноября 1851]

Михайло Петрович! Наступает время холодное, ни шубы ни чего теплого у меня нет. Я простудился в середу, когда ехал от Вас в холодном пальто. Пришлите мне денег ради бога, или напишите мне завтра, т. е. в субботу, когда к Вам прислать за ними. Комедия позамешкалась несколькими днями, потому что я слышал комедию Писемского и нашел нужным свою подкрасить несколько, чтобы не краснеть за нее. Меня мучает ужасно переписка ее, я просто боюсь глаза потерять. Я на днях привезу ее к Вам почитать, и потолкуем об ней.

А. Островский.

24

[Ноябрь 1851]

Михайло Петровичь!

Я приезжал к Вам поговооить о моей пиэсе и попросить денег, нужных для моего существования.

А. Островский.

У меня нет дров и топить нечем.

25

[11 января 1852]

Михайло Петровичь! Ради бога пришлите денег, крайность необыкновенная. У вас теперь есть деньги и главной причины к отказу т. е. не имения, нет, а все остальные причины должны сконфузиться перед моей нуждой. Кроме шуток мне необходимо нужно нынче вечером или завтра утром 15 руб. сер. — Сделайте такую милость, пришлите в контору я туда заеду завтра поутру рано.

Ваш *А. Островский.*

11 Генваря.

26

Середа, 30 января [1852]

Михайло Петрович, завтра, т. е. в четверг, я Вам сдам невесту; не удивляйтесь, что я поступаю с ней не по-христиански, а по-азиатски, т. е. хочу взять с Вас калым за нее. До сих пор хоть денег у меня не было, так комедия лежала на столе; а теперь ни комедии не будет, ни денег, на что ж это похоже! Что ж я буду за человек! У всякого человека с большим трудом соединяются и большие надежды; мои надежды очень ограниченны: мне бы только расплатиться с необходимыми долгами, да на счет платьишка кой-какого — и всего-то 100 руб. серебр. (а об остальном потолкуем и сочтемся). Я бы с Вас за эту комедию ничего не взял, да нужда моя крайняя. В пятницу 1-ое число, к которому мне необходимы деньги. Пожалуйста, Михайло Петровичь, завтра, ради бога. Я боюсь, чтобы мое письмо не подействовало на Вас так же дурно, как письмо Писемского; но вы рассудите, что мое дело совсем другое.

Ваш слуга *А. Островский.*

P. S. Михайло Петровичь. Если нет места для меня, так найдете мне какую нибудь работу; я в очень затруднительном положении.

27

8 марта [1852]

Михайло Петровичь! Я бы поехал к Вам сам, да не могу, потому что нездоров и сверх того у меня умирает сестра — более трех дней она никак не проживет. Оттиски готовы. Как Вам угодно будет распорядиться с ними? Возьмете ли Вы их себе? Если возьмете, то напишите на каких условиях. Если нет, то позвольте мне распорядиться с ними по моему усмотрению. — Я уступлю их Вам очень дешево: 50 экземпляров я возьму себе; а за остальные 600 руб. сер. с тем, чтобы 300 руб. Вы мне выдали в продолжении 3-х месяцев: 100 руб. теперь, 100 руб. 1-го Апреля, 100 руб. 1-го Мая: а остальные 300 руб. зачли за долг мой, а также и ту сумму, которую Вы сочтете приличною за помещение комедии в Москв[итянине], вычтя из нее 110 руб. сер., которые я получил. Если Вы согласны, то пришлите завтра с братом по крайней мере 75 руб. сер., а остальные 25 на будущей неделе; если не согласны, то пришлите, ради бога, 10 руб. сер. и позволение распорядиться оттисками, как я хочу. Еще Вас прошу, примите это письмо так, как оно есть, без всякой задней мысли, я теперь обдумывать решительно не в силах. В Апреле будет Вам готова драма

из Русской жизни, которую я давно начал, и Вы можете об ней объявить так: В редакции получены «Картины из русского старого быта» несколько драматических пиэс А. Островского. — Ваш *А. Островский.*

28

[11 апреля 1852]

Михайло Петрович! Я не отвечал на Ваши письма потому, что все еще сбираюсь с духом, так Вы меня озадачили. В воскресенье или понедельник я постараюсь с Вами объясниться. А пока пришлите мне завтра через Контору денег, сколько Вы признаете удобным, только без обиды; перед праздниками Вы мне прислали мало; а я по случаю своего рожденья истратил довольно. Пишу к Вам из конторы на бумаге, какая попалась.

Ваш *А. Островский.*

11 Апреля 1852 г.

29

[Апрель — май 1852]

Михайло Петрович! Уведомьте меня, когда мне можно будет повидаться с Вами. Мне нужно с Вами поговорить о том, что Вы мне писали.

Ваш *А. Островский.*

30

15 Мая 1852 г.

Михайло Петрович! Недоразумения у нас с Вами, я думаю, никогда не кончатся, благодаря неясности отношений, моей беспечности, посторонним людям и проч. На то, что Вы мне писали, т. е. получать от Вас 20 руб. в месяц, я не могу согласиться, по совершенной невозможности. Забывая оскорбления, которых довольно в Вашем письме, я могу согласиться только на следующее: Вы мне будете платить по 30 руб. сер. каждый месяц, взявши экземпляры за что Вам будет угодно. — К 1-му сентября Вы мне приготовите некоторую сумму единовременно, о которой мы после условимся, за новую комедию, которую я Вам доставлю вероятно ранее. Если Вы согласны на это, то пришлите мне в пятницу, т. е. 16-го числа или в субботу 30 руб. сер. за май; если же несогласны, то уведом[ь]те меня тоже поскорее. Я у Вас просил 50 экземпляров комедии для раздачи, из конторы получил только 30, хотя они считают 40; так прикажите выдать остальные, хотя уж по их счету, т. е. 10. Я еще не давал цензору, который, как я слышал, весьма желает, и другим нужным людям.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

31

15 мая 1852 г.

Михайло Петрович! Я не могу у Вас быть сегодня, потому что мне очень нездоровится. Я приеду или в четверг со всеми, если поедут, или в пятницу утром.

А. Островский.

20 Мая 1852 г.

32

[1852]

Михайло Петрович! Один мой знакомый едет в Суздаль и берет меня с собою для компании. Мы проездим дней 5. Не дадите ли Вы мне каких нибудь писем, там, кажется, Уваров. —

А. Островский.

33

[Конец мая 1852]

Михайло Петрович! Пользуюсь случаем написать Вам. Я все сбирался к Вам для приведения в ясность наших счетов; но, по безденежью, должен отправиться по подобию богомольцев, а Вы представ[ь]те себе: дальность

пути, жар, расстроенное здоровье и возможность не застать Вас дома. Считаться нам недолго: у Вас все записано, что я взял; а что я сделал, также известно и на Ваши условия относительно Бедной невесты я согласен. — Значит, при удобном случае мы можем кончить счет в 10 минут. Но чем бы ни кончился наш счет, вспомните, Михайло Петрович, что я не могу существовать без 30 целковых в месяц. К тому же вследствие родительских распоряжений, мне, кажется, придется покинуть отчий дом, в котором я жил почти 30 лет и который отдается в наймы (хотя можно бы ограничиться доходом с 5 и оставить несколько комнат детям). Тогда нам с братом придется скитаться по квартирам. Прошу Вас, Михайло Петрович, сделайте так, чтобы я знал, что каждое первое число я имею 30 руб. сер. Последняя моя просьба и последнее Ваше одолжение — это: дайте мне еще 15 руб. за Май, чтобы вышло ровно 30. Я в четверг буду у Вас.

Ваш слуга *А. Островский.*

34

[Конец мая 1852]

Михайло Петровичь!

Вы были так добры, что дали мне тогда 15 руб. Значит Вы согласились на мою просьбу; это меня несказанно радует; в наш век сомнений я буду иметь твердое548 вернованье в 1-ое число. Пришлите с сим знакомым Вам посланным. Я сам сижу за работой пока прилежно, а дальше что бог даст.

Ваш *А. Островский.*

35

[Июль 1852]

Михайло Петровичь! Перед моим отъездом из Москвы получил от Вас 20 руб. сер. и письмо, в котором Вы пишете, что больше давать не можете. Уезжая я просил Филиппова поговорить с Вами, что мне на эти деньги жить невозможно; приехав я не застал Филиппова в Москве и результат разговора мне неизвестен, равно и то, сделали ли Вы какое нибудь распоряжение о выдаче мне денег в Ваше отсутствие. Сделайте милость, уведом[ь]те меня об этом и пришлите мне деньжонок через контору.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

36

[9—10 августа 1852]

Михайло Петровичь. Посылаю вам статью Рамазанова; он просит напечатать ее в изящной словесности. Я думаю, это можно сделать; потому что она невелика. Пришлите мне какого-нибудь переписчика. Если я сам стану переписывать, то кончу не ближе будущего нового года, во 1-х потому, что 50 листов; а во 2-х потому, что я буду по часу думать над каждой строкой, нельзя ли ее как поправить. — Это уж моя страсть.

А. Островский.

37

[Конец сентября 1852]

Михайло Петровичь! Бог мне помог написать хорошую комедию; но Вам я ее прочту только тогда, когда совершенно отделаю. Я дней 5 посижу дома и займусь ей; а Вы мне, Михайло Петровичь, пришлите деньжонок, мне очень нужно.

Ваш *А. Островский.*

38

[Конец сентября 1852]

Михайло Петровичь! Вот мои обстоятельства: в прошлом году за свои прежние долги (когда я еще не имел средств к жизни, я задолжал одному приятелю некоторую сумму и потом мой брат брал у него без моего ведома) я дал заемное письмо в 200 руб. сер. На этой неделе был срок; сколько

я ни просил его подождать до совершенного окончания моей комедии, он не соглашается, и, если я ему не доставлю завтра денег, он хочет представить его ко взысканию. Я должен еще дня три заняться своей комедией и прежде совершенной отделки ее не хочу к Вам являться да и не могу, потому что болен. Выручите меня из такой беды, об которой мне и подумать страшно. — Больше я ничего не могу писать, Михайло Петровичь, примите только к сердцу мое положение.

Ваш *А. Островский.*

39

[1852 г.]

Михайло Петровичь! Извините меня, что я опоздал. Я больнехонек, не выезжаю из дому и только теперь успел обделать дела. Посылаю Вам то, что обещал. Мне хотелось бы, Михайло Петровичь, узнать только одно — узнать, кто поселил в Вас то мнение, которое Вы имеете обо мне. —

А. Островский.

40

[19 ноября 1852]

Отправлена в театральную цензуру моя новая пиэса. Если можно, то замолвите о ней словечко кому следует. Против нее, как мне известно, уже начинаются интриги.

41

[Вторая половина ноября — декабрь 1852]

Я получил ужасное известие. По именному повелению, запрещено играть новые пиэсы в Москве, а только игранные в Питере. Граф Закревский писал о «Лабазнике», что он по поводу его боится возмущения в театре и потому «Лабазник», по именному повелению, запрещен, потому же последовало и новое предписание.

42

[Вторая половина ноября — декабрь 1852]

Дело чрезвычайной важности. По докладу Гедеонова, Государь отменил прежнее приказание, т. е. чтобы пиэсы прежде шли в Петербурге, а велел оставить по старому. Мы этому все обрадовались! Но теперь, по донесению графа Закревского, что моя комедия имеет много общего с «Лабазником», она потребована к Гедеонову. Михайло Петрович, похлопочите еще раз за меня, напишите к Гедеонову сыну, чтобы он походатайствовал у отца, чем вы меня обяжете очень много. И вы мне, Михайло Петрович, советуете ехать в этот Петербург!

43

Марта 28 [1853]

Михайло Петровичь! Борис мне передал Ваш совет относительно посвящения комедии. Я вполне согласен и благодарен от души. Распорядитесь, как Вам будет угодно; а я свалю эту вину на себя и извинюсь перед Графиней отъездом. При отдельном издании надобно будет приложить листок опечаток, которых много. — Вы распорядитесь, а я займусь этим. Мне бы нужно было поговорить с Вами о многом, но я нездоров, да слышал, что и Вы тоже. Дело неспешное, можно отложить. Будьте здоровы!

Ваш *А. Островский.*

44

[25 Сентября 1853]

Михайло Петровичь, я теперь понемногу поправляюсь, но еще не выезжаю. Пролежал я ровно месяц. Дух покоен, как всегда после значительной болезни. Экземпляры не посланы в Петербург, потому что переплетчик опоздал и Вы уехали раньше, чем хотели. «Бедная невеста» прошла хорошо, исполнением я почти доволен, публика совершенно довольна, ус-

М. П. Погодин.

пех первого представления был едвали не больше, чем «Саней», актеров вызывали не только после действий, но и в продолжение действий по нескольку раз.

Я теперь занят делом. Писемский проездом из Костромы прожил у меня дня четыре. Он написал две повести очень миленькие. Теперь он в Петербурге, и должен скоро воротиться. Потехин оставил *мне* повесть, с тем чтобы я достал ему денег. Я сам должен отвечать ему. Уведомьте меня, берете ли Вы ее для Москвитянина. Я Вам писал, что он в крайнем положении. Ему нужны деньги или самый скорый ответ.

Готовый к услугам *А. Островский.*

25 Сентября 1853 г.

45

[30 Сентября 1853]

Михайло Петрович, извините меня, я, будучи совершенно занят окончанием моего последнего труда, не разобрал давеча хорошенько вашего письма. Теперь я его понял. — Вот что хорошо бы написать в Петербург:

1) что я очень нуждаюсь в средствах, что это можно поправить, давши мне место в Москве. (Преимущественно по дворцовому ведомству и хорошо бы при театре).

2) Поднести государю и царской фамилии экземпляры «Саней».

3) Похлопотать о пропуске новой комедии, которая пойдет в Петербурге в Октябре.

О первой комедии я не желал бы хлопотать потому: 1) что не хочу нажить себе не только врагов, но даже и неудовольствия; 2) что направление мое начинает изменяться; 3) что взгляд на жизнь в первой моей комедии мне кажется молодым и слишком жестким; 4) что пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим. Первым образцом были «Сани», второй оканчиваю.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

30 Сентября, вечером.

46

[4 октября 1853]

Михайло Петрович, позвольте мне побывать у вас с Писемским. Мне тоже нужно поговорить с Вами, вот уже более полугода, как я ничего не знаю о Ваших намерениях относительно журнала. — Отвечайте на мое имя, Писемский остановился у меня.

Ваш слуга *А. Островский.*

47

[15 октября 1853]

Михайло Петрович, к Вам завтра приедет молодой человек Осипов, товарищ Писемского, человек очень даровитый. Он хочет отдать Вам комедию свою. Прочитайте ее или попросите его прочитать, во всяком случае вы убедитесь, что его комедия произведение очень замечательное и по задаче и по уму, с каким она сделана. —

А. Островский.

48

[16 октября 1853]

Михайло Петрович! Мне пришло в голову иначе повести дело. Я написал к Гореву и просил его самого отказаться от того, что он распространяет: если же не успею в этом, то последую Вашему совету. Я страшно расстроен. Чего они хотят от меня. Ваш покорнейший слуга.

А. Островский.

49

[17 октября 1853]

Михайло Петрович, я едва ли могу быть у Вас сегодня, я не совсем здоров и очень занят. Извините меня перед Бергом. Теперь слух распространился только в литературном обществе и его можно будет поправить письмом от Горева, которого я жду; я замечал в нем прежде довольно благородства. Я к Вам пришлю копию с письма моего к Г[ореву], покажите ее между прочим и Степану Петровичу, мне не хочется, чтобы клевета смутила и его. Если мы напечатаем, тогда заговорят в Москве все лавочники, заговорят и за Москвой, где уважают меня. Вот в какое положение я поставлен! Враг правды и его деятельные комиссионеры торжествуют.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

50

[Суббота 24 октября 1853]

Михайло Петрович, комедия окончена, дело теперь только за перепиской, ее нужно будет поскорее печатать. Между тем мне нужно с Вами подробно поговорить о «Москвитянине» и о наших намерениях. Напишите, можно ли мне к Вам приехать в понедельник утром пораньше. Еще Михайло Петрович мне необходимо нужны деньги, пришел срок взносить в Опекунский совет за имение, мне нужно 150 руб. сер. Жду Вашего ответа.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

Суббота, 24 октября

51

[2 декабря 1853]

Милостивый Государь, Михайло Петрович. Вот и опять торжество, и торжество небывалое. Успех последней моей комедии превзошел не только мои ожидания, но даже мечты мои. Я очень рад такому сочувствию, оно меня вознаградило за неприятности, перенесенные мною в последнее время. Я получаю блистательные предложения, но не решусь отдать никому, прежде нежели узнаю от вас, желаете ли взять мою комедию и на каких условиях. Вы меня, Михайло Петрович, очень оскорбили, показавши ко мне недоверие и отказавши мне в пустяках в самую критическую минуту для меня.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

Декабря 2-го

52

[Четверг 3 декабря 1853]

В одном, в чем Вы меня упрекаете, я действительно виноват. Я не читал у Вас своей комедии. Но до сих пор у меня не было ни одного свободного вечера и ехать к Вам я был должен не наверняка, не зная застану ли Вас дома и свободны ли Вы. Во всяком случае я должен у Вас прочитать комедию, я это знаю и прочитаю. — Я, Михайло Петрович, рад всячески служить Москвитянину; но мне надобно жить чем нибудь. — Теперь для меня деньги очень нужны, мне нужно ехать в Петербург сделать сделку с Театральной Дирекцией — это самое важное дело для меня. — Мне и прежде делали блистательные предложения, но я их не принимал; а теперь если приму, то меня едва ли кто обвинит. По рассчетам, какие я делал, мне меньше 600 руб. сер. взять никак нельзя, концов не сведешь. Мне уж дают тысячу. В моем положении отказываться от такой

суммы порядочное геройство; но во мне еще не все хорошее захламостилось, как Вы говорите, и я охотно откажусь от лишнего, если буду иметь необходимое.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

Четверг 3 декабря.

53

[13 мая 1854]

Ваше Превосходительство
Михаил Петрович!

Жена А. Ф. Писемского просила меня написать Вам об альбомах П. П. Свиньина, которые находятся у Вас: если Вы их оставите у себя, — заплатите ей деньги; если нет — вручите подателю сей записки для доставления ей. Она завтра из Москвы уезжает.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

13 мая 1854 года.

54

[Конец ноября — декабрь 1855]

Милостивый Государь
Михайло Петрович.

Я до сих пор не имею оттисков пиэсы «Не так живи, как хочется». Без Вашего приказания в типографии ничего не сделаешь; почему покорнейше прошу Вас распорядиться, чтобы оттиски были мне доставлены в возможно скорейшем времени.

Ваш покорнейший слуга *А. Островский.*

55

[11 ноября 1859]

Милостивый Государь
Михайло Петрович.

В Воскресенье читать пиэсу нельзя, потому что она идет в Понедельник на театре да и я не совсем здоров, простудился дорогой. Во всяком случае чтение надо отложить до более удобного времени; теперь я очень занят репетициями. В Петербурге нового хорошего ничего не слыхать. Я постараюсь побывать у Вас на днях, если поправлюсь.

Душевно преданный Вам *А. Островский.*

11 Ноября
1859 г.

КОММЕНТАРИИ

Письма 1 и 2

Оба эти письма не датированы. На оригинале, очевидно, музейная нумерация: №№ 13 и 14. Ввиду того, что в письме № 14 говорится: «За Плавта примусь», а в письме № 13: «Я занимаюсь теперь Плавтом», хронологический порядок этих писем должен быть обратный. Упомянутая в письме «Одарка» — это «Одарка-Квочка», повесть Е. Э. Дрианского, напечатанная в «Москвитянине» за 1850 г. (№ 17, сентябрь, кн. 1, и № 18, сентябрь, кн. 2). Цензурное разрешение на кн. 1 подписано цензором В. Лешковым 31 августа 1850 г. С другой стороны, в № 15 (август, кн. 1, отд. VI, смесь, стр. 42) напечатано такое извещение: «Из числа новых полученных статей в следующих книгах будут помещены... «Одарка-Квочка», повесть г. Дрианского». Цензурное разрешение на № 15 подписано цензором Н. Зерновым 31 июля 1850 г. Следовательно, настоящее письмо должно быть датировано: конец июля — начало августа 1850 г.

«Повесть Писемского»... — вероятно, его повесть «Тюфяк», которая была напечатана в «Москвитянине» за 1850 г. (№№ 19, 20 и 21).

Статья о «Греческих стихотворениях» Н. Ф. Щербины напечатана в «Москвитянине» за 1850 г. (№ 15, август, кн. 1, отд. IV, стр. 69—82).

«Сосулькин» — это рассказ: «Признания моего знакомого», напечатанный за подписью Н. И. Л. в «Москвитянине» за 1850 г. (№ 24, декабрь, кн. 2, отд. VI, смесь, стр. 43—78). Доказательством этого служат следующие выдержки из рассказа:

1) «Действуя таким образом [говорит герой рассказа], я сам наконец убедился в своем полном разочаровании и признал себя за действительного Чайльд-Гарольда; почему на записках к моим приятелям без зазрения совести стал подписываться не Сосулькин, а Чайльд-Гарольд или Печорин» (стр. 45).

2) «Труд мой кончен. Не знаю только, успел ли я в своем намерении доказать этими признаниями всему свету: почему я теперь не Чайльд-Гарольд, а Сосулькин?» (стр. 78).

3

На первой странице письма, над последней строкой, внизу, в правом углу имеется дата, написанная теми же чернилами, что и письмо: «2 мар. 1850». Но вряд ли это дата письма. В нем Островский упоминает об остальных экземплярах своей комедии. Несомненно, что здесь идет речь о комедии «Свои люди — сочтемся», а эта комедия была напечатана в «Москвитянине» за 1850 г. (№ 6, март, кн. 2). Возможно, что пометка: «2 мар. 1850» является простым указанием на 2-ю книжку «Москвитянина» за март 1850 г. С другой стороны, намерение кончить к сентябрю драму указывает на возможность другого датирования настоящего письма. Конечно, данное письмо писано позднее писем 1-го и 2-го, так как в нем Островский обещает на-днях кончить «Азинарию», комедию Плавта, а в тех он пишет, в одном, что только собирается приняться за Плавта, а в другом, что занимается им. Следовательно, настоящее письмо должно быть отнесено к августу 1850 г.

Какую пьесу писал Островский к бенефису П. М. Садовского, установить не удалось: с 1851 до 1856 г. ни одна пьеса Островского не шла в бенефис Садовского. Но возможно, что здесь имеется в виду комедия «Бедность не порок».

4

Данное письмо связано с предшествующими: и здесь и там говорится об оставшихся экземплярах комедии Островского «Свои люди — сочтемся». Следовательно письмо относится к сентябрю 1850 г., как оно и датировано в оригинале Н. П. Барсуковым.

Письмо любопытно как документ, свидетельствующий о том, как слабо расходилась в тот момент в продаже знаменитая комедия драматурга: за 5 месяцев в Москве было продано всего 35 экземпляров.

5

В. И. Родиславский (1828—1885) — чиновник, правитель канцелярии московского генерал-губернатора, переводчик и переделыватель пьес, служивший в дирекции императорских театров, впоследствии вместе с Островским инициатор создания общества русских драматических писателей.

«Драматический сборник» — вероятно, «Драматический альбом», издание П. Н. Арапова и Августа Роппольта (М., 1850). Статья о нем за подписью Л. Л. (по указаниям Н. П. Барсукова, так в журнале Погодина подписывался М. А. Дмитриев) напечатана в «Москвитянине» за 1851 г. (№ 3, февраль, кн. 1, стр. 428—447). Таким образом, данное письмо должно быть датировано: «Январь 1851 г.», как его датировал и Н. П. Барсуков. Что касается Эдельсона, то он ни о каком художественном сборнике или альманахе в «Москвитянине» за 1851 г. не писал.

Что это за статья «Костромская свадьба» — установить не удалось.

6

Настоящее письмо, вероятно, является ответом на 11-е письмо Погодина (см. «Неизданные письма... из архива Островского»), который приглашал Островского к себе в пятницу или субботу, — «чтоб поговорить пояснее и определить поточнее —

ибо научные и литературные определения так же необходимы», а драматург писал: «а завтра (т. е. в пятницу) я явлюсь для окончательных переговоров».

Барсуковым письмо датировано: «1851, янв.». Конечно, письмо относится к 1851 г.; что же касается месяца, то, мне думается, правильнее будет отнести письмо к февралю. Из сопоставления писем 6-го, 7-го и 8-го видно, что 6-е и 7-е писаны до приезда А. Ф. Писемского, т. е. в первой половине февраля 1851 г. Среда, упоминаемая в письме, вероятно, последняя в январе. Письмо писано в четверг, т. е. 1 февраля 1851 г. Обещал драматург быть у Погодина завтра — в пятницу, т. е. 2 февраля.

7

Упоминаемое в письме «дело» — это, конечно, вопрос о передаче «Москвитянина» «молодой редакции», а потому настоящее письмо должно быть датировано: «Февраль 1851 г.». «Приехал от Вас», вероятно, после посещения Погодина — 2 февраля 1851 г., в пятницу. Обещал быть вторично в четверг, т. е. 8 февраля. Таким образом, точнее письмо датируется: «5—6 февраля 1851 г.».

На оригинале рукою Барсукова написана дата: «1851 г.».

На наружной стороне письма адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину».

8

Островский обещал быть у Погодина в четверг 8 февраля 1851 г. Настоящее письмо начинается словами, что он собирался итти к нему, но не пошел из-за приезда Писемского. Поэтому настоящее письмо датируется: 8 февраля 1851 г. В № 3 «Москвитянина» за 1851 г. была как раз помещена рецензия Островского на альманах стихотворений: «Поэтические эскизы». В следующем номере никакой рецензии Островского помещено не было.

Письмо свидетельствует о том, до какой степени мягко вел дело драматург с Погодиным, благодаря чему между ними определенные отношения не установились и возникали недоразумения. Только через год Островский в письме от 15 мая 1852 г. откровенно высказал это Погодину.

Частично данное письмо использовано Барсуковым. См. «Жизнь и труды Погодина», т. XI, стр. 411.

9

В этом письме, несомненно, идет речь о повести А. Ф. Писемского: «Сергей Петрович Хазаров и Мари Ступицына. Брак по страсти». В феврале 1851 г. Писемский заключил с Погодиным договор на печатание названной повести и других его произведений в «Москвитянине», 12 февраля 1851 г. на вечере у Погодина он прочел сцены из комедии «Ипохондрик» и две главы именно из повести «Брак по страсти» (см. «Москвитянин» 1851 г., № 4, февраль, кн. 2. Современные известия, стр. 244—246). В письме Островский пишет: «мы ужо к Вам приедем часов в 6-ть». Не было ли это как раз 12 февраля? Ясно, что, если нельзя данное письмо датировать точно: «12 февраля 1851 г.», то, во всяком случае, его можно датировать: «9—12 февраля 1851 г.».

На наружной стороне письма адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину. Нужное».

На оригинале дата карандашом рукою Барсукова «1851».

10

Думать, что в данном письме идет речь о той же повести Писемского, что и в письме № 1, а потому и датировать письмо 1850 г. невозможно, так как в 1850 г. Писемский не был в Москве. Он приезжал сюда в феврале 1851 г. и в это время, как выше было сказано, читал главы из своей повести «Брак по страсти» и сцену из «Ипохондрика». Вероятно, об этой повести идет речь в данном письме, которое поэтому можно датировать: «февраль 1851 г.».

11

Настоящее письмо напечатано Барсуковым (т. XI, стр. 410—411) с пропусками. Напечатавший его полностью Н. М. Мендельсон в книжке «А. Н. Островский в воспоминаниях современников и его письмах» (М., 1923, стр. 106—107) не обратил внимания на то, что в оригинале в дате цифра «4» исправлена на «5». Дата почтового штемпеля «25». Этим числом, таким образом, датируется письмо.

Мендельсон в примечании к письму писал о том, что здесь идет речь о переговорах, связанных с попыткой молодой редакции «Москвитянина» взять журнал в свои руки и поставить во главе его Островского, и о том, в каком тяжелом положении был этот кружок. Островский спрашивал Погодина, может ли он дать ему 50 руб. сер. в месяц за простое сотрудничество. Ответом на это письмо служит 24-е письмо Погодина, в котором он писал: «я готов, пока могу, выдавать вам по 50 руб. сер. в мес.». В этом ответе вставлено чрезвычайно коварное «пока могу», потому что впоследствии (см. письмо 30 от 15 мая 1852 г.) он предложил драматургу только 20 руб. в месяц, и тот соглашался уже на 30 руб. месячного гонорара.

На наружной стороне адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле в собственном доме».

12

«Бедная невеста» напечатана в «Москвитянине» за 1852 г., № 4. О том, что она будет напечатана, опубликовано в общем Объявлении о подписке на журнал на 1852 г., как раз в первой сентябрьской книжке «Москвитянина», № 17, 1851 г. (объявления, стр. 66). Праздник — это, конечно, «пасха», которая в 1851 г. приходилась на 8—14 апреля. А так как Островский просит «приготовить деньги немного ранее первого числа», «к празднику», то следовательно настоящее письмо должно быть датировано: «Конец марта 1851 г.», а не «1852 г.», каковая дата написана в оригинале рукою Барсукова. Если «середу», когда драматург хочет прислать к Погодину брата своего, М. Н. Островского, принять за последнюю среду перед 1 апрелем, т. е. 28 марта, то письмо можно датировать: «25—26 марта 1851 г.».

13 и 14

Эти два письма, несомненно, связаны друг с другом, так как и во втором из них идет речь все о той же «Комете» — учено-литературном альманахе, изданном Н. Щепкиным в 1851 г. Извещение о выходе этого сборника с полным указанием его содержания помещено в «Москвитянине», 1851 г. (№ 8, апрель, кн. 2, стр. 395—396). Статьи о «Комете» напечатаны в «Москвитянине» за 1851 г. (№ 9—10, май, кн. 1 и 2, и № 11, июнь, кн. 1). Статьи эти хотя и объединены одним общим заглавием, имеют каждая свое заглавие и принадлежат различным авторам, а именно А. А. Григорьеву (подпись Г.), М. П. Погодину (подпись М. П.), Е. Н. Эдельсону (подпись Е.) о драматическом этюде Островского и неизвестным авторам, скрывшимся за подписями — Ъ и У. Безусловно, ни одна из этих статей о «Комете» Островскому не принадлежит. Очевидно, у него «всетаки выходило скверно», и он ничего о «Комете» не писал.

Настоящие письма, таким образом, должны быть датированы: «Конец апреля 1851 г.». Несомненно, что они оба писаны до печатания № 9—10 «Москвитянина» за 1851 г., т. е. в апреле, а не в мае, как датировал в оригинале второе письмо Барсуков.

Пьеса Островского — это его драматический этюд «Неожиданный случай», напечатанный в «Комете», а не комедия «Бедная невеста», как думал Барсуков, напечатавший первое из этих писем без начала и конца.

Ввиду сказанного выше, очевидно, Островским ничего «к завтрашнему утру» не было приготовлено, и, кроме его рецензий в №№ 3 и 7, более никаких его статей в «Москвитянине» за 1851 г. напечатано не было.

О какой повести Дементьева идет здесь речь, точно установить невозможно. В «Москвитянине» за 1851 г. (№№ 19 и 20, октябрь, кн. 1 и 2, смесь, стр. 230—264) напе-

чатан: «Левка Бобыль. Деревенские очерки», В. Дементьева. Это ли имел в виду в своем письме Островский, неизвестно.

На наружной стороне второго письма адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину».

15

Комедия, в которую драматург уже «втянулся», — «Бедная невеста», которая писалась в 1851 г. Барсуков правильно датировал письмо: «1851, апрель». Евгений Николаевич — Е. Н. Эдельсон.

16

Ввиду того что в предшествующем письме говорится о приближении 1-го числа, данное письмо возможно отнести уже к следующему месяцу, т. е. к маю 1851 г. Так же датирует письмо и Барсуков.

В оригинале после слова «жду», употребленного вторично, запятой нет, но по смыслу она должна быть здесь, а не после слов: «со вторника». Как раз во вторник приходилось 1 мая 1851 г.

17

В настоящем письме идет речь все о той же комедии «Бедная невеста», а потому письмо относится к 1851 г. По сопоставлении с предшествующими двумя письмами его, мне думается, скорее можно отнести к маю этого года, а не к апрелю, как это сделал Барсуков. Ввиду этих соображений письмо датируется: «Май 1851 г.». Первые две субботы в мае 1851 г. приходятся на 5 и 12 мая. О какой субботе здесь говорится, неизвестно.

На наружной стороне письма адрес: «Его Высокородию Михаилу Петровичу Погодину».

18

Писемский, как видно из его письма к Погодину от середины июня 1851 г., виделся с Островским, очевидно, в Костроме, где Писемский служил асессором губернского правления. Следовательно возможно, что настоящее письмо, в котором косвенно сообщается о пребывании Островского в Костроме, относится именно к этому же 1851 г.

Брат драматурга — М. Н. Островский.

19 и 20

Эти два письма связаны друг с другом, так как в обоих идет речь об извещении о бенефисе П. М. Садовского, который выбрал на этот раз «Короля Лира». Извещение это было напечатано в «Москвитянине» за 1851 г. (№ 7, сентябрь, кн. 1, Московские известия, стр. 62—63. Цензурное разрешение от 13 сентября 1851 г.). Следовательно, оба письма относятся к концу августа — началу сентября 1851 г.

Автором этого сообщения о бенефисе надо признать Т. И. Филиппова, статья которого в бенефисе Садовского напечатана в «Москвитянине» за 1851 г. (№ 21 ноябрь, кн. 1, Московские известия, стр. 53—55). В начале этой статьи он пишет: «Объявляя предварительно о бенефисе Садовского, мы выразили свои надежды на его успех в том убеждении, что в таланте нашего знаменитого артиста мы знаем такие полезные черты, которые не позволяют нам ограничивать круг его деятельности областью комического».

Ясно, что и предварительное сообщение и статья о бенефисе Садовского писаны одним лицом. Но, конечно, в извещении и в статье выражено общее мнение всей «молодой редакции».

Статьи от Евгения Николаевича Эдельсона — это обзор журнала «Библиотека для чтения» (июнь и июль, №№ 6 и 7), напечатанный в «Москвитянине» за 1851 г. (№ 17, сентябрь, кн. 1, стр. 172—175, т. е. в той же книге, где напечатано извещение о бенефисе П. М. Садовского).

В том же № 17 «Москвитянина» (стр. 156—172) напечатана за подписью Г.

(А. А. Григорьев) статья: «Современник» № VIII, август». Можно предположить, что статья относится к последней книжке «Современника», о которой упоминается в первом из этих писем.

Готье — владелец типографии, в которой печатался «Москвитянин».

21

Здесь имеется в виду «Объявление о подписке на «Москвитянин» на 1852 г.», которое напечатано в «Москвитянине» за 1851 г. (№ 17, сентябрь, кн. 1, Отдел известий, стр. 63—68). Следовательно, и это письмо также относится к концу августа — началу сентября 1851 г.

Какие сплетни они пригрели при журнале, установить не удалось.

Здесь имеется в виду комедия Плавта: «Asinaria», прозаический перевод которой сохранился в бумагах Островского.

«Бедная невеста», как видно из дальнейших писем, сдана была Островским 31 января 1852 г.

Что касается «Александра Македонского», то, по справедливому замечанию Н. М. Мендельсона, «об этом раннем художественном замысле Островского идет речь в следующих строках письма П. И. Чайковского к брату (25 сентября 1868 г.): «На днях я обедал у Островского, и он сам предложил написать мне либретто. Сюжет его он уже планирует давно, двадцать пять лет, никому до сих пор не показывая и не решаясь отдать, и наконец избрал меня. Действие происходит в Вавилоне и в Греции, при Александре Македонском, который сам принимает участие в опере. Там сталкиваются представители двух классических наций: евреи и греки. Герой — молодой еврей, обманутый в любви к одной еврейке, предпочитавшей Александра из честолюбия, который в конце делается пророком. Ты не можешь себе представить, до чего эта канва великолепна!» (М. И. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского. Т. I, стр. 299—300).

22

21 сентября в пятницу приходилось в 1851 г. Поэтому и письмо датируется 1851 г.

Комедия, о которой здесь упоминается, вероятно, «Свои люди — сочтемся», экземпляры которой в отдельном издании к этому времени еще не были распроданы.

Одно из оканчиваемых произведений — комедия «Бедная невеста».

23

Упоминаемая в письме комедия — «Бедная невеста»; поэтому письмо датируется 1851 г., этим же годом оно датировано и Барсуковым. Дата почтового штемпеля — 3 ноября. Письмо писано в пятницу 2 ноября 1851 г., так как «завтра в субботу» в 1851 г. пришлось на 3 ноября.

Комедия Писемского «Ипохондрик» была доставлена Погодину в окончательном виде в октябре 1851 г. и напечатана в «Москвитянине» за 1852 г. Сцены из этой комедии А. Н. Островский слышал раньше. В своем письме к Погодину из Костромы от середины июня 1851 г. Писемский пишет: «С А. Н. Островским я виделся и читал ему мою комедию», но далее в том же письме он сообщает, что «Ипохондрик» почти дописан». Следовательно, в это время Островский знал «Ипохондрика» еще не в окончательном виде. Теперь же, в октябре 1851 г., он слышал ее целиком. Возможно, что после знакомства с ней он задумал переработать текст своей комедии «Бедная невеста» и, может быть, теперь написал «Расположение комедии», новый план I действия и 1-й сцены II, причем «расположение второго действия буквально совпадает с напечатанным текстом, первое действие почти буквально» (см. мои «Этюды об А. Н. Островском». Т. II, стр. 117).

Частично это письмо напечатано Барсуковым (т. XI, стр. 392). На наружной стороне письма адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме».

24

В данном письме, вероятно, идет речь о той же «Бедной невесте», как и в предыдущем письме. Поэтому его можно датировать ноябрем 1851 г.

25

На наружной стороне письма адрес: «Его Высокоблагородию Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме».

Письмо отнесено Барсуковым к 1852 г. Предположительно датируем письмо этим же годом.

26

Ввиду упоминания комедии «Бедная невеста» письмо датируется 1852 г.

Как понимать сумму 100 руб. сер.? Был ли это полностью предполагаемый гонорар за «Бедную невесту», как это думает Г. Т. Синохаев («Канва для биографии», стр. 317), или только аванс? Как видно из следующего письма, речь идет о последнем. Кроме того, в этом же письме Островский пишет: «а об остальном потолкуем и сочтемся», хотя, правда, тут же прибавлено: «я бы с Вас за эту комедию ничего не взял, да нужда моя крайняя». Между тем в своем письме к А. Н. Майкову от 8 мая 1854 г. Писемский пишет: «Островский за пятиактную комедию получил 500 р. сер.». Пятиактной комедией была только «Бедная невеста».

Письмо Писемского, дурно подействовавшее на Погодина, было от 22 января 1852 г. из Костромы, так как 21 февраля 1852 г. Писемский писал Погодину: «Вы напрасно огорчились моим последним письмом — я очень нуждаюсь».

Выражение в P. S.: «Если нет места для меня» обычно толкуют в том смысле, что нет места в журнале «Москвитянин» для его комедии. Но я думаю, что нет основания для такого толкования. Вероятно, в разговорах с М. П. Погодиным драматург не раз поднимал вопрос, как говорится, о месте, т. е. о службе, так как из-за комедии «Свои люди — сочтемся» он был принужден оставить службу в суде, хотя бы и плохо оплачиваемую; но четыре рубля, которые он там получал в месяц, представляли для него известную сумму.

Письмо было напечатано Барсуковым (т. XII, стр. 211) без конца и постскриптума; полностью напечатано Н. М. Мендельсоном.

27

Сестра А. Н. Островского — Наталья Николаевна (по мужу) Давыдова (род. 14 ноября 1824 г.) — умерла 13 марта 1852 г. Этим годом и датируется письмо.

«Оттиски готовы»... — речь идет об оттисках комедии «Бедная невеста».

В письме сообщается чрезвычайно интересное сведение о том, что «в Апреле будет готова драма из «русской жизни». Несомненно, здесь имеется в виду «Не так живи, как хочется», так как только к ней применимо название: «Картины из русского старого быта». Но, как известно, она была напечатана только в 1855 г., а до того времени были созданы «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок». Эта отсрочка объясняется тем, что «Не так живи, как хочется» представляла более трудную для обработки задачу, а нужда заставляла не откладывать в долгий ящик дело создания пьес, и потому приходилось браться за более легкие вещи, продолжая в то же время вынашивать более ранние, но более трудные замыслы.

28

На какие письма Погодина не отвечал Островский, установить невозможно: очевидно, они не сохранились в архиве драматурга. Как можно догадаться по письму от 15 мая 1852 г., Погодин «озадачил» его своим предложением получать за сотрудничество в «Москвитянине» вместо 50 руб. только 20 руб. в месяц.

День рождения А. Н. Островского 31 марта (12 апреля).

На наружной стороне письма адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину».

29

Сопоставив данное письмо с письмами 28-м и 30-м, можно думать, что и здесь идет речь о предложении Погодина о гонораре в 20 руб. в месяц. Поэтому письмо датируется: «Апрель — май 1852 г.».

30

Грубое письмо Погодина, о котором упоминает Островский, в архиве Островского не сохранилось.

Новая комедия — это «Не в свои сани не садись». Она была напечатана в «Москвитянине» за 1853 г. (№ 5, март, кн. 1).

Комедия, 50 экземпляров которой драматург просил для раздачи, — это «Бедная невеста».

31

На наружной стороне письма адрес: Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме.

32

Гр. А. С. Уваров в 1852 г. производил в Суздале раскопки, в результате которых во дворе Спасо-Ефимьевского монастыря была найдена могила кн. Д. М. Пожарского. Поэтому настоящее письмо относится к 1852 г.

33

Упоминание о согласии Островского на условия относительно «Бедной невесты» и о невозможности «существовать без 30 целковых» заставляет датировать письмо 1852 г. Просьба уплатить «еще 15 руб. за май» позволяет датировать его концом мая. Барсуков датировал письмо 1852 г., отметив, по обыкновению, карандашом дату в оригинале. Вместо «чем бы ни» в рукописи написано «чем бы не».

34

В предшествующем письме высказывается просьба дать еще 15 руб. за май; в настоящем говорится, что вы «дали мне тогда 15 руб.». Это сопоставление позволяет датировать письмо концом мая 1852 г. Барсуков датировал письмо 1852 г., пометив в оригинале.

35

Настоящее письмо можно датировать 1852 г. (как это сделал Барсуков), так как все переговоры о гонораре в двадцать и тридцать рублей, несомненно, происходили в этом году. Летом 1852 г. Островский уезжал, надо полагать в Щелыково. Вероятно, к июлю 1852 г. и относится данное письмо. В начале августа 1852 г. он уже посылает Погодину статью Н. А. Рамазанова. Можно высказать предположение, что Островскому принадлежит рецензия на роман Токарева «Сила воли», напечатанная в «Москвитянине» за 1852 г. (№ 15, август, кн. 1). В силу этих соображений настоящее письмо датируется июлем 1852 г.

На наружной стороне письма адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину».

36

В «Москвитянине», в отделе «Изящная словесность», напечатаны две статьи Рамазанова: 1) «Говорящие статуи. Рассказ, посвященный К. И. К....ой» (1850, № 13, июль, кн. 1, отд. 1, стр. 23—46) и 2) «Воспоминание о Карле Павловиче Брюллове» (1852, № 16, август, кн. 2, отд. 1, стр. 93—120). В настоящем письме имеется в виду вторая вещь. Драматург называет ее статьей, и действительно это статья, а не рассказ. Вряд ли бы Островский назвал рассказ статьей, да и вряд ли нужно было бы Рамазанову просить о помещении рассказа в отделе изящной словесности: он и без того был бы там помещен. Поэтому можно согласиться с датой «1852 г.», выставленной на письме Барсуковым, напечатавшим письмо, но только следует ее несколько уточнить. Ввиду того, что статья Рамазанова датирована: «8-го августа», письмо должно быть датировано: «9—10 августа 1852 г.». Что касается переписки, то здесь идет речь о переписке комедии: «Не в свои сани не садись».

37

Здесь идет речь о комедии «Не в свои сани не садись». В дневнике Погодина под 6 октября 1852 г. записано: «Прослушал комедию Островского». Таким образом, настоящее письмо должно быть датировано: «Конец сентября 1852 г.».

Письмо частично было напечатано Барсуковым (т. XII, стр. 284). Им же в оригинале письмо датировано: «1852 г.».

38

В письме идет речь, вероятно, о той же комедии «Не в свои сани не садись». Ввиду заявления драматурга, что он «должен еще дня три заняться своей комедией», приходится сделать заключение, что оно писано после извещения об окончании пьесы, над которой он собирался заняться «дней пять». Очевидно, драматургу этих пяти дней оказалось мало, и он продлил работу еще на три дня. Поэтому и настоящее письмо должно быть датировано: «Конец сентября 1852 г.». В оригинале рукою Барсукова поставлена дата: «1852».

39

Точно датировать данное письмо не представляется возможным. Письма Погодина, которым оно могло быть вызвано, в архиве Островского не сохранилось. Но все-таки данное письмо не может быть позднее 1852 г. Поэтому оно предположительно и датируется этим годом.

На наружной стороне письма адрес: «Его Высокородию Михайлу Петровичу Погодину».

40, 41 и 42

Все три письма тесно связаны друг с другом, так как в них идет речь об одной и той же новой пьесе Островского: «Не в свои сани не садись». Второе и третье письма датируются поэтому: «Вторая половина ноября — декабрь 1852 года». Оригиналы писем не сохранились, печатаются письма по тексту Барсукова, напечатавшего их не полностью (т. XII, стр. 284).

Граф Закревский — московский генерал-губернатор. Пьесу «Лабазник» нигде найти не удалось.

Гедеонов А. М. — директор императорских театров с 13 мая 1833 г. по 15 мая 1858 г.

Гедеонов-сын С. А. — впоследствии, с 1 сентября 1867 г. по 14 марта 1875 г., также директор императорских театров, давший Островскому текст неоконченной пьесы: «Василиса Мелентьева».

43

1 мая 1853 г. гр. Растопчина писала Островскому: «А милый наш генерал-от-музея (т. е. Погодин. — *Н. К.)* остался верен своим Мстиславским правилам, напечатал вашу комедию без посвящения, столь мною ожиданного и уже с гордостью возвещенного всем моим знакомым. Пожалуйста, поссорьтесь с ним за это неблагонамеренное упущение!». В № 5 «Москвитянина» за 1853 г. напечатана комедия Островского «Не в свои сани не садись». Следовательно, о ней идет речь в данном письме, которое, таким образом, должно быть датировано 1853 г.

Борис — это Б. Ник. Алмазов.

Дата почтового штемпеля: 28 марта. На наружной стороне письма адрес: «Его Превосходительству Михаилу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме».

44

Настоящее письмо, несомненно, является ответом на письмо (№ 23) Погодина, которое неправильно датировано комментаторами «Неизданных писем... из архива А. Н. Островского». Здесь речь идет о постановке «Бедной невесты» не в Петербурге, а в Москве, где она в первый раз шла 20 августа 1853 г.

Писемский вернулся из Петербурга в Москву 4 октября, а так как Островский пишет, что он скоро вернется, то письмо (№ 23) Погодина к драматургу должно датировать: «сентябрь 1853 г.».

Повесть А. А. Потехина — это его роман «Крестьянка», который печатался в «Москвитянине» за 1853 г. и вышел отдельным изданием в 1854 г. (см. 1-е и 2-е письма А. А. Потехина к А. Н. Островскому в «Неизданных письмах... из архива А. Н. Островского», стр. 456—460). Письмо Островского, в котором он писал Погодину о крайне затруднительном положении А. А. Потехина, в архиве Погодина не сохранилось.

45

Настоящее письмо является ответом на письмо (№ 14) Погодина, которое, таким образом, должно быть датировано «29—30 сентября 1853 г.».

«Последний труд» — это комедия «Бедность не порок», которая была окончена в 20-х числах октября 1853 г. (см. далее, письмо № 50). О ней же, вероятно, говорится в пункте 3-м, хотя на сцене она была поставлена только в 1854 г., в Москве 25 января, а в Петербурге, в Александринке, 9 сентября. В Петербурге 12 октября 1853 г. шла в Александринке «Бедная невеста», но о ней хлопотать было уже нечего, так как она шла в Москве 20 августа 1853 г.

Первая комедия, о которой драматург не желал бы хлопотать, это «Свои люди — сочтемся».

Письмо без начала было напечатано Барсуковым, полностью Мендельсоном.

46

Письмо представляет собою приписку на письме Писемского к Погодину от 4 октября 1853 г. (см. А. Ф. Писемский. Письма..., стр. 603), — так оно и датируется. Был ли ответ от Погодина — неизвестно. Печатается по печатному тексту.

47

Сцены В. Аркад. Осипова (ум. в 1861 г.) «Ученье свет — неученье тьма» напечатаны в июльской книжке «Отечественных Записок» за 1859 г. (отд. 1, стр. 131—156). Но «Москвитянину» пьеса была предложена гораздо раньше, так как уже в 1856 г. журнал этот прекратился. Кроме того, судя по обращению просто «Михайло Петрович», а не «Милостивый Государь Михайло Петрович», нужно допустить, что настоящее письмо относится к еще более раннему периоду, т. е. к 1853 г. В декабре этого года в письмах встречается уже обращение: «Милостивый Государь Михайло Петрович», ввиду неприятностей из-за комедии: «Бедность не порок».

Дата почтового штемпеля: 15 октября.

На наружной стороне письма адрес: «Его Превосходительству Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме».

48

Дело, которое Островский собирается «иначе повести», связано с газетной травлей, которой подвергся драматург (см. об этом статью М. Д. Беляева в сборнике «Памяти А. Н. Островского». П., 1923, стр. 70—88).

На обратной стороне письма адрес: «Его Превосходительству Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме».

Дата почтового штемпеля: 16 октября. Поэтому письмо датируется: «16 октября 1853 г.».

49

Настоящее письмо представляет ответ на письмо (№ 13) Погодина, написанное, в свою очередь, в ответ Островскому в пятницу после 12 октября 1853 г., когда впервые в Петербурге шла «Бедная невеста». Первая пятница после 12 октября приходится 16 октября, когда как раз и было написано предыдущее письмо (№ 48) Островского. В своем письме Погодин приглашал драматурга к себе на субботу, когда у него будет петь Н. В. Берг. Ясно, что «сегодня» письма — это именно суббота 17 октября 1853 г., каким числом и должно быть датировано письмо.

Горев — это Горев-Тарасенков. Степан Петрович — С. П. Шевырев. Письмо датировано Барсуковым 1853 г. Дата на штемпеле не отпечаталась.

На наружной стороне письма адрес: «Его Превосходительству Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме».

50

Суббота 24 октября приходилась в 1853 г., каким годом и должно датировать письмо, а не 1851 г., как его датировал Барсуков.

Комедия, о которой здесь идет речь, это «Бедность не порок».

В 1853 г. отец Островского уже умер, и ему приходилось самому хлопотать об имении.

На наружной стороне письма адрес: «Его Превосходительству Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме». Дата почтового штемпеля 24 октября.

51

Письмо относится к 1853 г. Речь идет об успехе комедии «Бедность не порок», который она имела, очевидно, еще в чтении, так как на сцене она была поставлена только 25 января 1854 г. в Москве и 9 сентября 1854 г. в Петербурге.

Письмо впервые было напечатано, но без даты, Барсуковым, также без даты и Мендельсоном.

Ответом на это письмо является письмо Погодина от 4 декабря 1853 г. (см. письмо № 16).

На наружной стороне письма адрес: «Его Превосходительству Михайлу Петровичу Погодину. На Девичьем поле, в собственном доме».

52

Настоящее письмо, несомненно, является ответом на письмо (№ 16) Погодина от 4 декабря 1853 г. Странной кажется только его дата: «Четверг 3 декабря». Возможно, что ошибочной была дата погодинского письма, которое, являясь ответом на письмо Островского от 2 декабря, могло быть написано, послано Погодиным и получено Островским 3 декабря. В этот же день он мог написать и ответ на это письмо.

На наружной стороне письма адрес: «Его Превосходительству Михаилу Петровичу Погодину».

Письмо использовано Барсуковым (т. XII, стр. 288).

53

Жена Писемского Екатерина Павловна была дочерью П. П. Свиньина.

Письмо и дата писаны не Островским. Автограф его только подпись: «Ваш покорнейший слуга А. Островский».

54

Драма «Не так живи, как хочется» напечатана в № 17—18 «Москвитянина» за 1855 г., т. е. в сентябрьском двойном номере, вышедшем из печати в ноябре: цензурное разрешение подписано 17 ноября 1855 г. Цензурное разрешение на отдельные оттиски драмы подписано «Декабрь 1 дня 1855 года». Чьей-то рукой на письме поставлена дата: «1855/XI».

Датируем письмо: «Конец ноября — декабрь 1855 г.».

55

Здесь идет речь, несомненно, о драме «Гроза», которая в первый раз была поставлена в Малом театре в Москве в понедельник 16 ноября 1859 г.

ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКОГО К Н. А. ДУБРОВСКОМУ
(ИЗ АРХИВА Н. А. ДУБРОВСКОГО)

О Н. А. ДУБРОВСКОМ

В 1874 г. в Румянцевский музей, ныне Библиотека имени В. И. Ленина, поступил архив Н. А. Дубровского, заключавший в себе: 1) дневник его службы, 2) театральный дневник и 3) письма к нему разных лиц, причем в отчет Музея об этом поступлении вкралась опечатка. Среди лиц, чьи письма к Дубровскому сохранились в его архиве, был А. Н. Островский, а не Н. А. Островский, как сказано в отчете. Великий драматург, как оказывается, был большим приятелем вышеназванного лица, и в архиве последнего имеются 50 писем Островского, помещаемые здесь.

Н. А. Дубровский — один из небольших чиновников Московской дворцовой конторы, в которой он занимал должность столоначальника. Судя по его служебному дневнику, это был человек в высшей степени самолюбивый, приходивший в крайнее раздражение и возбуждение ото всего, что казалось ему или действительно было несправедливостью по отношению к нему, а также, нужно отдать ему должное, и по отношению к другим. Его сослуживцы, особенно начальство, очевидно, не долюбливали его за эти качества и относились к нему недружелюбно, если не прямо враждебно. Его рассказ о выговоре, который он получил за напечатание в «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» своей статьи: «Последние годы жизни государыни Евдокии Федоровны» («Чтения», 1865 г., т. III, стр. 1—63) *, действительно обрисовывает чрезмерную придирчивость к нему со стороны ближайшего начальства.

Помимо своих служебных обязанностей как столоначальника конторы Дубровский много потрудился над разборкой архивных дел, и, например, так называемый архив старых дел всецело обязан ему чуть ли не своим спасением. Затем он был помощником известного историка Г. В. Есипова ** по приведению в порядок архива дворцовой конторы.

В результате архивных работ явились его статьи, напечатанные в «Чтениях», где, кроме названной статьи, напечатаны еще: «Патриаршие выходы 1656—1694 гг.», с предисловием Н. Дубровского («Чтения», 1869 г., кн. II, стр. 7—64), и «О жене князя Михайла Алексеевича Голицына, итальянке» (1786) (там же, 1865 г., кн. III, стр. 64—65).

Работая вместе с Есиповым, Дубровский составлял выписки из дел времен Петра Великого; при его участии был издан «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом» (тт. I—II, М., 1872).

Наконец, важно отметить еще один труд Дубровского, стоящий несколько в стороне от перечисленных нами; это — «Толковый словарь иностранных слов» ***.

Составление и издание этого словаря делает понятным печатаемое ниже письмо Островского, в котором он пишет, что словарем Даля он будет основательно заниматься с августа и постарается отделать хоть какую-нибудь часть своего труда, чтобы поделиться с приятелями. Очевидно, у этих приятелей, в числе которых был и Дубровский, наблюдался серьезный интерес к вопросам языка.

Дубровского сильно интересовала также археология. Куда бы он ни заехал, он везде обращает внимание на старинные памятники, отмечает разного рода записи

---

* Дополнение к этой статье напечатано там же, 1868 г., кн. II, стр. 14—20.

** Г. В. Есипов заведывал тогда московскими дворцовыми архивами.

*** Толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней. Составил Н. Дубровский. Москва. В Синодальной типографии 1866, 10˘, стр. XXIII—218, 1 кн. В 1874 г. вышло 3-е издание «Словаря», исправленное и дополненное.

на них, свидетельствующие о времени их постройки, говорит о варварском к ним отношении, как, например, в случае с собором в монастыре Саввы Звенигородского, в котором начавший слепнуть священник велел прорубить пошире окна, думая, что из-за узости их ему темно читать, и только появление трещин, угрожавших храму, приостановило этот «ремонт», и, по выражению Дубровского, к счастью для наших археологов, сохранилось одно окно в первоначальном его виде.

Наконец, нельзя пройти молчанием интерес Дубровского к театру: он был участником в спектаклях так называемого Красноворотского театра, устраиваемых в квартире казначея дворцовой конторы Н. И. Давыдова (родственника Дубровского), и вел театральный дневник. Спектакли в этом театре начались 7 февраля 1860 г. Режиссером был выбран чиновник той же дворцовой конторы Н. Шаповалов (приятель Островского). Программа спектакля была следующая: 1) сцена из комедии Островского «Не в свои сани не садись», 2) два последних акта из «Свадьбы Кречинского» и 3) сцена из Гоголя «Собачкин». Сначала Дубровскому была назначена роль Муромского в «Свадьбе Кречинского», но затем, ввиду отъезда исполнителя роли Расплюева, ему пришлось взять на себя исполнение этой роли, в которой он, по его словам, имел успех.

Второй спектакль у Давыдова был дан 13 марта 1860 г. Шла «Женитьба» Гоголя, в которой Дубровский играл роль Кочкарева.

Третий спектакль был 8 апреля того же года. Давалась опять «Свадьба Кречинского», и Дубровский снова играл Расплюева. На этот спектакль, как рассказывает Дубровский в своем дневнике, приехал и его «старинный приятель и родственник Давыдова * — Александр Островский. Признаюсь, мне хотелось услышать отзыв Островского о моей игре, и, преимущественно, в роли Расплюева. Отзыв Островского может служить авторитетом не только мне, но и опытному актеру, ибо Островский — талантливый драматический писатель и хорошо понимающий драматическое искусство и его требование... Островский назвал меня молодцом и сказал мне, что моя игра очень естественна и роль Расплюева понята мною очень хорошо. Этого с меня довольно. Островскому ни льстить, ни обманывать меня не из чего».

Рассказывая еще об одном любительском спектакле, не на Красноворотском театре, автор сообщает, что опять приехал Островский с другим своим приятелем, И. Е. Турчаниновым, и, думая, что спектакль не состоится (спектакль действительно расстраивался), уехал, сказав при этом Н. А. Дубровскому: «Мне хотелось посмотреть только тебя, а теперь того, ...поедем ка, Иван Егорович», — сказал он, обращаясь к Турчанинову.

Осенью возобновились спектакли в Красноворотском театре; 15 сентября давали новую пьесу Островского: «Старый друг лучше новых двух», правда, одно только 2-е действие. Дубровский играл роль Васютина, а сам автор — купца Вавилу Осиповича Густомесова. 17 декабря был снова спектакль; между прочим, ставили «Семейную картину» Островского.

В 1861 г. 2 января «представления начались замечательной комедией А. Н. Островского «Свои люди сочтемся» или «Банкрут». В пьесе этой участвовали: Н. Давыдов (Большов), А. Островский (Подхалюзин), Каменская (жена Большова), Гилярова (Липочка), сын Давыдова Николай (Тишка), Сусарова (сваха), Виноградова (Фоминишна — кухарка), Дубровский (Рисположенский).

Вот что говорит автор дневника об игре Островского. «Роль Подхалюзина играл сам Островский и выполнил ее чрезвычайно отчетливо. Он мастерски обрисовал характер этого подлеца, придал значение каждому его слову, каждому движению и разоблачил всю внутреннюю жизнь этого негодяя, но за всем тем в игре Островского не было видно актера, а скорее был виден в роли Подхалюзина сам автор, превосходно игравший свое произведение. По моему мнению, Островский великолепно прочел роль Подхалюзина, а не сыграл ее. Слушая его превосходное чтение, можно многому научиться тому актеру, который бы пожелал сыграть роль Подхалюзина».

Когда началось знакомство Островского с Дубровским, установить точно невозможно, но, как мы видели выше, уже в своем театральном дневнике, описывая спектакль 8 апреля 1860 г., Дубровский пишет, что на этот спектакль приехал его

---

* Н. И. Давыдов был женат на сестре драматурга Наталье Николаевне. Б. Модзалевский. О братьях и сестрах Островского. См. Островский. Новые материалы... под ред. М. Д. Беляева. Труды Пушкинского Дома при Росс. Акад. Наук. 1927, стр. 237.

старинный приятель и родственник Давыдова, Александр Островский. Следовательно, знакомство началось в 50-х годах, а может быть, и раньше.

Островский, как видно из печатаемых далее писем, относился к Дубровскому очень душевно и дружелюбно.

В 1870 г. Дубровский ездил к своему приятелю в Щелыково, где пробыл от 12 до 23 июля, как можно видеть из оставшегося в его бумагах описания этой поездки.

16 октября 1874 г. Дубровский умер. На другой день после его смерти Островский писал Ф. А. Бурдину: «Я и болен и очень расстроен, сейчас получил известие, что умер мой добрейший друг Дубровский».

Печатаемые ниже письма Островского дают некоторые ценные подробности. Так, например, на основании их можно точно установить день, когда была окончена в рукописи «Снегурочка», именно — 31 марта 1873 г. Интересно письмо, где драматург просит своего приятеля сходить к известному историку И. Е. Забелину и попросить последнего от его имени нарисовать план Постельного крыльца, необходимый ему для «Комика XVII столетия», материалы для которого драматург получил от названного историка, чья книга «Домашний быт русских царей и цариц» служила для Островского богатейшим источником исторических данных при работе над упомянутой комедией. Каждая подробность из жизни великого драматурга для нас интересна, а этих подробностей немало в печатаемых письмах.

ПИСЬМА А. Н. ОСТРОВСКОГО К Н. А. ДУБРОВСКОМУ

1

[Июнь 1865]

Милост[ивый] Гос[ударь]
Майор Николай Александр[ович]

Путешествие наше до Саратова совершилось благополучно, о чем В[ам] и доносим, теперь плывем обратно, чего и в[ам] желаю. При получении сего письма имеете в[ы] М[илостивый] Г[осударь] сходить к Н[иколе] В[оробино] и исследовать, в каком состоянии здоровье А[гафьи] И[вановны], насколько процветает сад и все пр., и немедленно уведомить меня. Адресуйте в Щелыково Кинешемского уезда, Костр[омской] губ.

Любящий В[ас] *А. Островский.*

2

[Февраль 1867]

Любезный друг. К Катерине Николавне я поеду. Если хочешь, приходи и пораньше, туда привезу и письмо к Кожанчикову. — Здоровье Аг[афьи] Ив[ановны] удовлетворительно.

Твой *Островский.*

3

[9-е Мая 1869]

Любезнейший друг Николай, поздравляю тебя с днем твоего ангела. Сейчас отправляюсь в дорогу. Вот к тебе покорнейшая просьба: повидай М. И. Доброхотова и попроси его от меня заняться делом (если только можно что нибудь сделать) Сетова, Сетов, по приезде в Москву, будет его просить об этом.

Навещай Машу.

Любящий тебя *А. Островский.*

4

[18 июня Щелыково 1870]

Любезный друг Николай Александрович, наконец у нас в Щелыкове погода улучшилась и гулять стало приятно. Я слышал, что и у вас, в Москве, время стояло не очень завидное. Здоровье мое, любезный друг, плохо;

Первая и вторая страницы письма А. Н. Островского к М. П. Погодину 1851 г., май.

Щелыково 12 Сентября
1872 г.

Милейший, добрейший
Николинька!

Скажи Ивану Егоровичу
Забелину и поклонись ему
в ноги, а потом я тебе по-
клонюсь. А прошу его вот
о чем: чтобы он начертил
тебе на бумажке поста-
новку декораций для Потеш-
ного дворца, — так как только
ту часть его, которую я [illegible]
[illegible] не видевший [illegible]
[illegible], [illegible] в

[illegible] [illegible] в ви-
[illegible] [illegible] пре-
града, именно для [illegible]
и ход на государев верх.
Мне это очень нужно для
комедии, которую я кончил
и которая пойдет у [illegible]-
[illegible] в бенефис.

Мама тебе кланяется.
Дети целуют.

С [illegible] Бурдиным не говори
ничего.

Поклонись Дюбюку.

[illegible]

Первая и вторая страницы письма А. Н. Островского к Н. А. Дубровскому 12 сентября 1872 г.

кроме моих обыкновенных болей, мучила меня еще боль в боку, теперь я понемногу оправляюсь и начинаю гулять: местность у нас превосходная и все вообще хорошо, недостает только приятного общества друзей; брат приехал ненадолго и скоро уезжает. Ты бы сделал очень доброе дело, если б приехал ко мне погостить; я думаю, что доброе начальство отпустит тебя навестить меня, болящего. — Соберись, мой друг; я тебя буду ждать. Наши все здоровы, Маша тебе кланяется, детки целуют. Поклонись всем знакомым и не забудь при случае засвидетельствовать мое почтение уважаемому мной Г-ну Агееву.

Любящий тебя *А. Островский.*

18 июня Щелыково (1870 г.).

5

[3 сентября 1870]

Милейший Николай Александрович, благодарю тебя за память и за письмо твое; я читал его в присутствии всей семьи и даже Шарик слушал и мотал хвостом. Я не знаю, когда приеду в Москву, хлопот мне по горло, хлеба уродилось довольно, надо за уборкой самому посмотреть, потому что старушка наша умерла. — Наконец-то Наполеон «*за все свои невежества*» получил что ему «*следовает*». Что *касается до второй* половины твоего письма, то ты ошибся, адресовав его ко мне, — его следует адресовать Бисмарку или Горчакову.

Сделай милость, передай прилагаемое письмо Василию Васильевичу; его можешь застать дома каждый вечер часу в девятом. Дети все тебя целуют и просят сказать, что уж теперь они все почтительны.

Маша тебе кланяется.

3 сентября [1870 г.]

Любящий тебя *А. Островский.*

6

[Сентябрь 1870]

Любезнейший друг, Николай, сделай милость, передай как можно скорей это письмо Наталье Александровне. Попроси Давыдова, чтобы к моему приезду можно было мне получить деньги с театра. Я приеду с почтительными и непочтительными детьми 28 или 29 числа вечером и приеду яко наг, яко благ, потому мне и нужны будут деньги сейчас же. Все тебя целуем.

Твой *А. Островский.*

7

[Март 1871]

Любезный друг, Николай Александрович, дозволения представить мои пьесы я дать не могу: потому что право свое передал уполномоченному Родиславскому, — и уже сам, по нашему уставу, ни в какие сношения входить не смею. Скажи Погожеву, чтобы он побывал у Родиславского и заключил с ним условие. Хотя их спектакли и с благотворительной целью, они всетаки должны заплатить нам. Скажи Погожеву, чтобы он не спорил и согласился заплатить 1 рубль за акт. А лучше бы если бы он побывал у меня. А хворать всетаки не годится. Постарайся поправиться.

В Воскресенье жду.

Любящий тебя *А. Островский.*

8

[19 марта 1871]

Любезнейший друг, жив ли ты? Если ты все еще хвораешь, то черкни хоть две строчки. Прошлое воскресенье я тебя ждал обедать до 4-х часов; буду ждать и в это, если не приедешь, лучше дай знать. Сделай

милость заезжай за Елагиным и привези его ко мне, он мне нужен до крайности.

Маша тебе кланяется.

Твой *А. Островский.*

19 марта
1871 г.

9

Щелыково [25 июля 1871]

Любезнейший дружочик, Николинька! Что же это Вы ни словечка не напишите? Уж живы ли Вы? А если живы, то вообразите, сколь подло это с Вашей стороны. Может быть, с Вами случилось то же, что с подрядчиком моим Абрамом Ивановичем? Они загуляли с Казанской и пили до Ильина дня, Ильин день и два дня после; на третий день явились пьяные со смирением, с слезами и с новоизобретенной фразой: *приползаю* к стопам вашим.

У меня теперь гостит Дрианский; здоровье его очень плохо; но всетаки он двигается, и мы с ним ловим щук исправно. Сделай милость, попроси архитектора прислать рисуночки беседок; да уж, кстати, не забудь и свое обещанье сделать мне выписку из Полного Собрания Зак[онов]. — Не найдешь ли случая видеть Вильде, или, по крайней мере дать ему знать, что мы его ждем в Щелыково. Митю Живокини тебе видеть легче; передай ему то же. Маша тебе кланяется. Дрианский тоже, дети целуют. Сделай милость, пиши.

Любящий тебя *А. Островский.*

P. S. Сделай милость, узнай адрес Вильде и напиши ему о том, что я тебя прошу.

10

Щелыково 6-го Августа 1871 г.

Любезнейший друг, Николай, откликнись, жив ли ты! Стыдно тебе молчать, теперь такое время, что, не получая вести, всего надумаешься. Если ты не исполнил моих поручений, так нужды нет, уведомь только о себе и об наших общих знакомых. Мы все живы и здоровы; о нашем житье тебе расскажет Дрианский, который у нас гостит.

Не можешь ли ты сам, или через своих знакомых, справиться у Бутенопа, что стоит ручная *веялка* и *сортировка?*

Маша тебе кланяется, дети целуют.

Любящий тебя *А. Островский.*

11

Щелыково 21 Августа 1871.

Любезнейший друг, Николай Александрович, благодарю тебя за твои хлопоты; поблагодари за меня архитекторчика; рисунки его очень милы и легко исполнимы.

Все мы живы и здоровы по сей день. Холера кругом нас щипала люто; в небольшой деревне Агишине (в 4-х верстах от нас) умерло 11 человек. Но странно то, что холера ограничивалась некоторыми, как бы избранными местами (деревнями 5-ю, или 6-ю), где и умирало очень много; за то в других не было ни одного случая.

На счет грибов не знаю, что тебе сказать; пока их еще очень мало. Приеду я не ближе 1-го Октября; хочется пописать здесь, на досуге.

Поклонись Дюбюку и прочим, кого увидишь.

Маша тебе кланяется, дети целуют.

Дуняша, которая становится час от часу милее, свидетельствует тебе свое почтение.

Абрам Иванов после того, как я писал тебе, раза два приползал к стопам, и третьего дня выкинул новое колено: лишился молвы (как

говорят здесь)*. Это удивительное происшествие случилось следующим образом: целый час он ходил за мной, желая побеседовать, ходил бодро, подперши руки в боки, но как ни старался, какие жесты не делал другой рукой, как не шевелил губами, ни одного звука не вылетало из уст. К вечеру бог его простил, заговорил он опять.

Искренно любящий тебя *А. Островский*

12

Щелыково 27 Сентября [1871]

Любезный друг, Николай, давно я не писал к тебе: но надеюсь, что ты меня извинишь, у меня дела по горло, — и новая пиэса, и возня с пьяным Абрамом, который то уползает от стоп, то приползает к стопам, а дела не делает и только задерживает меня в Щелыкове в эту раскаторжную погоду. По его милости я попаду в Москву не ранее 6-го или 7-го Октября. Вот моя покорнейшая просьба: попроси неоднократно воспетого тобою в стихах Н. И. Давыдова похлопотать о том, чтобы мне можно было, немедленно по приезде, получить с театра деньги за лето и даже за Август и Сентябрь. Сделай милость, попроси его хорошенько, и не один раз, он сделает для меня, — он так мил, что всегда исполняет мои просьбы. Мне деньги нужны: я приеду, яко наг, яко благ.

До скорого свиданья! Ты пока учись у Дюбюка играть не на фортепьяно, а в преферанс, а то я по приезде задам тебе феферу.

Маша тебе кланяется, дети целуют.

Любящий тебя *А. Островский.*

Дуняша посылает тебе воздушный поцелуй.

13

Дубровин! [20 ноября 1871]

Я завтра читаю новую пиэсу. Имеяй уши слышати, да слышат. Заезжай непременно к архитектору и оповести его.

Суббота 20 Ноября
[1871 г.]

А. Островский.

14

[15 марта 1872 г.]

Милый Николай Александрович, сегодня Саша имянинник; приезжай прямо из конторы обедать, мы тебя подождем. У нас будут Петербургские Бурдин и Марковецкий, поиграем в карты.

Любящий тебя *А. Островский.*

15

Щелыково 23 Мая 1872 г.

Любезнейший друг, Николай Александрович, выкройки я тебе оставил, основываясь на твоих словах, которые ты, вероятно, забыл. На Святой, когда ты был у меня с Дюбюком, ты говорил мне, чтобы я не заказывал Крадувилю мундира с воротником, что это будет дорого; а что ты знаешь таких мастеров или мастериц, которые берут за шитье не дорого, не более 25 руб. Теперь воротник ты отдал Шадрину, а он берет такую же цену, как и Крадувиль. Если можно найти у него готовый, подешевле (но не очень плохой), то возьми и передай Крадувилю. Деньги заплатит Василий Васильевич, его ты можешь видеть во всякое время в городе, в Богоявленском переулке, в магазине Шулецкого.

У нас действительно рай и погода июньская. Рыба ловится отлично, я не запомню такого лову.

Маша тебе кланяется.

---

* Впрочем здесь говорят: «потерял молву».— *Примечание Островского.*

3*

Долг ей ты лучше сам заплатишь когда нибудь, а с Кожанчиковым я рад, что развязался и более связываться не хочу.

Дети тебя целуют, почтительный час от часу становится милей.

Душевно любящий тебя *А. Островский.*

У нас Мих[аил] Николаевич.

16

Щелыково 11 июля 1872 г.

Немилостивый Государь
Николай Александрович.

Что же ты не пишешь, отдал ли ты наше письмо архитектору, и приедут ли они? Как ни хорошо в Щелыкове, а всетаки без гостей скучно. Да и об себе написал бы хоть строчку. Хотел ты написать о «Лесе», да видно в нем заблудился. У нас после холодного июня, погода установилась, гулять и купаться стало приятно. Напиши, как поживает Дюбюк.

Маша тебе кланяется, дети целуют.

Любящий тебя *А. Островский.*

17

Щелыково 20 Июля 1872 г.

Любезный друг, Николай Александрович, за покупку воротника стоит тебя самого взять за воротник. Можно ли платить такую кучу денег за амуницию, которую мне придется надевать один раз в месяц. Мы очень жалеем, что ты не приедешь; у нас теперь необыкновенно хорошо и был бы совершеннейший рай, еслиб не засуха, которая нас настолько печалит: травы совсем нет, вся сгорела. Прилагаемую записку Маша просит передать Екатерине Николаевне Елагиной. Скажи им, что мы их ждем, чтобы приезжали непременно, что обманывать грех.

Сделай милость, уведомляй меня о народном театре.

Затем прощай! Маша тебе кланяется, дети целуют, Дуняша тоже.

Любящий тебя *А. Островский.*

(За воротники душить буду, когда в Москву приеду).

18

Щелыково 12 сентября 1872 г.

Миленький, хорошенький
Николинька

Сходи к Ивану Егоровичу Забелину и поклонись ему в ноги (а после я тебе поклонюсь) и проси его вот о чем: чтобы он начертил тебе на бумажке постановку декораций для Постельного Крыльца, *так чтобы та часть его, которая выходила к нежилым покоям, приходилась к авансцене, далее, чтоб видна была каменная преграда, место за преградой и ход на государев верх.* Мне это очень нужно для комедии, которую я кончил, и которая пойдет у Митоса в бенефис.

Маша тебе кланяется. Дети целуют. А уж Дуняша и говорить нечего. Поклонись Дюбюку.

Любящий тебя *А. Островский.*

19

[30 декабря 1872 г.]

Любезный друг, Николай, вчера меня известили, что Дрианский умер. Хоронить его будут завтра, в Воскресенье. Я больнехонек; если можно, то приезжай в Новый год.

Любящий тебя *А. Островский.*

30 декабря
[1872 г.]

20

[16 Января 1873 г.]

Друг!

Завтра, т. е. в Середу «Свои люди сочтемся» на Большом театре. Если тебе можно, приезжай обедать и поедешь вместе с Машей, а если нельзя, то прямо в театр,—8-й № 1-го яруса (бенуара) с правой стороны. Но непременно проводи Машу из театра (т. е. ночевать к нам), ей ехать не с кем.

Твой *А. Островский.*

Записочку слепому я приготовлю.

21

[30 Января 1873 г.]

Любезный друг!

Я тебе дал записочку о моем деле по завещанию; но с тех пор ни тебя не вижу, ни известия никакого от тебя не получаю. Сделай милость, дай ответ, пришлешь ли ты или сам заедешь.

В Воскресенье ты надул.

30 Января
1873 г.

Твой *А. Островский.*

22

[5 Марта 1873 г.]

Любезнейший друг, Николай Александрович, как тебе не совестно постоянно обманывать. Мы тебя вчера ждали обедать до 5-го часу. Уведоми, когда ты увидишь Волкова и когда Иван Иванович может начать с ним переговоры.

5 марта
1873 г.

Любящий тебя *А. Островский.*

23

[10 Марта 1873 г.]

Любезнейший друг, Николай Александрович, ты обещал приехать на неделе и не приехал, кроме того не был у нас два Воскресенья. Приезжай хоть завтра. Не приехал ли Волков. Иван Иванович ждет его.

10 марта
1873 г.

Любящий тебя *А. Островский.*

24

[31 Марта 1873 г.]

Сегодня день моего рождения, сегодня же оканчивается моя работа, приезжай завтра для празднования того и другого. Будем ждать тебя к обеду.

31 марта
1873 г.

Твой *А. Островский.*

25

[Не позднее 28 апреля 1873 г.]

Любезный друг, Николай Александрович, меня очень огорчило, что ты не захотел приехать послушать мою новую комедию. Сначала я подумал, что ты болен, и жалел, что за множеством хлопот и сборов я не могу навестить тебя. Ждали мы тебя в другое Воскресенье и все напрасно. Потом я узнал, что ты здоров, и уже не могу придумать причины, почему ты не хочешь повидаться с нами перед отъездом. Приезжай 1-го Мая вместо Сокольников и останься ночевать, тебя ждет бутылка шам-

панского. Если не приедешь, так уведомь письмом. На той неделе мы едем в деревню.

Маша тебя бранит на чем свет стоит.

Прежде любивший, а теперь ненавидящий тебя

А. Островский.

26

4 Мая 1873 г.

Завтра (в субботу) репетиция Снегурочки
в 7 часов вечера.

А. Островский.

27

Щелыково 15 Мая 1873 г.

Милый Николинька!

Мы доехали хорошо, если не считать того, что на Волге нас потопил было буксирный пароход.

Маша тебя просит справиться в магазине Гелейна (в Газет. переулке) нет ли готовой уздечки по прилагаемой мерке; ни мундштука ни седла не нужно, если нет, то закажи по этой мерке, но предварительно уведомь нас о деле. Поклонись Дюбюку и скажи ему, что мы ждем его купно с тобой в Щелыково.

Если видел Снегурочку, то напиши, как она прошла.

Любящий тебя *А. Островский.*

Маша тебе кланяется. Загорский тоже, дети целуют.

Мерка узды от удил вокруг головы 1 ар. 10 вер. — через губу $7\frac{1}{2}$ вер. — налобник $8\frac{3}{4}$ вер.

28

Щелыково 10 Июля 1873 г.

Любезнейший друг, благодарю тебя за известия о Забелине и Чаеве, жду того и другого да не отчаиваюсь видеть и тебя. Маша благодарит за уздечку, которая ее Красотке как нельзя больше к лицу. Напиши мне наверное, приедешь ли ты к нам, я бы тогда выслал тебе деньги и попросил привезти кое-что. От архитектора ни слуху, ни духу, — передал ли ты письмо.

Любящий тебя *А. Островский.*

Маша тебе кланяется, дети целуют.

29

Щелыково 31 июля 1874 г.

Милый Николинька!

Видно тебя недождешься! Хотели мы писать архитектору, да не знаем его нового адреса, и потому просим тебя переслать прилагаемое письмо.

Великое бы ты сделал одолжение для меня, если бы увидел как нибудь Забелина и передал ему, что я жду его с нетерпением. — Вот кабы ты собрался с ним, было бы дело отличное; погуляли бы мы и попировали на славу.

Любящий тебя *А. Островский.*

Поклон Дюбюку.

30

Щелыково 4 Сентября 1873 г.

Миленький Николинька!

Искренно благодарю тебя за твое душевное поздравление. Грибов тебе, старому грибу, мы привезем всяких, хотя нынче и не род на рыжики; но за то я заручился груздями. Как мне жалко и досадно, что ни За-

белин, ни Чаев ко мне не заехали; с тебя взыскивать нельзя, ты человек подначальный, а они имели отпуск и были на Волге. В Сентябре я в Москву не вернусь и потому могу только заочно пожелать тебе счастливого пути. Напиши, когда, куда и надолго ли едешь.

Маша тебе кланяется, дети целуют.

Любящий тебя *А. Островский.*

31

[10 Ноября 1873 г.]

Дубровин!

Завтра я читаю «Позднюю любовь».

Непремини!

10 ноября
1873 г.

Твой *А. Островский.*

32

[24 Декабря 1873 г.]

Я из Петербурга возвратился, жду тебя, по обыкновению, в первый день праздника вечером.

24 Декабря
1873 г.

Твой *А. Островский.*

33

[25 Января 1874 г.]

Любезнейший Николай Александрович, завтра, т. е. в субботу у меня дочь именинница, поэтому прошу тебя обедать; останешься ночевать, разумеется, а в Воскресенье съездим к Сухаревой и, если хочешь, побываем у Забелина.

25 Января
1874 г.

Твой *А. Островский.*

34

[14 Марта 1874]

Приезжай непременно завтра (т. е. в пятницу) к обеду; имянинник Саша и крестины. Будем ждать до 3-х часов.

Твой *А. Островский.*

35

[8 Июня 1874 г.]

Любезнейший друг, Николай Александрович, письмо твое меня очень обрадовало; все мы желаем тебе скорого выздоровления и вместе с тем просим тебя на будущее время поберегаться. Мы все здоровы, — словарем я занимаюсь прилежно, и дополнения, сообщенные Гротом, мимо меня не пройдут, брат пришлет мне их из Петербурга. Теперь у нас гостят Михайло Николаевичь, Бурдины — муж и жена и друг мой Сергей Арсеньевич, крестьянин из Кимры. Никифорова я поздравлял два раза как член Арт[истического] Кружка и Драматического общества. На адрес Монахова не стоит обращать внимания. Мы все тебя целуем.

8 Июня
1874 г.

Любящий тебя *А. Островский.*

36

[22 Июня 1874 г.]

Любезнейший друг, Николай Александрович, у нас, после холодов, настала такая райская погода, что ни о какой работе и думать не хочется. Пиэсу я кончу не ближе осени, — она будет прежде поставлена на сцену, потом напечатана в «Отеч. Зап.». Словарем Даля я основательно

буду заниматься с Августа и постараюсь отделать хоть какую нибудь часть всего труда, чтобы поделиться с приятелями. Бурдин от нас уехал, Михаил Николаевич уедет 30 Июня и в Москве не остановится. Теперь у нас Андрюша, он покупает имение рядом с нами, — село Покровское. — Мы все здоровы, чего и тебе желаем. — Мышьяк должен помочь тебе непременно, он на меня производит оживляющее действие. Уведомляй о состоянии своего здоровья.

Все тебе кланяются.

22 Июня
1874 г.

Любящий тебя *А. Островский.*

37

Щелыково 31 июля 1874 г.

Любезный друг, Николай Александрович, давно я тебе не писал и причины тому разные хозяйственные хлопоты, которых было довольно.

Уборка сена была очень медленна, по случаю, хотя небольших, но частых дождей. Все таки мы сена накосили много, а урожай хлебов вообще очень хорош. Гроз у нас немного да и то все стороной, а у вас, мы слышали, было нечто необыкновенное. Помогает ли тебе мышьяк? На меня он действовал оживительно. Сделай милость, уведомляй о своем здоровьи! Мы все здоровы и тебе кланяемся. Варенья тебе наварили.

Искренно любящий тебя *А. Островский.*

38

Щелыково 31 Августа 1874 г.

Любезнейший друг, Николай, благодарю тебя за поздравление. Мы все здоровы и надеемся быть в Москве числа 8 или 9 октября, а может быть и ранее. Пишу тебе коротко, потому что занят по горло, спешу оканчивать пиэсу. — Будь здоров! Марья Васильевна и Андрюша тебе кланяются.

Любящий тебя *А. Островский.*

39

Суббота 5 января

Любезный друг, Николай Александрович, ты меня обманул, не приехал в середу; ну так и я тебя обманул, не поехал в Петербург в Четверг, а поеду в Понедельник. Поэтому приезжай завтра непременно и вообще старайся не обманывать.

Любящий тебя *А. Островский.*

40

Любезный друг, Николай Александрович, не смотря на нездоровье и дурную погоду, я собирался навестить тебя еще до твоего письма, так как уже знал о твоей болезни; но в пятницу у Марьи Васильевны сделались сильные боли в боках и желудке и мы испугались, нет ли воспаления. С помощью докторов, кажется, дело поправляется; но я не спал уже две ночи, да придется не спать и третью; можешь себе представить, в каком я положении.

Искренно любящий тебя *А. Островский.*

14 апреля

P. S. Уведомь о своем здоровье.

41

ПАНЕ!

Кончил я работу,
Но не в субботу,
А в Воскресенье
Будет чтение.

Приезжай обедать и заезжай кстати в Кремль за Елагиным. Он вчера был у меня и принес план. Приезжай непременно, если не хочешь быть проклят в Сборное Воскресенье вместе с Отрепьевым и Стенькой Разиным.

Твой *А. Островский.*

42

Милый Коля!

Если ты отобрал те сведения, о которых я тебя просил, то потрудись мне прислать сегодня же. Лучше бы всего, еслиб ты завтра, т. е. в пятницу приехал ко мне обедать, у меня будет Константинов, поиграем в карточки, а то уж я очень записался, так что начинаю мешаться в мыслях. Да будет над тобою благословение всех угодников и чудотворцев московских.

Любящий тебя *А. Островский.*

43

О ДРУГ!

Не вдруг
Я воротился;
А загостился.
Блины, заботы,
С плутами счеты,
Морозы, вьюги,
Мои недуги,
Хожденье
К знати
И пенье Патти
Меня задержали.

Жду тебя завтра непременно. Помни, что в Сборное Воскресенье Вашего брата Мазеп проклинают; не введи и меня в грех.

Любящий тебя *А. Островский.*

44

Милый друг мой, Николка! Спроси у Давыдова, когда мне можно будет получить декабрьские деньги. Хорошо, кабы завтра. А сегодня приезжай ко мне кушать блины, мы тебя ждем, — отговорок никаких не принимаем. Если не приедешь, то сочтем это за обиду и за невежество.

Твой *А. Островский.*

P. S. Дядя Вася подарил мне вчера большой кусок хохлацкого сала.

45

[1868 г.]

ДРУЖЕ!

Я за песню все ту же!
Мне час от часу хуже
И дела мои идут туже,
К довершению бед
Архитектора нет.
Планов тоже!
На что это похоже!
А подрядчик там ноет
И дома не строит.
Помоги, Дубровский!

А. Островский.

46

Милый Николка, приезжай непременно ко мне, мне очень тебя нужно. Если ты не приедешь, я могу рассердиться и из этого чорт знает, что выдет. Жду тебя обедать.

Любезный тебе *А. Островский.*

47

«Николка! Чтож ты не ведешь Ветлицкого и где тебя самого черти носят? Будешь ли ты меня слушаться! Ну погодижь ты».

Так нельзя писать, это я только так думал, а писать надо вот как:

Милостивый Государь
Николай Александровичь,

Не угодно ли будет Вам пожаловать ко мне сегодня прямо из Конторы к обеденному столу, чем премного обяжете

Глубоко уважающего Вас
и преданного *А. Островского.*

48

Я хотел за тобой заехать, но меня задержали; посылаю к тебе Егора, садись и приезжай. У меня Дмитрий Васильевич, мы тебя ждем.

Твой *А. Островский.*

49

Николка! когда ж ты ко мне приедешь? Я так на тебя зол, что...
Приезжай сегодня обедать, или завтра, чтобы ужь и ночевать.

Твой *А. Островский.*

50

Николай Александрович, если можешь, так приезжай с Егором в Егоров, а потом ко мне обедать. В противном случае пришли ответ.

А. Островский.

51

Любезнейший друг, я хотел бы навестить Пестерова, чтобы поблагодарить за книги, карточку, советы и др. и кстати еще поговорить о своем деле и о деле моего друга Ив. Ив. Шанина (очень незначительном и форменном) — хорошо бы съездить к нему в субботу.

Твой *А. Островский.*

КОММЕНТАРИИ

1

Оригинал настоящего письма хранится в Театральном музее имени А. А. Бахрушина. Оно было (мною) опубликовано в «Ежегоднике император. театров», 1910 г., кн. VI, но тогда мне не было известно, кому это письмо было адресовано. Ввиду этого письмо печатается вновь. На одном из писем А. Н. Островского к Н. А. Дубровскому (№ 46) написан карандашом такой адрес (письмо было послано не по почте): «Майору Дубровскому. Очень нужное». В своем «Дневнике» Дубровский, между прочим, пишет: «Майору мое почтение», — сказал подошедший ко мне Сусоров» (1864 г., Понедельник, 2 марта). Очевидно, «Майором» звали Дубровского в шутку его приятели и сослуживцы. Алексей Александрович Сусоров как раз и был его сослуживцем, занимая также должность столоначальника дворцовой конторы. Эти заметки позволяют расшифровать настоящее письмо, которое, как теперь становится ясным, адресовано именно Н. А. Дубровскому. Писано оно, надо полагать, в июне 1865 г., когда драматург с И. Ф. Горбуновым совершал свое путешествие

по Волге и уже возвращался обратно. Инициалы НВ несомненно надо читать: «Николе Воробино», где жил А. Н. Островский. А. И. — конечно, Агафья Ивановна, первая жена Островского, о которой так лестно говорит С. В. Максимов в своих воспоминаниях об Островском. Упоминаемый в письме Полт., которому шлет поклон Островский, это — артист Малого театра Корнелий Николаевич Полтавцев, умерший в 1865 г., 29 декабря.

2

Катерина Николаевна — вероятно, Е. Н. Елагина, жена Елагина, о котором упоминается в дальнейших письмах.

Кожанчиков — петербургский книгопродавец, издавший в 1867 г. «Сочинения А. Н. Островского» в 4 томах.

Упоминание об Агафье Ивановне, умершей в феврале — марте 1867 г., свидетельствует, что данное письмо могло быть написано не позднее конца февраля или начала марта 1867 г.

3

В феврале 1869 г. Островский писал Бурдину: «Я поеду в деревню в первых числах мая, а Маша с детьми к 1-му июня». Марья Васильевна ехала позднее потому, что ей нужно было оправиться после родов. 11 апреля 1869 г. у них родился сын Сергей. А в декабре 1869 г. Островский писал своему приятелю: «Внезапная смерть друга моего Мих. Ив. Доброхотова подкосила мне ноги...» Следовательно, и настоящее письмо Островского к Дубровскому тоже должно быть отнесено к 1869 г., а не позднее. Раньше нельзя его отнести потому, что ни в 1867 г., ни в 1868 г. из писем не видно, чтобы Островские уезжали в деревню в разное время.

4

Настоящее письмо относится, вероятно, к 23 июня 1870 г. Островский в письме к Бурдину сообщает: «Здоровье мое довольно хорошо, хотя я недавно чуть было не умер». В письме к Дубровскому Островский несколько подробнее говорит о своей болезни, после которой он, по его словам, понемногу оправляется и начинает гулять. Следовательно, болезнь, очевидно, была серьезная. Далее в том же письме к Бурдину сообщается о том, что приехал брат Михаил Николаевич «недели на три». Наконец, в обоих письмах идет речь о погоде и в обоих сообщается, что погода была плохая, а теперь улучшилась. Ясно, что письма относятся к одному и тому же времени. В связи с этим становится понятно и дальнейшее содержание письма и, так сказать, его результаты. Островский просит своего друга навестить его, болящего, приехать к нему в Щелыково. Как раз в 1870 г. Дубровский, как нам известно, и совершил свою поездку к Островскому в костромское имение. Упоминаемый в письме Агеев Павел Яковлевич — советник дворцовой конторы, о котором Дубровский очень резко отзывается в своем дневнике, считая его чуть ли не своим врагом.

5

Настоящее письмо должно быть отнесено к 1870 г. О смерти старушки Островский упоминает в своем письме к Бурдину от 29 августа. Год этого письма также не указан, но по сопоставлению с письмом Бурдина к Островскому от 4 сентября 1870 г., являющимся на него ответом, как видно по содержанию, ясно, что и письмо к Бурдину, а следовательно, и письмо к Дубровскому должны быть отнесены к одному и тому же 1870 году. Василий Васильевич, вероятно, брат Марьи Васильевны.

6

Островский пишет, что он приедет 28 или 29 числа вечером. Это, конечно, сентября, потому что Островский обычно к сентябрю приезжал в Москву. А в письме к Бурдину от 20 сентября 1870 г. он сообщает своему другу, что будет в Москве 29 или 30 сентября. Поэтому я думаю, что и настоящее письмо должно быть датировано сентябрем 1870 г. Упоминаемая в письме Наталья Александровна, вероятно, сестра Дубровского.

7

Первое собрание по организации Общества Русских Драматических Писателей происходило 29 ноября 1870 г. Следовательно, настоящее письмо не могло быть написано ранее этого срока. Так как в следующем письме Островского, датированном 19 марта 1871 г., как и в настоящем, упоминается о болезни Дубровского, то можно предположить, что и данное письмо Островского может быть датировано мартом 1871 г.

9

Упоминание о Дрианском заставляет отнести настоящее письмо к 1871 г. Е. Э. Дрианский — автор известных «Записок мелкотравчатого». О нем, между прочим, см. также у С. В. Максимова: «Островский по моим воспоминаниям» и статью П. Е. Щеголева в новом издании «Записок мелкотравчатого», 1930 г.

Вильде, Николай Евстафьевич — артист Московского Малого театра.

Митя Живокини — артист Малого театра, сын В. И. Живокини.

10

Бутеноп — торговая фирма.

11

Дюбюк Александр Иванович (1812—1897), пианист и композитор, с 1866 по 1872 г. состоял профессором Московской Консерватории по классу фортепиано.

12

Судя по упоминанию в письме о пьяном Абраме, письмо должно быть датировано 1871 г. Предшествующее письмо относится к 21 августа того же года, почему становятся вполне понятными начальные строки настоящего письма: «давно я не писал к тебе». Новая пьеса — это комедия «Не было ни гроша, да вдруг алтын», которая была начата как раз накануне, 26 сентября 1871 г., окончена 13 ноября того же года, а напечатана в «Отечественных Записках» за 1872 г. (кн. 1). Об этой же пьесе Островский сообщал и в следующем письме своем от 20 ноября 1871 г.

14

Саша — это старший сын драматурга, который, как можно заключить из дальнейших датированных писем, был именинник 15 марта. Артисты Александринского театра Бурдин и Марковецкий приезжали вместе в Москву в 1872 г. по случаю 25-летнего юбилея литературной деятельности Островского. В письме от 3 марта 1872 г. Бурдин пишет драматургу: «Я выезжаю в понедельник, приготовь два билета на обед в купеческое собрание для меня и для Марковецкого». Следовательно, данное письмо должно быть датировано 15 марта 1872 г.

15

Мундир с воротником (имеется в виду воротник с золотым шитьем) понадобился Островскому потому, что в уездном земском собрании, как писал он сам 30 марта 1872 г. Бурдину, «я закрытой баллотировкой единогласно избран в Почетные мировые судьи». Упоминаемый в письме Шадрин — владелец магазина офицерских вещей, просуществовавшего вплоть до революции 1917 г. Мих. Николаевич — брат драматурга.

16

Сопоставляя начальные строки этого письма с следующим письмом, можно притти к заключению, что в обоих случаях идет речь об Елагиных. В первом спрашивается, передано ли письмо архитектору и приедут ли они, т. е. архитектор с женой, во втором просьба передать записку Е. Н. Елагиной и поручение сказать им, т. е. ей и мужу, что их ждут, чтобы они приезжали непременно. Следовательно, архитектор, о котором упоминается в настоящей переписке, это и есть Елагин.

17

Народный театр, о котором здесь говорится, это известный театр, существовавший во время политехнической выставки в Москве в 1872 г.

Поставленное в скобки писано рукой Мар. Вас. Островской.

18

И. Е. Забелин — известный историк, капитальный труд которого «Домашний быт русских царей и цариц» послужил основным источником для упоминаемой в настоящем письме, хотя и не названной, комедии драматурга: «Комик XVII-го столетия», которая шла в бенефис Митоса, т. е. Дмитрия Васильевича Живокини, 26 октября 1872 г.

19

Е. Э. Дрианский умер 29 декабря 1872 г.

20

17 января 1872 г. комедия «Свои люди — сочтемся» была снова возобновлена после двухлетнего перерыва.

21

«Записочка о моем деле по завещанию» — не та ли записочка слепому, о которой говорит Островский в последней строчке своего предшествующего письма? В таком случае, быть может, «слепой» обозначал бы самого Дубровского.

22

Упоминаемый здесь и в следующем письме Иван Иванович, — вероятно, московский купец И. И. Шанин.

24

Упоминаемая здесь работа — это «Снегурочка», которая, таким образом, была окончена 31 марта 1873 г.

25

Это письмо касается, вероятно, той же «Снегурочки»; 26 апреля 1873 г. Островский просил Бурдина заявить в редакцию «Спб. Ведомостей», чтобы с 5 мая по 15 октября газету высылали ему в Щелыково, т. е. в первых числах мая драматург уже рассчитывал быть у себя в имении. А в настоящем письме он, конечно, в самом конце апреля пишет: «на той неделе мы едем в деревню». 1 мая 1873 г. приходилось во вторник, и вся «эта неделя» обнимает время с 29 апреля по 5 мая. 4 мая Островский еще был в Москве, как видно из следующего письма. Выехал он оттуда, очевидно, 5 мая, потому что в письме от 15 мая 1873 г. он просит Дубровского написать о «Снегурочке», как она прошла, если он видел, а репетиция «Снегурочки» как раз и была назначена на 5 мая. Следовательно, настоящее письмо должно быть датировано самым концом апреля, но не позднее 28 апреля 1873 г.

27

Загорский — провинциальный актер, часто живавший у Островского.

28

Чаев, Николай Александрович (1828—1914) — драматург.

31

Пьеса «Поздняя любовь» была окончена драматургом 30 сентября 1873 г.

32

Открытое письмо, на котором штемпель — 24 декабря 1873 г.

33

В субботу 26 января 1874 г. была именинница старшая дочь драматурга Мария Александровна. И. Е. Забелин в эти годы жил на Первой Мещанской ул., т. е. недалеко от Сухаревой башни, на площади которой в воскресенье бывал базар.

34

Здесь имеются в виду крестины младшей дочери драматурга Любови Александровны, родившейся 10 марта 1874 г. Данное письмо — открытка со штемпелем 14 марта 1874 г., — на основании чего можно заключить, что Саша, сын драматурга, был именинник именно 15 марта.

35

Сергей Арсеньевич Волков, крестьянин из села Кимры, в молодости шивший на всю молодую редакцию «Москвитянина» фасонистые и крепкие сапоги, был членом кружка этой редакции. См. о нем у С. В. Максимова: «Островский по моим воспоминаниям».

Никифоров, Николай Матвеевич (1805—1881) — артист Малого театра.

Монахов, Ипполит Иванович (1842—1877) — артист Александринского театра.

36

Пьеса, которая имеется в виду здесь, а также в письме от 31 августа 1874 г., это — «Трудовой хлеб», о которой драматург 24 сентября 1874 г. писал Бурдину, что «Тр[удовой] Хлеб» переписывается и будет в Петербурге «дня через 4». В первый раз она была поставлена в Московском Малом театре 28 ноября 1874 г. в бенефис Н. И. Музиля, а напечатана в «Отеч. записках» за 1874 г. (№ 11, стр. 1—68).

Андрюша — брат драматурга Андрей Николаевич Островский.

39

5 января в субботу приходилось в 1874 г., но датировать этим годом данное письмо никак нельзя, потому что Островский только к 24 декабря 1873 г. возвратился из Петербурга, и думать, что с небольшим через неделю он снова поехал в Петербург, вряд ли возможно. Быть может, в дате письма у драматурга вкралась описка, и нужно читать: «Суббота 6 января». — В таком случае данное письмо должно быть отнесено к 1868 г., а в этом году Островский 6 января был в Петербурге на первой постановке «Василисы Мелентьевой», которая в первый раз была дана в Петербурге на сцене Александринского театра 10 января 1868 г. в бенефис Григорьева 1-го. Когда выехал Островский из Москвы? Еще 28 декабря 1867 г. Бурдин писал ему: «пожалуйста, когда поедешь из Москвы, не забудь захватить с собою 3 и 4 томы своих сочинений», 3 января 1868 г., т. е. в среду, «Василиса Мелентьева» была дана в первый раз в Москве на сцене Малого театра в бенефис Садовского, и возможно, что драматург предполагал выехать в Петербург на другой день после представления «Василисы Мелентьевой» в Малом театре, т. е. в четверг 4 января, но почему-то в четверг не поехал и отложил отъезд до понедельника, т. е. до 8 января. Следует еще вспомнить письмо Островского к М. М. Стасюлевичу по поводу постановки «Василисы Мелентьевой» в Петербурге, в котором Островский писал: «Милостивый Государь Михаил Матвеевич. Извините меня, ради бога, мне не только некогда заехать к Вам, мне некогда даже дома на одну минуту подумать о чем-нибудь другом, кроме постановки пьесы; на мне лежит все: репетиции, чтение с артистами на дому, костюмы, декорации». Ввиду того что «Василиса Мелентьева» была поставлена 10 января, вряд ли можно согласовать это письмо с предположением, что Островский выехал из Москвы 8 января, а в таком случае, конечно, должно отпасть предположение, что дату письма нужно читать: «Суббота 6 января». Но ведь можно еще предположить описку не в числе, а в названии месяца и прочесть: «Суббота 5 февраля». В таком случае письмо должно быть датировано 1872 годом, когда 5 февраля приходилось именно в субботу, а 4 февраля 1872 г., т. е. в пятницу, Островский писал Бурдину: «Приеду я во вторник с почтовым поездом», т. е., следовательно, он предполагал выехать из Москвы в понедельник 7 февраля, что

совпадает с показанием письма по отношению дня. Итак, если предположение об описке драматурга правильно, настоящее письмо должно быть датировано: «Суббота 5 февраля (1872 г.)».

41

Сборным воскресеньем называлось первое воскресенье после первой недели великого поста, иначе называемое «неделя православия».

42

К. Н. Константинов, де-Лазари, артист московской оперы (1864—1876) и Александринского театра; гитарист и исполнитель цыганских романсов.

47

Ветлицкий, Алексей Алексеевич — строитель Московской городской больницы (на Калужской ул.).

48

Дмитрий Васильевич Живокини.

51

Кто Пестеров — выяснить не удалось.

ОСТРОВСКИЙ — СОТРУДНИК «МОСКВИТЯНИНА»

I

«Есть какой-то Островский, который хорошо пишет в легком роде, как я слышал», писал М. П. Погодин своему сотоварищу по изданию «Москвитянина» С. П. Шевыреву. «Спроси у г. Попова. И не может ли он спросить у него его трудов. Я посмотрел бы их и потом объявил бы свои условия».

Шевырев в ответ писал Погодину: «С Островским я знаком. Он бывает у меня. Это друг Попова. Я надеюсь от него (получить) «Банкрута».

М. Г. Попов учил детей у Шевырева, а с Островским они были товарищи по гимназии.

Знакомство Островского с Погодиным произошло, повидимому, не ранее 3 декабря 1849 г., когда на вечере у Погодина драматург прочел своего «Банкрута».

Пригласить Островского к себе на вечер Погодин поручил Н. В. Бергу, который писал ему: «Непременно явлюсь к вам в субботу, но не знаю, можно ли будет привесть Островского. Я знаком с ним, но не так коротко». Тем не менее Берг это поручение выполнил, и Островский был на вечере у Погодина, прочел «Банкрута» и, как известно, своим произведением произвел сильное впечатление.

Сотрудничество Островского в «Москвитянине» началось с 1850 г. Прежде всего, конечно, шла речь о напечатании «Банкрута». В № 2 «Москвитянина» за 1850 г. в «Смеси» (стр. 28) появилась такая заметка: «Может быть и «Банкрут» украсит страницы «Москвитянина».

Погодин заботился о проведении «Банкрута» через цензуру. Получив письмо от гр. Блудова, «председателя всех комитетов о цензуре, университетов, просвещения», в котором тот предлагал Погодину провести «Банкрута» через местную цензуру, Погодин 2 марта шлет копию с этого письма Островскому и пишет при этом: «Надо пользоваться этим расположением и ковать железо, пока горячо». Далее он предполагает послать циркулярно эту копию своему цензору, потом попечителю и, «подсмолив такую механику», тотчас пустить «Банкрута» в печать *. И действительно, в № 6 «Москвитянина», т. е. во второй книжке журнала за март 1850 г., комедия Островского была напечатана с переменой заглавия на «Свои люди — сочтемся».

Так началось сотрудничество Островского в «Москвитянине», издатель которого Погодин, как известно, всячески эксплоатировал драматурга и его сотоварищей по так называемой «молодой редакции» «Москвитянина», т. е. Е. Н. Эдельсона, А. Григорьева, Б. Алмазова и др. Здесь можно только несколько уточнить и выяснить некоторые подробности относительно самого Островского. Известно его письмо к Погодину от 25 февраля 1851 г., в котором он спрашивал, может ли тот дать ему за простое сотрудничество 50 руб. в месяц «с обязательством доставить в продолжении года статей на эту сумму и с правом кроме того давать статьи и в другие издания». Погодин, повидимому, дал на это согласие (см. письмо его

* Неизданные письма... Из архива А. Н. Островского. М. — Л. 1932, стр. 418, Письмо № 1.

№ 24), но вместе с тем в этом же письме выразил свое недовольство сотрудниками, очевидно, «молодой редакции» («эти господа нового понимания»), и заявил, что «для журнала я должен сам искать других средств новых, но личное мое, литературное, обязательство остается во всей силе. Еже сказах, сказах». Однако это обязательство продолжалось не более года. В апреле 1852 г. Погодин сильно «озадачил» Островского, заявив, что он не может платить ему за сотрудничество более 20 руб. в месяц. Драматург готов был пойти на уступки, но указал на то, что менее чем на 30 руб. в месяц он жить не может. Чем кончились эти переговоры, из писем не видно. Островский только потом писал Погодину, что недоразумения у них никогда не кончатся благодаря неясности отношений, его беспечности, посторонним людям и пр. А в октябре 1852 г., как видно из письма Т. И. Филиппова Погодину от 3 ноября 1852 г., управление, очевидно, редакцией «Москвитянина» было поручено Филиппову.

Сотрудничество Островского в «Москвитянине» не ограничивалось печатанием только художественных произведений, т. е. пьес.

Сообщая в одном из своих писем Островскому о медленном наборе очередного номера «Москвитянина», Погодин замечает: «Ну да этот нумер выручится «Банкрутом», а там уже примемся хорошенько. Если разбор «Ошибки» выйдет капитальный, то лучше отложить его до следующего, чтоб не мешал его действию «Банкрут», который займет все внимание и прочим статьям будет невыгодно подле него.

Банкрут
Холостяк
О Фете
Лихач
Масляница и довольно» *.

Упомянутый в письме разбор «Ошибки» — это статья о повести Е. Тур «Ошибка», принадлежащая Островскому и напечатанная в следующем № 7 «Москвитянина», а не вместе с комедией «Свои люди — сочтемся». В одной книжке с последней напечатана статья о Фете. Вот об этих и других литературно-критических статьях у нас и будет речь дальше.

II

Вновь найденные в Отделе рукописей Всесоюзной Библиотеки им. Ленина при разборе архива Погодина неизвестные письма Островского к Погодину, напечатанные выше, проливают некоторый свет на вопрос о сотрудничестве Островского в «Москвитянине».

В своем письме, которое должно быть датировано июлем — августом 1850 г., Островский пишет Погодину: «О «Греческих стихотворениях» привезу в типографию». Статья «Греческия стихотворения» Н. Щербины» была напечатана в «Москвитянине» без подписи (1850 г., № 15, август, кн. 1, отд. IV, стр. 69—82). Ясно, что эта статья принадлежит Островскому. Вряд ли он мог бы так уверенно говорить, что привезет ее в типографию, если бы это была не его статья, а чужая, и, во всяком случае, не оговаривая этого, тем более, что в другом письме он пишет: «О Щербине пришлю завтра».

Статья начинается словами: «Второй подарок любителям поэзии от начала нынешнего года! Первым они были обязаны Г. Фету; за второй должны благодарить г. Щербину. Итак, две книжки стихотворений за шесть месяцев: и половина из них не новые (это относится к стихотворениям Г. Фета)!»

---

* Там же, стр. 419—420.

«Лихач» — это очерк С. П. Колошина «Из записок праздношатающегося». «Лихач», также перенесенный в № 7 «Москвитянина» 1851 г. «Смесь», стр. 31—36. Что за произведения «Холостяк» и «Масляница», установить не удалось.

О стихотворениях Фета, как было упомянуто выше, мы находим статью в том же «Москвитянине» за 1850 г. (№ 6, март, кн. 2, отд. IV, стр. 37—54), т. е. как раз в одной книжке с комедией «Свои люди — сочтемся» и приблизительно за полгода до статьи о «Греческих стихотворениях» Щербины. Ясно, что так начать статью о «Греческих стихотворениях» мог только тот же критик, который писал и о стихотворениях Фета. Вот почему можно высказать твердую уверенность, что и статья о стихотворениях Фета также принадлежит Островскому. Наконец, что обе эти статьи принадлежат одному и тому же автору, доказывается следующими словами из критической статьи о книге «Поэтические эскизы. Альманах стихотворений...» («Москвитянин», 1851 г., № 3, февраль, кн. 1, стр. 440—448): «Мы не разделяем с петербургскими журналами их неприязненного чувства ко всем нынешним поэтам, хотя и не можем не согласиться с тем, что настоящее время и само по себе не богато поэтическими талантами, и беднее прежнего: это было высказано нами еще в прошлом году, по поводу разбора стихотворений Г. Г. Фета и Щербины» (Подчеркнуто мною. — *Н. К.*). Отсюда можно сделать лишь вывод, что не только разборы стихотворений двух названных поэтов, но и статья о «Поэтических эскизах» принадлежат одному и тому же автору, т. е. Островскому.

Здесь важно отметить, что данная статья о «Поэтических эскизах» никак не может принадлежать Е. Н. Эдельсону, так как в книжке «Москвитянина», где она напечатана, Эдельсон, как увидим дальше, совершенно не участвовал. А раз это так, то следовательно, нельзя Эдельсону приписать и статей о стихотворениях Фета и Щербины, хотя в «Москвитянине» за 1850 г., повидимому, из будущей «молодой редакции» он один с Островским принимал участие.

Упоминание о стихотворениях Щербины является руководящим при определении автора статьи. Так, в статье «Стихотворения Г. Г. Р. Одесса. 1850. Стр. 63 в 8-ю д. л.» читаем: «Нет, избавьте нас, Г. Г. Р., от этих сетований, когда-то очень обыкновенных, но теперь слишком пошлых, у столичных поэтов, и которые нам было очень больно встретить в Одессе, юной, свежей, богатой, веселой, и, главное, обладающей таким поэтом, как г. Щербина» («Москвитянин», 1850 г., № 18, сентябрь, кн. 2, отд. IV, стр. 67).

В другой статье, напечатанной в той же книжке «Москвитянина»: «Очерки современной жизни. Доверчивые женихи. Драма в 4-х действиях. Соч. М. Корсини», автор заявляет: «Талант г-на Корсини так легко и щедро действовать на трудном поприще литературы, повидимому, остается для нас загадкою Сфинкса. Вы, читатель, может быть удивитесь нашему расположению говорить с вами так загадочно, употреблять сравнения из мифологии, из мира греческого. В этом вините не нас, а г-на Щербину, который перенес нас всем существом в недра древнего мира. Полные еще впечатлениями, оставленными в нас достойным поэтом, мы, например, по поводу предлежащего произведения, не можем не заметить его автору следующее...» Несомненно, что обе эти статьи принадлежат автору статьи о «Греческих стихотворениях» Щербины, т. е. Островскому.

Особенно показательной является статья: «Стихотворения девицы Е. С. Киев. 1850». («Москвитянин», 1850 г., № 23, декабрь, кн. 1, отд. IV, стр. 143—144). «Поэзия наша, повидимому, переселяется на юг, — пишет автор, — и тогда как в Москве и Петербурге почти перестали выходить стихотворения отдельными книгами, Одесса подарила нас «Греческими стихотворениями» Г. Щербины, а с другой стороны, стихотворными трудами г-на Г. Р., с Кавказа откликнулся Я. Полонский, и оттуда же прислал нам вирши «Из действительной жизни» г. Шкарин. Киевская муза шлет нам теперь стихотворения г-жи девицы Е. С.»

Здесь, таким образом, мы находим упоминания о всех тех поэтах, о которых писал наш критик (за исключением Шкарина, о виршах кото-

рого нет никакой статьи). О Полонском находим статью в «Москвитянине» за 1850 г. (№ 8, апрель, кн. 2, отд. IV, стр. 147): «Сазандар. Стихотворения Я. П. Полонского. Тифлис. 1849». Предварительно еще в № 5 «Москвитянина» (отд. VI) было помещено несколько стихотворений Полонского, перепечатанных из газеты «Кавказ» по выбору, вероятно, того же Островского, с таким коротеньким предисловием: «В Тифлисе, в сердце Кавказских гор, раздались звуки русской лиры. Один из талантливых наших молодых поэтов, Я. П. Полонский, которого так давно, к сожалению, не слыхать было на нашем Парнасе, издал несколько стихотворений, под заглавием «Сазандар». В газете «Кавказ» помещено краткое о них известие, из которого мы заимствуем несколько стихотворений, чтоб поделиться удовольствием с нашими читателями». По выходе в свет книжки «Стихотворений» Полонского о них и была напечатана упомянутая выше критическая статья в «Москвитянине», принадлежащая, надо полагать, Островскому.

В № 7 «Москвитянина» за тот же 1850 г. (апрель, кн. 1, отд. IV, стр. 69—88) напечатана уже известная критическая статья драматурга о повести г. Тур «Ошибка». Статья эта в тексте подписана инициалами А. О., а в оглавлении: А. Н. О-го. Кроме того, Погодин вряд ли стал бы писать Островскому, что «если разбор «Ошибки» выйдет капитальный, то лучше отложить его до следующего нумера», если бы этот разбор не принадлежал Островскому.

В № 17 «Москвитянина» за 1850 г. помещена статья о комедии П. Н. Меньшикова «Причуды». Вполне естественно предположить, что автором ее является Островский, которого, конечно, более, чем коголибо другого, интересовала драматическая литература. Обратим внимание еще на приписку в одном письме Погодина к драматургу, приблизительно датированном 1850 г., что, впрочем, не имеет большого значения: «Устройте-ка соединенными силами обозрение Русской слов[есности] за 4 месяца. Тут уместно и обозрение драм[атических] произв[едений]». Очевидно, у Островского с Погодиным был разговор о желательности рецензий на драматические произведения, причем эти рецензии имел в виду писать сам драматург. Погодин поэтому и упомянул о драматических произведениях. Отметим еще одну подробность. Комедия «Причуды» напечатана в «Современнике» (1850 г., № VIII). Островский вообще журнальных обозрений не писал, а выбирал из той или другой книжки журнала наиболее заинтересовавшее его художественное произведение, о котором и писал статью. Никто другой, кроме него, не мог бы выбрать из книжки «Современника» одну только комедию «Причуды». Вот почему автором статьи об этой комедии в «Москвитянине» мы считаем Островского, не говоря уже о том, что этому как нельзя более соответствуют и содержание и самый характер статьи.

III

В № 23 «Москвитянина» за 1850 г. напечатано объявление о подписке на «Москвитянин» на 1851 г. Оно составлено, по нашему мнению, Островским: он же составлял такие объявления о подписке на 1852 г. Говоря об интересующем нас отделе «Критики и библиографии», где участвовал и драматург, и перечисляя авторов этих статей, объявление, однако, не упоминает об Островском. Очевидно, это сделал сам драматург из скромности. Но в объявлении не упомянуто также ни одного имени его сотоварищей. Очевидно, это сделано потому, что они не участвовали в журнале, иначе они могли бы быть в претензии, хотя, как увидим далее, в «Москвитянине» 1850 г., вероятно, принимал участие Е. Н. Эдельсон.

Любопытны следующие строки объявления: «Известные публике сотрудники «Москвитянина», участвовавшие в нынешнем году, будут участвовать, большей частью, и в следующем: редакция уже получила от них

значительное число статей, ученых и литературных, о которых в свое время будет объявлено. Кроме того: «Москвитянин» приобрел и новых сотрудников и, попрежнему, всегда готов дать место всякому новому дарованию, не стесняясь никакими литературными предубеждениями».

Прежде чем говорить о каждом из сотрудников «молодой редакции», остановимся на письме к Островскому П. М. Леонтьева, который через С. Д. Шестакова, а не С. Д. Шереметева, как утверждают комментаторы «Неизданных писем», получил от Погодина приглашение приехать к нему для взаимных условий относительно сотрудничества в «Москвитянине». Это письмо относится, вероятно, к маю 1850 г., так как предполагаемая рецензия Леонтьева на небольшое рассуждение Михаила Стасюлевича «Афинская гегемония», о чем идет речь в письме, напечатана в «Москвитянине» в 1850 г., № 11, июль (кн. 1, отд. IV, стр. 130—140). Упомянутый далее в письме «Кадет» кн. В. В. Львова напечатан в «Москвитянине» в 1849 г. (ч. VI, стр. 278), а рецензия А. Е. Студитского на «Мифы славянского язычества» А. Шеппинга — также в «Москвитянине» в 1849 г. (ч. VI, стр. 53). Отсюда естественно сделать вывод, что переговоры относительно вступления в журнал «молодой редакции» начались уже в 1850 г. Но, повидимому, эти переговоры ни к чему не привели, так как Леонтьев дал очень уклончивый письменный ответ на предложение Погодина и лично не пошел к нему для переговоров, а приблизительно через год, в феврале 1851 г., Островский просил Погодина «по крайней мере не препятствовать тому слуху, что «Москвитянин» может быть под моим распоряжением». Известно письмо Островского к Погодину от 25 февраля того же 1851 г., в котором он сообщает о разочаровании, вызванном у членов будущей «молодой редакции» отрицательным отношением Погодина к передаче редактирования журнала в руки Островского. «Мы думали, что журнал будет ваш, следовательно и «наш», говорили они А. Н. Островскому. А Погодин и не думал уступать журнала комунибудь другому. Строго говоря, выражение «молодая редакция» мало подходит к данному случаю, так как это были просто сотрудники редакции, которым был поручен литературно-критический отдел, редактором же все-таки оставался сам Погодин. Недаром он писал в отмеченном выше письме (№ 22), ответном на письмо Островского от 25 февраля 1851 г.: «Журнал я отдавал сам вначале, но эти господа нового понимания с... логикой хотят видно, чтоб я платил и клал деньги, кроме положенных, и плясал по их дудке, молчал под их музыку, а они будут делать, что хотят, получать будущие выгоды и настоящее вознаграждение да еще называть их пожертвованными. Да благослови их бог вместе со всеми благородными рыцарями «Отечественных Записок» и «Современника». Я написал теперь все кажется ясно и решительно по Вашему желанию».

Конечно, яснее и решительнее нельзя было сказать, что хозяином журнала остается Погодин, а не какие-то «господа нового понимания».

Что касается сотрудничества Е. Н. Эдельсона, то ценным документом в этом случае является печатаемое ниже его письмо Погодину от июля 1854 г., в котором он подробно перечисляет, начиная с № 8 1852 г., сколько страниц и в каком номере «Москвитянина» он написал, так что почти каждую статью его можно определить. Расчет доведен до № 12 1854 г. На чистой странице этого письма карандашом сделан, очевидно, уже Погодиным, такой же подсчет за 1851 г. и первые шесть номеров 1852 г. Отсюда можно было бы сделать вывод, что в 1850 г. в «Москвитянине» Эдельсон не участвовал: иначе следовало бы произвести такой же расчет и за 1850 г. Но в другом своем письме к Погодину, относящемся к марту 1851 г., Эдельсон, прося уплатить ему деньги, замечает: «По моим рассчетам за напечатанные уже статьи мне следовало 30 руб. сереб.» А между тем в 1851 г. до этого письма была напечатана в «Москвитянине» только одна его статья об «Отечественных Записках» 1850 г. Ясно, что какие-то статьи были напечатаны в «Москвитянине»

в 1850 г. Но сколько их и какие именно статьи, этого установить невозможно. Одно можно сказать, что их было менее листа, так как за лист в 16 страниц до 1854 г. Погодин платил 15 руб., как это видно из того же письма Эдельсона, а статья об «Отечественных Записках» 1850 г. занимала 17 страниц.

В 1851 г. Эдельсон, как это видно из письма этого года, уже хлопочет по редакции.

Вероятно, в 1851 г. начал сотрудничать Т. И. Филиппов, который сначала писал статьи по филологии, славяноведению, рецензии на академические издания, причем статьи его впоследствии по большей части были подписаны или инициалами или полной фамилией. А в 1852 г. ему, как уже было упомянуто, было поручено управление редакцией.

Несомненно, что с 1851 г. начал свое сотрудничество в «Москвитянине» А. Григорьев.

IV

Что же было поручено этим новым сотрудникам? Об этом говорит следующее примечание от редакции к статье Григорьева: «Москвитянин» удерживался от разбора журналов, но в последнее время книг вышло очень мало и журналы сделались как бы вместилищем всей литературы, поневоле должно говорить о них; иначе отделение критики пришлось бы, по крайней мере на текущее время, совершенно уничтожить. Чтоб сохранить возможное беспристрастие, редакция поручила разбор журналов молодым литераторам, принадлежащим к одному поколению с разбираемыми авторами. Второе требование редакции было — разбирать произведения только с художественной стороны». Н. П. Барсуков, говоря об этом нововведении, указывает, что оно сделано членами молодой редакции «Москвитянина» и что обозрение журналов вели Григорьев, Островский и Эдельсон (т. XI, стр. 398).

Действительно, Эдельсону принадлежат в «Москвитянине» за 1851 г. статьи об «Отечественных Записках» за 1850 и 1851 гг., обзор которых он давал в этом году регулярно, и статьи о некоторых книжках «Библиотеки для чтения», обзор которой обычно давал Григорьев. Последний давал также обзор «Современника» и «Пантеона» и «Репертуара русской сцены». Нам думается, что Барсуков ошибся, включая Островского в числе обозревателей русских журналов: нет никакого основания приписать Островскому хотя бы один такой обзор.

Впоследствии произошли некоторые перемены в авторах обозрения. Так, в 1853 г. обзор «Современника» давал Б. Н. Алмазов, вступивший в «Москвитянин» также в 1851 г., обзор «Отечественных Записок» — Т. И. Филиппов. Но для нас это уже не имеет значения. Для нас важно было указать, что в 1850 г. эти сотоварищи Островского, за исключением Эдельсона, ничего не печатают в «Москвитянине», и, таким образом, большинство статей отдела «Критики и библиографии» за 1850 г. принадлежит Островскому. Конечно, здесь имеются в виду статьи о литературно-художественных произведениях.

В подтверждение этого можно привести еще следующее свидетельство самого Островского. В апреле 1851 г. он писал Погодину по поводу статьи о «Комете»: «Эти два дня писал, переписывал, перемарывал и все таки выходит скверно; совестно показаться в публику с этим после тех критик, которые были в прежних книжках». О «Комете» Островский так ничего и не написал, и в «Москвитянине» в 1851 г. в отделе «Критика и библиография» ему принадлежат только две статьи: 1) «Поэтические эскизы. Альманах стихотворений» * и 2) «Тюфяк», повесть А. Ф. Писемского **.

* Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданный Я. М. Поздняковым и А. П. Пономаревым. Москва. 1850. В Полицейск. тип., в 12 д. л., ст. и 143 и III, «Москвитянин», 1851 г., № 3, февраль, кн. 1, стр. 440—448.

** Тюфяк, повесть А. Ф. Писемского. Москва 1851 г. «Москвитянин», 1851 г., № 7, апрель, кн. 1, стр. 374—382.

Но этим сотрудничество Островского в «Москвитянине», как литературного критика, повидимому, не закончилось. Правда, ни одна из статей в следующих книгах «Москвитянина» на 1851 г. не возбуждает вопроса о принадлежности ее Островскому, но что касается 1852 г., то, по всей вероятности, Островскому принадлежит небольшая рецензия на комедию в 1 действии В. Шевича «Проказница», «главное действующее лицо которой, жена торговца, Софья Петровна Глебова, т. е. проказница, по словам рецензента, входит в театральный маскарад с своим кавалеро серванте Бекетовым» *. Вот это подчеркнутое выражение и выдает, на наш взгляд, автора. Островский, выписывая из старинных пьес разные слова, между прочим, слово «полюбовник», в виде комментария к нему приводит итальянское «cavaliero servente». Влагает он это выражение и в уста Телятева в «Бешеных деньгах», где оно совершенно уместно, тогда как, говоря о жене торговца, можно было употребить его лишь в ироническом смысле, как это и сделал здесь Островский, зорко следивший за языком своих произведений. Далее отметим, что эта рецензия не может принадлежать ни Эдельсону, который в этой же книжке «Москвитянина» (отд. V, стр. 33—35) поместил разбор февральской книжки «Отечественных Записок» за 1852 г., заполнив им свои 2½ страницы, ни Григорьеву, который, в свою очередь, в этой же книжке «Москвитянина» поместил разбор февральских книжек «Современника» и «Библиотеки для чтения», причем разбор последней подписан буквой Г.

Но Островский, конечно, ценил язык не только своих произведений, но и чужих. Это обстоятельство дает основание считать его автором рецензии рассказа Горчакова «Изба» **, напечатанной в № 8 «Москвитянина» за 1852 г. Рецензент дает такую его оценку: «И по скорости, с какой написан этот рассказ, и по самому рассказу видно, что автор не новичок в литературном деле. Рассказ очень хорош и заключает в себе полную историю постройки крестьянской избы». Передавая содержание этого рассказа, критик подчеркивает (печатает курсивом) все характерные слова в этом рассказе, представляющие собою специальные термины, как, например, *матица*, *накат*, *потолочина*, *рубить в крюк*, *в лапу*, *красные окна*, а не *волоковые* и др., или слова, характеризующие персонажи повести, как, например, *смекают*, *радельник*, *пропить* (в смысле выдать замуж), — когда говорят крестьяне: «в избе все сделано *в акурат*, *под калибер*, без всякой *марали*», — говорит земский. Такой интерес к языку рассказа, мне думается, опять-таки выдает Островского.

Рецензент указывает, между прочим, и на недостаток рассказа. «Напрасно автор «Избы», — говорит он, — поставил свою идиллию в такую рамку, арабески которой состояли из «Северных цветов, из баронессы, из Саши, из таинственного покрывала и из других прочих лиц, сюрпризов и нежностей, не имеющих никаких прямых отношений к «Избе». Неловко как-то видеть картину современной школы, — копия ли она, оригинал ли, все равно, — в старой и уж слишком полинявшей раме». Обращает на себя внимание стиль статьи, образность ее языка, столь свойственная такому художнику слова, каким был Островский.

Кроме того, опять-таки отметим, что рецензия на рассказ Горчакова не может принадлежать Эдельсону, который в той же 8-й книжке «Москвитянина» (отд. V, стр. 137—140) поместил разбор мартовской книжки «Отечественных Записок», заполнив им свои 3½ страницы, ни Григорьеву, который за своей полной подписью поместил большую статью «Летопись московского театра. Обозрение зимней поры (сезона)» и без

* Проказница комедия в 1 действии, В. Шевича. Москва. В тип. Вед. Моск. Гор. Полиции. 1851, в 16 д. л. Стр. 70 — «Москвитянин», 1852 г., № 5, март, кн. 1, отд. V, стр. 23.

** Изба. Рассказ, посвященный воспоминанию Яузских вечеров, изд. Горчаковым. Москва. 1852. В тип. А. Семена, в 16 д. л., стр. 137 — «Москвитянин», 1852 г., № 8 апрель, кн. 2, отд. V, стр. 97—105.

подписи — обзоры мартовских книжек «Современника» и «Библиотеки для чтения».

Также Островского, по нашему мнению, следует признать автором большой рецензии на роман Токарева «Сила воли» *.

«Автор этого романа, — говорит критик в начале своей статьи, — задал себе — развить философский тезис: «что может сделать человек, обладающий силой воли», а в конце статьи, что автор имел намерение создать что-то высокое, олицетворить какой-то колоссальный характер». Задача критика показать, что это автору романа не удалось.

Приведя разговор баронессы с героем романа Георгием, критик заявляет: «Из этого разговора, которого, по мнению Георгия, не мог бы понять никто, кроме его и баронессы, трудно понять только то, в чем больше всего старается убедить нас автор, что этот разговор ведут мужчина и женщина, необыкновенные, натуры широкие, существа, стоящие выше других людей. Бывало, автор вложит в уста своему герою какую-нибудь пышную фразу, заставит его назвать наши страсти страстишками, наши чувства сахарными куколками, с сусальным золотом, — и все верят на слово, что герой его действительно велик. Теперь прошли те блаженные времена; теперь, что бы ни говорил автор, как бы ни старался он уверить нас, что чувства у его героев не конфектные, страсти не пряничные, — никто не поверит величию действующих лиц его до тех пор, пока не увидит в них самих живого образа величия» (85 стр.).

Обратим внимание на то, что все подчеркнутые слова взяты критиком из текста разбираемого им романа и, таким образом, бьют прямо по цели, убеждая читателя в том, что нет никакого величия в героях данного романа.

Той же цели — показать прямо-таки нелепости романа — достигает и ирония, обычно применяемая Островским.

«Роман, — пишет критик, — кончается словами:

«И ярче, все ярче блистала луна, и громче, все громче свистал соловей».

Да не подумают читатели, что мы вставили здесь куплет из известного романса: «На заре ты ее не буди», нет, надобно полагать, что в минуту объяснения Георгия с баронессой это действительно совершалось в тифлисской природе, потому что так гласят последние строки романа». Ясно, что после этого замечания критика никто не поверит этим последним строкам романа.

По поводу настоящей рецензии мы опять должны заметить, что она не может принадлежать Эдельсону, который в этом же № 15 «Москвитянина» за 1852 г. поместил разбор июльской книжки «Отечественн. Записок» этого года, чем и заполнил свои 17 страниц. Григорьев в этой книжке поместил, правда, без подписи, разбор июльской книжки «Современника»; кроме того, рецензия романа «Сила воли» по своему стилю совершенно не подходит к григорьевским статьям.

Припомнив то, что было сказано выше о рецензиях на драматические произведения, мы скорее всего предположим, что автором рецензии на комедию В. Шевича «Женихи» ** является Островский, тем более что он уже писал о его же комедии «Проказница». В этом еще легче мы убедимся, если сопоставим данную рецензию со статьей о комедии «Причуды» и с рецензией на комедию «Странная ночь», так как требования, предъявляемые к драматическому произведению, во всех этих случаях оказываются одинаковыми. Вот что пишет критик: «Автор, пови-

---

* Сила воли. Роман Г. Токарева. Тифлис, в тип. Канцелярии Наместника Кавказского. 1852. В 12 д. л., стр. 243 — «Москвитянин», 1852 г., № 15, август, кн. 1, отд. V, стр. 81—95.

** Женихи. Комедия в трех действиях Василия Шевича. Москва. 1852. В типографии Степановой, 96 стр. — «Москвитянин», 1852 г., № 18, сентябрь, кн. 2, отд. V, стр. 87.

димому, вовсе незнаком с современными или хоть какими-нибудь требованиями от настоящей комедии. Этим только и можно объяснить себе смелость, с какой он назвал этим именем свое произведение. Если разуметь под комедией — не более, как постоянное разговаривание нескольких лиц по очереди, перемешанное иногда монологами и разделенное без всякой внутренней причины, лишь для отдыха читателя, на акты, — то, пожалуй, произведение г. Шевича и можно назвать комедией.

Но если к этому простейшему требованию прибавить хоть одно еще, например, требование смешного или занимательного, не говоря уже о других, то «Женихи» окажутся неспособными удовлетворить им».

Остается сказать еще об одной критической статье, автором которой возможно предположить Островского; это — рецензия на «Степные сказки» Г. Данилевского*, в которой трактуется вопрос о переложении народных сказок в стихи, в связи с чем идет речь и о народной песне.

Прежде всего заметим, что в кружке «молодой редакции» Островский «признавался авторитетом по части народной песни, с мнением которого в этих вопросах приходилось считаться. Вот что писал Григорьев в своей статье «Русские народные песни» **, написанной в связи с выходом в свет собрания песен М. Стаховича: «Метр стиха русской песни не понятен без пения. Пение большей частью рубит стих на две половины, которые А. Н. Островский весьма метко называет подъемом и спуском». Если с мнением драматурга считались в таких подробностях, как только что отмеченная, тем более ему были и книги в руки по части таких общих вопросов, как переложение народных сказок в стихи. Вот почему данную статью можно приписать Островскому.

Затем укажем, что в книжке «Москвитянина», где помещена данная рецензия, Эдельсон совершенно не участвовал, и, следовательно, его авторство отпадает, а Григорьев поместил здесь статью о повестях Альфреда Мюссе, да и характер интересующей нас рецензии мало напоминает григорьевские статьи. На этом же основании вряд ли можно ставить в данном случае вопрос об авторстве Т. И. Филиппова.

На этом, повидимому, заканчивается сотрудничество в «Москвитянине» Островского как литературного критика. Хотя в журнале и в 1853 и в 1854 гг. принимали участие и А. Григорьев, и Б. Н. Алмазов, и Т. Филиппов и Е. Эдельсон (правда, в 1853 г. он печатался только в четырех книжках «Москвитянина»), но что касается Островского, то ни одна статья не возбуждает вопроса о принадлежности ее нашему драматургу. Недаром 4 октября 1853 г. он писал Погодину: «Михайло Петрович, позвольте мне побывать у Вас с Писемским. Мне тоже нужно поговорить с Вами, вот уже более полугода, как я ничего не знаю о Ваших намерениях относительно журнала». А как раз в мартовской книжке «Москвитянина» за 1853 г., т. е. более полугода тому назад, была напечатана его комедия «Не в свои сани не садись».

Островский, очевидно, все более уходил в работу художника, а не критика. Вместе с тем все более и более назревал неизбежный разрыв Островского с Погодиным и его «Москвитянином», объясняемый прежде всего экономическими причинами: не было возможности более терпеть эксплоатацию Погодина, и появившаяся на сцене в 1854 г. комедия «Бедность не порок», имевшая громадный успех и послужившая вместе с тем причиной неудовольствия Погодина на Островского за то, что тот не прочитал у него свою комедию, не была напечатана в «Москвитя-

---

* Степные сказки Григория Данилевского. С.-Петербург, в тип. П. Фишера. 1852, стр. 131, в 12 д. л. — «Москвитянин», 1852 г., № 14, июль, кн. 2, отд. V, стр. 50—54.

** А. Григорьев. Русские народные песни. Критический опыт. (Посвящается А. Н. Островскому, П. М. Садовскому и Т. И. Филиппову.) Статья первая — собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал Михайло Стахович. Москва 1854 г. Тетрадь 3-я, 21 стр. Тетрадь 4-я, 19 стр. — 4° — «Москвитянин», 1854 г., № 15, август, кн. 1, отд. IV, стр. 93—142.

нине». Наконец, в 1855 г. в «Москвитянине» была напечатана драма «Не так живи, как хочется», и на этом закончилось и вообще сотрудничество Островского в журнале Погодина, а в следующем году прекратился и самый журнал.

V

Познакомимся теперь с воззрениями Островского как литературного критика.

Первая критическая статья Островского в «Москвитянине» о стихотворениях Фета интересна не только своей характеристикой Фета как поэта, но и своими вступительными замечаниями, предметом которых является вопрос о так называемом литературном влиянии и о подражании одного писателя другому.

«Чтобы в произведениях человека, взявшегося за перо после Пушкина, Жуковского, Лермонтова и некоторых других, не отразилось их влияние, этого требовать не только невозможно, но, по нашему мнению, требовать и не следует», — пишет Островский. «Это влияние — влияние учителя на ученика, подобного влияния не избежали, в свое время, ни Пушкин, ни Жуковский, ни Лермонтов. Пушкин во многих своих «оригинальных» стихотворениях заимствовал свои вдохновения у иностранных поэтов, но это самое уменьшает ли достоинство тех произведений Пушкина, которые отзываются влиянием иностранных поэтов. — Ни мало; потому что, заимствуясь от них, вдохновляясь ими, — и сначала, пожалуй, учась у них, потом подражая, он оставался верен себе, оставался самобытен, на всякую идею клал свою печать, — такую печать, по которой легко отличить его произведения от произведения всякого другого поэта и русского и не-русского. То же самое, с некоторыми видоизменениями, можно сказать о Жуковском, Лермонтове и некоторых других».

Эти замечания Островского очень интересны и важны: они напоминают нам другое его произведение, его речь о Пушкине, произнесенную через тридцать лет после данной статьи, на обеде, устроенном Обществом любителей российской словесности по случаю открытия памятника А. С. Пушкину. В обоих случаях мы находим даже одинаковые выражения: Пушкин «оставался верен себе, оставался самобытен». Пушкин завещал своим последователям «самобытность», завещал каждому быть самим собой.

Так, вот, значит, когда еще слагался у Островского тот взгляд на Пушкина, о котором в упомянутой своей речи он сказал, что этот взгляд вырабатывался у него для собственного употребления.

Далее Островский переходит к вопросу о подражании: «Другое дело — подражание собственно в форме», — говорит он. «В этом деле есть также известного рода условия, строго необходимые. Кто подражает не для того, чтобы подражать, не с тем, чтобы потом признаться в том, что он подражал, — должен помнить, что можно и достохвально перенять у хорошего учителя правила общежития, известные приемы и манеры, но копировать своего учителя во всем, как бы хорош ни был он, — укладывать всякую мысль свою, всякий поступок в ту форму, в те рамки, которых держится учитель, — по крайней мере странно!.. Можно, например, писать размерами Пушкина, Жуковского, Лермонтова и других, держаться несколько их манеры, но подражать этой манере так, чтобы стихотворение ваше прямо напоминало или Пушкина, или Жуковского, или Лермонтова, — не следует: такого рода стихотворение будет относиться к искусству, как литография к живописи».

Впоследствии, работая над своими историческими пьесами и, в частности, над драматической хроникой «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», Островский в письме к своему приятелю Ф. А. Бурдину не постеснялся сказать, что он берет форму «Бориса Годунова». Говорил ли он это чистосердечно или только с целью прикрытия именем Пушкина, чей «Борис Годунов» в то время считался пьесой несценичной, — это не важно; важно то, что в своей драматической хронике Островский сумел

остаться верным себе, остаться самобытным, и его «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» не является подражанием Пушкину, хотя без пушкинского «Бориса Годунова» «Самозванец» Островского вряд ли мог бы явиться в свет.

«На все эти мысли (о подражании. — *Н. К.*), давно уже, думаем мы, для большинства наших читателей не новые, — продолжает Островский, — навело нас чтение стихотворений г. Фета». С точки зрения подражательности Островский и рассматривает стихотворения Фета, который, по его словам, «во многих своих произведениях, вопреки совету любимого своего поэта Горация, сделался «рабским подражателем».

Приводим выводы, к которым пришел Островский в результате своего разбора. «Антологические стихотворения» г. Фета, — пишет он, — везде хороши и даже очень хороши, так же хороши почти его «Снега» и «Гадания», элегии его и некоторые баллады читаются с истинным наслаждением; на ряду с последними стоят указанные нами в отделе «разных стихотворений»; но его подражаниям восточному мы так же мало сочувствуем, как и подражаниям Гейне и другим, менее еще славным образцам, взятым из области литературы отечественной. Что же касается до «переводов из Гейне», — очень немного потеряла бы русская поэзия, если бы из них мы получили только половину. И вообще мы смеем думать, что г. Фет и его читатели выиграли бы, если бы в выборе стихотворений, им печатанных в разобранном нами собрании, он был бы несколько строже к себе. Пусть останутся опыты, до времени, в вашем портфеле, как оставались в портфеле Пушкина некоторые его опыты до тех пор, покуда не сделались они нужны, как материал для истории развития автора «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина» (стр. 54).

Вторая статья Островского, о повести Евг. Тур. «Ошибка», уже и ранее известная в литературе, к сожалению, не была привлечена литературоведами к изучению. А между тем высказанные в ней общие замечания драматурга о литературе вообще и русской литературе в частности заслуживают глубокого внимания.

«Литература каждого образованного народа, — пишет Островский, — идет параллельно с обществом, следя за ним на различных ступенях его жизни. Каким же образом художество следит за общественной жизнью? Нравственная жизнь общества, переходя различные формы, дает для искусства те или другие типы, те или другие задачи. Эти типы и задачи, с одной стороны, побуждают писателя к творчеству, затрагивают его, с другой, дают ему готовые, выработанные формы. Писатель или узаконивает оригинальность какого-нибудь типа, как выражение современной жизни, или прикидывая его к идеалу общечеловеческому, находит определение его слишком узким, и тогда тип является комическим».

Особенно интересны дальнейшие замечания Островского специально о русской литературе. «Так (т. е. как описано выше. — *Н. К.*) бывает во всех литературах, с тою только разницею, что в иностранных литературах (как нам кажется) произведения, узаконивающие оригинальности типа, т. е. личность, стоят всегда на первом плане, а карающие личность на втором плане и часто в тени; а у нас в России наоборот. Отличительная черта русского народа, отвращение от всего резко определившегося, от всего специального, личного, эгоистически отторгшегося от общечеловеческого, кладет и на художества особенный характер; назовем его обличительным. Чем произведение изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем этого обличительного элемента». Дело не в том, прав ли был Островский в данном своем утверждении об особенной черте русского народа и характере его литературы. Важно, что он тогда смотрел на русскую литературу под этим углом зрения.

«История русской литературы, — пишет далее Островский, — имеет две ветви, которые наконец слились: одна ветвь прививная и есть отпрыск иностранного, но хорошо укоренившегося семени; она идет от Ломоносова и проч. до Пушкина, где начинает сходиться с другою, другая

от Кантемира через комедии того же Сумарокова, Фонвизина, Капниста, Грибоедова до Гоголя; в нем совершенно слились обе, дуализм кончился. С одной стороны: похвальные оды, французские трагедии, подражания древним, чувствительность конца 18-го столетия, немецкий романтизм, неистовая юная словесность; с другой: сатиры, комедии, и «Мертвые души». Россия как будто в одно и то же время в лице лучших своих писателей проживала период за периодом жизнь иностранных литератур, и воспитывала свою до общечеловеческого значения». В этом абзаце мы находим одно из редких высказываний Островского о Гоголе, притом очень высокое.

Очень важно другое высказывание Островского о Гоголе, в его приветственной речи артисту Александринского театра А. Е. Мартынову в 1860 г. «Наша сценическая литература, — говорил тогда Островский, — еще бедна и молода, — это правда, — но с Гоголя она стала на твердой почве действительности и идет по прямой дороге». Любопытно, что Островский не подчеркивал сатирический характер творчества Гоголя, но обратил внимание, так сказать, на его основу, окружающую действительность, из которой Гоголь черпал материал для своих произведений. Обращая внимание на эту особенность творчества Гоголя, Островский, конечно, оправдывал свою собственную деятельность, также имеющую своей основой эту окружающую действительность. Не может быть сомнения в том, что Островский вышел из школы Пушкина, но несомненно также, что он не прошел мимо Гоголя. Если у Пушкина он брал иногда приемы и формы для своих произведений, то с Гоголем его роднит то, что в своем творчестве он стоит «на твердой почве действительности». Было бы ошибкой не замечать этой стороны влияния Гоголя на Островского, в чем как раз погрешил и автор настоящей статьи в другой своей статье: «Островский и Гоголь».

Но признавая «нравственный, обличительный характер за русской литературой», Островский не считает изящными, т. е. художественными произведения, «наполненные сентенциями и нравственными изречениями»: «Такие произведения, — говорит он, — у нас уважаются гораздо меньше, чем у других народов, и сами являются предметом насмешки и глумления... публика ждет от искусства облечения в живую изящную форму своего суда над жизнью, ждет соединения в полные образы подмеченных у века современных пороков и недостатков, которые являются ей сухими и отвлеченными. И художество дает публике такие образы, и этим самым поддерживает в ней отвращение от всего резко определившегося, не позволяет ей воротиться к старым уже осужденным формам; а заставляет искать лучших, одним словом, заставляет быть нравственнее. Это обличительное направление нашей литературы можно назвать нравственно-общественным направлением».

Любопытно, что, признав «обличительный» характер за русской литературой, Островский ни разу не употребил слова «сатирический» и в конце концов дал этому направлению в литературе название: «нравственно-общественное». Нам думается, что все это было неслучайно и имеет значение при решении вопроса о том, был ли сам Островский сатириком. В данном случае нельзя оставить без внимания известное письмо драматурга к Погодину, несколько более позднего времени, чем цитируемая статья, а именно от 30 сентября 1853 г., где он писал, «что направление мое начинает изменяться, что взгляд на жизнь в первой моей комедии мне кажется молодым и слишком жестким, что пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим. Первым образцом были «Сани», второй оканчиваю». Вторым образцом была, как известно, комедия «Бедность не порок».

Но действительно ли так резка была перемена в направлении Остров-

ского? Конечно, зная теперь весь «театр» Островского в целом, можно утверждать, что первая комедия: «Свои люди — сочтемся» более других его произведений выдержана в этом «обличительном» направлении, но все остальные произведения в этом отношении немного разнятся друг от друга, представляя собою то «соединение высокого с комическим», о котором говорил сам автор. Вот почему мало подходит к нему звание сатирика, не говоря уже о том полном, всестороннем изображении жизни, окружающей действительности, которое делает это звание для него еще менее подходящим.

А что такое «комизм»? Ответ на этот вопрос дается в статье о комедии в одном действии А. Жемчужникова «Странная ночь», в которой опять идет речь о «нравственно-обличительном направлении» нашей словесности, почему и эту статью должно считать принадлежащей Островскому.

«Комизмом литературного произведения, — пишет он, — называется то его свойство, которое выставляет человеческие пороки и слабости с их смешной стороны. В целом такого произведения, от его начала до конца, слышится смех человека над человеком, обличаемым истиной с головы до ног, — тот теплый смех, который не только не исключает слез, но которого непременная изнанка — слезы, т. е. скорбь об обличаемом недуге нравственного лица или целого общества. Это свойство, более или менее общее всякому литературному произведению, и в современной словесности, принадлежащее тому или другому тем больше, чем то или другое выше, чем глубже смысл того или другого, — это свойство есть необходимая и самая главная принадлежность комедии. И оно тем еще важнее для нас, что при настоящем состоянии нашей словесности и ее направлении, нравственно-обличительном, комедии суждено занять едва ли не главное место между разнородными явлениями всей литературной деятельности. Целью комедии, ее задачей должно быть: скреплять эти, лежащие в ней и вызываемые ею «видимый миру смех и незримые иным слезы», и таким соединением, их художественным смешением, возбуждать участие к обличаемому и осмеиваемому. Без этого условия не полон комизм, без него комизм не комизм: он тогда или фарс или насмешка, а без комизма нет комедии».

В заключение своей статьи Островский, не признавая «Странную ночь» за комедию, обращается к ее автору с вопросом: «Какая охота называть «Странную ночь» комедией, если есть в литературе такие комедии, как «Горе от ума», «Ревизор», «Женитьба»? — Разве от этого произведение могло выиграть?»

В связи с этим вопросом припоминается рассказ покойного А. И. Сумбатова-Южина, что Островский в присутствии самого рассказчика создателем русской комедии называл А. С. Грибоедова.

Наконец, после второго вопроса о том, была ли необходимость переносить на русскую почву чужое создание, которое и у себя-то на родине живет только один день, Островский заканчивает свою статью восклицанием: «Комедия, да и только!» Концовка, несомненно, в духе Островского, как известно, большого любителя игры слов.

Если мы сопоставим с этими двумя последними статьями (о повести «Ошибка» и о комедии «Странная ночь») письмо Островского к попечителю учебного округа В. И. Назимову, написанное в ответ на «вразумление», которое, по поручению министра народного просвещения, попечитель должен был сделать драматургу по поводу его комедии «Свои люди — сочтемся», то увидим, что в данном письме и в указанных статьях высказаны почти одни и те же мысли, что письмо, при всей своей дипломатичности, является выражением его заветных и искренних убеждений, и нужно только удивляться тому искусству, с каким это сделано. Обратите внимание хотя бы на следующий кардинальный пункт письма: «Согласно понятиям моим об изящном, считая комедию лучшею формою к достижению нравственных целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме, я должен был

написать комедию или ничего не писать». Нельзя было с бо́льшим чувством собственного достоинства выразить эту мысль. Эти строки можно смело поставить наряду с ответом А. С. Пушкина Бенкендорфу от 3 февраля 1827 г. по поводу предложения переделать «Бориса Годунова» из трагедии в роман: «Жалею; что я не в силах уже переделать однажды мною написанного».

В своей статье о «Греческих стихотворениях» Щербины Островский снова вернулся к Пушкину.

Указав на то, что в последнее время, сравнительно с тридцатыми и сороковыми годами, появляется очень мало стихотворений, Островский пишет: «Куда девалась поэзия? Или покинула нас посланница богов? Или ей, прихотливой и избалованной шалунье, не ужиться с нашим временем, этим положительным, рассчетливым, холодным антрепренером, сыном пара и железных дорог, отцом воздухоплавания, подводного телеграфа и иных прозаических затей?» Убеждая читателя не бояться этого, уверяя его в том, что и теперь есть произведения поэтические, автор спрашивает, почему такая разница. «Отчего прежде являлось так много стихов, а теперь их так мало? — Оттого, отвечаем мы, что прежде слово «стихи» было равносильно слову «поэзия», если не для всех, то для большинства, и оттого что теперь, в наше прозаическое время каждому из этих понятий назначен точный и определенный круг». Поэтому не все стихотворцы являются поэтами, поэтому таких стихотворцев, не настоящих поэтов, мало ценят, и поэтому они и перестали писать.

Виновниками такой перемены являются Батюшков, Жуковский, Пушкин, «которые, с помощью времени, и по его мудрому и тайному велению, мало-по-малу вразумили и нас, научили ценить поэзию, и благодаря которым постепенно определился меж нами ее настоящий смысл».

Любопытны дальнейшие рассуждения критика о том, в чем заключается сущность поэзии. «Вы, читатель, — говорит он, — не се́рдитесь ни на Батюшкова, ни на Жуковского, ни на Пушкина, ни Лермонтова, — мы в этом уверены: вы их читаете, вы их любите. Не серди́тесь же на время, которое не отняло у вас сочувствия к ним, а благодарите его за то, что познакомило вас с ними оно, и через них объяснило вам, что поэзия не в стихе и не в рифме, а в содержании, т. е. в поэтической мысли и в прекрасном выражении. В этом-то воззрении и вся разница между прежним временем и настоящим в отношении к поэзии...

И еще одно обстоятельство: мы сказали, что Батюшков, Жуковский, Пушкин и др. помогли нам определить с точностью границы поэзии, выучили узнавать поэта от не-поэта: в этом заключается их влияние на смысл искусства; но этим их влияние не ограничилось; с ними неразлучно шло и усовершенствование форм искусства и языка: они облегчили прежние трудности и постепенно упростили механизм искусства и законы языка до того, что ныне владеть этим механизмом и уметь прилагать к делу эти законы — не большая заслуга. И тут еще не все: в отношении к стихотворению можно сверх того сказать, что, благодаря всем названным нами достойным деятелям поэзии и литературы, — в особенности Пушкину и Лермонтову, — мудрено теперь писать дурные стихи: все размеры исчерпаны ими, все хитрости раскрыты, все тайны стихотворения — не тайны».

Если в своей статье о комедии А. М. Жемчужникова «Странная ночь» Островский разбирал вопрос о сущности комизма и его значении для комедии, то в статье о комедии Меньшикова «Причуды» он поднимает вопрос вообще о драме и значении этого вида литературных произведений, а затем попутно останавливается на Шекспире.

«Наша литература, — говорит он, — так бедна драматическими произведениями, что всякое явление, выходящее сколько-нибудь из общего уровня пошлости и посредственности, задуманное с серьезною мыслью или отделанное с некоторым изяществом, возбуждает невольное к себе

сочувствие, превосходящее часто самые достоинства произведения. Жадно раскрываем мы каждую новую русскую драму, а еще более каждую новую русскую комедию с надеждой найти в ней разработанным какой-либо новый пласт богатого содержания, представляемого многообразным русским бытом, тронутою какую-либо новую пружину». Характерно, что, поднимая вопрос вообще о драме, Островский все-таки не удержался от того, чтобы не выдвинуть вперед столь любезную ему русскую комедию: до такой степени он считал «комедию лучшею формою к достижению нравственных целей» и признавал «в себе способность воспроизводить жизнь преимущественно в этой форме», о чем он говорил (как выше было упомянуто) в своем письме к попечителю В. И. Назимову *.

На вопрос, почему от драмы в особенности ждем и требуем мы таких психологических и исторических откровений, он отвечает: «да просто потому, что драматическая форма была, есть и будет венцом и вершиной поэзии, полным и цельным отражением народной жизни, народного сознания и народного созерцания». Так высоко ценил Островский драму. Это, конечно, объясняется тем, что он был чистокровным драматургом, которого очень мало привлекала и которому, быть может, мало удавалась повествовательная форма; недаром он неудавшийся ему рассказ так легко и скоро переработал в пьесу («Не сошлись характером»), о которой сам же писал в письме к Н. А. Некрасову: «она хоть маленькая, а, как мне кажется, серьезная».

Высказав мысль о высоком значении драматической поэзии, Островский продолжает: «Истина общеизвестная, избитая едва ли не до пошлости, но повторишь ее поневоле, когда на страницах русского журнала встречаешь переписанную и принятую за новость фельетонную мысль иностранного, что вся задача драматурга состоит в том, чтобы занимать и забавлять публику, что в этом едва ли не вся заслуга Шекспира!». К сожалению, мы не можем сказать, о каких журналах, русском и иностранном, здесь идет речь.

Переходя к английскому драматургу, Островский пишет, что Шекспир, «как известно всякому, кто только мало-мальски знаком с ним, как-будто нарочно избегал всякого рассчитанного на успех эффекта, пренебрегал всяким случаем исторгнуть успех одним голым драматическим положением!.. Не здесь место рассуждать о том, в какой степени Шекспир был сценическим поэтом: во всяком случае, он не был никогда поэтом сценической рутины и никогда не писал ничего помимо глубокой внутренней основы, а мы, и несмотря на все новооткрываемые истины, будь они английские, французские, немецкие или русские — остаемся при том же убеждении, что без серьезного содержания и без серьезного взгляда на жизнь немыслимо истинно-драматическое произведение». Как увидим дальше, Островский серьезность содержания, глубокую идею, лежащую в основе произведения, считал необходимым условием каждого художественного произведения.

«Вот почему так резко и прямо, может быть, неполно, высказали мы, — говорит он, — наше мнение об одном из последних явлений нашей современной драматургии». Здесь, повидимому, имеется в виду комедия А. М. Жемчужникова «Странная ночь», о которой была речь выше.

«Вот почему, — продолжает он, — мы хотим говорить и серьезно и подробно о серьезном произведении г. Меньшикова «Причуды». Статьи Островского о комедии «Странная ночь» и о комедии «Причуды» были отмечены в «Отечественных Записках». Вот что сказано в них в рецензии на «Москвитянина» 1850 г.: Обзоры эти «принадлежат скрывшим свое имя рецензентам, которые справедливо, хотя и чересчур строго смотрят на комические произведения. Впрочем этот чересчур серьезный, требовательный взгляд, приводя, с одной стороны к исключительности и

* Эта подробность еще более убеждает в принадлежности настоящей статьи А. Н. Островскому.

нетерпимости, с другой полезен тем, что не дает в литературе места плохим произведениям. Иногда полезнее быть излишне строгим, чем излишне снисходительным».

Вернемся на минуту к Меньшикову, автору комедии «Причуды». В «Современнике» за 1847 г. (т. III, № 5) напечатана комедия того же автора «Шутка», о которой упоминает Островский, и в том же томе «Современника» (т. III, № 6) напечатана о ней критическая статья (без подписи), автор которой — Валериан Майков — говорит не только об этой комедии, но и вообще о деятельности П. Н. Меньшикова, забытого теперь писателя, забытого потому, что в его произведениях не было художественности.

Как раз за художественные ее достоинства и приветствует Островский повесть А. Ф. Писемского «Тюфяк», которую драматург сам же и устроил в «Москвитянин». Любопытно, что̀ писал он Погодину, боясь, что тот не согласится уплатить просимую автором цену, 1 000 руб.: «Если Вам неугодно будет взять роман по этой цене, то заплатите обыкновенную цену, а остальные я достану. Одним словом, сделайте милость не спорьте. Эти условия для нас выгодны и очень выгодны». Обратимся, однако, к критической статье.

«Интрига повести, — пишет Островский, — проста и поучительна, как жизнь. Из-за оригинальных характеров, из-за естественного и в высшей степени драматического хода событий сквозит благородная и добытая житейским опытом мысль. Эта повесть истинно-художественное произведение. Мы можем сказать это смело потому, что она удовлетворяет всем условиям художественности. Вы видите, что в основании произведения лежит глубокая мысль,... и вместе с тем так ясно для вас, что зачалась она в голове автора не в отвлеченной форме — в виде сентенции, — а в живых образах, и домысливалась только особенным художественным процессом до более типичного представления; с другой стороны — в этих живых образах и, для первого взгляда как-будто случайно сошедшихся в одном интересе, эта мысль ясна и прозрачна. Едва ли нужно повторять, что высказанное нами составляет единственное условие художественности. Под какой бы формой ни явилось произведение, отвечающее подобным требованиям, оно будет художественное произведение, и прочие повести, романы и драмы, сколько бы они ни отличались литературными и беллетристическими достоинствами, помимо этого условия не должны иметь претензии на такое титло, а так оставаться повестями, романами, драмами, с прибавлением эпитетов: хорошие, занимательные, забавные, поучительные, плохие и проч. Только художественные произведения имеют прочность в литературе и составляют ее приобретение».

Любопытны еще следующие строки Островского по поводу «Тюфяка»: «Эта повесть, — говорит он, — так хороша, что жаль от нее оторваться. Прежде всего поражает в этом произведении необыкновенная свежесть и искренность таланта. Искренностью таланта мы назовем чистоту представления и воспроизведения жизни во всей ее непосредственной простоте, чистоту, так сказать, не балованную частыми и ослабляющими художественную способность рассуждениями и сомнениями, ни вмешательством личности и чисто личных ощущений. В этом произведении вы не увидите его личных воззрений на жизнь, не увидите его привычек и капризов, о которых другие считают долгом довести до сведения публики. Все это только путает художественность, и хорошо только тогда, когда личность автора так высока, что сама становится художественною».

Отмечу еще одну подробность в данной статье. Приступая к разбору, Островский делает одну оговорку: «Конечно, не совсем современно, — заявляет он, — хвалить в журнале произведения своих сотрудников, но с другой стороны едва ли можно удержаться, чтобы не высказать некоторых собственных замечаний по поводу такой серьезной вещи».

Было бы смешно говорить о каком-то кумовстве, в чем другие журналы иногда обвиняли сотрудников «Москвитянина», именно как раз принадлежавших к «молодой редакции», не говоря уже о том, что и в других журналах печатались критические отзывы о произведениях своих сотрудников, как это было выше отмечено по поводу комедии Меньшикова «Причуды».

Несомненно, что Островский в своих литературно-критических статьях был столь же строг и требователен не только к разбираемым им авторам, но и к самому себе, как строг и требователен был он к своим художественным произведениям. Недаром он неоднократно перемарывал написанное им по поводу сборника «Комета», да так и бросил о нем писать, потому что ему было «совестно показаться в публику с этим после тех критик, которые были в прежних книжках». Статья о повести «Тюфяк» является примером такой критики.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования, мы можем отнести к перу Островского следующие критические статьи и очерки.

СТАТЬИ А. Н. ОСТРОВСКОГО, ПОМЕЩЕННЫЕ В «МОСКВИТЯНИНЕ»

1. Стихотворения А. Фета. Москва, 1850. В тип. Степанова в 8 д. л. стр. 162. «Москвитянин», 1850, № 6, март, кн. 2, отд. IV, стр. 37—54.

2. А. Н. О-го. Ошибка, повесть г. Тур. «Москвитянин», 1850, № 7, апрель, кн. 1, отд. IV, стр. 89—99.

3. Савандар. Стихотворения Я. П. Полонского. Тифлис. 1849. «Москвитянин», 1850, № 8, апрель, кн. 2, стр. 147.

4. Странная ночь. Комедия в одном действии в стихах. Сочинение Алексея Жемчужникова. С.-Петербург. 1850. Стр. 55. В 8 д. л. «Москвитянин», 1850, № 13, кн. 1, отд. IV, стр. 24—27.

5. Греческие стихотворения Н. Щербины. Одесса, в тип. А. Нитче. 1850. В 8 д. л. Стр. 98. «Москвитянин», 1850, № 15, август, кн. 1, отд. IV, стр. 69—82.

6. Очерки современной жизни. Том VIII. Доверчивые женихи. Драма в 4-х действиях. Соч. М. Корсини. 1850. СПБ. Стр. 180 в 16 д. л. «Москвитянин», 1850, № 15, отд. IV, стр. 83—84.

7. Причуды. Комедия П. Н. Меньшикова («Современник», 1850, № VIII). «Москвитянин», 1850, № 17, сентябрь, кн. 1, отд. IV, стр. 21—34.

8. Стихотворения Г. Г. Р. Одесса. 1850. Стр. 63 в 8-ю д. л. «Москвитянин», 1850, № 18, сентябрь, кн. 2, отд. IV, стр. 66—67.

9. Стихотворения девицы З. С. «Москвитянин», 1850, № 23, декабрь, кн. 1, стр. 143—144.

10. Поэтические эскизы. Альманах стихотворений, изданный Я. М. Поздняковым и А. П. Пономаревым. Москва 1850. В Полицейск. тип., в 12 д. л. Стр. 143 и III. «Москвитянин», 1851, № 3, февраль, кн. 1, «Новые книги», стр. 440—448.

11. Тюфяк, повесть А. Ф. Писемского. Москва 1851. «Москвитянин», 1851, № 7, апрель, кн. 1, стр. 374—382.

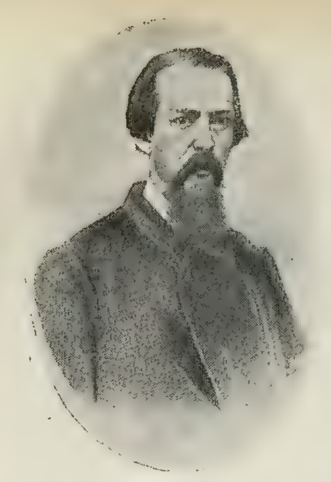
12. Проказница, комедия в 1 действии В. Шевича. Москва. В тип. Вед. Моск. Гор. Полиции. 1851, в 16 д. л. Стр. 70. «Москвитянин», 1852, № 5, март, кн. 1, отд. V, стр. 23.

13. Изба. Рассказ, посвященный воспоминанию Яузских вечеров, изд. Горчаковым. Москва. 1852. В тип. А. Семена. В 16 д. л. Стр. 137. «Москвитянин», 1852, № 8, апрель, кн. 2, отд. V, стр. 97—105.

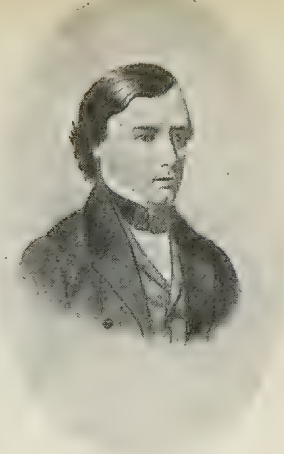
14. Степные сказки Григория Данилевского. С.-Петербург. В тип. П. Фишера. 1852. Стр. 131, в 12 д. л. «Москвитянин», 1852, № 14, июль, кн. 2, отд. V, стр. 50—54.

15. Сила воли. Роман Г. Токарева. Тифлис. В тип. Канцелярии Наместника Кавказского. 1852. В 12 д. л. Стр. 243. «Москвитянин», 1852, № 15, август, кн. 1, отд. V, стр. 81—95.

16. Женихи. Комедия в трех действиях Василия Шевича. Москва, 1852. В типографии Степановой, 96 стр. «Москвитянин», 1852, № 18 сентябрь, кн. 2, отд. V, стр. 27.

Б. Н. Алмазов.

Л. А. Мей.

А. Н. Островский.

Т. П. Филиппов.

Е. Н. Эдельсон.

«Молодая редакция» журнала «Москвитянин».

Выше мы уже не раз говорили, что ни одна из этих статей не могла принадлежать перу Эдельсона. В подтверждение сказанного приводим здесь письмо Эдельсона к Погодину, где он как раз точно указывает, в каких номерах «Москвитянина» были помещены его статьи:

ПИСЬМА Е. Н. ЭДЕЛЬСОНА К М. П. ПОГОДИНУ

[Июль 1854 года]

Милостивый Государь
Михаил Петрович.

Посылаю Вам счет, на сколько имею для того данных. Основанием его служит то, что по 6-й № 1852 года, где была напечатана моя статья «об эстетической критике», я, получив с Вас 100 р. серебр., был квит, о чем Вам тогда же и сообщил словесно. С тех пор напечатано мною в 1852 г.

№ 8 — 3 $\frac{3}{4}$ стр.	в 1853 году
№ 9 — 8	Кн. 3-я — 3 стр.
№ 13 — 1 $\frac{1}{2}$	Кн. 6-я — 3 стр.
№ 15 — 17	Кн. 8-я — 6 стр.
№ 16 — 12 $\frac{1}{2}$	Кн. 9-я — 12 стр.
	итого — 116 стр.
№ 17 — 5 $\frac{3}{4}$	
18 — 6 $\frac{3}{4}$	
19 — 10 $\frac{1}{2}$	
20 — $\frac{1}{2}$	
21 — 3 $\frac{1}{2}$	
23 — 17 $\frac{1}{2}$	

А так как лист старого набора заключается лишь в 11 стр. нового, о чем я Вам также сообщал в свое время, то полагая по 15 р. за 11 стр. выходит

$$\begin{array}{r|l} 116 & 11 \\ \underline{11} & \overline{10\frac{1}{2}} \\ 6 & \end{array} \quad 157 \text{ р. } 50 \text{ к. — сер.}$$

В нынешнем 1854 году напечатано:

В № 5-м — 25 стр.	
6 — 11 $\frac{1}{4}$	10 — 9
7 — 8	11 — 9 $\frac{1}{4}$
9 — 2 $\frac{1}{2}$	12 — 13 $\frac{1}{2}$

Итого — 78 $\frac{1}{2}$ стр. (или 4 листа и 14 стр.)

Полагая по 30 р. за лист — 146 р. 25 к.
Кроме того доплачено мною Чацкину 18 р.
и выдано за письма Либиха 19 р. 25 к.
и прибавляю 157 р. 50 к.

Итого 341 р.

Получено же мной от Вас, все начиная с 6-й книжки 1852 года и с первых 100 р. разом от Вас полученных,

10 р.
100 р.
15 р.
15 р.
15 р.
15 р.
30 р.
200 р. сереб.

Этот последний пункт лучше бы поверить в Вашей книжке.

И так по подробному вновь переделанному мною счету за Вами состоит 141 р. серебр. Вероятно, столько же я писал Вам в прошлый раз.

С истинным почтением
и совершенною преданностью
честь имею пре[бывать[

Ваш Ев. Эдельсон.

На обороте карандашом, вероятно, рукою Погодина написано: 1851.

1 — 17	9 — $4\frac{1}{2}$	17 — $3\frac{1}{4}$	1852
2 =	10 — =	18 — =	1 — =
3 =	11 — $3\frac{1}{2}$	19 — 11	2 — =
4 — $4\frac{1}{2}$	12 — $6\frac{1}{4}$	20 — =	
5 — 10	13 — $9\frac{1}{2}$	21 — $3\frac{1}{2}$	4 — 22
6 — $11\frac{1}{2}$	14 — =	22 — =	5 — $2\frac{1}{2}$
	15 — 10	23 — $11\frac{1}{2}$	
8 — 7 ст.	16 — =	24 — $5\frac{1}{2}$	6 — (50 р.)
		$118\frac{1}{2}$.	

Письмо это должно быть датировано: «Июль 1854 г.», так как расчет в письме доведен до июньской книжки «Москвитянина» за 1854 г. включительно. Пользуясь указаниями данного письма на количество страниц со статьями Эдельсона в книжках «Москвитянина», можно установить, что ему принадлежат следующие статьи в названном номере. Сначала указывается номер журнала, затем название статьи и затем отдел и страницы, где эта статья помещена.

1851 год

№ 1 — «Отечественные записки в 1850 году». — Стр. 129—145 = 17 стр.

№ 4 — «Отечественные записки 1850 г. Декабрь. (Дополнение к статье, помещенной в 1-ой книге)». — Стр. 581—586 = $4\frac{1}{2}$ стр.

№ 5 — «Русские журналы в текущем году. Отечественные записки. Январь». — Стр. 65—74 = 10 стр.

№ 6 — «Отечественные записки 1851 года № 2-й» [Подпись Е. Н.]. — Стр. 292—303 = = $11\frac{1}{2}$ стр.

№ 8 — «Отечественные записки 1851 года. № 3-й». — Стр. 537—544 = 7 стр.

№ 9—10 — «Отечественные записки 1851 года № 4-й». — Стр. 204—208 = $4\frac{1}{2}$ стр.

№ 11— «Неожиданный случай. Драматический этюд А. Н. Островского» [Подпись Е.]. — Стр. 333—337 = $3\frac{1}{2}$ стр.

№ 12 — «Отечественные записки 1851 года. Май № 5-й». — Стр. 488—494 = 6¼ стр.

№ 13 — «Библиотека для чтения 1851 года. №№ 4-й и 5-й. Апрель и Май». — Стр. 51—60 = 9½ стр.

№ 15 — «Отечественные записки 1851 года. № 6-й и 7-й. Июнь и Июль». — Стр. 350—360 = 10 стр.

№ 17 — «Библиотека для чтения. Июнь и Июль. №№ 6-й и 7-й». — Стр. 172—175 = 3½ стр.

№ 19 и 20 — «Отечественные записки. Август и Сентябрь. №№ 8 и 9». [Подпись Е.]. — Стр. 632—643 = 11 стр.

№ 21 — «Об идеальной основе, свойствах и видах изящества. Речь, читанная проф. К. Зеленецким, в торжественном собрании Одесского Ришельевского Лицея. Одесса, 1851» [Подпись Э]. — Стр. 179—183 = 3½ стр.

№ 23 — «Отечественные записки. Октябрь и Ноябрь. № 10 и 11». — Стр. 513—524 = = 11½ стр.

№ 24 — «Библиотека для чтения. Октябрь и Ноябрь». — Стр. 603—606 = 3½ стр. В этом номере Е. Н. Эдельсону принадлежит еще какая-то статья, установить которую не удалось, если только не ошибочно количество страниц, указанное в письме Е. Н. Эдельсона.

1852 год

№ 4 — «Отечественные записки 1852 год. № 1-й. Январь». — Отд. V, стр. 109—130 = = 22 стр.

№ 5 — «Отечественные записки. Февраль. № 2-й. 1852 год». — Отд. V, стр. 33—35 = = 2½ стр.

№ 6 — «Несколько слов о современном состоянии и значении у нас эстетической критики» [Подпись Е***]. — Отд. III, стр. 22—60 = 39 стр.

№ 8 — «Отечественные записки 1852. № 3. Март». — Отд. V, стр. 137—140 = = 3¾ стр.

№ 9 — «Отечественные записки 1852. Апрель. № 4-й». — Отд. V, стр. 29—37 = = 8 стр.

№ 11 — «Отечественные записки 1852. Май. № 5-й». — Отд. V, стр. 131—135 = 5 стр.

№ 13 — «Отечественные записки 1852. № 6. Июнь». — Отд. V, стр. 18—20 = 1½ стр.

№ 15 — «Отечественные записки 1852. № 7. Июль». — Отд. V, стр. 101—117 = 17 стр.

№ 16 — «Большая барыня. Сочинение В. Вонлярлярского. Две части. 1852. Москва. В Университетской типографии». — Отд. V, стр. 127—139 = 12½ стр.

№ 17 — «Отечественные записки. 1852 г. № 8-й. Август». — Отд. V, стр. 39—44 = = 5¾ стр.

№ 18 — Какая статья в № 18 принадлежит Е. Н. Эдельсону, установить не удалось. Не описка ли в письме № 18 вместо № 19, так как в № 19 ему можно приписать, как увидим далее, две статьи, из которых первая занимает 6¾ страниц, т. е. сколько указано для № 18.

№ 19 — «Отечественные записки. 1852 г. Сентябрь. № 9-й». — Отд. V, стр. 119—126 = = 6¾ стр.

№ 19 — «Записки Горыгорецкого Земледельческого института». — Отд. V, стр. 26—37 = 10½ стр.

№ 20 — Какая статья в этом номере принадлежит Е. Н. Эдельсону, установить не удалось.

№ 21 — «Отечественные записки. 1852 г. № 10. Октябрь». — Отд. V, стр. 12—15 = = 3½ стр.

№ 23 — «Джон Ло или финансовый кризис Франции в первые годы регентства. Сочин. Ивана Бабета. 1852. В Университетской типографии. 185 стр.». — Отд. V, стр. 47—64 = 17½ стр.

№ 24 — «Отечественные записки. Декабрь». — Отд. V, стр. 101—102 = 1½ стр. Хотя в расчетном письме Е. Н. Эдельсона статья в № 24 не указана, но несомненно, что отмеченная нами статья принадлежит Е. Н. Эдельсону. Он регулярно давал обзоры «Отеч. Записок» за 1852 г. Статья в № 24 начинается: «Кончается год. Мы должны проститься с «Отеч. Записками»... С «Отеч. Записками» мы вели постоянную полемику, их направление обличали, сколько могли, открывали в нем главнейшие при-

чины того упадка, в котором находится современная литература». Ясно, что эта статья также принадлежит Е. Н. Эдельсону.

1853 год

№ 6 — «Отечественные записки 1853 года. № 2. Февраль». [Подпись: Э.] — Отд. V, стр. 60—63 = 3 стр.

№ 8 — «Отечественные записки 1853 года. № 3-й. Март». [Подпись: Э.] — Отд. V, стр. 157—162 = 6 стр.

№ 9 — «Отечественные записки 1853 года. № 4-й. Апрель». [Подпись: Э.] — Отд. V, стр. 37—48 = 12 стр.

1854 год

№ 3 и 4 — «Отечественные записки. 1854. № 1. Январь». [Подпись: Е. Э.] — Отд. V, стр. 49—60.

№ 5 — «Бедность не порок». [Подпись: Е. Э-н] — Отд. V, стр. 1—18.

№ 5 — «Отечественные записки. 1854. № 2. Февраль». [Подпись: Е. Э.] — Отд. V, стр. 25—28.

№ 6 — «Три поры жизни, ром. Е. Тур». [Подпись: Е. Э-н] — Отд. V, стр. 63—74 = = 11½ стр.

№ 7 — «Отечественные записки. 1854. № 3. Март». [Подпись: Е. Э.] — Отд. V, стр. 132—140 = 8 стр.

№ 9 — Какая статья в этом номере принадлежит Е. Н. Эдельсону, не установлено.

№ 10 — «Отечественные записки. 1854 г. № 4. Апрель». [Подпись: Е. Э.] — Отд. IV, стр. 91—96.

№ 11 — «Библиотека путешествий, изд. А. А. Плюшара. С.-Петерб. 1854 года. Томы: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8». — Отд. IV, стр. 110—120.

№ 12 — «Отечественные записки. 1854 г. № 5. Май». [Подпись: Е. Э.] — Отд. IV, стр. 146—156.

№ 12 — «Все сочинения В. А. Бонлярлярского». — Отд. IV, стр. 138—141.

№ 14 — «Отечественные записки. № 6. 1854 г.». [Подпись: Е. Э-н] — Отд. IV, стр. 75—81.

№ 20 — «Отечественные записки. 1854. № 7 и 8. Июль и Август». [Подпись: Е. Э-н] — Отд. IV, стр. 187—192.

№ 22 — «Отечественные записки. 1854. № 9 и 10. Сентябрь и Октябрь». [Подпись: Е. Э-н] — Отд. IV, стр. 75—84.

№ 24 — «Отечественные записки. 1854 года. № XI и XII. Ноябрь и Декабрь». [Подпись: Е. Э-н] — Отд. IV, стр. 159—169.

1855 год

№ 5 — «Отечественные записки. 1855. № 1, 2, 3. Январь, Февраль, Март». [Подпись: Е. Э-н]. — Отд. V, стр. 137—148.

«СНЕГУРОЧКА»

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ С ПРОЛОГОМ А. Н. ОСТРОВСКОГО

(Опыт изучения)

I. ВРЕМЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СКАЗКИ. ДВА СЦЕНАРИЯ

«Снегурочка» напечатана в «Вестнике Европы» за 1873 г. (сентябрь, № 9) и в первый раз поставлена в Москве, в бенефис Живокини, в Большом театре 11 мая 1873 г. Кончена письмом, как гласит пометка в рукописи (Ленинск. биб-ка — 3095), 4 апреля того же года, в 10 час. вечера. А 11 апреля А. Н. Островский писал Бурдину: «Любезнейший друг, Федор Алексеевич! «Снегурочка» вместе с письмом к П. С. [Федорову] уже в Петербурге. Возьми ее под свое покровительство и води бедную по мытарствам» [1].

Итак, 4 апреля, очевидно, пьеса была закончена в черновой рукописи, оставалось ее только переписать, на что и ушло время от 4 до 11 мая. Затем в рукописи в конце 1-го действия стоит дата: «9 марта». Надо полагать, что 9 марта было закончено 1-е действие и от 9 марта до 4 апреля драматург был занят приведением в порядок написанных раньше сцен следующих действий и окончательной их обработкой.

Когда же была задумана эта пьеса? Рукопись на это не дает никаких указаний. Ф. Д. Батюшков в своей интересной статье «Генезис «Снегурочки» Островского» заявляет: «Как бы то ни было, задумана была «Снегурочка», по свидетельству самого Островского (письмо к Бурдину, цит. Патуйе), в 1868 году» [2]. Вот письмо, которое здесь имеется в виду: «Любезнейший друг, Федор Алексеевич! «Сказка» моя ставиться не будет, во-первых, потому что я опоздал, а во-вторых, если бы я не опоздал, так нет денег; все деньги, какие есть в дирекции, употребляются на балет, сочиненный директором — «Царь Кандавл», так что для постановки других пьес не остается ровно ни копейки. Я, как приехал, сел за дело: теперь у меня пишется большая комедия «На всякого мудреца довольно простоты»; но ты помолчи пока, в сентябре я ее кончу и приеду в Петербург, тогда ты ее заявишь. До Рождества я буду работать, у меня теперь богатый запас, — начато три оригинальных пьесы и одна переделка, кроме «Сказки». Все это я кончу и потом, кажется, надолго расстанусь с театром» [3]. Предположим, что под «Сказкой» здесь разумеется «Снегурочка», хотя мы дальше убедимся, что это предположение ошибочно. Дело не в этом. Важно то, что речь идет уже о постановке «Сказки». Имеются и другие данные по этому поводу. В журнале «Антракт» за 1868 г. (№ 13, 7 апреля), между прочим, встречается такая заметка: «Носятся слухи, пишут в «Петербургском Листке», — что г. Островский пишет драматическую сказку «Баба-Яга», которая будет заключать в себе восемнадцать картин. Сказку эту, как говорят, поставят с невиданною доселе роскошью». А в № 20 того же журнала за тот же год (26 мая) находим такую заметку: «Очень может быть, что в Москве и Петербурге будет поставлена волшебная сказка г. Островского «Иван-Царевич». Следовательно, уже до апреля или в апреле был разговор о постановке «Сказки». Но какая же «Сказка» имеется

в виду в письме Островского к Бурдину и откуда слухи о каком-то «Иване-Царевиче»? На все это проливает свет письмо чиновника конторы императорских театров кн. Назарова к Островскому. Предварительно, однако, остановимся еще на одном письме драматурга к Бурдину, том самом, где он сообщает своему другу о покупке с братом у мачехи имения — «великолепного Щелыкова», что имело место в 1867 г. В этом письме для нас важны следующие строки: «Пьесу, о которой мы говорили, я начал и, если здоровье позволит, скоро кончу, но прежде я найду случай повидаться с Директором и спрошу у него: можно ли мне надеяться на приличную постановку. Если нельзя, то я, разумеется, ее брошу и займусь трудом, который бы имел более литературного достоинства»[4]. О какой пьесе идет здесь речь? Полагаю, что опять-таки о волшебной «Сказке», для которой особенно требовалась «приличная постановка», так как больше не было никаких подходящих сюда пьес. Известно также замечание о готовности бросить работу над пьесой, если нельзя надеяться на такую постановку, и заняться трудом, «который бы имел более литературного достоинства». Очевидно, Островский и сам еще не придавал особого значения своему будущему произведению.

Видеться Островскому с директором не удалось, и 12 апреля 1868 г. кн. Назаров писал Островскому: «Мне думалось, что московской публике доставлено было бы большое удовольствие, а сборам театральной дирекции большая выгода, если б и на московском Большом театре, как здесь в Петербурге, дана была, при открытии осеннего сезона, ваша волшебная сказка «Иванушка-дурачек». Я спрашивал об этом мнение С. А. Гедеонова, и он сказал мне, что сам был бы не прочь поставить вашу феерию одновременно в Москве и Петербурге. От вас теперь зависит решить — во-первых, будет ли это вам самим угодно, а во-вторых — найдете ли вы возможным, судя по персоналу московской труппы, давать вашу сказку на Большом театре, не отвлекая в то же время сил от драматических спектаклей на Малом театре... Пользуюсь случаем, чтобы передать вам покорнейшую просьбу С. А. Гедеонова поторопиться окончанием и присылкою текста сказки, так как необходимо теперь же подумать о ее постановке»[5].

Островский, как предполагает П. О. Морозов, из статьи которого заимствовано только что цитированное письмо, повидимому, отвечал согласием (письмо его до нас не дошло), так как тот же Назаров вновь писал ему 22 апреля: «Искренно благодарю вас за письмо, которым вы меня почтили. Я сообщил его содержание С. А. Гедеонову, и он поручил мне убедительнейше просить вас поспешить окончанием сказки и выслать ему поскорее хотя одно ее начало. Впрочем Степан Александрович не желает, чтобы эта поспешность была в ущерб вашему здоровью или вашим занятиям... Еще об одном просит вас Степан Александрович: нельзя ли усилить фантастический элемент в сказке, чтобы декорации и превращения больше действовали на воображение, а то по сценарию Степану Александровичу кажется, что этого фантастического элемента (комически-фантастического) у вас как будто маловато».

В ответ на это письмо Островский писал следующее, но уже самому С. А. Гедеонову[6]: «Милостивый Государь, Степан Александрович. Из письма кн. Назарова я не мог не заметить, что Вам не совсем нравится сценариум моей волшебной сказки, я и сам им недоволен. Он составлен наскоро в Петербурге; как только я принялся за работу, я увидел его недостатки и уже хотел просить у Вас извинения за него. Теперь я работаю, не стесняясь прежним планом, и, смею уверить Вас, употреблю все свои силы, чтобы сделать что-нибудь порядочное. Согласно желанию Вашему, я постараюсь выслать Вам, как можно скорее, образчик моей работы, хотя это обстоятельство для меня затруднительно; я пишу довольно эскизно для того, чтобы поскорее записать все мысли, которые приходят мне в голову, и потом уже отделываю и даю произведению общий тон; но во всяком случае, я постараюсь особо отделать сцены две-три

и прислать Вам до Вашего отъезда за границу. Теперь у меня к Вам покорнейшая и убедительнейшая просьба: если, по окончании труда моего, Вы будете мной не совсем довольны или хотя им[7] несколько усомнитесь в будущем его успехе, — сделайте для меня одолжение, бросьте его без церемонии. Я не могу представить себе всей силы того огорчения, которое я испытал бы, если б моя пьеса, стоящая дорого дирекции, не имела успеха; для меня несравненно будет легче потерять даром oleum et opera, чем подвергнуться упрекам и дать случай торжествовать нашей литературной братии. Я вообще не самолюбив, а в этом случае, если Вы не поставите мою сказку, Вы не оскорбите моего самолюбия уже и потому, что я пишу ее, нисколько не думая о славе, а единственно для того, чтобы сделать Вам угодное и доставить дирекции возможно большие сборы. Если пьеса и не пойдет, я все таки потеряю немного; куплеты и музыка могут пригодиться для другого дела, кроме того я приобрету навык и мне уже легче будет писать второе произведение подобного рода. Я теперь оставил все другие дела, исключительно занимаюсь этой пьесой; если она мне удастся, я буду очень рад, если не удастся, я буду, по крайней мере, тем утешен, что трудился добросовестно»[8].

Надо полагать, что после этого письма к Гедеонову Островский, имея в виду первое письмо Назарова, постарался выяснить в Москве возможность постановки его «Сказки» на сцене Большого театра, и тогда обнаружилось, что постановка состояться не может за отсутствием средств, поглощенных «Царем Кандавлом», вследствие чего Островский оставил работу над своей пьесой. П. О. Морозов в известной нам статье сообщает: «Сказка, однако, так и осталась не написанною. Сохранился только ее сценарий и несколько стихов. Из этих отрывков видно, что Иван Царевич вместе с другими витязями отправляется искать похищенную Кощеем Бессмертным царевну Милолику, дочь царя Агея, и на пути встречается с Бабой-Ягой, лешими, домовыми и разными другими лицами фантастическими и действительными» («Вестник Европы», 1916, № 10, стр. 70).

Из всех этих данных ясно видно, что в приведенном выше письме Островского к Бурдину, цитированном Патуйе, имеется в виду не «Снегурочка», а другая волшебная сказка, над которой работал тогда Островский, именно, «Иван-царевич», оставшаяся, как мы видели, неоконченной. Таким образом, ни в коем случае нельзя предполагать, как это делает Ф. Д. Батюшков, что «Снегурочка» задумана была в 1868 г.

Однако точно определить, когда она была задумана, вряд ли удастся. Названный ученый высказывает предположение, что в данном случае некоторую роль в смысле стимула к созданию пьесы сыграла известная книга Афанасьева: «Поэтические воззрения славян на природу», именно ее второй том, в котором помещены некоторые версии сказки «Снегурочки» и который вышел в 1868 г. Но все эти версии были уже напечатаны в «Русских народных сказках», и мы дальше увидим, что именно к ним-то скорее и должно обратиться исследователю, а не к «Поэтическим воззрениям». Что к этому времени, углубившись в свои занятия историей, Островский, по словам Ф. Д. Батюшкова, «натолкнулся на чтения исследователей и собирателей произведений народного творчества, познакомился с трудами Снегирева, Терещенко, Сахарова, Афанасьева», это несомненно. Я думаю, что он не пропускал и таких статей, как «Предания о Семике и Троицыном дне. Зеленые святки» С. Любецкого, которая была напечатана в «Современной Летописи» 1866 г. (№ 15, 18 мая). Не говорю о собственных работах драматурга по собиранию и записи песен, сказок и фольклорного материала, который он вел еще во время своей известной «Литературной экспедиции» по Волге, т. е. в 1856 году.

Не совсем правильным представляется и то освещение, какое дано в статье Ф. Д. Батюшкова покупке Щелыкова в 1867 г., т. е. незадолго до того, как, по его мнению, была задумана «Снегурочка». Купив это

имение, Островский, пишет Ф. Д. Батюшков, «стал туда наезжать в летние месяцы, или даже проводить все лето... Таким образом, Островский мог не только книжным путем, но непосредственно, по впечатлениям жизни, заинтересоваться культом Ярилы, познакомиться с некоторыми обрядностями этого культа»[9]. Но дело в том, что в письме к Бурдину, сообщая о покупке имения, драматург называет его «наше великолепное Щелыково». Так мог говорить только человек, прекрасно с ним знакомый. И не мудрено, так как Александр Николаевич там часто бывал и, по свидетельству его сестры, Марии Николаевны, особенно любили они проводить там весну[10]. Таким образом, «впечатления жизни» начались гораздо раньше, а не только в 1867 г. Опубликованный в 1921 г. дневник, описывающий первую поездку Островского с родителями в Щелыково в 1849 г., подтверждает это. Приехав 30 мая 1867 г. в Щелыково, он отмечает в своем дневнике: «июня 11. Воскр. (Ярилин день)». Эта отметка была бы в высокой степени интересна, если бы не было установлено, что в конце 1867 и начале 1868 г. Островский работал над волшебной сказкой «Иван-Царевич».

В связи с этой последней укажем следующие факты. В журнале «Антракт» за 1866 г. (№ 39, 9 октября) напечатано такого рода сообщение: «Одобрена к представлению театральною цензурою: Иван-Царевич, волшебная сказка в 7 картинах». Но, очевидно, на сцену эта волшебная сказка не попала; по крайней мере, в «Хронике» Вольфа о ней не упоминается. А в том же 1866 г. в «Отечественных записках» (май) был напечатан «Леший», сказочная комедия в стихах, Д. В. Аверкиева. Здесь важно отметить, что стали появляться пьесы, заимствующие содержание из сказочного мира. В эту полосу входит и Островский с своей «волшебной сказкой».

Как оказывается, теперь приходится говорить о двух сказках, первая из которых — «Иван Царевич», вторая — «Снегурочка». Не возникла ли вторая из первой? Какая-то связь между ними есть, потому что, как видно из первоначального сценария «Снегурочки», в этой сказке должен был фигурировать в числе действующих лиц также Иван Царевич.

Каков же был первоначальный сценарий этой пьесы? В упомянутой уже нами рукописи «Снегурочки», на втором нумерованном[11] листе, находится следующий сценарий, значительно отличающийся от окончательного. Приведу его целиком, ввиду его интереса.

«ДЕВУШКА-СНЕГУРОЧКА[12]

Пролог[13]

Появление весны. — Монолог[14]. — Балет. Вихорь и снег. —
Монолог весны. — Явление мороза[15], — весны[16] и мороза. —
Явление снегурочки[17]. Разговор втроем (и авоська)[18].
Масленица. — Проводы. — Хор крестьян. —
Ответ масленицы. — Крестьянин и жена
берут снегурочку.

Действие 1-ое

Крестьянская[19]. Конец деревни. Крестьянская
изба и овин. — Игры и танцы. — Народ собрался
для встречи Ивана Царевича. — [Упреки девушек парням][20].
Выходит снегурочка, выходит и дурак из овина, —
Крестьянин и жена заставляют поднести снегурочку подарок. —
Приезд Боярина с Ив[аном] Цар[евичем] и со свитой[21].

Действие 2-ое[22]

[Дворец Берендея][23].
В глубине сцены деревенская улица.
С правой стороны виден дом Снегур[очки] с раз.
с левой другой дом, за улицей
хмельники, ульи, стоячие загородки, река, вдали город[24].

Действие 3-е[25]

Сцена 1-я. Гулянье в лесу с венками. Парни пристают к Снегур[очке]. [Девушки дразнят ее][26]. Она их отталкивает, слушая Мороза. — Наконец, ее все оставляют. — Она скучает — зовет авос[ь]ку идет[27]... мать.

Сцена 2-я

Снегурочку весна[28] одаряет. — Все подносят ей подарки.

Действие 4-е[29]

Сватьба. — Гроза. — Солнце. — Снегурочка тает.
Балет. Конец — ».[30]

Таков был первоначальный сценарий «Снегурочки». В нем в роли жениха является, надо полагать, Иван Царевич. Как можно заключить из зачеркнутой заметки на полях рукописи, драматург предполагал ввести в 1-е действие какую-то царевну. Неизвестно, какую роль играл бы «авоська» или дурак, выходящий из овина. В сценарии совершенно не упоминается о празднике Ярилы: народ сбирается для встречи Ивана Царевича, хотя, правда, говорится о гулянье в лесу с венками, но это могло и не относиться к празднику Ярилы. Да и о царстве берендеев есть только одно упоминание: «Дворец Берендея», которое, очень может быть, представляет собою позднейшую вставку. Конечно, трудно судить по данному сценарию, что представляла бы собою пьеса, но все-таки нелегко отделаться от впечатления, что автор больше заботился о чисто обстановочной стороне дела.

Драматург нашел недостатки в этом сценарии, отбросил его и составил новый, сохраненный нам в той же рукописи и на обороте того же листа, на котором был написан первый. Вот этот сценарий:

«Действие 1-е[31]

Дворец Берендея [Гусляры-скоморохи][32]. Берендей сидит [на золотом стуле][33] и занимается живописью. — Бермята начинает: Великий Царь счастливых Берендеев. Комический монолог. Берендей его перебивает и говорит о дурной весне, о болезнях-лихорадках — и о неурожае — о том, что его подданные занялись суетой... и забыли Ярилу (бога солнца) — что его надо умилостивить и для этого собрать всех женихов и невест и обвенчать завтра — (в день Ярилы). — Бермята говорит, что этого сделать нельзя, что все женихи[34] отказались от невест, что все они влюблены в девушку Снегурочку, и все невесты плачут, Берендей бросает кисть[35], [а девушка][36] Снегурочка никого не любит. Отрок докладывает, что девушка пришла с челобитьем. Входит девушка. — Рассказ девушки. — Приказ царя кликнуть народ и привести Снегурочку. — Входит народ. — Хор.

[Берендей говорит, что парни[37] — что не имеют верности и твердости и как увидят что-нибудь —[38], так и влюбляются][39].

Является Снегурочка. Царь мгновенно влюбляется и желает жениться, она отказывает. Берендей: конечно, я стар, но кто из молодых тебе нравится? Никто (хор удивляется). Царь (в гневе): как солнцу не сердиться на нас. [Уходит Снегурочка]. — Как заставить Сн[егурочку] полюбить. — Прек[расная] Ел[ена] — надо найти парня, против которого никто не может устоять. — Берендей спрашивает, кто же этот парень. — Елена указывает на Леля [с конфузом]. — Входит Лель. Разговор с Лелем. Берендей надеется, что Лель покорит Снегурочку и солнце смилостивится.

[Действие 2-е][40]

Сцена 1-я[41]

Подле избы бобыля. Д. 1[42].

[Снегурочка и Хоня — (бранятся). — Бобыль и жена. Прих(одит)[43] Лель, — просится к Бобылю, так как его очередь пастуха кормить[44].

Лель — сын солнеч(ный). Лель играет в горелки (возбуждает зависть Снегурочки [45]). Приезжает Бермятин сын, важничает — Бобыль отказывается — я вам за это песенку спою, поет:][46] Бобыль и жена бранят Снегурочку. — Подходит Лель, говорит, что его очередь ночевать у бобыля. — Его сопровождают бранью. Бобыль не хочет пустить Леля. Лель поет. — Приходит [девушка], наивно хвастается своим женихом. Приходит жених с парнями, фанфаронит, оделяет пряниками. — Ломается над Лелем — пляшет. С кем это он сидит? Это тебе не по рылу [47]. — «Это, пожалуй, и мне подойдет». — Все: «Что ты! Что ты. — У тебя есть невеста. — Постойте ко я погляжу». Сравнивает: «Нет, кончено!» Все: «Что ты делаешь!» Милега упр[екает] Снегур[очку] [48]. Ответ Снегурочки: «Я его не люблю». Жених: [49] «полюбит». — «Смотри. Бог Ладо тебя накажет! Этого не бывало между Берендеями». Невеста: «Что мне делать? Я утоплюсь». Бежит, Лель ее останавливает. Бирючи от Берендея.

Сц[ена] 1. Д. 3 [50]

Лес (Буй). Берендей говорит речь к народу. Игры и пляски. Лель дразнит Снегурочку. Царь уходит (к своим шатрам) [51] — Разные пары. — Снегурочка и жених (она убегает, его пугает Леший). Елена Прекрасная и скоморох. Игр. Царь и Бермята. Лель, невеста и Снегурочка. — Снегурочка одна, плачет (уходит).

Сц[ена] 2-ая.

Озеро.

Снегурочка просит мать. — Является Весна. — Балет. Весна со Снегурочкой. Явля [52]. Снегурочка одна. Заря [53], является жених. [Она ему горячо признается в любви] [54]. Все приходят [в изумление] [55]. Снегурочка рвется домой [56]. Он ее не пускает. — Является солнце: Снегурочка тает. Берендей: «погибла злая сила. Соединитесь все и просите бога Ладо, чтобы он нам показался». Запевают. — На горе является Ярило [57]. Теперь пляска и любовь. Финал с хором, балет — до неистовства».

Вот в каком виде был составлен второй сценарий «Сказки». Затем он претерпел маленькую перемену; действие второе «Подле избы бобыля» было сделано первым, а первое «Дворец Берендея» стало вторым. От первого сценария нетронутым остался пролог.

Что нового в этом сценарии сравнительно с первым? Предварительно сделаем одно замечание по поводу этого последнего. В нем заметно сильное влияние сказочных мотивов. Помимо самой Снегурочки, тут, как мы видели, и Иван Царевич и непременный сказочный герой — дурак. Очевидно, говоря о возникновении первого сценария, приходится иметь в виду книгу того же Афанасьева, но только другую: не «Поэтические воззрения славян на природу», а «Русские народные сказки».

Первое действие второго сценария «Дворец Берендея», надо полагать, возникло только при этой обработке сценария, и, как видим, по ходу действия оно отличается от теперешнего плана соответствующего акта, т. е. второго, каким оно и было сделано впоследствии при переделке сценария. В нем, как и вообще в пьесе, не было лишь суда над оскорбителем обиженной девушки, да и самого оскорбителя не было в этой сцене. Обратите внимание на то, что жалоба на оскорбление предшествовала сцене самого оскорбления. Вполне естественно, что драматург переменил порядок двух действий. Затем выдвигается бог Ярило с его праздником, Ярилиным днем, упомянутый дважды в этом действии. Появится он потом и в третьем действии. Под влиянием чего Островский задумал связать действие своей пьесы с праздником Ярилы, когда раньше это, повидимому, не входило в план? Сыграл ли в данном случае свою роль приезд в Щелыково в 1867 г., сказать нельзя. Как уже было упомянуто, почти через две недели после этого приезда драматург заносит в свой дневник заметку о Ярилином дне. Возможно, что ему удалось ви-

деть, как праздновали этот день в деревне, хотя это предположение мало правдоподобно, так как в противном случае он, вероятно, занес бы и об этом какую-нибудь заметку, раз он заносил в дневник даже то, что ходил ловить живцов. Также неправдоподобным является это предположение еще вот по какому соображению. Сохранилось письмо к Островскому одного из его приятелей, старого сотрудника покойного «Москвитянина», Е. Э. Дрианского, находящееся, по словам П. О. Морозова, несомненно, в связи с разговорами о задуманной драме-сказке. «Я, любезный друг, Александр Николаевич, — писал Е. Э. Дрианский, — нашел в моих выписках описание праздника солнца, которое совершалось таким образом: в ночь на Петров день, 29 июня, в некоторых местностях средней Руси, крестьяне и крестьянки, одетые в праздничные одежды, собирались на возвышенный холм и там ожидали восхождения солнца, что они называли караулить солнце. Восход солнца они приветствовали радостными кликами и даже песнями и любовались, как оно играет в небе и переливается разными цветами. Едва горизонт освещался первыми лучами, запевало начинал песню, остальные все вдруг подхватывали и пели уже хором. Вот одна из таких песен, записанная Терещенко:

Ой ладо, ой ладо, на кургане
Соловей гнездо завивает,
А иволга развивает,
Хоть ты вей, не вей, соловей,
Не быть твоему гнезду свитому,
Не быть твоим детям вывожатым,
Не летать им по дубровне,
Не клевать им яровой пшеницы,
Ой ладо, ой ладо!

К сожалению, Терещенко не упоминает, где он слышал эту песню. Во всяком случае, я полагаю, что эта песня будет пригодна для твоей «Снегурочки[58]».

Когда было написано это письмо? П. О. Морозов без всяких доказательств заявляет: «В 1867 или 1868 году». Из всего вышесказанного ясно, что к этим годам оно относиться не может: тогда Островский работал над «Иваном Царевичем», а не над «Снегурочкой». Несомненно, что оно именно позднее, но не позднее 1872 г., так как Дрианский умер 29 декабря 1872 г. Далее, слова письма: «нашел в моих выписках описание праздника солнца», дают возможность предположить, что предметом разговора драматурга с его приятелем был, между прочим, и «праздник солнца», т. е. Ярилин день, иными словами, Островский имел в виду ввести этот праздник в свою сказку еще раньше, чем им было получено цитированное нами письмо, и в разговорах своих он старался только выяснять подробности того, как празднуется этот праздник. Предположение автора письма, что приведенная им песня пригодится для «Снегурочки», не оправдалось: она в пьесу не попала, но финал сказки, встреча Ярилы, несомненно, отражает следы описания праздника солнца, хотя, как увидим дальше, могли быть и другие источники этого описания.

В конце концов приходится сказать, что пребывание в Щелыкове в 1867 г. как-то напомнило драматургу Ярилин день, который он и отметил в своем дневнике. Возможно, что воспоминания об этом дне, но только уже впоследствии, снова встали перед Островским и были причиной, что он решил ввести в свою «Сказку» праздник Ярилы. Возможно, что была и другая причина, почему он так поступил.

Что касается чисто сказочных мотивов или персонажей, то некоторые из них, как Иван Царевич, дурак, в новом сценарии исчезают, но появляются новые. Так, царь, увидев Снегурочку, мгновенно в нее влюбляется и желает на ней жениться. Это из сказки о Василисе Прекрасной, но мотив видоизменен, так как Берендей на Снегурочке не женится, тогда как Василиса Прекрасная стала царицей. Далее является

Прекрасная Елена, которая наряду с пастухом Лелем и песнями слепых гусляров напоминают г. Патуйе «античную эпопею» Гомера. Вполне основательно советует Ф. Д. Батюшков оставить Гомера в стороне, так как Прекрасная Елена у Островского не имеет никакого отношения к виновнице Троянской войны. Но почему же он не отметил, что и незачем было драматургу так далеко ходить, так как в тех же сказках Афанасьева он мог прочитать сказки об Елене Прекрасной и Василье Царевиче или просто об Елене Прекрасной, откуда он и взял это имя, подобно тому как из исторического документа заимствовал имя актера Шмаги.

Второе действие, ставшее потом первым, также в общих чертах сложилось сразу почти полностью; не было только некоторых явлений, как, напр., монолога Снегурочки, обиженной тем, что Лель бросил ее цветок (явл. 4), и сцены ссоры девушек из-за Снегурочки (явл. 5). Очевидно, не было обращения обиженной девушки (Купавы) к пчелкам и хмелю с просьбой отомстить ее обидчику; отмечено только желание утопиться. Но суть дела не в этом. Главное в том, что образ жениха был далеко не тот, какой теперь выведен в «Сказке» в лице Мизгиря, богатого торгового гостя из посада Берендеева, много ездившего по разным странам и много видевшего, быть может, близкого к типу Дон-Жуана, как толкует его Ф. Д. Батюшков. Во-первых, по первоначальному замыслу это был сын Бермяты, важничающий своим происхождением и общественным положением. Но эта мысль была тут же оставлена, и теперь в наброске второго сценария жених является просто фанфароном, очень грубым, который ломается над Лелем, даже гонит его и выражается очень грубо. Эта грубость его выражений сохранится еще и в наброске, относящемся к третьему действию. Таким образом, художественный образ Мизгиря создался у Островского во время непосредственной работы над текстом «Снегурочки». Что касается обиженной им девушки, то ее имя сначала совсем не было указано, а потом она названа: «Милега». Имя Купавы явится впоследствии, да и то не сразу.

Первая и вторая сцены III действия стали потом III и IV актами, но это не мешает сущности дела. Насколько можно было, отмечены почти все сцены, но, по сравнению с теперешним текстом, оказываются коекакие дополнения. Кроме грубости выражений жениха Снегурочки, есть еще та разница, что была какая-то сцена Прекрасной Елены и скомороха, соответствующая сцене ее с Лелем, а главное, не было упомянуто, что жених Снегурочки после ее смерти лишил себя жизни, и это обстоятельство еще раз свидетельствует о том, как постепенно создавался драматургом образ Мизгиря.

Таким образом, приступив к переработке первого набросанного сценария своей «Сказки», Островский, уже во время создания второго сценария, значительно подвинул вперед общую композицию пьесы, и в его работе сразу чувствуется рука большого мастера, который действительно и создал один из шедевров мировой литературы. Задумывая в 1867 или 1868 г. свою «Сказку», драматург заботился о приличной ее постановке, только при условии постановки ее на сцену готов был над ней работать и бросил ее, когда выяснилось, что она не будет поставлена на сцену. Теперь же он в августе 1873 г. просит Бурдина поблагодарить П. С. Федорова за хлопоты о «Снегурочке» и сказать ему, что если ее и не поставят (очевидно, в Петербурге. — *Н. К.*), то он в претензии не будет. «Я, — продолжает драматург, — имею так много лестных отзывов о ней, как о литературном произведении, что за драматической славой и не гонюсь» [59].

XI. ЗАМЕТКИ О РУКОПИСНОМ ТЕКСТЕ

Теперь скажу несколько слов о работе Островского над самим текстом. Конечно, много поправок, но не везде: некоторые страницы (рукопись в лист) почти целиком вышли без помарок, и ниже я укажу их. Само собою разумеется, в мою задачу не входит отмечать все те

поправки, какие делал драматург во время своей работы, хотя и в них есть много любопытного. Моя цель скромнее, а именно только познакомить с общим характером работы.

Пролог носит следы упорного труда: поправок и помарок много в монологах как Весны, так и Мороза, но и в общем все же не обнаруживают отступления от первоначального замысла, а лишь в лучшем случае вносят те или другие подробности или же просто, так сказать, отшлифовывают речь. В основном тексте есть только одно заглавие: «Хор птиц», а самого текста хора в данном месте рукописи нет. Он написан на отдельном листочке, на котором написаны еще недостававшие в первоначальном тексте строки из монолога Мороза, причем, несомненно, что хор написан позднее этих строк, так как он не уписался на одной странице, а продолжается на другой, где сначала идут строки из монолога Мороза, а затем продолжение хора птиц. Очевидно, эта вставка сделана позднее при окончательной обработке текста, так как на других подобных листочках в данной рукописи помещены окончательные варианты других стихов. Отметим также, что в прологе бобыля зовут Вакула, а не Бакула, и это имя, как увидим, сохраняется за ним во все продолжение пьесы.

Первое действие начиналось не монологом Бирюча, как теперь, а прямо диалогом Бобыля и Бобылихи, монолог же Бирюча был помещен в начале V действия, в котором, в свою очередь, не было начальной сцены раздора девушек с парнями, а прямо шла беседа со Снегурочкой. Должно заметить, что в этом явлении имя Купавы не было названо, а перед соответствующими репликами стояла буква «Д», т. е. «Девушка». Жениха ее звали: «Томилко»[60]. Когда появились постоянные имена? В следующем шестом явлении идет такой перечень действующих лиц: Снегурочка, Лель, Милуша, Томило. Хотя два последних имени и зачеркнуты и сверху надписаны новые: Купава и Мизгирь, но опять-таки замена эта произошла не сразу. Явление начиналось, как и теперь, репликой Купавы, только репликой еще более короткой, и перед ней опять встречается имя Милуша, равно как и перед первой репликой Мизгиря опять стоит имя Томило, а затем над ним надписано Мизгирь. Но вот уже в этой первой реплике Мизгиря употреблено имя Купавы, причем самая реплика читается так: «Какая тут девица есть Купава»[61]. Другим девушкам не было дано никаких имен, сказано просто: «девушки». Только впоследствии, в III действии, появляются их имена. Что касается мужских имен, то опять-таки были употреблены имена в другом порядке; имени Брусило совсем не было, и его реплика принадлежала Малышу. Мураш также был в числе парней, получавших от Мизгиря выкуп за Купаву, тогда как теперь это имя отца Купавы. Следует отметить, что справа от последних четырех-пяти строк монолога Купавы, где она, по выражению сценария, наивно хвастается женихом, проведена снизу вверх извилистая черта, за которой следуют имена: «Мураш, Мизгирь, Малыш, Курилка».

Возвратимся несколько назад. В третьем явлении нет песен, которые Лель поет Снегурочке, а есть только набросок, писанный в столбец: «Шумит лес. — Стойте сосенки — не качайтесь — Полянушка зеленая — Раздольице широкое». Немного пониже этого наброска заметка: «игры скоморохов». К какому действию следует отнести эту заметку, — трудно установить, может быть, к третьему, где в первом явлении есть пляска скоморохов, но возможно, что эта заметка вообще сделана с целью, чтобы не забыть ввести, куда придется, эти игры.

В седьмом явлении после реплики Леля:

«Когда сама заплачешь,
Узнаешь ты, о чем и люди плачут. (Отходит.)»

шла такая заметка:

«Мизгирь
О перлах.
Снегур[очка]
(Ласкает Мизгиря)».

Слова Мизгиря о перлах нашли себе место впоследствии. Вторая же часть заметки очень интересна, свидетельствуя о том, как видоизменялся в процессе творческой работы драматурга задуманный им образ.

В восьмом явлении в монологе отца Купавы, который, кстати сказать, еще не был назван по имени, а просто обозначен «Старик», в его монологе между позднейшими третьей и четвертой были еще такие строки:

«.......жили честно (3-я строка печатного текста. — *Н. К.*)

До сей поры. Девиц не запираем,
Свобода им на праздниках весенних
С робятами и день и ночь [62] гулять, играть.
Свобода им по сердцу выбирать
Дружков себе, венками обменяться, [63]
Без страха дочь...» (4-я строка печатного текста. — *Н. К.*)

Переходим ко II действию.

Хор гусляров, которыми оно начинается, в рукописи не закончен, последние слова его: «По ветру пашут», а затем идет заметка: «Брань, усобицы», и оставлен пробел. Возможно, что он был начат, но не кончен; возможно, что сразу был оставлен пробел для хора, т. е. писание текста начиналось не с него, а с диалога скоморохов. Нечто подобное повторяется и дальше. После диалога скоморохов и царя вместо слов последнего: «Подите вон», которых в рукописи нет, читаем: «Слепые пойте. Гусляры (поют)», и опять пробел для текста их хора. Еще одно замечание по поводу этого хора. Ф. Д. Батюшков уже указал, что «Островский придал искусственную форму песне гусляров: каждая строфа начинается со слова, рифмующего с последним словом предшествующей строфы, словно эхо повторяет его, тогда как остальные стихи без рифм. Эта форма присуща стихотворениям, симулирующим эхо, в лирической поэзии; оригинальность же приема Островского сказалась лишь в связи, которая таким путем устанавливается между строфами, как бы стянутыми переливчатостью звука» [64].

Рукопись еще более вводит нас в процесс создания этой особенности текста хора. Оказывается, что драматург первоначально просто подобрал четыре пары рифм и набросал их в таком виде:

«1. Скачет
плачет
2. Стонет
тонет
3. Рыщут
прыщут, ищут
4. Нижут,
лижут».

Хор гусляров первоначально был набросан в таком виде:

«Гусляры (поют)
Вещие струны гремите
Славу царю Берендею.
Долу опустили померкшие очи!
Ночи
Мрак безрассветный смежил их навеки
Мыслью рыскучей помчимся по свету

Мысленным оком соседей окинем
Слышутся звоны и ржание коней
Зыблются стрелы в колчанах открытых
Ветер колышет червленые стяги
По ветру пашут.
Брани, усобицы».

Справа вверху над словами: «Гусляры (поют)», находим две строки размера, которым написан хор:

— ⏑⏑ — ⏑⏑ | — ⏑⏑ || — ⏑
— ⏑⏑ — ⏑⏑ | — ⏑⏑ || — ⏑

Затем хор исправлен большею частью уже прямо, как в печатном тексте. Что касается размера, то автор подбирал его после того, как первые строки были уже написаны и размер сам собой обозначился; оставалось только выдержать его во всем хоре.

Выше было уже упомянуто, что некоторые страницы рукописи совсем не имеют помарок: текст сразу вылился в исправном виде. Как раз во II действии это и наблюдается: в сцене Купавы и Берендея (явл. 3-е) помарок сравнительно очень мало, некоторые, даже длинные, реплики почти сплошь без помарок, в других есть лишь дополнения, но не помарки. Точно так же в этом действии клич бирючей написан почти без помарок.

В пятом явлении II действия реплике Снегурочки: «где же искать его, не знаю» предшествовал первоначально такой диалог:

«Снегурочка, тебя сбирают замуж
Родители?
Снегурочка.
Сбирают, светлый царь[65].
Зови меня на свадьбу.
Показывай, скорее, жениха,
Снегурочка.
Снегурочкин жених Мизгирь, родитель
Названый мой, бобыль Вакула, хочет,
Чтоб я была его невеста.
Берендей.
Хочет родитель[66]
Родитель твой, а ты пошла б охотно
За Мизгиря.
Снегурочка.
О нет! Они к богатству
Завистливы, а я...
Берендей.
Красавица, откуда ты и кто
Родители твои?
Снегурочка.
Бобыль Вакула
Названый мой отец, а я приемыш
Снегурочка.
Берендей.
Снегурочка[67] Пришла твоя пора
[Сам царь[68] тебя желает замуж][69]
И я решился отдать тебя в замужество.
Ищи себе по сердцу жениха[70].
Снегурочка.
Где-же
Искать его?[71] не знаю.

Берендей.

[Кто милее

Того возьми[72], далеко не ищи][73]

Снегурочка.

Молчит мое сердечко.

Берендей (отводя Снегурочку)

Не стыдись...»

и так далее, как в печатном тексте.

На следующем листе рукописи в правом нижнем углу страницы есть такой относящийся к этой сцене набросок, потом зачеркнутый: «Есть разница, тогда сватались за дочь Бобыля, теперь предлагает царь с великим награжденьем».

Действие III, явление первое начиналось не так, как в печатном тексте, не песней «Ай, во поле липонька», а другой, именно:

«Круги (допевают песню).
Молодец девке челом
С молодца шляпа долой
Ай Дунай, ты мой Дунай
Сын Иванович Дунай.
Уж ты девица (одно слово не разобрано)
Раскрасавица поди.
= = = =[74]
Я слуга, сударь твоя
Я послушаюсь тебя.
= = = =

Это конец хоровой песни «Как пошел наш молодец»; только у Сахарова[75] вторая строчка приведенного текста читается так: «Уронил шапку долой». Затем в углу той же страницы, где написана эта песня, ремарка: «Оканчивают и остаются в кругах, не расходясь». А слева от приведенной песни написаны семь строк песни «Ай, во поле липонька», т. е. целиком весь отрывок, за исключением первой строки.

После реплики бобылихи: «На празднике тяжеле всех Бакуле», которая следовала прямо за песней: «Молодец девке челом», идет реплика Берендея: «Веселое гулянье...», но только семь строк ее, причем три последних читались так:

«Во всем велик; мешать к безделью дело
Не любит он; и трудится упорно
И радости беспечно отдается»[76].

За этими строками следовало:

«Мураш (Малыш)

Чего смотреть, ребята, заводите
Веселую.

Курилко

Русальную с березкой.

[Лель запевает][77]

Но потом эти реплики зачеркнуты и продолжается монолог Берендея. Имя «Мураш», как показывают эти строки, дано драматургом отцу Купавы, очевидно, лишь после окончательной обработки текста.

Песня Леля: «Туча со громом сговаривалась», повидимому, вставлена впоследствии, так как 4-й строфы ее в рукописи нет, для нее нехватило места, а есть только набросок двух предпоследних строк этой строфы:

«Вымочим девушек-ягодниц
— — — — —Вымочим
— их опять высушим.

М. П. Садовский в роли «Мизгиря» («Снеугрочка» в постановке Моск. Малого театра).

К. А. Варламов в роли царя Берендея («Снегурочка» в постановке Александринского театра).

Затем следующая за этой песней реплика царя начиналась прямо со слов: «Потешил ты царево сердце, Лель», а предшествующие три строки написаны сбоку на оставшемся свободном месте, будучи, повидимому, вставлены позднее в связи с внесением текста самой песни. В другом месте рукописи, на листе 33-м, находим два-три наброска из этой песни.

Песня «Купался бобер» также, повидимому, вставлена впоследствии: писана не в один столбец, а в два, так как был оставлен такой пробел, на котором она могла уместиться лишь в два столбца. Писана она без помарок.

Монолог Весны «Зорь весенних цвет душистый» находится на 44-м листе рукописи, а на листе 43-м следующий набросок, писанный в столбец, причем в каждой строке по одному названию и каждая строка от другой отделена чертой: «Ландыш — Шиповник — Анютины глазки — Незабудка — Кашка — Василек — Иван да Марья — Пуховка — Гвоздика — Дрема». Около текста монолога указан опять-таки стихотворный размер его:

□ — ⏑⏑ | — ⏑⏑]
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | — ⏑
— ⏑ | — ⏑ | — ⏑ | —

Этот монолог Весны сложился далеко не сразу и испещрен помарками.

Вот те немногие замечания о ходе работы драматурга над текстом его «волшебной сказки», которые полезно отметить в нашем очерке.

III. ИСТОЧНИКИ ПЬЕСЫ

Выше уже было указано на то, что, говоря о трудах Афанасьева, влиявших на создание «Снегурочки», прежде всего приходится иметь в виду его «Народные русские сказки», так как первый сценарий «волшебной сказки» Островского носит несомненно следы сказочных мотивов, кроме сказки о самой Снегурочке. Что касается этой последней, то должно заметить, что все варианты сказок о Снегурочке, приведенные Афанасьевым во II томе его «Поэтических воззрений славян на природу», уже имеются в IV выпуске его «Народных русских сказок» (2-е изд., 1860 г.) и в VI (1863 г.). Поэтому нет основания приурочивать замысел Островского ко времени, следовавшему за появлением второго тома «Поэтических воззрений», как это делает Ф. Д. Батюшков, хотя остается совершенно справедливым его мнение, что образ Снегурочки подсказан драматургу все же Афанасьевым. В данном случае сыграли роль, очевидно, «Народные русские сказки». Кроме того, возможно, что Островский и сам, помимо Афанасьева, знал какие-нибудь варианты сказки о Снегурочке. Совершенно справедливо замечание Ф. Д. Батюшкова, что все собранные Афанасьевым «Сказки о Снегурке, подсказав образ девочки, вылепленной из снега, не отвечают идее Островского о дочери Мороза и Весны и о том, что она должна была растаять под влиянием психологического аффекта»[78]. Следует, однако, отметить, что в сербском предании о Трояне, которое Афанасьев сближает со сказкой о Снегурочке и также приводит в своих «Народных русских сказках» (вып. VIII), уже говорится, что «Троян ездил по ночам, потому что днем никуда не смел показываться, опасаясь, чтобы не растопило его ясное солнце». Островский приложил последний мотив к Снегурочке, по-своему истолковав страх ее перед Ярилой — Солнцем. Можно присоединиться к мнению Ф. Д. Батюшкова, что «идея сделать Снегурку недоступной чувству любви, представить в ее образе олицетворение девственного целомудрия и невинности, приписать пробуждению чувств любви такую разрушительную силу, что от нее Снегурка должна неминуемо погибнуть — растаять, эта идея, повидимому, есть личный домысел Островского, придавшего элементам простонародных сказок особый смысл и значение, на фоне несколько пессимистического миросозерцания». «Островский, — за-

мечает далее Батюшков, — встал сам на путь поэтического мифотворчества и как бы создал новый миф в поэтическом образе».

Обращаясь к дальнейшей разработке вопроса об источниках «Снегурочки», автор настоящего очерка позволяет себе повторить то, что он писал по этому поводу в 1 томе своих «Этюдов», внеся, где нужно поправки.

«Еще современная Островскому критика указывала на необыкновенное его уменье перелагать старинные исторические документы яркой художественной речью, с соблюдением стиля и языка памятников. Изучение исторических и юридических памятников, как источников драматической хроники Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук», комедии «Воевода или сон на Волге» и особенно хроники «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», еще ярче показало мне это поистине артистическое уменье нашего драматурга пользоваться данными этих памятников. Он так художественно вплетает в речи своих действующих лиц слова, заведомо взятые из памятников, что кажется, как будто эти лица иначе и не могли говорить и, конечно, не может быть никакого разговора об искусственности их речи.

«Снегурочка» Островского, этот чудный сон в весеннюю ночь, показывает нам другое свойство драматурга. Она, точнее говоря, одно место из нее, говорит нам о способности Островского, пользуясь данными старого литературного памятника, создать яркую художественную картину. Мы имеем в виду превосходнейший хор гусляров, несомненным источником которого является «Слово о полку Игореве» [79]. В этом хоре как бы сконденсирована вся суть содержания «Слова». Обращает на себя внимание основная мысль, выраженная в хоре. «Близких соседей окрестные царства» раздирают смуты, раздоры и войны, картины которых составляют главную часть содержания хора, но «миром красна Берендея держава». А потому

«Слава
В роды и роды блюстителю мира!
Струны баянов греметь не престанут
Славу златому столу Берендея».

Основная идея «Слова о полку Игореве», что князья русские должны жить в мире друг с другом, чтобы одолеть одного общего врага — кочевников, изменилась здесь в том смысле, что условием процветания государства является общий мир и нет никакой речи о завоеваниях.

Картина раздоров, смут и войн начертана рукою великого художника, хотя и заимствовавшего свои краски у другого художника былых времен, но претворившего их в горниле своего творчества.

«Что мне звенит по заре издалече?
Слышу и трубы, и ржание коней».

Эти и подобные им строки невольно вызывают в памяти «Слово о полку Игореве».

К этому следует только прибавить, что по справедливому замечанию Батюшкова, «к хору слепцов Гомер ни с какой стороны не причастен», вопреки тому, как думал об этом г. Патуйе [80].

Другим источником «Снегурочки», несомненно, являются произведения народной поэзии в широком смысле слова и прежде всего, конечно, народные песни. Об одном источнике этой категории у нас и будет сейчас речь.

Конечно, все помнят превосходнейший монолог Купавы, ее обращение к пчелкам, хмелю и реченьке проточной, которых она умоляет отомстить обидчику. Это обращение имеет форму древнерусских заговоров, но ввиду той связи, какая установлена между хором гусляров и «Словом о полку Игореве», можно допустить, что эта форма монолога Купавы навеяна не народными заговорами непосредственно, а знаменитым плачем Яро-

славны, который, в свою очередь, отразил на себе влияние народных заговоров.

Приведу из этого монолога обращение Купавы к хмелю:

«Хмелинушко, тычинная былинка,
Высоко ты по жердочке взвился,
Широко ты развесил яры шишки.
Молю тебя, кудрявый ярый хмель,
Отсмей ему, насмешнику, насмешку
Над девушкой! За длинными столами,
Дубовыми, за умною беседой,
В кругу гостей почетных, поседелых,
Поставь его, обманщика, невежей
Нетесанным и круглым дураком.
Домой пойдет, так хмельной головою
Ударь его об тын стоячий, прямо в лужу
Лицом его бесстыжим урони!»

Заранее можно было сказать, что содержание этого обращения взято из народной песни. Теперь это можно установить с точностью. Среди бумаг Островского, главным образом, его писем, хранящихся в музее А. А. Бахрушина, мы нашли следующий список «Песни о хмеле», даже с указанием вариантов Т. Филиппова и Киреевского.

ПЕСНЯ О ХМЕЛЕ

Не хмелюшка по полю гуляет,
Еще сам себя хмель восхваляет,
Что и нет меня хмелюшки лучше,
Что и нет меня хмеля веселее.
Что князья и бояре хмель знают,
Что и сам государь величает,
Что без хмелюшки свадьбу не играют,
Что журятся и бранятся все во хмелю.
Только есть на меня мужик садовник,
Он широкие борозды копает,
Далеко меня хмель зарывает,
В ретиво сердце тычинушко вбивает.
Да как тут-то я хмель догадался,
По тычинушке вверх увивался,
Распустил свои яровы шишки.
Красны девушки хмелинушку щипали,
В рогожные кули зашивали.
На овине меня, хмелинушку, сушили,
На базар меня, хмеля, вывозили,
Что богаты мужики покупали
А во суслице хмелинушку топили,
По дубовым бочкам разливали.
Уж как тут-то я хмель расходился,
Отсмею я ж садовнику насмешку,
Я и сделаю его сатаною,
Я ударю его в тын головою,
Я в коровье г...о бородою.

Дальше было чернилами написано: «Вар[иант] Филип[пова]:

Что во городе было во Казани,
Разгулялся хмель на базаре»,

Но потом карандашом исправлено: «Вар[иант] Киреевского:

«Как во городе было во Казани,

Середи было торгу на базаре,
Хмелинушко по торгу гуляет,
Да и сам себя хмель выхваляет
Что и нет-то меня хмелюшки лучше,
Хмелевой моей головки веселее...»

Как видите, связь между цитированным отрывком монолога Купавы и «Песней о хмеле» несомненная и очень тесная: многие выражения монолога взяты оттуда целиком. Но опять еще раз приходится констатировать, что у Островского заимствованный материал перерабатывался в горниле его творчества, и из-под его пера возникало новое, высокохудожественное создание.

Вызывает замечание имя Купавы. Батюшков отмечает, что «имя Купавы принадлежит, по указанию А. Н. Веселовского, жене Прова в апокрифическом сказании о названном брате Христа». А так как Пров считается покровителем побратимства и кумования, является, следовательно, «покровителем чистых привязанностей, душевного единения сердец», то «имя жены Прова как нельзя лучше соответствует образу подруги Снегурочки». Не совсем ясно, хотел ли названный ученый этим напоминанием об указанном апокрифе сказать, что именно из него заимствовал Островский имя Купавы. Если это так, то тогда можно было бы, пожалуй, предположить, что и самый образ Купавы навеян этим сказанием. Но, как мы видели по рукописному тексту, образ Купавы сложился у драматурга прежде, чем он дал ему именно это имя. Раньше было сказано просто «девушка», потом появились имена: Милега, Малуша и, наконец, только Купава. И это имя первоначально было записано сбоку на одном из листов рукописи, очевидно, для памяти, чтобы не забыть его, и, надо полагать, было откуда-нибудь заимствовано? Откуда же? Из апокрифа о Прове? Но был ли он тогда напечатан? Впервые он опубликован Ягичем в 1868 г.[81]. Однако в этом тексте жена Прова не названа по имени. Можно было бы предположить, что Островский знал этот апокриф в рукописи, но такого предположения делать не стоит, так как ему незачем было обращаться к рукописи. Имя Купавы он мог найти и в печатном источнике, несомненно, ему известном. Во II томе «Песен», собранных Рыбниковым, именно в примечаниях Бессонова, находится такая заметка: «Из героинь, отвечающих греческим и юго-славянским преданиям, у нас известна прежде всего в сказках «Елена Прекрасная»... В киевском творчестве место этой Елены заняла: Настасья,... грозная поляница, или податливая, увозимая на корабле или похищенная Змеем Забава, Купава (т. е. «Красавица», Прекрасная); или изменчивая Марья и т. д. Но в былинах сохранилась и «Елена»[82]. Вот откуда мог заимствовать драматург имя Купавы. Что же касается Елены Прекрасной, то ее имя встречается гораздо раньше имени Купавы, следовательно, заимствовано прямо из сказок.

Несомненно, что из «Песен» Рыбникова взято имя Бермяты, являющегося действующим лицом в былинах о Чуриле Пленковиче[83], к которому оказывается неравнодушной жена Бермяты Катерина Микулична[84].

Былины о Чуриле могли подсказать драматургу мысль ввести в эту пьесу обманутого мужа Бермяту и его легкомысленную супругу. Драматург заимствовал имя Бермяты, создав в общем совершенно самостоятельно комический, но высокохудожественный образ ближнего боярина у царя Берендея, наделив его под влиянием своего же источника легкомысленной красавицей женой.

Вот откуда были взяты имена Бермяты и Купавы, и вполне естественно, что имя Купавы появилось в пьесе впоследствии: оно встречается не в тексте былин, а в примечаниях к ним Бессонова, которые Островский сначала мог и не читать или, прочитавши, забыть и только потом, перечитав их, найти там имя Купавы, которое и записал у себя в рукописи для памяти.

Возвращаясь к народным песням, служившим источником для Островского, отметим из них ту, которая фигурирует в «Снегурочке» в качестве хора птиц. «Этот хор заимствован, — по справедливым словам Батюшкова, — из известной во многих вариантах песни «Каково птицам жить на море». «Она приурочена к весне, ко времени слета птиц, когда «от зимы становилась весна красна», и содержит ответы маленькой (туземной) птичке — на вопрос, как жилось за морем и кто там больший и меньший» [85]. Но только при сравнении текста ее с текстом хора птиц у Островского следовало обратиться не к вариантам, записанным у Рыбникова и тем более у Гильфердинга [86], как это сделал Батюшков, а к тексту ее в Шноровском «Новом российском песеннике» [87], где она озаглавлена по первой ее строке: «Протекало теплое море». Если мы обратимся к этому тексту, то увидим, что в разработке «наиболее типичных прозвищ, в связном, последовательном перечне представителей разных сословий и званий самостоятельная работа Островского оказывается менее значительной, чем это представляется, если взять тексты означенной песни у Рыбникова и Гильфердинга. В том, что касается самых сословий и званий, разница между текстом хора птиц в «Снегурочке» и песен «Протекало теплое море» наблюдается лишь в двух пунктах, а именно в этой последней 1) о сове сказано, что

«Сова-то у нас на море графиня,
То-то высокие брови,
То-то веселые взгляды,
То-то хорошая походка,
То-то желтые сапожки»,

да 2) о журавле сказано, что

«Журавль на море водоливец,
То-то долгие ноги».

У Островского сова названа воеводой [87а], вероятно, потому, что графских титулов в царстве берендеев не существовало, но желтые сапожки совы упомянуты; журавль оказался у него «сотник с долгими ногами». У всех же остальных птиц сословия и звания драматургом совершенно не изменены. Он только переменил порядок, в каком перечисляются птицы, да, что самое главное, изменил ритм песни. Поэтому-то и можно согласиться со словами Батюшкова, что и здесь «ощутительна работа художника, не просто воспроизводящего, но перерабатывающего по-своему в осмысленном творческом процессе данные народной поэзии» [88].

Творческая работа художника видна и во внесении некоторых исторических черт. Так, в начале первого действия бирюч объявляет царский наказ собираться всем на следующее утро:

«В государев заповедный лес,
На гульбище, на игрище, на позорище,
Венки завивать,
Круги водить, играть, тешиться».

Что Островский ввел бирюча в число действующих лиц и заставил его объявить царский указ, это вполне понятно. Еще в «Воеводе» он применил такой же прием на основании исторических документов. Содержание этого указа могли дать драматургу не только песни, касающиеся праздника Ярилы, но и описания этого праздника у Терещенко, Снегирева и др.

Переходим ко второму кличу бирючей, когда они по приказу Берендея сзывают народ на царский двор, «в государевы палаты, суд судить, ряд рядить». Читая доклад о «Снегурочке» в обществе любителей российской словесности, автор настоящего очерка высказал мысль, что на этом кличе бирючей сказалось влияние текста лубочных картинок. По крайней мере, эпитеты красных девиц: «криношные баловницы, горшечные пагубницы», казалось автору, имели соответствие в «Реэстре о

дамах и прекрасных девицах»[89], где между прочими женскими именами значатся: «Горшечная пагубница — Аминодора» и «Криношная блудница — Нимфодора». Затем самый ритм этого клича казался совершенно одинаковым с ритмом прибауток тех же лубочных картин и пословиц, которые, конечно, тесно друг с другом связаны.

Другой взгляд на источник клича высказал С. Ф. Елеонский в своей остающейся в рукописи статье «Приговоры свадебных дружек в «Снегурочке» Островского». Должно признать, что С. Ф. Елеонский был совершенно прав, утверждая, что «источником клича бирючей послужил не лубок, а приговоры свадебных дружек». Он проделал тщательную сверку составных элементов «клича бирючей» с печатными записями свадебных приговоров. Но после этой сверки он все же пришел к выводу, что «драматург пользовался своими, до нас не дошедшими вариантами...» и что «трудно решить, обработал ли писатель собранные им самим этнографические материалы или же доставленные ему от других лиц».

Среди бумаг Островского, собранных им во время известного его «Путешествия по Волге», так называемой «Литературной экспедиции», как раз и нашлись следующие три тетради, из которых первые две имеют близкое отношение к интересующему нас вопросу:

1) Свадебные обычаи и песни в селе Костеневе. (Посвящ. Н. Н. Баскакову).

Подпись: П. И. Андроников. Кострома. 14 Генваря 1855 г.

2) Свадебные обычаи в Даниловском уезде. (Ярославские Губернские ведомости 1844 г., № 26 и 27).

3) Обычаи при свадьбах в Пошехонском уезде. (Ярослав. Губ. Ведом. 1853 г., № 26—31).

Таким образом, «собранных самим драматургом этнографических материалов», т. е. им самим записанных, в данном случае не было. Первая тетрадка, вероятно, была доставлена Островскому автором заключающейся в ней статьи, а две других — это переписанные копии печатных статей из «Ярославских губернских ведомостей».

Наибольший интерес представляет первая тетрадка со статьей П. И. Андроникова, давшей всего более материала для клича бирючей.

«Лишь только приехал жених и невеста начала причитать, — сообщает Андроников, — дружки всех находящихся в избе стали обносить орехами, а где, по бедности, их нет, — барашками, орешками или барашками, подчуют по возрастам: сперва стариков и старух, потом молодых женщин, девиц и наконец ребят».

Напрашивается на сопоставление с только что цитированными строками следующие слова царя Берендея в «Снегурочке»:

«А кликать клич учтиво, честно, складно,
Чтоб каждому по чину величанье,
По званию и летам был почет,
Да кланяйтесь почаще и пониже».

Вполне возможно, что простое упоминание о подчивании по возрастам дало толчок творческой мысли драматурга, в результате чего и явились приведенные строки из царской речи бирючам.

Далее Андроников пишет: «Поднося орехи или барашки старикам дружки приговаривают: старые старички, подполатные жители, бабьи служители, — извольте принять — проздравствовать новобрачного князя с княгиней.

Старухам: старые старушки, совьи брови, медвежьи взгляды, ваше дело сына со снохой развести, — извольте принять — проздравствовать новобрачного князя с княгиней.

Молодым женщинам: молодые молодки, широкие лопасти, вороты браные, волосы драные, запястья шитые, затылки битые, — извольте принять — проздравствовать новобрачного князя с княгиней.

Девицам: красные девицы, криношные блудницы, горшечные па-

губницы, ваше дело лоб лощить да дом тащить, лепешки пекчи, под забор хоронить да ребят кормить, — извольте принять — проздравствовать новобрачного князя с княгиней.

Ребятам: маленькие ребятки, толстые запятки, косые заплатки, гороховые пупки, репные желудки, ваше дело — переломи коврига, отца и мать на стыд навести, — извольте принять — проздравствовать новобрачного князя с княгиней».

Любопытно, что все приведенные здесь обращения дружек в тетрадке на полях отмечены карандашом, очевидно, самим драматургом при чтении, а в 3-й тетрадке на 1-м листе сверху заглавия чернилами сделана пометка рукою Островского: «Прочитано».

Несомненно, что именно приведенный выше текст приговоров свадебных дружек дал материал для «клича бирючей» в «Снегурочке». Если сопоставить эти тексты, то увидим полное совпадение обращения 2-го бирюча к красным девицам с приговором дружки. В обращении к старухам у Островского добавлены только два слова: «намутить, наплесть». Добавление требовалось ритмом стиха. В обращении к старикам добавлена строчка: «честные мужички». Это добавление объясняется общей композицией «клича». Дело в том, что в построении «клича», кроме возрастного принципа, положен еще и классовый: первое обращение к государевым людям — дворянам, второе — к гостям торговым, т. е. буржуазии, четвертое к подьячим, т. е. чиновничеству, пятое — к старикам, путем прибавления слов «честные мужички», превращено вместе с тем в обращение к крестьянам. Другие обращения построены по возрастному принципу. Такое построение, думаю, всецело принадлежит творческому замыслу драматурга; недаром в уста царя в его обращении к бирючам были вложены слова: «По званию и летам был почет», и тут подчеркнута двойственность в кличе бирючей.

Приговор дружки, обращенный к молодым женщинам, подвергся у Островского некоторой переделке, точнее говоря, некоторым дополнениям. Прежде всего заметим, что добавление строки: «У вас-ли мужья сердитые» требовалось необходимостью пояснить, почему у молодых молодиц — затылки битые. Что касается другого дополнения, второй и третьей строк, то источник его находится в статье «Свадебные обычаи в Даниловском уезде». Здесь также находим следующее обращение дружки к девицам:

«Из кута по лавке,
Вдоль по скамейке,
Дочери отецки,
Жены молодецки,
Красные девицы,
Криношные блудницы,
Горшечные пагубницы!
Благословляйте князя молодого» и пр.

Здесь мы видим смешение или, быть может, соединение обращения к женам молодецким и красным девицам. Любопытно, что в этом тексте подчеркнуты, несомненно, самим Островским, как раз строки:

«Дочери отецки,
Жены молодецки»,

которые и введены были драматургом в текст обращения бирюча к «молодым молодицам».

В статье «Свадебные обычаи в Даниловском уезде» есть еще обращение:

«Добрые молодцы,
Веселые головы,
Широкие бороды!
Благословляйте князя молодого» и пр.,

в котором также подчеркнуты вторая и третья строки, т. е. как раз те строки, которые драматургом введены в обращение 1-го бирюча к «государевым служилым людям», т. е. дворянам. Это свидетельствует о том, что данное обращение 1-го бирюча представляет плод творчества самого драматурга. Каждое обращение бирючей состоит из двух частей: из собственно обращения, т. е. названия тех, к кому обращается речь, и из характеристики этих лиц. Характеристика дворян дана широкими мазками; здесь метко указаны характерные черты дворянства: их веселая жизнь, внешняя культурность («широкие бороды», т. е. расчесанные, холеные бороды, а не «бороды густые», как у гостей торговых); в упоминании собак важно не простое о них упоминание, а именно то, что это «собаки борзые», чем, конечно, делается намек на дворянскую забаву — охоту с борзыми; наконец, последняя черта — «холопы босые» — беднота крестьянская. Эта характеристика вполне в духе того отрицательного отношения к дворянству, которое красной чертой проходит через все творчество Островского. Те фразеологические сближения, которые тщательно выявлены Елеонским, вряд ли что-нибудь дают для объяснения клича бирючей к дворянам; недаром и не удалось найти здесь дословных совпадений, как в других обращениях, а ограничиться одними только фразеологическими сближениями.

То же самое приходится сказать об обращении к гостям торговым, дьякам и подьячим, т. е. к буржуазии и чиновничеству. Их характеристика опять-таки дана в тех же общих чертах, как и характеристика дворянства, и краски для этой характеристики были уже в запасе у драматурга. Недаром Елеонский в изученных им вариантах свадебных приговоров не нашел близких параллелей к вызову «гостей торговых» и ничего подобного обращению к дьякам. Оба эти обращения — несомненный плод творчества самого драматурга.

Сюда же должно быть причислено и последнее, не отмеченное еще нами обращение 1-го бирюча к «молодым молодцам», в котором также не найдено прямых, буквальных соответствий с текстами свадебных приговоров.

Итак, можно считать установленным, что источником клича бирючей в «Снегурочке» были приговоры свадебных дружек, как это было впервые высказано Елеонским. Островский в этом случае пользовался записями Андроникова и автора статьи «Свадебные обычаи в Даниловском уезде». В некоторых обращениях бирючей мы находим точное совпадение с текстом приговоров, как, напр., в обращении к «красным девицам», в некоторых небольшие вставки, как в обращении к «старым старичкам» и «старым старушкам». В обращении к «молодым молодицам», помимо такого добавления, находим еще контаминацию из текстов двух приговоров. Остальные обращения к «государевым людям», «гостям торговым», «дьякам, подьячим» и «молодым молодцам» представляют плод самостоятельного творчества Островского, причем только в первом из них имеется заимствование из текста приговора свадебного дружки, но обращенного не к «государевым людям», а к «добрым молодцам».

Что касается заключительной части клича — приглашения выслушать государеву волю, то справедливо замечание Елеонского, что она «также в значительной мере соткана из поэтических образов народной свадебной обрядности», но сохранившиеся до нас собранные Островским материалы не дают ничего для выяснения этого вопроса.

Среди бумаг, собранных Островским во время его «Литературной экспедиции», сохранилась в копии еще одна статья из «Тверских губернских ведомостей» (1854 г., № 27) под заглавием: «Кофтырь», содержащая в себе описание одного древнего майского праздника и являющаяся, несомненно, одним из источников при создании «Снегурочки». Приведем здесь это описание.

«При наступлении какого-либо праздника, часто между поселянами раздается вопрос, пойдешь ли завтра в церковь? Ответ короток — нет не время! а на кофтырь? Да, непременно!..

«Кофтырь[90]. Под сим словом должно разуметь не что иное, как ручей, находящийся в Тверской губ., Корчевского у., близ села Абрамова, на противоположном берегу Волги. Но восточная его сторона окружена гористым местоположением с редеющими лесами, северная р. Волгою, а западная обширной и ровною поляною. На сей-то уединенной от селений поляне издревле сосредоточивается сборище молодежи обоего пола. Месяц май, предвозвестник весенних прогулок и увеселений, не сокрылся и ныне от взоров мирных поселян, но подарил их тем же драгоценным 23 числом[91], как одаряет 1-м жителей столиц.

«Накануне давно ожиданного дня во всех селениях, на 15-верстной окружности, пробуждается в жителях особенная заботливость к приуготовлению лучшего для себя убранства, а в 12-ть часов, 23 мая, на равнине упомянутого потока являются разнообразные группы туземцев в национальных лучших костюмах, разбиваются палатки со сбитнем и потом следует деревенский церемониал. Народное творчество первоначально открывается хороводом девиц, которые, ухватясь за руки, образуют две противоположные партии, на небольшом между собою расстоянии. 1-я партия, тронувшись с своего места тихим шагом, начинает заветно-славянскую свою песню: «А мы просо сеяли, ой дид Ладо сеяли!»[92] Этот куплет пропевается во время шествия до противостоящих подруг и обратно до предназначенного места. Потом 2-ая партия, начиная второстишие: «а мы просо вытопчем», производит такое же движение. Неподалеку от сего хора виднеется и другой хоровод девиц, расположенный кругообразно, с иными русскими напевами, тут промелькивают и молодцы. Зрителями бывают родители, родственники и другие посетители. Далее на поляне виднеются пляски пастухов с берещенными[93] свирелями и другие забавы. Увеселения эти продолжаются около 2-х часов. Потом молодцы с девицами гуляют по берегам ручья, а перед захождением солнца прогулки эти и пресыщения медом и другими напитками — прекращаются. Это простонародное гулянье замечено описателями 28 мая и 6 июня в крапивное заговенье»[94].

Далее, пытаясь истолковать это народное гулянье и цитируя из «Истории государства российского» Карамзина известное место о «северянах, радимичах и вятичах», где говорится о заключении ими брачных союзов, автор заканчивает: «Итак из вышеописанного народного сборища можно с достоверностью заключить, что на упомянутом месте — кофтыре во время язычества совершались безбрачные союзы русских славян и отправлялось жертвоприношение божеству Ладо»[95].

Если мы обратимся к четвертому действию «Снегурочки», заканчивающемуся встречей Ярилы-солнца, то увидим, что на это празднество перенесены некоторые черты из описания «Кофтыря». Прежде всего привлекает внимание ремарка с указанием места действия: «Ярилина долина: слева от зрителей отлогая покатость, покрытая невысокими кустами, справа сплошной лес; в глубине озеро,... с правой стороны голая Ярилина гора...» В описании «Кофтыря» также находим гористое местоположение с редеющими лесами, а в примечании о месте для жертвоприношений упомянуто об озерах и лесах.

Далее последнее, 4-е явление в этом действии «Снегурочки», где как раз женихи с невестами попарно идут навстречу солнцу и царь благословляет их союз; это явление начинается общим хором, исполняющим песню «А мы просо сеяли», т. е. ту же самую, которой начинается и праздник «Кофтырь» и которую обычно исполняли при свадебных торжествах.

Вот почему, мне думается, эта статья из «Тверских губернских ведомостей» не прошла бесследно для творчества Островского и дала некоторые детали при создании им «Снегурочки».

Выше мною вскользь было замечено о влиянии пословиц в творчестве Островского. Особенно ярко заметна связь с пословицами в сцене проводов масляницы, именно в первом хоре, где эти строки:

«У нас с гор потоки,
Заиграй овражки,
Выверни оглобли,
Налаживай соху!
. . . .
. . . .
. . . .
Телеги с повети,
Улья из клети,
На поветь санки,
Запоем веснянки!»

за исключением последней, сплошь составлены из пословиц [96].

В заключение настоящей главы остановлюсь еще на тех словах царя Берендея, где он объясняет скоморохам значение и характер живописи (д. II, явл. 1).

Последние строки его речи:

«В преддвериях, чтоб гости веселее
Вступали в дом, писцы живописуют
Таких, как вы, шутов и дураков»,

находят себе соответствие в известных фресках Киево-Софийского собора. Весь вопрос только в том, видел ли Островский эти изображения непосредственно или узнал о них из других источников. Если даже он и видел лично эти фрески, то все же драматургу был необходим такого рода источник, который познакомил бы его с росписью палат древних русских князей. Необходимые сведения по этому поводу он мог почерпнуть из знакомого ему труда И. Е. Забелина: «Домашний быт русских царей», в 1-м томе которого этот вопрос разобран как нельзя более обстоятельно, а кроме того, в нем есть и любопытное замечание о фресках Киевского собора. «В сенях Киево-Софийского собора, — читаем там, открыты даже изображения светского характера, которые могли принадлежать еще первым временам его постройки (XI и XII вв.) и составляли, быть может, части украшений великокняжеских дворцовых переходов в собор» [97]. Островский данные о древней русской живописи более поздней эпохи перенес на сказочную жизнь, да вместо религиозного характера придал ей светский характер, основания для чего были в сообщаемых Забелиным сведениях о росписи княжеских палат в древней Руси.

IV. «СНЕГУРОЧКА» И «СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ» ШЕКСПИРА

Все критики, писавшие по поводу «Снегурочки», считали как бы непременным своим долгом указать на то, что она написана под влиянием Шекспира и особливо его «Сна в летнюю ночь». Чебышев-Дмитриев, напр., полагает, что «это влияние отражается во всем — и в отборе сюжета, и в сановитом тоне монологов с цветистостью их языка, и в финале пьесы: заключительная речь царя Берендея напоминает манеру Шекспира, который в своих драмах, чтобы ослабить впечатление печальной развязки, нередко прибегает к тому, что в конце пьесы представляет картину лучшей будущности, устраняющей возможность такой катастрофы, какую только что видели зрители» [98]. Вообще всю сказку Островского критик считает копией, иногда рабской копией с Шекспира, — копией, написанной ученической рукой с картины великого мастера. На противоположной точке зрения стоит Батюшков, думающий, что, по существу, из «Сна в летнюю ночь» Островским почти ничего не заимствовано; сближению, по его мнению, поддаются лишь следующие два положения: оба произведения относятся к весенней поре, ибо и сказка Шекспира, несмотря на ошибочное название, есть весенняя «майская сказка», причем в поэтической обработке представлены некоторые мотивы песенных преданий и поверий; однако этот материал фольклора существенно иной

у Островского и у английского поэта. Во-вторых, повидимому, Островский взял или мог взять у Шекспира идею роковой и непреодолимой любви, стихийно-безразличной, и с этой точки зрения вполне непроизвольной, слепой, предопределенной кем-то со стороны, любви, возбужденной волшебным цветком. Шекспир называет этот цветок Love in idleness — любовь в праздности, досужая, праздная любовь. Островский, вместо одного цветка, указывает на целый букет Весны, которая говорит, что «один цветок, который ни возьми, — души твоей дремоту пробуждая, — зажжет в тебе одно из новых чувств, — незнаемых тобой». И «с первой встречи — счастливца ты даришь любовью, кто бы-ни встретился тебе». В этом положении, в этой концепции любви и символическом ее происхождении оба автора действительно совпадают, и, возможно, что Островский взял идею у Шекспира: но она отвечала также его собственной концепции любви, что легко проверить в целом ряде его произведений[99].

Мнение первого критика, думается нам, не нуждается в опровержении: его нелепость очевидна. Что касается мнения Батюшкова, то, высказанное очень осторожно, оно заслуживает глубокого внимания, хотя вполне и с ним согласиться также невозможно.

По поводу первого положения, что оба произведения относятся к весенней поре, можно согласиться, что тут влияние Шекспира сказалось только в названии «Снегурочки» «весенней сказкой». Ведь Островский исходил не от Шекспира, который указывал ему на фольклор, а от фольклора, ему хорошо известного, который требовал для себя подходящей рамки, т. е. фабулы, и, подыскивая ее, драматург мог прежде всего остановиться на шекспировском «Сне в летнюю ночь», в котором также «в поэтической форме представлены некоторые мотивы весенних преданий и поверий». Островский, конечно, не решал вопроса, было ли произведение Шекспира «майской сказкой»; свою «Снегурочку» сказкой он назвал потому, что в основе ее лежит сказка. Почему бы, вероятно, рассуждал он, и не назвать ее «весенней сказкой», раз все происходит весной, как это сделал Шекспир со своим «Сном», действие которого происходит в летнюю ночь.

В первом, нам уже известном сценарии «Снегурочки» совершенно не отмечено, предполагал ли драматург ввести в текст пролога ссору Весны и Мороза из-за Снегурочки, подобно тому как во втором сценарии он отметил хотя бы монолог Бермяты. Как истолковать это замечание? Истолковать его возможно в том смысле, что эта подробность первоначально не входила в план Островского. В таком случае напрашивается предположение, что эта подробность могла быть заимствована Островским у Шекспира, перенесена на Весну и Мороза с Титании и Оберона, которые также спорят друг с другом из-за ребенка. Таким образом, только при создании второго сценария возможно говорить о шекспировском влиянии.

Относительно второго положения, что «Островский взял или мог взять у Шекспира идею роковой и непреодолимой любви, стихийно-безразличной, и с этой точки зрения вполне непроизвольной, слепой, предопределяемой кем-то со стороны, любви, возбужденной цветком», то надо полагать, что никакой концепции любви Островский у Шекспира не заимствовал. Обратите внимание прежде всего на то, как он спешит записать для памяти пришедшую ему в голову мысль противопоставить два взгляда на любовь, один из которых: «счастье в том, чтобы любить», он приписывает Весне, другой, противоположный: «счастье в том, чтоб не любить» — Морозу. Точно так же он отмечает на полях рукописи: «холод — остужение сердец». Затем в самом тексте диалога Мороза и Весны можно отметить следующие подробности. Мороз дает отрицательную, с его точки зрения, характеристику берендеев, кончающуюся словами:

«...кануны править,
Да бражничать, веснянки петь, кругами
Ходить всю ночь с зари и до зари —
Одна у них забота».

В рукописи за этими словами следует такое дополнение, не попавшее в печатный текст:

> «Вот каков
> Любимый твой народец».

На что Весна отвечает:

> «Сердце знает
> Кого любить; ему указов нет».

И только дальше шел имеющийся в печатном тексте вопрос, на кого Мороз оставит Снегурочку. Таким образом, только постепенно разрабатывался вопрос о любви, причем, повидимому, Островский и сам вначале не представлял себе ясно всех разветвлений этого вопроса, и только в конце работы выяснились некоторые общие положения.

Без любви жить невозможно; все живое должно любить. Отсутствие любви является причиной многих несчастий для людей. А за краткий миг любви можно заплатить и собственной жизнью. Источником любви является природа. Молчало сердце Снегурочки. Весна, т. е. природа, еще не наделила ее этим даром, она была невинное дитя в деле любви; но пришла ее пора, проснулось ее сердце, Снегурочка из ребенка превратилась в женщину. Вот почему она должна была теперь встретиться именно с Мизгирем, а не с Лелем, который и раньше не возбуждал в ней такого отталкивающего чувства, какое возбуждал Мизгирь. Любовь именно к Мизгирю показывает, какую глубокую перемену производит в человеке любовь. И Снегурочка охотно жертвует своей жизнью «за краткий миг любви», потому что все равно ей гибель была суждена: палящий бог любви растопил бы ее, она не смогла бы укрыться от него.

Конечно, возможны в деле любви и ошибки. Ошиблась, или, по выражению Батюшкова, «ожглась» Купава на Мизгире, подобно тому как Дуня Русакова («Не в свои сани не садись») «ожглась» на Вихореве[100]. В результате является ненависть к обманщику, как у Купавы. Возможно при этом и излечение от ожога. «Пройдет тоска и сердце оживет». Ожила Купава, сердце которой постиг Лель; ожила и Дуня Русакова, встретившая со стороны Бородкина такое же отношение, как Купава со стороны Леля.

Бывают ошибки более роковые, как, напр., та, которая выпала на долю Мизгиря. Как истый Дон-Жуан, он переходит от одного предмета любви, перестающего его удовлетворять, к другому. Почему это так происходит, что и сам, понятно, не знает. Он только гонится за призраком бегущим, не сознавая того, что это лишь «мечты манящей воплощенье». Возможно, что гордый человек, каков Мизгирь, привыкший только приказывать, а не умолять и плакать, смиряется духом, «колена клонит перед девченкой», но не избежать и ему наказания, и к нему явится своего рода статуя Командора, наступит «светлый день», который «рассеет грезы» и растает, как «вешний снег», тот призрак, за которым так настойчиво он гонялся. Пережить это и сознать, что ты, достигший, казалось, желаемого, в сущности, гонялся за призраком, это значит понести такое наказание, с которым не сравнится никакая статуя Командора и после которого «не стоит жить на свете». Такой вариант обработки типа Дон-Жуана, можно сказать, до гениальности прост.

Вот те общие положения, к которым можно притти на основании разбора весенней сказки. Но, повторяю, не должно забывать, и это следует заранее оговорить, что вырабатывались эти общие положения у Островского далеко не сразу; мы видели, как постепенно слагался образ Мизгиря, как отбрасывались некоторые чуждые характеру Снегурочки подробности (она ласкает Мизгиря до того времени, когда она его полюбила) и т. д. Поэтому вряд ли тут можно видеть влияние шекспировского «Сна в летнюю ночь» в том смысле, что драматург мог заимствовать у Шекспира концепцию роковой любви. Это влияние могло сказаться в дру-

гом направлении, а именно Островский, приступая вплотную к обработке всего имевшегося в его распоряжении сказочного и песенного материала и подыскивая для этого соответствующую форму, мог прежде всего обратиться к сказке Шекспира, которая и натолкнула драматурга на мысль остановиться в создаваемом им произведении на вопросе о любви, подсказала ему основную тему его произведения, которую с идейной стороны, со стороны содержания он разработал, конечно, самостоятельно.

Далее, она могла помочь Островскому в создании формы его произведения. Обратите внимание на то, что в первом сценарии пьесы совершенно нет ни покинутой невесты, ни жалобы ее царю, ни суда над преступником, нет двух пар брачущихся, а только одна; далее, что во втором сценарии пьеса сразу начинается сценой во дворце Берендея, одно из явлений которой составляет жалоба девушки. Но не забудьте, что «Сон в летнюю ночь» начинается также сценой во дворце царя Тезея, где тоже разбирается жалоба, связанная с брачным вопросом: Егей жалуется царю на Лизандера, будто тот околдовал его дочь Гермию, и она не хочет теперь выходить замуж за Деметрия, которому он (Егей) ее обещал. Влияние шекспировского «Сна» сказалось, возможно, в том, что Островский решил ввести в число действующих лиц царя и придворных. Царю он дает сказочное имя Берендея (вспомните сказку Жуковского), выбранное драматургом чрезвычайно удачно, так как название народа берендеев встречается в летописи, и это было Островскому, как начитанному в летописях, конечно, известно. Затем местом действия первого акта своей пьесы он выбирает царский дворец, как у Шекспира, но ясно, что обрисовывает он все совершенно самостоятельно, содержание он вкладывает свое: царь Тезей занят предстоящей ему свадьбой, царь Берендей — важным государственным делом, холодом в природе и остужением сердец его подданных. Точно так же мотив жалобы драматург использовал самостоятельно, создав бессмертную сцену жалобы Купавы.

Далее, у Шекспира царь свою свадьбу с Ипполитой желает устроить «средь пышности, торжеств и наслаждений», одним словом, среди празднеств. С этой целью он велит пригласить всех юношей афинских на праздник. При этом в лесу должно было выполнить какие-то обряды, и с этой целью Тезей и Ипполита приходят в лес. По иным причинам очутились там две пары влюбленных. Тезей так объясняет их появление, когда Егей высказал удивление, найдя всех четверых вместе:

«Да они так рано встали,
Чтоб майские обряды совершить.
Услышав о намерении нашем,
Они пришли сюда, чтоб с нами вместе
Здесь праздновать».
(Действие IV, сцена 1-я.)

Островский под влиянием Шекспира, думается нам, как раз и вводит в свою сказку праздник, местом действия которого явится также лес. Любопытно, что в первом сценарии о празднике Ярилы нет речи. Вполне естественно, что именно этот праздник Ярилы драматург и избрал для своего произведения: сама жизнь, пребывание в Щелыкове напомнили ему и подсказали этот праздник, о котором он даже сделал заметку в своем дневнике и о котором он, повидимому, наводил справки. Так сплетались вместе жизненные и литературные впечатления, чтобы принести такой плод. Опять-таки, как видим, в эту заимствованную рамку праздника драматург вкладывает свое содержание, почерпнутое им из области русского фольклора, так хорошо ему знакомого и книжным путем и благодаря непосредственным наблюдениям.

Еще один мотив должен остановить на себе наше внимание, мотив,

отмеченный уже Батюшковым, именно параллель между цветком Love in idleness Оберона у Шекспира и венком Весны у Островского. Я полагаю, что Островский имел свой собственный взгляд на любовь, источником которой он считал природу, наделяющую человека этим даром. Но ему нужно было опять-таки подыскать поэтическое образное выражение того, как природа наделяет человека (в пьесе Снегурочку) этим даром. Шекспир мог, конечно, влиять в этом направлении на драматурга, подсказывая ему, где искать это образное выражение. Цветок Оберона мог сыграть тут свою роль. Творческая мысль Островского, естественно, обращала свое внимание на то, что на празднике Ярилы венок является непременной принадлежностью всех игр и песен, особенно свадебных, любовных (по венку девушки гадают о суженом), и вполне понятно, что драматург им воспользовался и придал ему символическое значение, представив его как средство, путем которого Весна, т. е. природа, наделяет человека любовным пылом. Вот как преобразился в творческой мысли Островского заимствованный им мотив.

Как видим, влияние Шекспира в данном произведении касается не содержания его, не концепции любви, взгляд на которую у Островского был самостоятельный, а чисто формальной стороны. «Сон в летнюю ночь» помог Островскому в деле разработки фабулы его весенней сказки, причем влияние Шекспира тесно переплеталось здесь с другого рода впечатлениями, так что в конечном счете чрезвычайно трудно выделить его в совершенно чистом виде, тем более что и количественно оно не так велико, как считали современные Островскому критики, хотя и несколько больше и несколько иного рода, чем это думал автор статьи «Генезис «Снегурочки» Островского».

V. ОБЗОР КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Снегурочка» при своем появлении не вызвала обширной критической литературы. В своей статье Батюшков справедливо заметил, что «ранней и непризнанной, одинокой ласточкой оказалась прелестная сказка Островского в пору своего появления: ей не поверили, издевались над ней, и, при ее первой оценке, большинство журнальных критиков того времени расписалось лишь в своем критическом убожестве»[101].

Так, некий X в «С.-Петербургских ведомостях»[102], указав на то, что «Снегурочка» г. Островского и Чайковского переносит нас в фантастический мир русской сказки, в мир наивных поэтических воззрений народа на природу, сказавшихся в его мифологии», неизвестно почему утверждает, что «Снегурочка» — дочь Весны и дедушки Мороза, преследуемая пламенным любовником Ярилой-солнцем и тающая под его жаркими лучами, является поэтическим олицетворением одного из привычных явлений суровой северной природы, и, благодаря живой связи подобных олицетворений с мифологией и миром обрядности перед нами проходят один за другим не сказочные только лица, но и мифологические существа». Нечего говорить о том, что неправильно видеть в Снегурочке олицетворение какого-то явления природы и вообще толковать «весеннюю сказку» Островского с точки зрения мифологической школы.

Исходя из того положения, что «мы находимся в самой средине русской сказочной старины», критик делает вывод, что «ею и должно веять от произведения, задающегося ее изображением; она должна отразиться и в звуках музыки, его сопровождающей, и во всех мелочах постановки. Чем проще и наивнее будет общий колорит, тем он будет вернее: в русскую деревенскую глушь не перенесть Шекспирова «Сна в летнюю ночь» со всем его светлым фантастическим мирком и шаловливой возней эльфов... Всякое отступление от простоты и естественности должно поражать зрителя, потому что звучит фальшивой нотой». «Нечего чуждаться фантастического элемента, — продолжает критик, — в одной русской демонологии достаточно для этого красок. Но и в этом отношении основное прави-

ло то же: шаг в сторону и все пропало. Стоит лишь насытить все аллегорией, намеками, тонкими рассуждениями, стоит принести несколько жертв поэтической вольности — и вместо живого правдивого произведения окажется тенденциозное, рефлективное». В этом, повидимому, и заключается, по мнению критика, недостаток произведения Островского. Так, напр., что сделал драматург из характера царя Берендея, задуманного очень удачно? Кроме одной сцены жалобы Купавы, где «добродушное участие царя выступает удачным контрастом с порывистостью молодой речи», кроме этой сцены, заявляет X, «мы только и слышим в устах царя риторические рассуждения о прекрасном, неуместные в данной обстановке». Далее Весна произносит длинные монологи, «сопоставляет в отборных книжных выражениях весеннее пробуждение южной итальянской природы с незатейливою русской весной» и, кроме того, «говорит о природе чуть не гейневским слогом».

Фальшивые ноты в пьесе не ограничиваются этим, по мнению критика. В нее «то и дело вводятся совершенно посторонние элементы, также мало гармонирующие с характером сюжета». К ним, между прочим, относится введение в пьесу Елены Прекрасной с ее любовью отцветшей красавицы к мальчику, которого она зовет «пленительный пастух». «К таким же мелочным отступлениям, — по словам критика, — прибегает автор, оставляя в стороне главную разработку сюжета. Фантастический элемент мало-помалу отступает на второй план, тогда как на нем и должна была бы быть основана эта разработка. Даже бытовые подробности, которые могли бы составить противовес риторике и натянутости, не достигают этой цели, потому что часто неверны и потому что постоянно обременены рутинными балетными приемами».

Крупные промахи находит критик и «в самом развитии сюжета в тесном смысле». Ему непонятно, каким образом автор заставил Снегурочку, это «наивное, лишь наполовину человеческое существо, инстинктивно привязывающееся к молодому пастуху», впоследствии, по получении чудесного венка от матери-Весны, полюбить не Леля, а Мизгиря, к которому чувствовала «негодование и презрение». Глубокий смысл этой подробности остался критику недоступным.

Впрочем, критик не желает утверждать, чтобы «в этом произведении Островского не было вовсе светлых сторон». По его мнению, «можно догадываться, что замысел автора был своеобразен и не лишен поэтического вдохновения». Он только находит слабым выполнение этого замысла. Но, увы, это слабое выполнение авторского замысла и до сих пор, через шестьдесят пять лет после своего появления, продолжает очаровывать читателей и зрителей. Кто помнит статью X, которая и здесь-то приводится лишь как образчик непонимания великого произведения?

Останавливаться подробно на статье В. Буренина, напечатанной в тех же «С.-Петербургских ведомостях»[103], нет никакой возможности. Отметим лишь, что факт появления «Снегурочки» — творения, которое, по мнению критика, изобилует отсутствием смысла и водевильными куплетами, — этот факт он считает столько же знаменательным, сколько и печальным, видя в нем уступку времени. «Г. Островский, что бы там ни говорили иные его поклонники, — заявляет г. Буренин, — всегда был только художник-сатирик. Он в своих комедиях постоянно является выразителем темных сторон русской действительности. В этом существенное значение его таланта и деятельности. Что же мудреного, если он, покорясь бездельным стремлениям современного прогресса, выступает на новые, совсем несвойственные ему пути так неудачно, так почти нелепо?» Ясно, что при неправильной исходной точке зрения (Островский никогда не был только художником-сатириком) невозможно было правильно оценить «Снегурочку».

С. Т. Герце-Виноградский, автор статьи в «Одесском Вестнике»[104], не желая повторять общих мест, все же высказывает общее положение, что Островский — самый талантливый представитель нашей драматической

литературы, что «Свои люди» и «Гроза» — перлы русского драматического репертуара. Затем задачей своей статьи критик ставит: 1) определить в самых общих чертах характер нового произведения Островского, т. е. «Снегурочки», указать, насколько оно удовлетворяет окружающим литературу требованиям действительности и в какой мере является прогрессивным двигателем в нашей интеллектуальной жизни; 2) выяснить сценическое значение драматизированной лирики, представляемой этим произведением. «На все вопросы, — по мнению нашего критика, — «Снегурочка» дает ряд отрицательных ответов: 1) не удовлетворяет, не содействует, не является и 2) не имеет сценического значения.

По его словам, весенняя сказка Островского — «какой-то фантастический каприз, рафинированный от всяких реальных примесей». Откуда почерпнул автор содержание для своей сказки — его глубокая тайна. Пересказав в общих чертах содержание произведения, критик высказывается в том смысле, что оно не что иное, как сказка, как говорят немцы, an und für sich, но вместе с тем он выставляет требование, «чтобы сказка почерпала данные для себя не из произвольных и мечтательных источников фантазии». «Русалка», «Фауст», «Путешествие Гулливера», «Божественная комедия» и многие другие произведения, — заявляет критик, — несмотря на свою аллегорическую, сказочную форму, представляют нам громадный интерес, потому что в них мы видим нечто больше того, что видят люди с бритыми головами в арабских сказках». Итак выходит, что «Снегурочка» не удовлетворяет требованиям пользы. Но, может быть, она удовлетворяет требованиям сценической эстетики? Оказывается, что и тут дело обстоит плохо. «Очевидно, что весенняя сказка Островского есть покушение на апотеозу весны и любви. Но дело в том, что драматизировать эту апотеозу — дело самое неблагодарное», так как «весна, зима, осень, лето — могут быть сюжетом для художника-живописца, художника-лирика, наконец, эпического художника, но никак не для драматического, ибо у последнего нет никаких ресурсов, чтобы изобразить неуловимую поэзию этих сюжетов и констатировать их на сцене».

Указав далее на невозможность одраматизировать, напр., такое произведение как «Мороз-Красный нос» Некрасова, критик говорит в заключение, что «поэт с тонким художественным чутьем никогда не позволит себе облечь в грубо-вещественные формы продукты своей поэтической фантазии. В этом чутье, в этом художественном savoir faire заключается все обаяние, вся чарующая прелесть некрасовского «Мороза-Красного носа», а в отсутствии этого эстетического такта, обнаруженного г. Островским, заключается грубая фальшь его не лишенной своеобразной прелести «Снегурочки», но в общем, произведении слишком слабом».

Автор статьи о «Снегурочке» в «Биржевых ведомостях»[105] А. П. Чебышев-Дмитриев, заявлявший о самом торжественном фиаско сказки на московской сцене, по имевшимся у него сведениям, предвидевший заранее ее неудачу и после ближайшего знакомства с пьесой еще более убедившийся в том, что сценический успех не может быть ее уделом, пересказав содержание произведения, подобно предшествующему критику, позволяет себе думать, что «эта сказка не может служить сюжетом для драматического произведения», и в этом критик видит коренную ошибку Островского.

Сказание о Снегурочке, говорит критик, не что иное, как песнь весны, песнь любви. Чарующую силу весны можно дать почувствовать звуками; она вместе с первыми ощущениями зарождающейся любви может быть предметом для произведения лирической или эпической поэзии, но не драматической.

Отметим в этом пункте лишь одну мысль критика. «Чарующее действие Весны на человеческое сердце, — говорит он, — олицетворяется у Островского в Леле, этом Дон-Жуане берендеевских девушек, который проявляет чисто животное влечение к любой девушке, лишь бы только

В. И. Качалов в роли царя Берендея («Снегурочка» в постановке М. Х. Т.).

Мундт в роли «Снегурочки» (в постановке М. Х. Т.).

она, по первому абцугу, готова была с ним целоваться и миловаться. Какие холодные, разбивающие всякую иллюзию, антипоэтические олицетворения!»

Исходя из того положения, что автор драматического произведения необходимо должен принимать во внимание средства сцены, критик и «Бурю» и «Сон в летнюю ночь» считает гениальными ошибками, так как у сцены нет средств, «чтобы на подмостках ее явился тот настоящий Ариэль, нежный образ которого неуловимо, неясно носится в нашем воображении при чтении «Бури». К числу таких же созданий фантазии, «которые могут сполна очаровать воображение именно воздушною неуловимостью своего поэтического образа», принадлежит, по мнению критика, и Снегурочка, к красоте которой присоединяется «очаровывающее нечто», «печать ее сверхъестественного рождения от Весны и Мороза», которое и возвышает ее над всеми девушками берендеевской земли и без коего вместо Снегурочки получится именно просто одна из таких девушек.

Основную канву сказки Островского, говорит критик, составляет душевная история Снегурочки, и эта история есть «история внутреннего мира души, богатого ощущениями, мыслями, чувствами, но эта жизнь молодого сердца мало выражается вовне и, в свою очередь, почти не зависит от хода внешних событий», естественным результатом чего критик считает отсутствие движения в сказке Островского. «В ней,— по словам критика,— много действующих лиц, много эпизодических сцен, превращений, хоров, но все это не может заменить собою того движения в развитии главной темы, которое нужно для драматического произведения».

Затем один из недостатков произведения Островского критик видит в отсутствии народности. Весь уголовный процесс по жалобе Купавы он находит более уместным разве в какой-нибудь Аркадии, но отнюдь не у русских берендеев. Сам премудрый царь Берендей всего менее напоминает ему героев русского сказочного мира. И «вообще миросозерцание, которое лежит в основе сказки,— по мнению Чебышева,— совершенно чуждо миросозерцанию народной нашей поэзии. Вся сказка Островского — это не произведение народное,— заявляет он,— а чужеземный и современный продукт, переряженный в древнерусское платье».

Далее, как и следовало ожидать, идет заявление, что «Снегурочка» написана под влиянием Шекспира и особенно его «Сна в летнюю ночь», о чем уже была речь выше.

Несмотря на такой как будто всеразрушающий анализ пьесы, приведший его автора к выводу, что «сладкая история Снегурочки под пресным соусом приторной веселости, растянутая на пять больших актов, естественно становится под конец Демьяновой ухой»; несмотря на заявление критика, что «попытка Островского создать из материалов первичной поэзии художественное произведение совершенной драматургии не удалась», критик, немного неожиданно, все же заявляет, что «попытка эта заслуживает сочувствия, а сама сказка, при всех своих недостатках, настолько высоко возвышается над ними,— что представляет собою замечательное явление, о котором критика не вправе ни умолчать, ни ограничиться голословным отзывом, ни (всего менее) ставить его на одну доску с бездарными произведениями наших бесталанных жрецов чистого искусства».

П. Д. Боборыкин[106] находит в «Снегурочке» бо́льшие, чем в других исторических пьесах Островского, поэтические достоинства, так как в этом сказочном произведении, в этом «волшебном представлении» Островский, по его словам, «поднимается до глубоко-эпических форм народной жизни и вводит в действие языческую мифологию русских славян». Но, конечно, критик смотрит на «весеннюю сказку», как на произведение эпического характера. «Еслиб автор,— говорит Боборыкин,— и совсем не вводил драматического движения, то и тогда он не испортил бы своей поэтической сказки. Некоторое движение в ней есть, и если

бы выделить двойную любовную интригу из остальных аксесуаров, сгустить ее, то она в состоянии была бы производить довольно сильное впечатление. И Снегурочка и натура ее соперницы поставлены эффектно и проникнуты одна — душевной теплотой, другая — языческой страстностью. Но мера перепущена для рамок и для ядра сценического движения. Все расплывается в пеструю, своеобразную, но эпическую картину. Ее нужно читать, а не смотреть на сцене, по крайней мере, так, как она написана, со всею ширью легендарно-бытового склада».

Интерес к «Снегурочке», кстати сказать, не имевшей большого успеха при первой постановке на сцене Московского императорского театра и оказавшейся не по плечу критике, заглох, и только через десять лет О. Миллер в своей известной книге «Русские писатели после Гоголя», в главе, посвященной Островскому[107], уделяет место и «весенней сказке». Главную прелесть в ней он находит в тех хорах, «которые прямо отзывают народной песней или же «Словом о полку Игореве» (песня гусляров: «что мне звенит на заре издалече»), о том чисто народном размере, который чередуется тут с обычным в драме пятистопным ямбом, наконец, вообще в оборотах и образах чисто народного языка». Автор полагает, что Островскому не вполне удалась попытка «придать Снегурочке особый психологический интерес», во всяком случае, менее, чем Жуковскому в «Ундине». «Снегурочка исполнена чарующей красоты, но лишена того внутреннего тепла, которым только и придается красоте жизнь». О. Миллер, таким образом, совершенно не понял замысла драматурга. Ему, напр., представляется несколько странным, что и Мизгирь, ближе узнав Снегурочку, «не оставляет ее, подобно Лелю, не чувствует себя обданным тем холодом, каким обдает она всех ближе подходящих к ней». Ему кажется совсем уже странным, что «Солнце совершает над Снегурочкой свой суд как раз в ту пору, когда, наделенная, наконец, внутреннею теплотой, она перестала бы производить на всех то действие, которого следствия так описывал царь Берендей:

«...Сердечная остуда
Повсюдная — сердца охолодели,
И вот тебе разгадка наших бедствий
И холода: за стужу наших чувств
И сердится на нас Ярило-Солнце
И стужей мстит».

«Символизм, — заявляет О. Миллер, — тут, как и во всей этой драматической сказке, какой-то неясный и невыдержанный». И в конце концов он приходит к выводу, совершенно противоположному, чем П. Д. Боборыкин: «Вообще сказка может производить впечатление на сцене пением и всею эффектною постановкою, но на читателя она не производит какого-либо цельного и полного впечатления».

В 1900 г. появился биографический очерк А. Н. Островского, принадлежащий И. И. Иванову[108], который считает «Снегурочку» одним из поэтичнейших произведений русской художественной поэзии, основанных на русских народных сказках». По мнению автора, драматург обнаружил изумительную способность писать необыкновенно звучными и в то же время характерными стихами. Биограф останавливается, главным образом, на сцене Купавы с царем Берендеем, составляющей «одно из первостепенных украшений русской лирической поэзии», причем лирическая красота ее нисколько не повредила «яркости психологии». «Вся сцена, — говорит он далее, — обвеяна едва уловимым юмором, — истинно-национальным духом русской народной поэзии». Вряд ли можно согласиться с мнением И. И. Иванова, что «сказка создана для музыки и, как исключительно драматическое представление, — она сравнительно бедна, потому что слишком тонка и воздушна — для простой сценической декламации, недостаточно материальна для актерской игры». Но ведь «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова не устранила со сцены «Снегурочки» самого

Островского. Однако он безусловно прав, утверждая, что по «Снегурочке» можно судить, с каким успехом Островский мог бы выполнить свой предсмертный план — заменить балет сказками и драмами-феериями.

В 1905 г. в соответствующем томе «Русского биографического словаря» напечатана статья об Островском проф. Б. В. Варнеке, впоследствии в несколько дополненном и переработанном виде вошедшая в его известную «Историю русского театра». «Снегурочка» нашла здесь заслуженное без всяких оговорок признание своих достоинств. «Эта пьеса, по справедливому мнению почтенного ученого, представляет единственную попытку Островского выйти из рамок реальной действительности и перенестись в мир фантастического творчества. Знакомство с поэтическими воззрениями и сказками русского народа здесь пришлось автору как нельзя более кстати. Помог ему также и его природный талант к мягкому, теплому лиризму. Таким образом составилась пьеса, целый ряд сцен которой полон чарующей прелести и истинной поэзии». Отметив далее ряд бытовых образов в «Снегурочке» и ее язык, «живо переносящий слушателя в атмосферу народных песен и пословиц», автор справедливо указывает на эпоху появления пьесы, «менее всего способную оценить такую поэтическую сказку»[109], на отсутствие должного отношения к ней со стороны критики и на то, что «сцена того времени не располагала теми техническими усовершенствованиями, которые необходимы для постановки такой сложной пьесы, и что только... когда наши казенные театры оказались в состоянии надлежащим образом обставить эту пьесу, она нашла тот крупный успех, которого заслуживала»[110].

Резко отрицательный отзыв об исторических хрониках Островского и его «Снегурочке» дает Ю. И. Айхенвальд, далеко не понявший драматурга. Хроники оказались, по его словам, скучными, бездейственными, бесталанными, а в «Снегурочке», говорит он, «несомненное дуновение веселости, ласковости все же заглушено фольклором, литературой, — и далеко не выдержаны сказочная простота и наивность»[111].

Выше было уже указано на неправильное сближение «Снегурочки» с поэмой Гомера у г. Патуйе, который в своей солидной диссертации «Ostrovski et son théatre de moeurs russes (Paris, 1912, p. 68—69) в общем, как верно замечает Батюшков, правильно оценил поэтические достоинства сказки, но не совсем точно определил ее характерные черты. Влияние Шекспира, пишет г. Патуйе (цитирую по переводу Батюшкова), ощутительно, но (в произведении Островского) нехватает «воздушности», окраска более локализована и чувствуется чисто русский уклад; наоборот, неожиданное имя прекрасной Елены, ее встреча с Лелем, прекрасным пастушком, героические песни гусляров-певцов указывают на отголосок античной эпопеи; в то же время хоры птиц, веселые проводы масляницы, ночной праздник в ожидании Ярилы напоминают воздушную и улыбающуюся прелесть, широкую простонародную веселость «Птиц», «Ахарнян» или «Мира». О Шекспире и Гомере говорить больше нечего. Что же касается Аристофана, то сближение с его произведениями кажется нам неправильным. Хор птиц по содержанию не что иное, как народная песня, а с внешней стороны введение птиц в пьесу в данном случае ведет свое начало от балета, а не от Аристофана. Точно так же «веселые проводы масляницы, ночной праздник в ожидании Ярилы» опять-таки имеют своим источником народные песни и праздники и прежде всего благодаря этому полны «широкой, простонародной веселости».

В 1915 г. в «Музыкальном Современнике» (№ 3, стр. 42—43) появилась маленькая, но очень любопытная статейка В. В. Пасхалова: «Песенка Леля», и хотя она, собственно говоря, касается знаменитой «третьей» песни Леля в опере «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова, но затрагивает вопрос о произведении и самого Островского, а потому мы остановимся на ней более обстоятельно. В. В. Пасхалов, сопоставляя текст третьей песни Леля у Римского-Корсакова и Островского, обращает внимание на то, что «композитор написал музыку не на подлинный

текст Островского, а на свою собственную, чрезвычайно стильную переработку этого текста». Переработка состояла в перемене ударения, в перестановке слов, в замене одного слова или производным от того же корня или совсем другим, синонимическим, а главное, в получившейся в результате всего этого перемене размера и ритма песни. «Не надо быть особенно чутким этнографом,— заявляет музыкальный критик,— чтобы заметить, насколько выигрывает в смысле стиля песенка Леля в обработке Римского-Корсакова. В самом деле, дактилический размер, примененный к ней Островским, чужд русской песне; мы склонны думать, что драматург в данном случае следовал определенному намерению — придать несколько балладный характер этой песенке Леля, которую последний поет в исключительной, торжественной обстановке — в заповедном царском лесу, перед светлыми очами царя Берендея, при том ведь Лель — не обыкновенный деревенский пастух, это — существо стихийное, это — жрец Ярилы-Солнца». Что Островский хотел выдержать в этой песне Леля именно дактилический размер, это доказывает известная нам черновая рукопись «Снегурочки», где «драматург» на полях для собственной памяти выписывал долгие и короткие слоги установленного им размера».

«Что же касается Римского-Корсакова, — продолжает критик, — то его «песня» верна народному духу и по музыке и по чисто народному складу своего текста. Один перенос ударения, одно небольшое вставное слово, прибавка одной частицы — сразу меняет весь колорит». «И эти замены, — утверждает В. В. Пасхалов, — являются насущной необходимостью для целей художественно-этнографических. И благодаря тонкому вкусу Римского-Корсакова, довольно тяжеловесная баллада Островского превратилась, говоря языком учебников, в истое произведение народной словесности — безыскусственную деревенскую песенку, в звуках которой слышатся трели жаворонка и чувствуется благоухание цветущих лугов нашей родины».

Вряд ли можно согласиться с мнением В. В. Пасхалова о балладном характере песни Леля у Островского, а его наблюдения над рукописным текстом следует дополнить. Дело в том, что долготу и краткость слогов Островский отмечал над первой строкой текста, и так он поступал не только в этом случае, но и в другом, а именно в тексте хора гусляров, написанном тем же дактилическим размером; разница только в том, что в песне Леля последняя, четвертая, неполная стопа — односложная, а в хоре гусляров — двухсложная. Суть дела здесь в том, что Островский не сначала выбрал тот или другой размер, чтобы затем приступить к писанию текста песни, а сначала набросал несколько строк песни, затем над первой отметил долготу и краткость слогов, определив таким образом размер написанных строк, и потом уже старался выдержать его во всей песне. Ясно, что это носит несколько иной характер, чем полагает В. В. Пасхалов. В таком случае вряд ли можно сделать вывод, что Островский хотел выдержать дактилический размер в песне потому, что пытался придать ей балладный характер. Он выдерживал этот размер в песне потому, что таким размером оказались написанными первые вылившиеся у него строки песни. А первая строка песни Леля взята целиком из народной песни, приведенной у Терещенко. Характер же личности Леля, если даже согласиться с мнением В. В. Пасхалова, что он какое-то стихийное существо, жрец Ярилы-Солнца, вряд ли играл тут какую-нибудь роль: ведь не помешал же он Островскому первые две песни Леля написать совершенно другим размером.

А теперь остановимся на личности Леля, о котором высказывались в литературе разнообразные взгляды, и опять-таки неправильные: одни, как Батюшков, видят в нем простого пастушка, доброго малого, веселого товарища и девичьего забавника; другие, как Пасхалов, признают его за какое-то стихийное существо, за жреца Ярилы-Солнца. Второй взгляд совершенно неверен, но и первую характеристику нужно коечем дополнить. Ее автор упустил из виду одну особенность Леля: его по-

этический талант, дар Солнца, которое его «лелеяло из млада... учило песни петь». В силу этого дара ему и выпадает на долю петь песни не только для девичьей забавы или для утехи народа и царя, но и хвалебную песнь Яриле-Солнцу, что и дает повод — совершенно ошибочно — считать его жрецом последнего, каким он никогда не был. Остановимся на одной подробности. Приглашая Купаву итти «встречать восход Ярилы-Солнца», Лель говорит ей:

«Идем скорей! Бледнеют тени ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорезала восточный неба край.
Растет она, яснея, ширясь; это
Проснулся день и раскрывает веки
Светящих глаз».

Обратите внимание на последние строки: ведь это образный язык истинного поэта. Островский чрезвычайно тонко отметил поэтический талант Леля, не только вложив в его уста несколько песен, но и наделив его образным языком поэта, поэта той ранней поры, когда подобного рода образы просыпающегося дня, раскрывающего веки светящих глаз, были еще живыми в сознании поэта и соединились у него с подлинным представлением о наступающем дне, а не были только созданием его творческой фантазии.

Любопытные строки посвящены «Снегурочке» в статье Ю. И. Слонимской, в общем вызывающей солидные возражения по существу дела. «В прекрасном сказании о «Снегурочке», — говорит Слонимская, — Островский находит волнующую его правду о борьбе в мире. В фантастических образах раскрывается перед ним борьба творческого начала любви — животворящего Солнца с Морозом, сковывающим мир в путах недвижности, цепенения» [112].

В заключение настоящей главы, в которой мы не касались статей, вызванных постановками «Снегурочки» на сцене и о которых речь будет дальше, остановимся на прекрасной, не раз нами цитированной статье Батюшкова. Мы уже отмечали некоторые неправильности в ней, вызывающие возражения, но должно указать на то, что Батюшков прекрасно выяснил характерные черты пьесы, ее связь с народной поэзией, ее глубокий, так сказать, символический смысл, выяснил собственный вклад Островского в разработку сказки о Снегурочке, наконец, не побоялся высказать мысль, которая раньше могла показаться прямо еретической, что «Островский отнесся к своей теме, если не глубже (чем Шекспир. — *Н. К.*), то как-то серьезнее, не по-сказочному, а согласно усвоенной им психологии чувства. Если в поэзии Островского не оказалось элементов очаровательной фантастики мира эльфов и лесных духов, то в смысле человеческой драмы под сказочной оболочкой фантастического сюжета в произведении Островского, быть может, больше жизненной правды, и сказка обращается в настоящую драму влечений человеческого сердца». Праздная затея — говорить о том, какое произведение выше — Островского или Шекспира, но уже одно в таком духе сопоставление этих двух имен очень характерно и чрезвычайно лестно для драматурга, которого П. И. Бартенев пишущему эти строки не постеснялся назвать «гостинодворским Шекспиром», идя в этом случае, кажется, по стопам И. С. Тургенева.

Позволим себе привести заключительные строки из статьи Батюшкова, посвященные общей характеристике пьесы. «В целом, сказка Островского, органически сливаясь с элементами народного песенного и сказочного творчества, представляется конечно самостоятельным произведением, отвечающим лишь духу народной поэзии, ее стилю и образам; в художественной переработке умелой кистью начертана широкая картина народной жизни в весеннюю пору, на фоне которой вырисовывается личный замысел художника. И сказка вовсе не «заглушена фольклором», как

выразился один из современных нам критиков (Ю. И. Айхенвальд), а напротив того, именно в фольклоре, служащем ей и красивой оправой, находит свою базу. Образ Снегурочки — личный замысел художника — уже нашел свое признание и вызвал отображения в произведениях живописи (Васнецов), ваяния (Беклемишев) и музыки (Римский-Корсаков). Сказка — не чисто народная по происхождению, поэтому в ней напрасно искать наивной прелести народных сказаний, но она волнует и привлекает человеческим содержанием, вложенным поэтом в очертания — отчасти заимствованной, отчасти самостоятельно созданной фантастической схемы, как бы обвеянной духом народной поэзии»[113].

Обзор критической литературы показывает, как не по плечу оказалась сказка Островского современной ему критике и как постепенно она завоевывала признание. Само собою разумеется, и среди современников были люди, сразу понявшие пьесу и правильно оценившие ее достоинства. Вот, напр., что писал в 1873 г. драматургу М. М. Стасюлевич, в журнале которого сказка была напечатана: «На днях у меня собрались И. А. Гончаров и А. Н. Пыпин, и мы, благодаря «Снегурочке», провели вечер как нельзя приятнее. Мы удивлялись: и силе фантазии, и покорности ей со стороны языка. Вы превосходно изучили наш сказочный мир и воспроизвели его так искусно, что видишь и слышишь какой-то реальный мир. Исполать вам!»[114]. Подобного рода письма давали драматургу силы игнорировать отрицательные отзывы современных ему присяжных критиков о непонятой ими «Снегурочке» и даже, по его словам, не гнаться за драматической славой.

«СНЕГУРОЧКА» НА СЦЕНЕ ДО 1917 ГОДА

Впервые на сцене «Снегурочка» была поставлена 11 мая 1873 г. в Московском Малом театре, в бенефис В. И. Живокини, исполнявшего роль Бермяты. В общем пьеса, можно сказать, успеха не имела. Рецензент «Московских ведомостей», напр., прямо называл спектакль скучным, причем видел он ее уже осенью в сезон 1873/74 г.[115].

Позволю себе привести письмо к драматургу В. И. Родиславского от 12 мая 1873 г. о первом представлении «Снегурочки»[116]. «Еще победа, запел бы я из «Роберта», — пишет он, — ... Но скажу откровенно, победа эта Вам не дешево досталась: многие чудные, первоклассные поэтические красоты, столь щедро рассыпанные Вами в пиэсе, погибли и могут воскреснуть только в печати и не на сцене, на которой только не пропадают красоты драматические, а эпические и лирические всегда могут пропасть. Но буду рассказывать по порядку. Прелестный монолог Лешего [Никифоров 2-й] пропал совершенно. Полет Весны был довольно удачен, но ее поэтический монолог показался длинен. Остроумная народная песня о птицах пропала, потому что музыка не позволила расслышать слова, столь острые, что над ними задумалась цензура. Пляске птиц аплодировали. Чудесный рассказ Мороза [Додонов] о его забавах пропал, потому что был пущен не рассказом, а пением с музыкой, заглушавшей слова. Монолог масляницы не удался, потому что Миленский говорит из-за кулис, а не скрытый в соломенном чучеле. По окончании пролога вызвали Федотову [Снегурочка], Ермолову [Весна], Додонова и Берга [бобыль]. В первом акте прелестная песенка Леля [Кадмина] была повторена, хлопали Никулиной [Купава], которая была очень хороша, хотя и хуже, чем на репетициях. По окончании вызвали Никулину и Кадмину, потом Федотову и Кадмину и, наконец, Кадмину одну. Во втором акте много смеялись в сцене Бермяты с Берендеем [Самарин], потом очень хорошее впечатление произвела сцена Берендея с Купавой, более всего понравившаяся публике. Вызвали Федотову. В 3 акте заставили повторить песню Леля, песня же о Бобре пропала. — Явления тени Снегурочки были неудачны. Вызвали Федотову и Кадмину несколько раз. Мой любимый рассказ о силе цветов, который у меня постоянно на языке, не

был замечен, шествие пропало, исчезновение Снегурочки было не очень искусно. По окончании пьесы несколько раз вызывали Федотову и Кадмину и требовали автора. Вот краткий фактический рассказ о первом представлении «Снегурочки». Театр был совершенно полон, не было ни одного пустого места... Очень удался крик бирючей».

Некоторые поправки и дополнения в это сообщение вносит письмо к драматургу М. П. Садовского, который пишет: «Пьесу публика с большим вниманием слушала, но многого совсем не слыхала, так сцена Купавы с царем, несмотря на все старание Никулиной говорить громко и отчетливо, была слышна только наполовину. Публика принимала преимущественно Федотову и Кадмину, кои были вполне этого достойны, особенно последняя. При постановке пьесы в первый раз обыкновенно антракты бывают большие, но на этот раз были бесконечные, что для сюжета и хода Снегурочки не только неудобно, но даже и вредно. Можно надеяться, что при втором и последующих представлениях этого не будет. Исчезновение Снегурочки в последней сцене сделано очень хорошо, но Ярило появился несвоевременно и во время пения заключительного хора был скрыт от публики упавшим тюлем»[117].

Читая эти два описания первого исполнения «Снегурочки» на сцене Малого театра, нисколько не удивляешься, что она не имела успеха: можно смело сказать, что в общем эта постановка была очень и очень небрежная, а при постановке такой пьесы, как «Снегурочка», это вещь недопустимая.

Слова Островского в письме к Бурдину о том, что он не будет в претензии, если «Снегурочку» в Петербурге и совсем не поставят, оказались как бы пророчеством. Ее действительно не ставили до 27 декабря 1900 г., когда впервые поставили ее на сцене Александринского театра в бенефис К. А. Варламова, исполнявшего роль царя Берендея. Судя по отзывам, будь жив Островский, он не был бы в претензии, если бы и на этот раз его пьесу не ставили. В июне 1900 г. поставили «Снегурочку» на сцене Таврического сада, но об этом довольно только упомянуть[118].

«Достаточно было узнать распределение ролей в Александринском театре, — пишет Арсений Г. [Гурлянд][119], — чтобы уже не ждать от спектакля ничего серьезного». Так же резко отзывается он и о самой постановке, которая вся, по его словам, сказалась в прологе. «Не стоит доказывать, — продолжает он, — что ни одна декорация не соответствовала замыслу автора, что палаты царя Берендея напоминали собою аляповато раскрашенный хлебозапасный магазин с двумя закромами на полатях, что группировка здесь поражала безвкусицей и безжизненностью, что удивительная сцена Купавы и царя Берендея пропала из-за оперной планировки (бас на троне, сопрано, заламывая руки, бьется, как подстреленная птица, на заднем плане), что заповедный лес напоминает Летний сад в осенний дождливый день, что в третьем акте для устрашения Мизгиря была выпущена картонная гусеница, длиной эдак аршина в два, стучавшая своими колодками, что появление Весны-Красны в четвертом акте было поставлено еще наивнее, чем появление Снегурочки в прологе. И все это на фоне безжизненной, скучной, мешавшей одним своим видом толпы берендеев».

Что касается исполнения, то оно, по мнению рецензента, велось в том же плане. Я приведу его отзывы лишь о трех исполнителях.

Давыдов, игравший Бобыля, публике очень понравился. «Еще бы!» — замечает рецензент. «Давыдов, распоясанный, пьяненький, все время танцующий трепака, — разве это не весело? Но если Островский написал такого бобыля, то что может быть в литературном и сценическом отношении неинтереснее такой фигуры?»

В. Ф. Комиссаржевская, которая также имела успех у части публики, по мнению рецензента, «должна скорее забыть, что она когда-либо выступала в роли «Снегурочки»... У ней нет намека на непосредственность «Снегурочки», во всем ее «маргаритистом» замысле нет намека на народность ее образа».

Наконец, что касается Варламова, то его грим, говорит Арсений Г., «прекрасен, фигура, голос, манеры — возражать тут нечего... И все-таки, Берендей в настоящем виде неважная роль в репертуаре артиста».

К. А. Варламов, продолжает рецензент, «задумал Берендея слишком старцем, он у него не торжественен, он не столько даже добросердечен, сколько безволен, а когда хочет настоять на своем царском слове, то точно бы впадает в тон капризного старика... Это не царь Берендей, а Берендеи папаша и притом достаточно избаловавшийся».

Переходя к общему впечатлению, рецензент заявляет: «общее — скука. Скука томительная, унылая, беспросветная».

Так ставили и играли «Снегурочку» в Петербурге, в то время как в Москве были осуществлены две постановки «Снегурочки», приковавшие всеобщее внимание. Первая из них — в Новом театре, силами молодых актеров Малого театра, под режиссерством А. П. Ленского, вторая — в Художественном театре — постановка К. С. Станиславского. К ним мы теперь и обратимся.

В Новом театре первое представление «Снегурочки» состоялось 8 сентября 1900 г. Пьеса поставлена под режиссерством А. П. Ленского, по макетам которого написаны декорации Левандовским, Смирновым и Сергеевым. Костюмы по рисункам проф. Васнецова исполнены под наблюдением В. И. Сизова и художника Досекина. Устройство сценических эффектов поручено Хмелевскому [120].

Постановка имела громадный успех, давала полные сборы и вызвала обширную литературу, из которой отметим статьи В. П. [Преображенского] в «Новостях дня» [121], Старика [Н. Е. Эфроса] в «Театр и Искусство» [122], Н. К. [Н. Д. Кашкина] [123] и С. Васильева (Флерова) в «Москов. Ведомостях» [124].

Теперь уже все критики в бытописателе Островском признали большого поэта, а его «сказку» считают одной «из прекраснейших жемчужин русской драматургии».

Музыкальный критик Н. Д. Кашкин в своей статье вспоминает «еще те далекие времена, когда «Снегурочка» в чудный майский вечер была поставлена в первый раз на сцене Большого и Малого театров», и сообщает, что «только что вступившая тогда на сцену Кадмина была замечательным Лелем, да и музыка Чайковского была написана прямо на ее вокальные средства». Вероятно, это было не без ведома Островского, который и сам часто создавал свои образы, прямо имея в виду определенных артистов и артисток, как будущих исполнителей данной роли.

Далее ценно указание Кашкина, что «музыка, по замыслу самого Островского, должна была играть значительную роль в «Снегурочке», но она требует участия и оперного хора, и балета, и даже оперных солистов». И как музыкальный критик, он находит вокальную сторону исполнения самой слабой в спектакле и даже считает, что было бы возможно воспользоваться оперными силами, хотя бы для Леля. Это указание Кашкина чрезвычайно ценно, так как в нем есть несомненный отзвук взглядов самого драматурга на роль музыки в его пьесе.

Любопытный взгляд высказал по этому поводу С. В. Васильев (Флеров), который прежде всего заметил, что Островский «как будто не доверял силе и красоте своих удивительных стихов и желал усилить театральное впечатление своей сказки участием музыки». Вряд ли можно говорить здесь о каком-то недоверии драматурга к своим стихам, не проще ли было бы объяснить введение музыки его первоначальным замыслом: ведь как никак, а задумана-то была «Снегурочка» все-таки как феерия.

«Музыка П. И. Чайковского к «Снегурочке», — продолжает Васильев, — нечто самостоятельное, хотя и навеянное данным драматическим положением... Она слишком самостоятельна для того, чтобы достигать только вспомогательных целей. Она не помогает пьесе Островского». Поэтому

самую постановку «Снегурочки» Островского с музыкой Чайковского критик считает эстетической ошибкой.

По поводу этих высказываний Васильева можно, кажется, заметить только, что они идут совершенно вразрез с воззрениями самого драматурга, который восторгался музыкой Чайковского к своей пьесе и, кажется, предпочитал ее музыке Римского-Корсакова.

Но справедливость требует заметить, что и В. П. [Преображенский], не поднимая вопроса о пригодности в данной пьесе музыки Чайковского, все же спрашивает: «Только не слишком ли много музыки и пения, благодаря которым так затягивается спектакль, утомляется зритель, и вместе с тем невольно ослабляется и интенсивность впечатления?»

Далее критик поднимает еще один общий вопрос, касающийся постановки. Собственно говоря, эта постановка была выполнена, главным образом, с целью дать работу молодым актерам, недавно вступившим в труппу Малого театра, которые в большинстве случаев просто не имели возможности выступать в спектаклях.

Васильев (Флеров), совершенно не касаясь этого вопроса, точнее, просто констатируя факт, что «на возобновление «Снегурочки» смотрели, повидимому, исключительно с точки зрения молодой труппы», переносит вопрос в совершенно иную плоскость. Он спрашивает: что следовало сделать при постановке «Снегурочки» по художественным соображениям? Ответ на это такой: «предстояло воспользоваться силами всех казенных трупп для того, чтобы вполне достойно обставить наиболее поэтическое из русских драматических произведений». И далее критик намечал актеров: для роли Мороза — Шаляпина, для Бобыля — Клементьева (из Большого театра), «соединяющего прекрасное вокальное исполнение с характерной драматической игрой», для царя Берендея — К. Н. Рыбакова, для Бермяты — Макшеева, «который дал бы удивительно красивый нюанс». Что касается Мизгиря, то для него, говорит критик, «я не знаю по свойству его таланта другого актера, кроме А. И. Южина». Конечно, при такой постановке угрожала опасность мешанины при разнообразии стилей актерской игры в опере и драме, но избежать этой опасности составляло задачу режиссера. Как бы то ни было, вопрос, поднятый Васильевым, не является праздным. Ведь собственно говоря, даже до сих пор «Снегурочка» не удостоилась постановки, достойной этой «жемчужины русской поэзии». Постановка Художественного театра, о которой будет речь дальше, конечно, была исключением, но не следует забывать, что это все-таки был тогда молодой театр, вступивший в третий год своего существования. Дальнейшие постановки, уже в советское время, как увидим, опять-таки осложнялись вопросами о репертуаре специального Театра юного зрителя. Таким образом, «Снегурочка» еще ждет очереди включения в репертуар ведущих театров, которым только и будет под силу взяться за выполнение такой задачи.

Возвращусь к постановке Нового театра. Критика отмечала трудность пьесы для постановки ввиду особых специфических особенностей самой пьесы. «Снегурочка», — писал «Старик» (Н. Е. Эфрос) в журнале «Театр и искусство», — написана в неуловимо нежных очертаниях, трогательно-прекрасных прежде всего своею мягкою поэзиею. «Овеществляя» ее на подмостках, так легко ее огрубить и, в погоне за сохранением фантастичности, подменить эту последнюю феериею... Наконец, все действие «Снегурочки» поистине вне времени и пространства, в туманном царстве грез. А сценическая постановка — она прежде всего хочет определенности». Какая же задача выпадает в данном случае на долю постановщика — режиссера? Ему предстоит «придать конкретной постановке возможную поэтичность, найти среднее между фантастичностью сказки и реализмом сцены и дать иллюзию всех волшебных причуд пьесы, не впадая в враждебную художественности феерию. Для таких задач нужен режиссер художник, со вкусом и тактом, который бы знал сцену и ее условия, но не был рабом их».

Таким режиссером-художником в полной мере, по справедливым словам Н. Е. Эфроса, оказался А. П. Ленский. «Снегурочка» на сцене Нового театра осталась в полной мере «Снегурочкой» Островского, сохранив всю свою нежность и сказочную неуловимость. Кое-какие промахи, то декоративные, то постановочные, то в самом исполнении, не ослабили впечатления».

Должно оговориться, что критик «Московских ведомостей» С. Васильев (Флеров) держался совершенно другого мнения об удачности постановки пролога, который является самым трудным актом в отношении постановки. «Сколько поэзии в той картине, какая преподносилась А. Н. Островскому, когда он писал свой удивительный пролог», — говорит названный критик. «А между тем трудно представить себе что-нибудь более рутинно-театральное, как именно эта поэтическая картина в постановке Нового театра». Этот резкий отзыв, мне думается, является мало обоснованным: дело в том, что Васильев, напр., говорит, что Весна, Мороз, Снегурочка как «отвлеченные и поэтические представления», «должны воздерживаться от жестов вообще, от так называемых «актерских» — в особенности». Несомненно, этот взгляд ошибочен, потому что люди той эпохи, к какой относится «Снегурочка», представляли себе Весну, Мороза и Снегурочку «по своему образу и подобию», т. е. такими же живыми людьми, какими они были сами, и поэтому, конечно, эти Весна, Мороз и Снегурочка не могут не иметь человеческих жестов и, следовательно, не должны от них воздерживаться.

Далее критик спрашивает: «Откуда взял Новый театр, что наш русский леший имеет хвост, как у обезьяны?», и поясняет, что леший, по народному поверью, «это — пастух лесных зверей», а потому «по своему внешнему виду он мужик исполинского роста, одетый в мужицкую рубаху, но постоянно босоголовый и взлохмаченный. К человеку он относится так же, как дикая лесная кошка относится к домашней». Это все совершенно верно, неверно только одно, что это народное поверье — единственное; нет, существует другое, т. е. в другой местности, по которому леший напоминает чорта, а потому ему полагаются и рога, или, по крайней мере, рожки и хвост. Вот откуда идет то, что Васильев называл рутинно-театральным.

Переходим к исполнению. Из исполнителей все критики отмечают Садовскую 2-ю в роли Снегурочки, которую в очередь с ней играла Селиванова. Правильную характеристику их исполнения дает Эфрос [Старик]. «Снегурочка обеих исполнительниц, — говорит он, — милое, трогающее своею чистою наивностью дитя, полное поэзии. Каждое ее появление вызывает у всех невольную улыбку нежного сочувствия. Зритель с самого начала любит Снегурочку — и в этом первая прекрасная сторона обоих исполнений». Но Снегурочка Садовской с пролога уже таит в себе зародыш грусти. Снегурочка Селивановой вначале жизнерадостнее, беззаботнее, грусть еще неведома ей... Дальнейшее душевное состояние Снегурочки у первой развивается последовательнее, у второй — с большей сложностью... Оттого чудодейственный венок Весны в первой Снегурочке лишь еще более оттеняет прежние девичьи настроения, во втором же делает целый перелом и превращает девочку в женщину. Перелом этот артистка передает с большою яркостью, с сильным чувством, со всем трепетом проснувшейся для любви души»[125].

А критик «Новостей дня» прямо отмечает, что Садовская 2-я «недостаточно передает тот переворот, который совершается в Снегурочке», хотя находит невозможным упрекнуть за это артистку. А ведь по существу психологическая задача, поставленная и разрешенная драматургом, это именно показать превращение девушки в женщину.

Из других исполнителей отмечают Парамонова, который «с большим комизмом и хорошим юмором передает роль Бобыля, ни на мгновение не переходя должной черты», Садовского П. М. — Мизгиря, Яковлева 2-го — Бермяту, Турчанинову — Леля. Этот образ опять-таки вызывает у

критиков неверные ассоциации или неправильную характеристику. Так, критик «Новостей дня» заявляет, что «Лель, по своему характеру и темпераменту, родной брат Алеши Поповича», а Васильев (Флеров) называет его «русским Эротом» и наравне со Снегурочкой считает его «мифическим существом».

В общем критика, отмечая некоторые недочеты и промахи в постановке и в исполнении, все же находила ее выдающимся явлением и предсказывала ей шумный успех, что и оправдалось в действительности.

Другим таким же выдающимся событием сезона была постановка «Снегурочки» на сцене Художественного-общедоступного театра, где режиссером-постановщиком был К. С. Станиславский. Н. Е. Эфрос, впоследствии ставший историком Художественного театра, дает восторженный отзыв о постановке и режиссере [126]. Эта постановка, пишет он, «создание человека с колоссальной, бурной, неудержимой фантазией. Она намечалась, в своих главных очертаниях, в каком-то творческом экстазе. Смело скажу, никогда еще ни у какого русского режиссера не было такого богатства и блеска вымысла, «выдумки», как говорил Тургенев. Больше всего захватывает Станиславского сочетание красок... Красоту живописную он чувствует неизмеримо лучше и сильнее, чем красоту слова». Этим объясняются удачи и неудачи спектакля. Критики отмечают прелесть декорации пролога. Эфрос находит, что «пейзаж полон настроения и вместе сказочности. Атмосфера сказки сразу захватывает». Удачными считает он и некоторые отдельные фигуры. Таков, напр., Леший в виде суковатого пня, грозный Мороз [артист Судьбинин], «опьяненный сознанием собственного всемогущества». Но для того чтобы оправдать эту картину всемогущего царства Мороза, постановщику пришлось выбросить первые слова первой ремарки автора «Начало весны». Отсюда вытекает своего рода несообразность, которую вполне справедливо подмечает критик «Русских ведомостей» [127]. «Большая часть пролога, — говорит он, — посвящена спору между Морозом и Весной. В настоящий момент побеждает Весна... В прологе же Художественного театра побеждает Мороз. На слабый протест Весны он отвечает таким криком, таким звенящим ветром и таким проявлением своего могущества, что бедная и слабая Весна затихает, принижается и опускает голову. Когда непосредственно за этим Мороз предлагает мириться, то это предложение звучит страшным диссонансом после только что одержанной победы».

Еще бо́льшая несуразность, прямо-таки нелепость получается в начале 4-го акта. «Толпа берендеев спит вповалку; среди них царь и Снегурочка. До сна ли ей?», — правильно спрашивает критик «Новостей дня» Эфрос [128].

«В финальной сцене 3-го акта она бежит с отчаянной мольбой о любви девичьей к матери-Весне; начало 4-го — непосредственное продолжение. Прибежала исполненная ревностью без любви Снегурочка к тихим водам озера и молит, плачет о своем горе. А тут выходит совершенно несуразное. Снегурочка, отложив свой план до утра, которое вечера мудренее, улеглась спать, выспалась — и уже тогда потянулась с мольбою к матери».

Прибавим к этому еще такого рода соображение. Третий акт кончается сценой свидания Леля с Купавой и их любовным объяснением, подслушанным Снегурочкой, которая потом и бежит к матери-Весне с жалобой и мольбой о любви. Но прежде чем еще Снегурочка успела выйти из-за кустов и обратиться с упреками к Лелю, который будто бы ее обманул, Лель обращается к Купаве с следующими словами, которые я уже цитировал выше по другому поводу:

«Идем скорей! Бледнеют тени ночи.
Смотри, заря чуть видною полоской
Прорезала восточный неба край,
Растет она, яснея, ширясь: это
Проснулся день и раскрывает веки

Светящих глаз. Пойдем! Пора приспела
Встречать восход Ярила-Солнца».

К психологическому вопросу: «До сна ли ей?» можно прибавить другой: «Да когда же она могла ложиться спать?» Ведь уже ночь-то прошла. К тому же ремарка автора перед третьим действием кончается словами: «Вечерняя заря догорает». А ведь летняя-то ночь коротка. А царь Берендей в конце второго акта говорит:

«Мизгирь и Лель, при вашем обещаньи
Покоен я и беспечально встречу
Ярилин день. Вечернею зарей,
В заповедном лесу моем, сегодня
Сберемся мы для игр и песен. Ночка
Короткая минует незаметно,
На розовой заре в венке зеленом,
Среди своих ликующих детей
Счастливый царь пойдет навстречу Солнца».

А в начале четвертого акта за сценой Снегурочки с Весной идет другая сцена — встреча Снегурочки с Мизгирем, которого она теперь полюбила, и эта сцена заканчивается словами Снегурочки:

«Смотри, смотри! Все ярче и страшнее
Горит восток...» и т. д. .

Восхода солнца еще не было. Повторяю, когда же успела Снегурочка спать?

Любопытно, что очень тонкий и чуткий критик Васильев сам тут впадает в ошибку, вероятно, под влиянием театральной постановки.

Полагая, что «не предстояло достаточно художественной надобности передавать эту прозу», т. е. картину сна берендеев в лесу, критик все же делает уступку театру, говоря, что эта проза «несомненно существовала и происходила именно так, только где-то там в лесу, за кулисами невидимо для зрителя» [129]. Как можно заключить из сказанного раньше, этого сна не было даже за кулисами. Островский как будто предвидел все это и в разных местах внес в текст такие замечания, из которых ясно видно, что игры и песни в заповедном лесу, начавшись вечернею зарею, продолжаются до самого восхода солнца и для сна не остается времени.

К отмеченным выше несообразностям привело режиссера небрежное отношение к тексту пьесы, в котором режиссер делал сокращения, выпуски и перестановки. По справедливым замечаниям критика «Новостей дня», пьесу Станиславский «ценит только как толчок его фантазии, признает только как канву, по которой вправе уже расшивать свои собственные узоры. Пьеса — в качестве res accessoria, а потому с нею можно не стесняться» [130].

Совершенно прав Эфрос, отмечая еще следующую чисто режиссерскую подробность постановки. Когда Купава входит в царские палаты, она бросается в ноги Бермяте, принимая его за царя Берендея. Критик прав, указывая, что этого быть не может, что народ прекрасно знал царя Берендея и ошибиться Купава не могла. Кроме того, «этою выдуманной комической сценою разбивается цельность впечатления сцены, которая должна умилять, трогать, не оставлять места для смешка. Расстраивается и музыкальность диалога, так как получается большая пауза. Наконец, ради все того же сомнительного комизма Островскому приходится навязывать лишний стих. С жемчужиной родной поэзии этого делать нельзя».

Эти слова будущего историка Художественного театра представляются мне очень актуальными. Отношение режиссера к пьесе в данном случае очень напоминает то так называемое «новое прочтение» Остров-

ского, которое часто приводило к недопустимым фактам, вроде, напр., перенесения действия комедии «Волки и овцы» в монастырь, или когда в Плавске (Московской обл.) по воле режиссера Незнамов в комедии «Без вины виноватые» бросается на Мурова и его уводят в тюрьму [131]. Не говорю о постановке «Леса» у Мейерхольда. Можно только приветствовать, что такого рода «новое прочтение» Островского уже встретило полное осуждение в докладах на конференции Островского, организованной Всероссийским театральным обществом.

Возвращаемся к постановке и переходим к исполнителям. По совершенно справедливому замечанию того же Эфроса, у художественников «исполнение заслоняется грандиозностью постановки, да в большинстве куда ниже ее по своим качествам». Так, совершенно не удалась Весна, которая «вышла у г-жи Савицкой какой-то жеманницей, неуклюжею кокеткой». Критик Васильев (Флеров) полагает, что талант «этой артистки не вполне соответствует этой роли» [132].

Много обаятельного находит Эфрос в Снегурочке — Лилиной, но игру ее в Снегурочке он считает однообразной. «Снегурочка, — говорит он, — ушла со сцены такой же, какой и пришла. Ее душевная жизнь не осложнялась по мере развития пьесы, не приобретала новых тонов. И поэтому в начальных актах она была недостаточно наивным ребенком, в чьем сердце еще не зажигался огонь любви, в последующих не намечался перелом, этот пожар любви, преображающий Снегурочку и губящий ее». Никаких оговорок не делает Васильев (Флеров), который пишет, что г-жа Лилина — «идеальная Снегурочка».

Критики согласны относительно того, что из женских ролей наиболее удался Лель, в котором М. Ф. Андреева, по словам Эфроса, «ослепительно прекрасна по внешности и дает яркую, выдержанную фигуру». Сравнивая двух исполнительниц роли Леля, О. Л. Книппер и М. Ф. Андрееву, Васильев пишет: «Г-жа Книппер в роли Леля эффектнее, горячее, бойчее. Г-жа Андреева — глубже, а вместе с тем она нечто манящее, поэтичное, увлекательное».

Из мужских ролей по степени удачи критики отмечают Мороза, которого Судьбинин, по словам Эфроса, играл «с громадною силою и яркостью, как нельзя более в соответствии с замыслом пролога и его выполнением у «художников». Васильев (Флеров) только не согласен с двумя приемами его игры, а именно: «с тем однозвучным fortissimo, которым он ведет свою роль», да «с его лежанием на снегу».

Так же хорошо играл роль Мизгиря Вишневский, который, по словам Васильева (Флерова), «вполне подходит к воплощаемому лицу».

Вызывают замечания исполнения ролей Бобыля (Москвин) и царя Берендея (Качалов), причем критики наши не сходятся в своих отзывах об этом исполнении. Так, напр., Эфрос пишет, что И. М. Москвин «взглянул на Бобыля совсем не так, как бы нужно, дал какого-то юродивого, с внешним и неприятным комизмом». К сожалению, критик не дал своей характеристики Бобыля, не сказал, как бы нужно было взглянуть на него, и его замечание об исполнении Москвина представляется необоснованным. Очень интересным и по-моему правильным является толкование роли Васильевым (Флеровым). «Нет ничего более опасного, — говорит он, — как сцена между Бобылем, его женою и Снегурочкою в первом акте. При малейшей ошибке в тоне сцену эту можно сделать отвратительным и бесстыдным подстреканием, почти принуждением Снегурочки торговать своею красотою для выгод Бобыля и его жены... Москвин спасает всю эту сцену бесконечным, неописуемым добродушием, с каким он ее ведет. Его Бобыль — пьяница и лентяй. Но он пекладист, прост и невзыскателен. Совершенно как неаполитанский Lazzarone, Бобыль довольствуется кусками хлеба, которые собрал в свой мешок у соседей, точно так же как лаццарони довольствуется арбузом да блюдом макарон... Таков Бобыль Москвина. Это характерный тип, выдержанный с начала до конца. Одна прелесть!»

Что касается роли царя Берендея, то исполняющий эту роль В. И. Качалов, по словам Эфроса, «немного резонирует, но чарующий голос артиста и большой сценический такт дают его исполнению много прелести». Нельзя пройти без внимания и следующее замечание нашего критика, что «в Берендее темперамент артиста скован и характером роли, и старостью Берендея, под которую ему приходится подделывать свою молодость, свою жестикуляцию и голос». Конечно, много значила здесь и молодая, тонкая фигура артиста, мало подходившего под общее представление о царе Берендее. Это, мне думается, и дало право Васильеву (Флерову) задать вопрос: «Что мне делать с Качаловым, когда он олицетворяет передо мной царя Берендея бледным, худым, изможденным стариком, настолько дряхлым, что его водят под руки». И некоторые выражения и замечания в речах такого царя Берендея кажутся критику совсем к нему не подходящими. «Это он-то недавно резвился в своем саду с прекрасною Еленой», — восклицает наш критик.

На этом можно закончить обзор постановки «Снегурочки» в Художественном театре. Я, конечно, не исчерпал всех вопросов, поднятых в свое время критикой, и замечаний, ею высказанных; интересующихся ими я отсылаю к самым статьям[133].

В заключение настоящей главы для полноты обзора отмечу еще одну последнюю постановку «Снегурочки» — это постановка, выполненная главным режиссером Е. П. Карповым в Петербурге в Русском драматическом театре (дирекция А. Рейнеке) в сентябре 1912 г. Но я ограничусь о ней только упоминанием, так как по существу она не представляет интереса[134].

«СНЕГУРОЧКА» В СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ

«Снегурочка» не может пожаловаться на невнимание к себе за советское время. В сезон 1920—1921 г. она была поставлена в Пермском театре[135], в сезон 1921—1922 г. в Одессе в Свободном театре (режиссер-постановщик — Лоренцо), причем «пьеса передана не в виде феерии, как это обычно делается, а проще и логичнее — в виде русского сказочного лубка[136]. В сезоне 1922—1923 г. «Снегурочка» была поставлена в Московском Малом театре. В сезон 1924—1925 г. сказка была поставлена в Городском театре в Омске. Эта постановка, по словам рецензента, — один из лучших спектаклей сезона. «Пьеса шла в бенефис декоратора-художника Б. А. Прохонина, и все, что можно было дать в условиях нашего театра, было добросовестно дано. Плохо лишь с костюмами: они очень пестры и во многом не соответствуют сказочному стилю. Спектакль смотрелся с удовольствием. К сожалению, публики было мало»[137]. В сезон 1926—1927 г. «Снегурочка» была поставлена в помещении вновь отстроенного клуба водников Велико-Устюжским театром[138]. В сезон 1935—1936 г. пьеса поставлена в филиале Ленинградского театра юных зрителей.

Наконец, в сезон 1936—1937 г. «Снегурочка» была включена в репертуар Белгородского колхозно-совхозного театра[139], возвратившись в ту подлинно народную среду, из которой она вышла, будучи создана на основе подлинно народных песен, сказок, пословиц и обрядов.

Обращаемся к постановке «Снегурочки» в Московском Малом театре. Ставил пьесу П. М. Садовский, у которого, по его собственным словам, уже давно была мысль о постановке этой пьесы, «как одного из самых поэтичных произведений Островского, вдобавок так мало оцененного и критикой и публикой».

Одним из первых мотивов постановки был вопрос о языке. «Настоящая, образцовая русская речь, учиться которой Пушкин советовал у московских просвирен, — говорит Садовский, — давно уже потеряла чистоту. ...Малому театру, несмотря даже на редеющие ряды старых артистов, донесших до нас традиции образцового русского языка, еще пока по плечу роль Пушкинской просвирни, а в какой же пьесе и у какого другого автора

есть такой изумительный образец меткой, красивой и простой в своей красоте речи, какой оставил нам А. Н. Островский в своей «Снегурочке»[140].

Но, конечно, вопрос об языке не является единственным мотивом постановки. Ведь сказка Островского, справедливо замечает Садовский, «по глубокой красоте своей, по русской шири размаха поэта, по удивительному соединению тонкого, добродушного и нежного юмора с местами, доходящими до трагического подъема, — далеко больше того, как она обычно понимается и принимается». Неправ только Садовский в своем утверждении, будто «Снегурочка писана наспех».

Что касается принципов постановки, то на первом плане были, конечно, «не грубые машинные эффекты, которые, как бы хорошо ни были они устроены, способны только поразить на минуту». Далее ширь полета мечты Островского заставляла постановщиков «не искать этнографических или исторических материалов в работе над пьесой». «В широко взятой русской сказке, — говорит Садовский, — мы улавливаем всю совокупность, синтез всех влияний, имевших место в русской поэзии и в русской жизни — от Запада и до Востока, от Византии и до крайних пределов севера». Нельзя не заметить, что это несколько расплывчато.

В данной постановке есть одна особенность. В этом спектакле «Снегурочки» «Малый театр сделал первый в широком масштабе опыт вовлечения в свою работу его артистической молодежи, тех, которые только еще пришли в этот «старый» театр». Притом «студийная молодежь была тут вовлечена не только в работу актерскую, но и в работу режиссерскую». Деятельное участие в работе режиссера принимал здесь Ф. Н. Каверин, впоследствии режиссер и руководитель «Нового театра».

Постановке Малого театра посвящена статья И. А. Новикова[141], который прежде всего высказывает правильную мысль, что «Снегурочка» не довольно исследована, в частности, ее стих, певучий, пленительный, свежий. «Островский поэт: эта тема почти и совсем не была затронута». Как мы видели раньше, это положение, как неоспоримое, было уже высказано в критических статьях, вызванных постановками Художественного и Нового театров.

Как же предстала на сцене эта жемчужина русского слова, спрашивает критик. Малый театр, по его словам, был на высоте. «Русский язык пел и звучал; он был живой, чисто народный».

Указав на трудность произношения стиха, критик продолжает: «Сразу же надо признать, что стих не калечил никто; да и то сказать: здесь «психологизм», во имя которого привычно убивается на сцене стих, так гармонически слит с самою речью, что он покоится в ней, как дитя в колыбели». Особые задания по структуре стиха находит Новиков у бирючей и у Мороза. «Бирючи, — по его словам, — оказались настоящими мастерами бирючьего дела: полнота и богатство тонов и переходов радовали». Задание Мороза (Головин) выполнено «с подлинной силой и блеском: стихия Мороза... дана в полноте». Что касается Весны (Гоголева), то «огромный ее монолог, весь, в ничем непрерываемом пятистопном ямбе, требует исключительного мастерства и художественной находчивости, чтобы расцветить его всем тем богатством пейзажа, которым насыщен с изумительной щедростью».

Замысел постановки, по мнению Новикова, должен лежать в борьбе двух стихий — морозной и солнечной, в этом «пересечении плоскостей», а «точка пересечения — сердце Снегурочки». Поэтому он правильно замечает, что должны быть две весны: весна ранняя (пролог) и весна поздняя (при втором ее появлении), когда она наделяет Снегурочку венком из цветов. «Весна не всегда равна самой себе. И самый костюм двух ее появлений должен быть разный».

Особенно восторженные отзывы дает нам критик о «солнечной молодежи», как он говорит: о Купаве (Полякова), которая заслуживает всяческой похвалы, о Снегурочке (Белевцева), которая «прежде всего — чудо» и если «Снегурочку» увидеть во сне, то увидишь именно такой».

Замечания нашего критика о Мизгире вызывают возражения по существу. «То уже жгучее и палящее солнце, которое не только греет, но и жжет, которое плавит, дано поэтом не молодым берендеям, а «торговому гостю из посада Берендеева» — Мизгирю. В самом имени мы определенно слышим восток. И недаром первый Снегурочке встретился именно он, ибо он-то и есть первый луч солнца с востока». Выше мы видели, почему он первый встретился Снегурочке, и, конечно, дело вовсе не в том, чтобы это был «первый луч с востока», потому что никакого «луча с востока» он собою не олицетворяет. Затем, как понимать слова, что «Мизгирь ничем не похож на берендеев, что он человек совсем другой породы». Их, конечно, нельзя толковать в таком смысле, что он не берендей. Когда Мизгирь говорит Купаве о том, что он ее больше не любит, а любит Снегурочку, что он своего сердца не стесняет, «вольно ему любить и разлюбить», Радумка замечает:

«Обидно Берендейкам
Такую речь от Берендея слышать».

А отец Купавы откровенно заявляет:

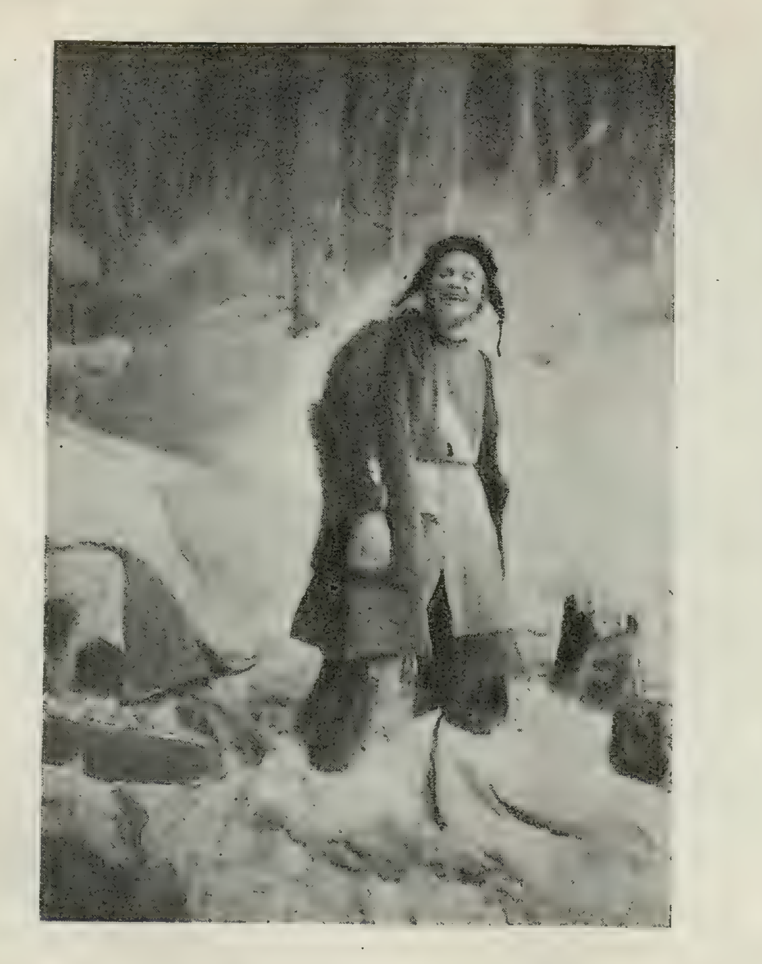
«Давно живу и старые порядки
Известны мне довольно. Берендеи,
Любимые богами, жили честно.
Без страха дочь мы парню поручали.
Венок для нас порука их любви
И верности до смерти. И ни разу
Изменою венок поруган не был
И девушки не ведали обмана,
Не ведали обиды».

Мизгирь — тоже берендей, как и другие, но только в нем есть что-то новое сравнительно с другими берендеями. Что же нового принес в жизнь берендеев Мизгирь? Ничего, кроме неверности, нечестности, по понятиям берендеев, в результате чего являются обман и обиды. И все это он, очевидно, принес из стран Востока, куда он ездил по своим торговым делам.

Что значит далее, что «этот первый луч сам потонул в им же растопленной влаге»? За что же он терпит это наказание, — а что Мизгирь именно за что-то наказан, это несомненно: иначе его гибель совершенно непонятна. И почему любовь Мизгиря к Купаве «еще не последний, пронзающий жар, не пламень огня», а «только слепая любовь, через толщу земли еще не нацелившая своей роковой, единственно верной стрелы»? И разве не слепая любовь непременно должна убивать? Все это слишком мудрено. У Островского все гораздо проще. Мизгирь — не первый луч солнца Востока, а просто тип Дон-Жуана — в стране берендеев явление еще не бывалое. И только при таком толковании этого образа становится понятной его погибель.

Относительно царя Берендея Новиков говорит, что «им венчается пьеса». В его последнем монологе он видит какой-то «космический апофеоз».

«Снегурочки печальная кончина
И страшная погибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье,
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.

И. М. Москвин в роли Бобыля («Снегурочка» в постановке М. Х. Т.).

В. Н. Давыдов и *В. В. Стрельская* в ролях Бобыля и Бобылихи («Снегурочка» в постановке Александринского театра).

И верю я, оно приветно взглянет
На преданность покорных берендеев».

Где же тут «космический апофеоз»? Космическое начало, если хотите, еще может звучать в стихах Пушкина:

«И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять».

Где же это «равнодушие» природы у Островского, когда Берендей, которым «венчается пьеса», этот выразитель идеи пьесы, верит, что Солнце «приветно взглянет на преданность покорных берендеев». И к чему тогда речи о каком-то «праведном суде» над Снегурочкой и Мизгирем? Все дело в том, чтобы изгнать из душ «последний стужи след» и обратиться к Солнцу, этому источнику всякого тепла, искренности и любви. Вывод, как видите, морального характера, ничего общего с «космическим» началом не имеющий. Слишком «мудреные» слова не идут к Островскому и ничего в нем не объясняют.

Отрицательный отзыв о настоящей постановке дает Лавр в своей статье в журнале «Зрелища» (1923, № 19, стр. 20), но ничего для толкования самой пьесы эта статья не дает.

Переходим теперь к постановке «Снегурочки» в Ленинградском Театре юного зрителя, которая с предшествующей постановкой имеет то общее, что в той и другой исполнителями в большинстве случаев являются молодые кадры, причем, по мнению рецензента, «Ленинградской Правды»[142], «особенно надо выделить темпераментную Купаву (Р. Котович) и очень одаренную, обладающую большой лирической теплотой исполнения А. Тимофееву (Снегурочка)». Но кроме того постановка в Театре юного зрителя поднимает вопрос о пригодности данной пьесы для зрителя этого театра. Конечно, этот вопрос решается в том смысле, что «Снегурочка» может быть предназначена для зрителя старшего возраста.

Высказывания режиссера спектакля Б. Зона об образах весенней сказки[143] вызывают некоторые замечания. Совершенно правильно его утверждение: «Вот пастух и поэт Лель». Говоря о Леле, нельзя миновать его поэтического дарования, кладущего особый отпечаток на всю его личность: он прежде всего поэт. Не вполне ясно дальнейшее положение: «Лель — образ опоэтизированной вдохновенной любви». Но как подвести под это толкование то, что сначала Лель любил только Снегурочку, но, не встретя в ней отклика на свою любовь, полюбил Купаву. Но ведь именно Лель спас Купаву; он в буквальном смысле слова помог ей жить, так как она хотела броситься в реку и покончить с собой.

Далее, по мнению Б. Зона, образ Леля «чрезмерно у Островского осложнен и даже временами сбивчив. Для того чтобы сохранить Леля как носителя чистой, поэтической любви, мы совершенно уничтожили некоторую двусмысленность его поведения, опошляющую прекрасный по существу образ. Поэтому полностью изъят персонаж Елены Прекрасной, снижающий не только Леля, но и весь облик царя Берендея переводящий в другую плоскость».

Никакой особой осложненности и даже сбивчивости в образе Леля у Островского, конечно, нет. Тем более нет никакой двусмысленности, и персонаж Елены Прекрасной нисколько не снижает Леля: ведь он же не отвечает на заигрывания с ним Елены Прекрасной и с рук на руки передает ее супругу. Как раз в этой сцене подчеркивается верность Леля Купаве, и ни о какой двусмысленности его поведения не может быть и речи.

Предлагаемое режиссером толкование образов, по его словам, в основном исходит из авторского текста. «Однако нам, — говорит Б. Зон, — пришлось уточнять некоторые характеристики, а иногда и переставить ак-

центы... Коренным образом изменяем мы авторскую трактовку Мизгиря, снимая с него обличие пламенного любовника и заостряя захватнические черты разбойника-купца». В связи с этим в тексте сделаны значительные купюры и перестановки. Особенно крупным переделкам подверглись два последних акта, объединенные постановщиками в один.

Итак, мы имеем дело уже с переделкой Островского, а не с подлинным Островским. Что же касается Мизгиря, то можно сказать, что здесь мы имеем дело уже с извращением образа. Как можно снимать с него обличие пламенного любовника в пьесе, посвященной проблеме любви? И как можно связать с этим утверждение режиссера: «Гибелью Мизгиря мы утверждаем торжество творческой любви и осуждаем безответственную слепую страсть»? Какое отношение к этому утверждению имеет тот факт, что Мизгирь — разбойник-купец? Полная неувязка и путаница в заявлениях постановщика.

Постановке «Снегурочки» в филиале Театра юных зрителей посвящена статья М. Янковского[144], который придает этому спектаклю «сугубое значение в свете развития Театра юного зрителя в целом».

Островского, по его мнению, привлекает тема непосредственной любви в ее биологическом выражении. «Весна — это зачатие жизни. Любовь — это лирическое выражение инстинкта воспроизводства. Без любви не может ожить земля, скованная зимой. Без любви не могут расцвесть силы земли.

Праздник весны — это праздник любви, праздник соединения двух начал: мужского и женского. Архаический культ воскрешается Островским в «Снегурочке» как сказочный только по форме, а не по существу. В основе же сказочного лежит именно эта извечная земная инстинктивная тяга к соединению двух начал, к действенному творческому воспроизводству, к выполнению основного закона природы.

В этом своеобразие «Снегурочки» Островского. В этом и основной замысел вещи, который, по справедливому замечанию Янковского, — «не может быть пересмотрен в процессе сценической интерпретации».

Ввиду этого выбор «Снегурочки» для спектакля Театра юного зрителя он считает наиболее неудачным.

Также спорным считает критик постановку проблемы любви на сказочном материале. Совершенно правильно он замечает, что у Островского «сказочный элемент является только обрамлением основной, отнюдь не сказочной темы». Поэтому «можно было сказочный фон расширить до максимальных пределов, создав своеобразную поэму об оживающей природе». В постановке Театра юного зрителя «сказочный материал оформляется почти исключительно только в прологе». В самом же спектакле в целом Театр юного зрителя «вносит даже бытописательские черты», а «сказочные элементы, заключенные в спектакле, почти начисто снимаются и явно в целях выдвижения основной, ТЮЗом избранной темы».

Что касается исполнения, то «постановка, — по словам Янковского, — свидетельствует прежде всего о настоящей серьезной работе, которая была проведена за последние годы в техникуме ТЮЗа... Уровень спектакля в смысле актерского исполнения выходит далеко за пределы студийной работы. Стремление режиссуры «к построению спектакля в основном как игрового действа массы» удачно разрешается в проводах масляницы, в сцене сватовства Мизгиря и в празднике Ярилы, где непрерывно сменяющаяся народная игра интересно и занимательно передает характер места действия и бытовой замысел спектакля».

Из исполнителей рецензент на первом месте отмечает Тимофееву, которая создает бесконечно трогательный, нежный и прозрачный образ Снегурочки. Ее голосовые данные — верхний регистр — создают своеобразную речевую технику в этой роли. Это сплошное детское, которое вступает в столкновение с житейским. Ее образ раскрывается не сразу и постепенно приобретает разнообразие красок, и огромной сложности задача показа постепенного разворачивания, формирования девушки, обре-

тающей любовь, поставлена и разрешена Тимофеевой с многообещающим мастерством.

Образ Леля, созданный Кадочниковым, по словам Янковского, «отягощен той путаницей, которая создана вокруг него в процессе переделки роли. Постановщик все время пытался устранить двойственность Леля». По поводу ее рецензент замечает, что «эта двойственность у Островского только кажущаяся». На мой взгляд, вообще в образе Леля никакой двойственности нет.

«Лель, — пишет Янковский, — настойчиво ведется в плане той же детскости, которая присвоена и Снегурочке. И этот план Кадочникову удается очень хорошо. Когда же он ходом сюжета вступает в конфликт со Снегурочкой, ни режиссуре, ни актеру не удается найти новых красок. Отсюда известная бледность и односторонность исполнения, снижающие образ и делающие его двусмысленным».

Неудача актера вполне понятна: она объясняется порочностью самого плана, самого режиссерского задания актеру. Ничего детского в Леле нет: его образ в сказке не развивается так, как образ Снегурочки. Единственный момент, который можно здесь отметить и который как бы говорит о его развитии, — это перемена в его отношении к Снегурочке, которую он сначала полюбил и которую сменяет на Купаву. Но ведь эта перемена не проявление детского в Леле. Но, с другой стороны, эта перемена не проявление в Леле Дон-Жуана, так как он, конечно, не Дон-Жуан. О нем тоже можно сказать, что он так же «ожегся» на Снегурочке, т. е. потерпел фиаско, как ожглась Купава на Мизгире, Дуня на Бородкине. Это одно из тех несчастий, какое выпадает на долю влюбленных.

Неудачным, повидимому, было исполнение Купавы артисткой Котович, так как, по словам рецензента, «Купава выпадает из общего стиля спектакля».

«Характерные персонажи Бобыля и Бобылихи интересно, — по его словам, — сделаны актерами Фроловым и Лимке. Любопытный «терцет» слободских парней создан актерами Шостаковым, Степановым и Семеновым».

В общем критик считает постановку Театра юного зрителя интересной заявкой на кадры и вместе с тем спорной работой, которая «ставит на повестку дня вопрос о репертуарных перспективах ТЮЗа».

На этом можно закончить наше исследование. В заключение можно смело высказать надежду, что «Снегурочка» — эта старушка, которой в 1938 г. исполнилось уже шестьдесят пять лет со времени ее появления на свет, не перестанет привлекать к себе внимание и читателей и зрителей как один из памятников высокого искусства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 «Артист», 1829 г., январь, № 19, стр. 21.

2 «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1917, май, стр. 51.

3 А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма, стр. 76, № 120. Письмо не датировано, но ввиду упоминания комедии «На всякого мудреца довольно простоты», напечатанной в ноябрьской книжке «Отечественных Записок» за 1868 г., оно, несомненно, относится к этому году. Писано оно в конце августа или в начале сентября 1868 г., так как 9 сентября датирован ответ Бурдина на это письмо.

4 Островский и Бурдин. Неизданные письма. Стр. 67, № 104.

5 П. Морозов. «А. Н. Островский в его переписке». «Вестник Европы», 1916, кн. X, стр. 69.

6 «Русский Архив» 1915, № 1, стр. 25—26 (из собрания автографов А. А. Милорадович).

7 Тут какая-то ошибка; вероятно, неправильно прочитано слово, так как по смыслу здесь можно ожидать слова: «лишь».

8 Конец письма такой: «Обманувшись в надежде видеть Вас в Москве и разъезжаясь с Вами надолго, я прошу Вас не позабывать меня и не лишать Вашего

прежнего расположения. Пожелав Вам доброго здоровья, счастливого пути и совершения Ваших намерений, остаюсь с искренним уважением и сердечно преданный Вашему Превосходительству А. Островский». Биограф С. А. Гедеонова пишет о нем: «В 1867 г. он (С. А. Гедеонов) ездил в Лондон, где работал в библиотеке Британского музея. В том же году был назначен директором Императорских театров» (Русский биографический словарь. М., 1914, том Га-Гер, стр. 3, статья К. В. Сивкова). Не эту ли поездку имеет в виду и А. Н. Островский? В таком случае как согласовать даты биографии и нашего письма, которое, являясь как бы ответом на письмо кн. Назарова, несомненно должно быть отнесено к 1868 г.?

9 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 51.

10 Так рассказывала М. Н. Островская пишущему эти строки.

11 Рукопись состоит из 52 листов, все они перенумерованы, но эта пагинация позднейшая, сделанная чернилами в Музее. Некоторые же листы, содержащие основной текст пьесы, имеют пагинацию Островского, а другие, как напр., тот, на котором написан сценарий, этой пагинации не имеют. По позднейшей пагинации это тоже лист 2-й.

12 Повидимому, сначала было написано «Снегурочка», но там исправлено на «снегурушка», а затем вновь сверху надписано окончание «очка».

13 Раньше было написано карандашом, как и вся рукопись, «Эпилог»; потом чернилами исправлено на «Пролог».

14 Первоначально Островский написал «бо», т. е. очевидно, начало следующего слова «балет», но потом передумал и написал «Монолог», а дальше уже шло слово «балет».

15 Одно слово не разобрано.

16 Около этого слова сверху стоит знак в виде креста и такой же знак наверху страницы, где помещена такая заметка: «Счастье в том, чтобы любить. Мор[оз].

Сч[астье] в т[ом] ч[тоб] не любить». Части слов, поставленные в квадратные скобки, в рукописи отсутствуют.

17 Перед словом «Разговор» первоначально было написано «тр», т. е. начато слово «трое», но потом эти две буквы зачеркнуты.

18 «и авоська» надписано сверху.

19 Это слово зачеркнуто.

20 Поставленное в скобки написано сверху, рядом со словами «Действие 1-ое». Перед словами, поставленными в скобки, имеется знак: косой крест. Такой же знак и над словом «для».

21 В конце после слова «свитой» стоит знак: три горизонтальных параллельных черты, перечеркнутые одной вертикальной. Такой же знак в стороне справа и около него заметка: «В 1-ое Д. Царевна». Должно указать, что все это «Действие 1-ое» перечеркнуто несколько раз, но, очевидно, впоследствии, когда уже весь сценарий был написан, так как потом, по исключении «Действия 1-го» последовательно изменилась нумерация и дальнейших действий: 2-е стало 1-м, 3-е — 2-м, 4-е — 3-м.

22 Цифра 2 исправлена на 1.

23 Поставленное в скобки зачеркнуто.

24 Справа от этой ремарки наброски: «И нежить бродит. Весна сдружилася с Морозом, и много горя от того».

25 Цифра 3 исправлена на 2.

26 Поставленное в скобки надписано сверху, добавлено потом.

27 За «идет» следует «еле», потом тире и еще какое-то слово, которое невозможно разобрать; может быть, надо читать «еле-еле», затем слово «мать», к которому, может быть, относится слово «весна», надписанное над словом «Снегурочку» во второй сцене.

28 Это слово надписано выше слова «Снегурочку». См. предыдущее примечание.

29 Цифра 4 исправлена на 3.

30 Повидимому, уже после того, как был набросан этот сценарий, между строк и на свободных листах были сделаны наброски монолога Весны.

31 Цифра 1 впоследствии была исправлена на 2.

32 Поставленное в скобки надписано сверху.

33 То же.

34 Над этими строками надписано: «Им целая ночь, чтоб сойтись. Я сам пойду и посмотрю».

35 Над словами: «Берендей бросает кисть» проведена черта и над чертой поставлена

цифра 2, а над словами: «Снегурочка никого не любит» поставлена цифра 1, т. е. изменен порядок предложений.

36 Поставленное в квадратные скобки надписано сверху.

37 Слово не разобрано.

38 То же.

39 Все поставленное в квадратные скобки надписано между строк впоследствии; после слова «Хор» сначала прямо шло: «Является Снегурочка».

40 Поставленное в квадратные скобки зачеркнуто.

41 Под словами: «Сцена 1-я» была написана целая строка, но потом зачеркнута, и ничего разобрать ничего невозможно.

42 «Д. 1», т. е. «Действие 1-е». Очевидно, это было вставлено впоследствии, по окончании всего сценария, когда автор произвел в нем некоторую перемену.

43 Части слов, поставленные в [ ] в данном случае, равно как и в других, в рукописи отсутствуют и добавлены для ясности.

44 Здесь стоит знак + (прямой крест), как дальше перед словами: «Бобыль отказывается».

45 Поставленное в круглые скобки надписано сверху.

46 Все поставленное в квадратные скобки зачеркнуто.

47 Сверху между строк надписано: «(Гонит Леля)».

48 Сверху между строк надписано: «и уходит сзывать подруг и родителей».

49 Знака двоеточия после слова «Жених» в рукописи нет.

50 Справа набросок: «Спеши уйти от солнца — Не кажись солнцу».

51 Поставленное в круглые скобки надписано сверху.

52 Это недописанное слово зачеркнуто.

53 Слово: «Заря» надписано сверху.

54 Поставленное в квадратные скобки надписано сверху.

55 То же.

56 Около слова «домой» условный знак — крест. Такой же знак внизу страницы и тут же такой набросок:

«Пойдем, как ласкать тебя я буду
Нужно очень! Я хочу, чтобы все видели».

После этого наброска другой: «В 3-м Действии свита весны: мухи, стрекозы, жучки, бабочки. — Водяные растения (одно слово не разобрано) — и всякие цветы»

57 Рядом с этим словом, но, несомненно, впоследствии добавлено: «Ладо».

58 «Вестник Европы», 1916, X, стр. 71. Нужно иметь в виду, что Дрианский летом 1871 г. был в Щелыкове у Островского.

59 «Артист», 1892, № 19, стр. 21.

60 Есть и другое написание: «Томилка».

61 Теперь читается так:

«Красавицы-девицы, между вами
Не прячется ль красавица Купава?»

62 Исправлено на «дни и ночи».

63 Эти строки, отсутствующие в печатном тексте, в рукописи все-таки не зачеркнуты.

64 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 49.

65 Можно думать, что это вставлено потом.

66 Слово: «родитель» зачеркнуто.

67 Слово: «снегурочка» зачеркнуто.

68 Над словом: «царь» дважды надписано: «я», причем первое «я» зачеркнуто.

69 После слова: «замуж» есть еще какое-то слово, которое трудно разобрать, может быть: — «выдать». Потом вся эта строка зачеркнута. А затем и все до слов: «Пришла пора» несколько раз перечеркнуто.

70 «Жениха» зачеркнуто и внизу надписано: «друга».

71 Знак вопроса зачеркнут, точка от него переделана на запятую, очевидно, дальнейшие слова: «не знаю» добавлены впоследствии.

72 Над словом: «возьми» надписано: «и взять».

73 Поставленное в квадратные скобки зачеркнуто и сверху надписано, как в печатном тексте: «Сердце скажет».

74 Черты в обоих случаях обозначают пропуск в рукописи.

75 Сахаров И. П., «Песни русского народа», ч. 2-я, СПБ, 1838, стр. 13.

76 В печатном тексте эти строки читаются так:

«Во всем велик — мешать с бездельем дело
Не станет он — трудиться, так трудиться,
Плясать и петь, так вдоволь — до упаду».

77 Поставленное в квадратные скобки зачеркнуто, а справа вкось написано: «Пляшите дураки!»

78 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 58, 59—60.

79 И. И. Иванов песню гусляров называет «превосходным подражанием «Слову о полку Игореве». См. его биографию А. Н. Островского в серии Павленкова «Жизнь замечательных людей». СПБ, 1900, стр. 71.

80 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 48—49.

81 Prilozi k Historiji knǐzevnosti naroda Hrvatskoga i Srbskoga. Na Sviet izdao V. Jagic u Zagrebu. 1868, стр. 36—37.

82 Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. II, М. 1862, стр. CLXXXIV—CLXXXV.

83 Там же, ч. I, № 45, 46; ч. II, № 23, 24; ч. III, № 24, 25, 26, 27.

84 У Сахарова в его «Сказаниях русского народа», изд. 3-е, СПБ, 1841, кн. 4-я, стр. 34, в былине о Чуриле Пленковиче жена Бермяты названа Екатерина Прекрасная.

85 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 52.

86 «Онежские былины» Гильфердинга вышли в свет только в 1873 г., когда «Снегурочка» уже была напечатана.

87 «Новый российский песенник». Часть вторая. Иждивением И. К. — III. и Т. П., СПБ, 1791, стр. 21—23.

87а Это в печатном тексте, конечно, опечатка, так как в рукописи-автографе, хранящемся в Институте русской литературы (б. Пушкинский дом), сова названа воеводшей, так как воеводой раньше назван орел. Исправлено в тексте сочинений А. Н. Островского в одном томе под ред. Н. П. Кашина.

88 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 53.

89 Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Т. I. № 141.

90 «Отчего произведено, неизвестно». Примечание в рукописи.

91 «Прогулки, хотя бывают не в одинаковые числа, но всегда в воскресенье в мае и июне, — двукратно в лето на одном месте». Примечание в рукописи.

92 «Вместо этого припева употребляется в других местах:
«Травка-муравка». Примечание в рукописи.

93 Сделанные из бересты.

94 «Это название произошло от того, что в сей день молодые люди секут друг друга крапивою». Примечание в рукописи.

95 «Места для жертвоприношений идолам в древние времена избирались при ручьях, озерах и лесах». Примечание в рукописи.

96 В. И. Даль. Пословицы русского народа. «Чтения Общества истории и древностей российских» 1861 и 1862 гг.

97 И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. I., 2-е изд., М., 1872, стр. 129.

98 «Биржевые ведомости», 1873, № 247. Заметки о русской журналистике, ч. II.

99 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 49—50.

100 Конечно, Купава, а не Снегурочка ближе соответствует Дуне Русаковой. Затем Снегурочку ни в коем случае нельзя сопоставлять по типу с «бедной невестой» — Марьей Андреевной, как это делает Ф. Д. Батюшков. Она скорее Лариса-Бесприданница, которая в конце концов подобно ей своей жизнью заплатила за свою любовь.

101 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 47.

102 «С.-Петербургские ведомости», 1873, № 140. «Письмо в редакцию С.-Петербургских Ведомостей». Статья X.

103 «С.-Петербургские Ведомости», 1873, № 250. «Журналистика». Статья Z. Под этим псевдонимом в названной газете писал В. П. Буренин.

104 «Одесский вестник», 1873 г., № 212. «Очерки современной журналистики». Статья С. Г-В, т. е. С. Герце-Виноградского.

105 «Биржевые ведомости», 1873, № 247. «Заметки о русской журналистике», ч. II.

160 «Слово», 1878, август. Статья П. Д. Боборыкина: «Островский и его сверстники», стр. 37.

107 Русские писатели после Гоголя. Чтения, речи и статьи Ореста Миллера. Изд. 4-е, СПБ. — М., стр. 330—332.

108 В известной «Биографической библиотеке» Ф. Павленкова, стр. 71.

109 В этом отношении любопытны признания композитора Н. А. Римского-Корсакова в его «Летописи музыкальной жизни». СПБ, 1909, стр. 199—200.

110 Проф. Б. В. Варнеке. История русского театра. Изд. 2-е, стр. 550—551.

111 Ю. И. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Вып. II, М., 1908, стр. 151.

112 Ю. И. Слонимская. Театр Островского. Ежегодник импер. театров, 1915 г., № 1, стр. 96. По поводу этой статьи см. Б. В. Варнеке, «Заметки об Островском. Гл. X. Островский воображаемый», «Русский Филологический Вестник, 1916, № 1—2.

113 Ж. М. Н. П., 1917, май, стр. 65—66.

114 Островский. К столетию со дня рождения. Юбилейный сборник под ред. А. А. Бахрушина, Н. Л. Бродского и Н. А. Попова. Изд. Р. Т. О., Москва, 1923, стр. 18.

115 Посторонний. Театральная хроника. «Московские ведомости», 1873, 21/XI, № 294.

116 Это письмо напечатано в сборнике Театрального музея им. Бахрушина. «А. Н. Островский. Дневники и письма» Academia, 1937, стр. 221—222, откуда и перепечатывается здесь.

117 То же, стр. 118—119.

118 Имп. [«Снегурочка» Островского в Таврическом саду]. «Театр и Искусство», 1900, 4/VI, № 23, стр. 423.

119 Арсений Г. «Снегурочка», «Театр и искусство», 1901, № 1, стр. 6—8.

120 «Русские ведомости» 1900, 3/IX, № 245. «Театр и музыка». Самый отзыв о спектакле см. «Русские ведомости», 1900, 11/IX, № 253, Театр и музыка, и 1900, 14/IX, № 256.

121 В. П. «Снегурочка». «Новости дня», 1900, 10/IX, № 6216. См. также «Новости дня», 1900, 17/IX, № 6223, Театр и музыка; «Новости дня», 1900, 20/13, № 6226, Театр и музыка, и «Новости дня», 1900, 28/IX, № 6234.

122 Старик. Из Москвы. «Театр и искусство», 1900, № 38, стр. 670—671.

123 Н. К. Театр и музыка. «Московские ведомости», 1900, 10/IX, № 250.

124 С. Васильев. Театральная хроника. «Московские ведомости», 1900, 18/IX, № 258.

125 «Театр и искусство», 1900, № 38, стр. 671.

126 — Ф — «Снегурочка», «Новости дня», 1900, 27/IX, № 6233. См. также его статью «Вторая «Снегурочка», «Новости дня», 1900, 25/IX, № 6231. Статья без подписи, но из текста статьи в № 6233 видно, что и статья в № 6231 принадлежит тому же автору.

127 И[гнатов]. Театр и музыка. «Русские ведомости», 1900, 26/IX, № 268.

128 «Новости дня», 1900, 27/IX, № 6233.

129 С. С. Васильев посвятил постановке «Снегурочки» в Художественно-общедоступном театре два фельетона «Театральной хроники» в «Московских ведомостях» 1900 г., 2/X, № 272 и 1900 г., 9/X, № 279. В данном случае см. № 279.

130 Новости дня, 1900, 27/IX, № 6233.

131 Л. Ш. «Без вины виноватые». Спектакль межрайонного колхозно-совхозного театра. «Голос колхозника» (Плавск, Московск. обл.), 1934, 24 ноября.

132 «Московские ведомости», 1900, 2/X, № 272.

133 Кроме упомянутых в тексте статей, назову еще статью П. Ярцева: «Снегурочка» на сцене Художественного театра. (Письмо из Москвы)». «Театр и искусство», 1900, 1/X, № 40, стр. 708—709.

134 Этой постановке посвящены статьи: 1) Ю. Б. [Ю. Беляев] «Русский драматический театр». «Новое время», 1912, 17/IX, № 13117; 2) Н. Тамарин, «Русский драматический театр». «Театр и искусство», 1912, 25/IX, № 39, стр. 737, и 3) Бобрищев-Пушкин, А. В. «Психея и чернильница», «Театр и искусство», 1912, 4/XI, № 45, стр. 877—879.

135 Пермский театр. «Вестник театра», 1921, 4/I, № 78—79, стр. 3.

136 П. К-н. Свободный театр («Снегурочка»). «Театральный бюллетень» (Одесса), 1921, 15/XI, № 6, стр. 13.

137 Г. В. «Снегурочка». «Рабочий путь» (Омск), 1923, 12/IV, № 84 (1134).

138 Н. Ш-нов. Великий Устюг. «Жизнь искусства», 1924, № 22, стр. 18.

139 Белоконь, Н. Колхозно-совхозный театр. «Белгородская правда», 1935, 8 октября.

140 М. Бр-же [М. Бройде]. У П. М. Садовского. «Театр и музыка», 1922, 19/XII, № 12, стр. 308.

141 Новиков, Ив. «Снегурочка» в Малом. «Театр и музыка», 123, № 1—2, стр. 415—417. См. также «Печать о «Снегурочке» в «Программах московских театров и зрелищных предприятий», 1923, 18—30 января, вып. 2—3, стр. 34—37, и вып. 4, стр. 41.

142 Я. Прит. «Снегурочка» (Филиал Ленинградского ТЮЗа) «Ленинградская Правда», 1935, 30 марта.

143 Борис Зон. «Образы весенней сказки. Из режиссерской экспозиции «Снегурочки» в филиале ТЮЗа.» «Рабочий театр», 1935, № 6, стр. 23.

144 Янковский, М. «Снегурочка» в Филиале театра юных зрителей. «Рабочий театр», 1935, № 7, стр. 12—13.

«КОМИК XVII-го СТОЛЕТИЯ»

КОМЕДИЯ В СТИХАХ, В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ С ЭПИЛОГОМ, А. Н. ОСТРОВСКОГО

(Опыт изучения комедии)

В февральской книжке «Отечественных Записок» за 1873 г. напечатана комедия Островского: «Комик XVII-го столетия». Комедия в стихах, в трех действиях, с эпилогом», в первый раз представленная в Москве, в Малом театре 26 октября 1872 г. в бенефис г. Живокини 2-го.

Пьеса эта, несомненно, написана ad hoc, по предложению дирекции императорских театров, по случаю исполнившегося в 1872 г. двухсотлетия со времени рождения Петра I, которое совпадало с возникновением театра на Руси. Научно тогда историю театра при царе Алексее Михайловиче, как известно, разрабатывал Тихонравов. Попытку художественно воссоздать этот момент в истории нашего театра сделал Островский. До известной степени являются справедливыми слова проф. Б. В. Варнеке в его «Истории русского театра» по поводу данной комедии.

«Пьеса эта, — говорит он, — написанная на основании материалов, собранных к двухсотлетнему юбилею русского театра, представляет собою изложенную в драматической форме историю возникновения русского театра при Алексее Михайловиче в Москве» *. Я говорю: «до известной степени» потому, что в этой комедии мы находим не только изложение истории возникновения театра, но и попытку разобраться в психологии лиц, которым пришлось выступать на сцене этого театра в качестве актеров, а также в психологии лиц, их окружающих, короче говоря, попытку показать, как был встречен театр русским обществом. Затем, что касается источников пьесы, то должно иметь в виду, что Островский, как увидим дальше, пользовался не только материалами, собранными к двухсотлетнему юбилею театра, но и некоторыми другими, касающимися не одной только истории театра. Какие же это были источники?

27 сентября 1872 г. Островский писал Бурдину по поводу «Комика XVII столетия»: «...чтобы было для меня хоть 10, если нельзя более, отдельных оттисков. Мне нужны они для подарков тем лицам, от которых я пользовался материалами: Тихонравову, Забелину и, кроме того, еще кой-кому из близких знакомых» **. Итак, в работах двух названных ученых должно искать этих источников. Тихонравов как раз работал над историей первого десятилетия русского театра, и несомненно, что Островский обязан ему сведениями, касающимися именно этой области. Что касается Забелина, то в данном случае драматург пользовался его работой «Домашний быт русских царей и цариц», которая была для него основным источником при создании настоящей его комедии. Следует оговориться, что у Забелина в его книге «Домашний быт русских цариц» Островский мог найти некоторые сведения по истории театра при царе Алексее Михайловиче, но Тихонравов сообщил новые данные, каких у Забелина нет, как напр., сведения о поездке Фан-Стадена за границу за трубачами. У него же драматург узнал и об Юрии Михайлове, «режиссере в труппе Грегори, учителе Якова (героя пьесы) немецкому

---

* Б. В. Варнеке. История русского театра. Изд. 2-е, стр. 548.

** Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма... Стр. 164, № 247.

языку». Но, несомненно, у Забелина дословно взято указание о «рамах перспективного письма», т. е. «декорациях», которое введено Островским в ремарку в начале второго действия комедии *. У него же он прочел, что 22 января 1673 г. царь приказал «над аптекою, что на дворце, в полатах, построить как быть комедийному действу» **, и второе действие комедии, как видно из той же ремарки, происходит в «палате в государевом дворце, над аптекой».

Местом действия в первом акте служит «небольшая, чистая, брусяная светличка, без печи, в доме Перепечиной, на Кисловке». Почему такое точное обозначение даже местности, где находится дом Перепечиной? Объясняется это следующим образом. Перепечина, как значится в ремарке автора, «старая вдова из городового дворянства, золотная мастерица царицыной мастерской палаты». А у Забелина он мог прочитать: «Пятую степень (царицыных женских чинов) занимали мастерицы и ученицы, золотные и белые, т. е. золотошвеи и белошвеи», мужни жены и вдовы и девицы честных и середних чинов дворовых людей, которые делают и шьют золотом и серебром и шелками, с каменьем и жемчугом... Мастерицы и ученицы были жены и дочери дворовых же людей государевых, царицыных детей боярских, сытного и кормового двора стряпчих, подключников, конюхов, подьячих, а иные из городового дворянства». Когда в 1680 г. произведена была поверка их дворовой службы, то оказалось, что «некоторые служили в Светлице лет по 50, напр. Катерина Темирова, Татьяна Перепечина» ***, которая, следовательно, в 1672 г., к которому относится «действие комедии, еще состояла на царицыной службе. По словам того же историка, «царицын младший женский и мужской чин, именно постельницы, мастерицы, портомои, мастеровые люди, дети боярские и пр., был поселен особою слободою, которая была расположена подле Никитского девичьего монастыря, и называлась Кисловкой» ****. Вот почему Островский так точно обозначил место первого действия.

У Забелина почерпнул драматург также сведения о «Постельном крыльце», где разыгрывается эпилог комедии. «Постельное крыльцо», находившееся посреди дворцовых зданий, между приемными большими палатами и жилыми теремными покоями государя, составляло, по словам Забелина, довольно обширную площадь и служило всегда сборным местом для младшего дворянства и приказных людей, имевших надобность быть за чем-либо во дворце. Здесь с утра до вечера толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, дьяки, подьячие разных приказов, иные по службе, дожидаясь начальных людей или решения дел, другие просто из одного любопытства, потому что на «Постельном крыльце» можно было узнать все важные по тогдашнему времени новости. — Там, кроме повседневных дел о тяжбах, исках и т. п., объявлялись царские указы, наиболее касавшиеся всего дворянского сословия, напр., указы о войне и мире, о сборе войска, о военных походах или о роспуске служилых людей по домам и вообще о всех административных и законодательных мерах, предпринимаемых правительством как относительно служилого сословия, так и вообще по делам всей земли» *****. Но этим роль «Постельного крыльца» не ограничивалась. «Здесь, при всегдашнем многолюдстве, без сомнения, нельзя было миновать неприязненных, враждебных столкновений; нередко обоюдное неудовольствие, начатое дома или в другом месте, начатое тяжбою по какому-нибудь делу, высказывалось здесь при встрече соперников» ******. Историк приводит несколько таких тяжебных дел о бесчестьи, на одном из которых впо-

---

* Забелин. Домашний быт русских цариц. М. 1869, стр. 475.
** Там же, стр. 475. См. также «Домашний быт русских царей». М. 1862, стр. 60.
*** Домашний быт русских цариц, стр. 508.
**** Там же, стр. 520.
***** Домашний быт русских царей. М.; 1862, стр. 243, 244.
****** Там же, стр. 248.

следствии нам придется остановиться подробнее. Теперь же отметим, что и в эпилоге пьесы не только читается указ магистру Ягану Готфриду Грегори «учинить комидию», но и некоторые из бояр, Хитрово, Милославский, смеются над Грегори, называя его скоморохом и шутом, что, конечно, подало бы повод русским людям начать дело о бесчестьи. Таким образом, труд Забелина, если и не подсказывал содержание эпилога, то, во всяком случае, заставлял творческую мысль драматурга работать в известном направлении.

Забелин дает еще некоторые указания относительно «Постельного крыльца». По его словам, «у средины теремного здания, тотчас от Спасо-Преображенского собора, лестница вела на Постельное крыльцо с обширною площадью, которая после именовалась боярскою площадкою, потому что здесь обыкновенно собирались и постоянно толпились стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и городовые, полковники и вообще служилое дворянство, или все те, которым дозволен был сюда вход. Стольники, здесь собиравшиеся, в отличие от комнатных (которые по близости к царю могли входить в комнату) назывались площадными. Деревянная преграда отделяла эту площадь от входа в верхние покои государя, а другая каменная от средней площади перед Золотою Среднею Палатою и Сенями Грановитой» *. В другом месте, говоря о том, что для каждого чина в дворце назначалась особая палата, что некоторые чины не могли входить в другие отделения, кроме назначенных, Забелин продолжает: «Особенно строго воспрещалось им ходить за каменную преграду, которая отделяла Постельное крыльцо от площадки, где была лестница в государевы покои, или нынешний теремный дворец. Лестница эта сохранилась доныне на том же самом месте, хотя и в другом виде. Вверху она запиралась медною золоченою решеткою, а внизу ограждалась от других отделений дворца «каменною преградою», за которую и воспрещено было «отнюдь никому не ходить», за исключением одних только судей...» и т. д. **. Этими данными Островский воспользовался для начальной ремарки в первом явлении эпилога: «На авансцене, перед каменной преградой, стоят дворяне, дети боярские, подьячие и прочие служилые люди, которым вход за каменную преграду был воспрещен... За преградой несколько бояр».

Как гласит авторская ремарка в самом начале пьесы, после списка действующих лиц, «действие происходит в 1672 году. Три действия в воскресенье, в петровское заговенье, 2-го июня; эпилог — 4-го июня». А вот что читаем у Забелина: «...мая 30 (1672 г.) государь был неизреченно обрадован рождением сына, царевича Петра — будущего преобразователя. Для Нарышкиной, как и для всех ее родных и приближенных, а стало быть и для Матвеева — это было торжество действительно неизреченное. В тот же день главные из них получили повышение в чинах, и Матвеев вместе с отцом царицы пожалован в окольничие. 2 июня, в воскресенье, в самое заговенье на Петров пост, в Золотой царицыной палате, государь давал боярству и дьякам родинное пиршество, простое, не чиновное, без зову и без мест, то есть с устранением старых чиновничьих порядков столованья. Можно думать, что за этим, так сказать, кабинетным пиршеством, на общем веселии, между разговорами о разных веселостях было вспомянуто и о немецкой комедии и тут же решено устроить комедию во дворце постоянную. И в действительности, на третий же день, как только отошло пиршество с неизбежным похмельем, июня 4 государь указал «иноземцу Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать из библии книгу Эсфирь и для того действа устроить хоромину вновь».

Только что процитированное место дало драматургу не одни лишь даты представления; тут же нашел он и приказ магистру Грегори «учинити

* Там же, стр. 70.
** Там же, стр. 221

комедию», который читается дьяком в эпилоге комедии; здесь же нашел он указание на пир, устроенный царем по случаю рождения царевича Петра, и царские награды по этому случаю, и этим указанием драматург воспользовался. Дочь Перепечиной Наталья, успокаивая Якова, убежавшего из приказа и боявшегося даже, нет ли за ним погони, говорит ему:

«Придумывай еще. Кому-то нужно
Погоню гнать. Беда твоя известна:
Без времени сбежал с приказу, — дело
На ум нейдет, сегодня праздник...»

Отец Якова, подьячий приказа Галицкой чети, Кирил Панкратьевич Кочетов говорит своей будущей свахе, Татьяне Макарьевне Перепечиной:

«Не сглазить бы, счастливый ноне день.
С утра еще я весел; к Артамону
Сергеичу ходил я на поклон,
Поздравствовать. Для радости великой
Окольничим пожалован...» (Д. I, явл. 2).

Кочетов рассказывает о том, как Матвеев хвалил его сына, для которого нашлось дело лучше приказного письма, хотя боярин не сказал, что это за дело. Далее Кочетов продолжает:

«Он сказал бы,
Застал-то я на коротке; к царю
На званый пир родильный снаряжался». (Д. I, явл. 2)

Далее, сам окольничий Матвеев, посмотрев интермедию и обсудив дело об Якове, убежавшем из палаты, заканчивает второе действие комедии словами:

«Приспело время,
Пора итти к царю на званый пир» (Д. II, явл. 7)

Наконец, пришедший в гости к Кочетову подьячий приказа царицыной мастерской палаты Василий Фалалеич Клушин, большой охотник до чарочки, также ссылается на «радость у царя», как на предлог для выпивки:

«Не то, чтоб я любил,
А видишь ты, у государя радость,
Так веселы и слуги. Погляди-ко,
Пьяна Москва от мала до велика,
Бояре пьют с почетом у царя,
Промеж себя дворяне, духовенство
И всякий чин придворный; а подьячий —
Где подчуют его. И всякий пьет,
Где есть вино и где ему придется.
В такие дни и пьется как-то ходко,
Особенно за умною беседой
С приятелем». (Д. III, явл. 4.)

И тот же Клушин, в ответ на тост Кочетова:

«За здравие царя и государя
И матушки-царицы»

отвечает своим тостом, не дав хозяину даже закусить:

«Погоди.
Пожди, постой. Тотчас же по другой
За здравие царевича Петра
Новорожденного». (Д. III, явл. 5.)

О том же Клушине Лопухин говорит:

«Идя сюда, подьячего я встретил,
Как водится для радости царевой,
Изрядно пьян». (Д. II, явл. 3.)

Такие ростки пустила творческая мысль драматурга, толчок которой, надо сознаться, был дан все же Забелиным. Кстати, еще одно замечание для пояснения реплики Клушина о том, что «пьяна Москва от мала до велика». Конечно, Островский знал и без Забелина, что «Руси веселие есть пити». Но у него он все-таки читал следующие строки по этому поводу: «Степенный старческий чин жизни утверждает и оправдывает лишь одно веселье, — предпоставленную трапезу, мерное питие, и, разумеется, строго и беспощадно преследует питие не в меру, пьянственную напасть. Но общество, в котором были заглушены все умственные и поэтические стремления и инстинкты, у которого были отняты, или по крайней мере заподозрены в грехе, все обычные средства веселости, такому обществу совсем не было возможности устоять на мере в единственной узаконенной веселости, в питии. По его понятию именно в пьянстве и заключалось истинное веселие. И в этом оно было совершенно справедливо, ибо что ж другое могло наполнить пустоту его жизни и мысли, украсить его отдых, удовлетворить природной потребности вознаграждать меру труда мерою удовольствия. Честный пир потому и был честен и весел, что все тут напивалися; веселье именно в том и разумелось, чтобы быть пьяным: гости не веселы, следовательно не пьяны и быть на веселе и теперь даже значит быть умеренно пьяным» *.

А вот другое указание Забелина: «Осенью в сентябре (1674 г.) государь справлял две семейные радости: 1 сентября всенародно с подобающим торжеством объявлял сына царевича Федора Алексеевича наследником престола, а с 4 числа праздновал новое рождение царевны Федоры. Пиры по случаю объявления царевича продолжались в течение сентября, 1, 6, 17 чисел; потом был совершен обычный поход к Троице. Празднование родин началось с 1 октября, когда был дан родинный стол, затем 4 окт. новорожденную царевну крестили, а 8 был крестинный стол... Затем развеселившийся государь 21 октября созвал к себе в потешные хоромы на вечернее кушанье все боярство с некоторыми дьяками и даже с своим духовником и угостил гостей на славу, водками, ренским, романеею и всякими разными питиями, пожаловал их своею государскою милостию, напоил их всех пьяных» **. Так же было и на пиру по случаю рождения Петра, и слова, вложенные драматургом в уста Клушину, конечно, вполне правдоподобны.

Как выше уже было сказано, Островский в книге Забелина нашел имя Татьяны Перепечиной. У него же, не говоря об окольничем Матвееве, прочел он и о любимце царя Алексея и его дворецком Богдане Матвеевиче Хитрово *** и о царицыном дворецком Авраме Никитиче Лопухине ****, нашел имена Александра Милославского ***** и Василия Семеновича Волынского ******. У него же нашел он имя подьячего Клушина и даже, как увидим дальше, не одно только имя. Но предварительно сделаем одно замечание. Во II действии, явл. 4-м, Клушин бьет челом Лопухину, которому он был подчинен, как подьячий приказа царицыной мастерской палаты, — бьет челом

«На Якова Матвеева, палаты
Царицыной закройщика».

---

* Там же, стр. 402—403.
** Там же, стр. 479.
*** Там же, стр. 496.
**** Там же, стр. 510.
***** Там же, стр. 169.
****** Там же, стр. 357.

Челобитье его, как он говорит, состояло в следующем:

«Сидел в палате
Сегодня я на месте, где садятся
Подьячие, а он, Матвеев Яков,
За поставцем сидел, где платье шьют,
И молвил мне: «Хорош бы ты подьячий;
«Зачем де пишешь, высуня язык.
«Зайти к тебе с затылка, да ударить,
«И ты себе язык откусишь». В том
И жалоба моя и челобитье». (Д. II, явл. 4.)

Все это взято из приведенного Забелиным следующего документа среди тех дел по жалобам, разбиравшимся на Постельном крыльце, о которых мною было раньше упомянуто: «В 1693 г. августа 3 бил челом государям мастерской палаты государынь цариц и царевен подьячий Василий Клушин. Сего де числа был он в мастерской палате, где они подьячие садятся; и в то де число пришел в мастерскую палату закройщик Яков Матвеев и сидел за поставцем, где делают платье. И издеваясь, говорил ему, Василью: добр де подьячий, да язык высуня пишет; еслиб де я шол и сзади его ударил, и язык де бы ему пришиб. И иные многие издевочные слова ему говорил» *... Допрошенный Яков Матвеев сознался, что приведенные выше слова он говорил. Почти дословно использовав свой источник, Островский только событие, имевшее место в 1693 г., перенес в 1672 г., что вполне допустимо с точки зрения правды художественной.

Относительно указанного документа можно думать, что он в значительной степени подсказал драматургу образ этого неудачливого подьячего, который сам себя характеризует словами:

«Кому жена, да радость, да веселье,
А Клушину в чужом пиру похмелье». (Д. III, явл. 9.)

Возвратимся на несколько времени к Татьяне Макарьевне Перепечиной. Это — ловкая и проворная, что называется, оборотистая женщина, хотя теперь уже и старушка: она и за рядную будет торговаться, своего не упустит, и к боярину Лопухину сумеет во время забежать, чтобы предупредить сватовство Клушина. Дочка ее пошла по маменьке, пожалуй, еще хитрее и изворотливее, как выходит по пьесе. Послушаем, что говорит она о себе. Когда Яков боится, что не быть ей за ним замужем, если дознаются, что он комедиант, она уверенно отвечает:

«Возьмусь за ум, так буду, не печалься.
У нас вверху, у мастериц золотных,
Обучишься уму, — такая служба,
В котле кипим. Одна другой хитрее,
И все-то мы такие пройдохи,
Что ты в Москве со свечкой не найдешь». (Д. I, явл. 4.)

Почему же Островский придал обеим Перепечиным, матери и дочери, такой характер. Тут также не обошлось без своего рода влияния И. Е. Забелина. В главе «Царицын дворовый чин» он в заключение приводит несколько сыскных дел и челобитных, «обрисовывающих отчасти дворцовый Верх, а по преимуществу дворцовый Низ, то есть младшую среду дворцовой службы и ее житейских отношений» **. Вот дело о мышьяке, принесенном в светлицу сестрой золотной мастерицы Антониды Чашниковой, которая показывала на свою мать и сестру. Замешанные в дело мастерицы «у пытки сказали, что они виноваты в том, как велели мышьяк исторопясь сокольею солью заменить, а тот был у них мышьяк принесен в Верх с проста, а лихова у них никакова умышленья не бы-

* Домашний быт русских царей, М. 1862, стр. 287.
** Домашний быт русских цариц, М. 1869, стр. 522, см. также и следующ.

вало». Через пять лет после этого (в 1635 г.) сама Антонида Чашникова попала под розыск. Она выронила нечаянно у мастериц в палате, т. е. в светлице, где все они работали, платок, а в том платке «заверчен корень неведомо какой». Начался розыск. На расспросе, произведенном дьяком, она ответила, что тот корень не лихой, а носит его она с собою от сердечныя болезни, что сердцем больна. Но потом, когда дьяк стал спрашивать со всякою пригрозою, Чашникова повинилась и сказала: «Ходит де в царицыну слободу, в Кисловку, к государевым мастерицам к Авдотье Ярышкине и к иным жонка, зовут ее Танькою; она де той жонке била челом, что до нее муж лих и она ей дала той корень положить на зеркальное стекло, да в то зеркало смотреться и до нее де будет муж добр». Виновные Чашникова и Танька с мужьями своими были высланы из Москвы. Через три года (в 1638 г.) возникло дело о «колдовстве на царицын след», в котором были замешаны упомянутая Авдотья Ярышкина, Дарья Ламанова (тоже мастерица) и их подруги. Упомянем еще несколько дел. Вот дело о «посмешном слове постельниц», о «похвальбе царицыным жалованным челобитьем», об «обмане в свадьбе царицыным жалованным словом»; вот «челобитье на поругательницу жену»; вот «дело комнатной бабки, укравшей горсть соли», и т. д. Если не во всех этих делах, то в большинстве действующими лицами являются мастерицы из царицыной палаты. Можно думать, что эти дела и подсказали драматургу характер Перепечиных, матери и дочери.

Мать после сватовства Кочетовых к Наталье спешит к Абраму Никитичу Лопухину.

«Объявить
Про сватанье. Царица обещала
К приданому прибавку, коль найдется
Жених тебе хороший». (Д. I, явл. 7.)

Эти ее слова можно сопоставить со следующими показателями «Материалов» у Забелина: «134 г. генв. 3 по государеву имянному приказу Петру Яков. Безобразову дочери его на приданое 20 руб.» «...перина и пух государыня царица пожаловала за девкою Мариею Стрешневою, как она выдала за муж» *.

Кстати отметим, что такого рода подробности, как названия одежды, мебели и т. п., несомненно, взяты Островским у Забелина.

В уста Клушина драматург влагает, между прочим, следующие слова, сказанные им старухе Кочетовой, когда та стала попрекать его, что он долго не бывал у них:

«Видишь,
Дела у нас. Царица молодая
Повеселей живет. Ее дворецкий,
Абрам Никитич Лопухин, покою
Не знает сам, да не дает и нам,
Во всем дворце у всех теперь работы
Прибавилось; то новых нянек, мамок
Готовили, а вот теперь родины,
Так некогда, не обессудь». (Д. III, явл. 4.)

Нам уже известно, что от Забелина узнал драматург о царицыном дворецком, о рождении Петра. У него же прочитал он и следующие строки о царице: «Рассказывают (Берх), что молодая царица была очень веселого нрава и весьма охотно предавалась разным увеселениям, а потому царь, страстно ее любивший, старался доставлять ей всевозможные удовольствия» **. Здесь мы опять ясно видим, как работала творческая мысль Островского. Он не ограничивался данными, которые находил у историка, но придумывал новые подробности, как здесь о за-

* Там же, материал, стр. 116 и 128.

** Там же, стр. 468.

ботах и хлопотах Лопухина, и, комбинируя вышеизложенное с вычитанным, создавал яркие и правдоподобные картины жизни того времени, в которых не различишь, где вымысел, где подлинная действительность.

Цитированными словами Клушина не ограничивается сказанное о царице в пьесе. Матвеев, беседуя с Грегори о постановке комедии «Эсфирь», между прочим, замечает:

«Для матушки-царицы
Библейская Эсфирь по сердцу будет». (Д. II, явл. 3.)

А как раз Забелин, пересказав подробно библейский рассказ и припоминая историю царского брака на Нарышкиной, развивает мысль, что роль Эсфири походила на роль царицы Натальи во время ее избрания в невесты: «История о Эсфири давала довольно намеков на современные дворские отношения так, как роль Мардохея на роль ее родственника и воспитателя Матвеева. Кто указывал на Амана, неизвестно, — продолжает историк, — но Матвеев прямо мог думать о Богдане Хитрово, царском дворецком и тогдашнем любимце царя Алексея, как это рассказывается записками о таких отношениях его сына Андрея Матвеева. Очень понятно, сколько сама царица Наталья интересовалась представлением такой комедии» *.

Только что приведенный отрывок отразился еще в другом месте, в речах того же Матвеева. После бегства Якова Кочетова по окончании интермедии, обсуждая вопрос, как же быть, Матвеев говорит Грегори:

«Ну, как же
Помочь беде? Помехи, вижу, много
Со всех сторон: кто с умыслом, кто с просту
Мутит народ, по всей Москве разносит,
Что будто мы готовим государю
Бесовскую потеху. Не уймешь
Народную молву, пока не скажешь
С постельного крыльца, что действо будет
Из библии, Эсфирь».

Затем, отведя Лопухина в сторону, продолжает:

«Да не нажить бы
Себе беду другую, горше первой!
Указывать на Мардохея будут,
Отыскивать Амана меж собой». (Д. II, явл. 7.)

Как видим, в последних строках наблюдается полное соответствие с сказанным у Забелина. Что касается слов Матвеева к Грегори, то такого полного соответствия им у Забелина не находится. Но некоторую параллель им у него все-таки можно указать. В рассказе о женитьбе царя Алексея Михайловича он упоминает и о тех подметных письмах, которые были найдены во дворце во время вторичных смотрин царем невест, и об интриге, которая, несомненно, велась тогда против Матвеева. Этот рассказ опять-таки заставлял работать мысль драматурга в известном направлении, как бы подсказывая ему, что новая забава, которая готовилась царю и строго осуждалась придерживавшимися старины русскими людьми, как бесовская потеха, была прекрасным предлогом смуты и народной молвы, направленной в конце концов против того же Матвеева. Этот последний изображен Островским, согласно историческим данным, как сторонник новизны: он в своем дому заводится музыкой сладкогласной и в уста его драматург очень удачно влагает апологию театральных представлений. Указывая Лопухину на то, что «комидию для чести государевой иметь давно пора», он продолжает:

«Абрам Никитич! Как ты полагаешь,
Для царской ли забавы лишь годна

* Там же, стр. 473.

Комидия? Для русского народа,
Для всех чинов и званий, — от посадских
До нас, бояр, не мало пользы в ней.
Не стыд ли нам, не грех ли потешаться
Калечеством, убожеством людским!
На дураков смеемся; эко диво,
Что глуп дурак! А разве то умнее:
Сберем шутов, сведем их в кучу, дразним,
Как диких псов, пока не раздерутся,
И тешимся руганьем срамословным
И дракою кровавой. То ль забавы
Бояр, думцов, правителей земли?
А наших жен, боярынь, пированья!
Глядеть-то срам. От сытного обеда,
От полных чар медов стоялых, встанут
Алехоньки, как маковы цветочки,
По лавочкам усядутся рядком,
Велят пустить шутих, бабенок скверных,
И тешатся бесстыжим их пляcаньем
С вихляньем спин, и песнями срамными.
И чем срамней, тем лучше, тем угодней
Боярыням. И сами бы пошли,
Да совестно, а плечи так и ходят,
И каблуки стучат, и громкий хохот
Дебелые колышет телеса.
А дочери на те потехи глядя,
С младенчества девичий стыд теряют,
И с бабами и девками сенными
Без матери изрядно спирю пляшут.
Пора сменить шутов, шутих и дур
Неистовства на действа комедийны.
Подьячего винят за пьянство; разве
Без чарки он, без хмельного питья
Найдет себе веселье? Вековечным
Обычаем указаны ему:
По праздникам попойки круговые
С задорными речами, с бранью, с боем
И на три дня тяжелое похмелье.
За что ж винить его! Иных приятств,
Иных бесед, речей и обиходов
Не знает он»... и т. д. (Д. II, явл. 3.)

Апология эта, как видим, в значительной своей части представляет сатиру на древнерусские забавы и потехи, между прочим, драку шутов, бесстыжую пляску шутих, пьянство подьячих. Относительно последнего у нас уже была речь: мы видели, что в описании его источником был Забелин. А потому теперь мы остановимся только на двух первых. Забелин обстоятельно рассказывает о том, какую роль в потехах древнерусского общества играл дурак, шут: «Должно полагать, — замечает историк, — что одни из них бывали в действительности идиоты, умственные уроды, помешанные, безумные, содержимые в домах как редкость, как игра природы, забавная наравне с карликами, говорящими попугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, каких не всякий видал» *. И дальше приводятся слова Брюина, который, замечая вообще о наших допетровских удовольствиях, говорит, между прочим, что «Русские веселятся с каким-то зверским удовольствием зрелищем людей умалишенных и разных калек и уродов, особенно, когда оные находятся в опьянелом состоянии». И в соответствии этим словам Островский говорит:

* Домашний быт русских цариц. М. 1869, стр. 369.

«Не стыд ли нам, не грех ли потешаться
Калечеством, убожеством людским!»

Что касается «бесстыжего плясанья» шутих «с вихляньем спин и песнями срамными», то и тут находим соответствие у Забелина. Говоря о запрещении мирских утех, он приводит в извлечении обращение игумена Елизарова монастыря Панфилея к градским властям Пскова, где описываются беззаконные игрища, какие происходили там по случаю праздника Рождества Иоанна Предтечи, 24 июня. «Встучит бо град сей и возгремят в нем людие, — читаем мы там, — ...стучат бубны и глас сопелий и гудут струны. Женам же и девам плескание и плясание, и главам их покивание, устам их неприязнен клич и вопль, все скверные песни, и хребтам их виляние, и ногам их скакание и топтание; то же есть мужем же и отроком прельщение и падение; но яко на женское и девическое шатание и возрение, тако и женам мужатым, беззаконное осквернение, тоже и девам растление...»

Наконец, остановимся еще раз на речах Забелина о пьянстве в древней Руси. «Мирская трапеза, — говорит, — начиналась степенным питием, а оканчивалась всегда неистовым пьянством, по той простой причине, что за отсутствием более тонких форм удовольствия, оно по необходимости становилось единственным исключительным удовольствием и весельем. Таким образом, пьянственную напасть, как потребность веселья, могли остановить не обличения, а свободное развитие умственных и эстетических потребностей общества, свободное развитие его поэтического творчества, как особенно в литературе, так и вообще в остальной области искусства» *. И Матвеев у Островского, как средство против пьянства, предлагает:

«Комидию, где хитрым измышленьем
И мудростью представлены, как в-явь,
Царей, вельмож, великих полководцев,
Философов дела и обхожденья».

По его мнению, «и дум и чувств изведав благородство», подьячий «весельем бесчинства не почтет». (Д. II, явл. 3.)

Вот те сближения, которые сами приходят в голову, когда читаешь комедию Островского параллельно с трудом Забелина. Можно еще сделать одно замечание, хотя предварительно приходится оговориться, что здесь вопрос несколько осложняется. Дело в том, что, характеризуя древнерусское общество, Забелин выясняет роль Домостроя в жизни этого общества, выясняет домостроевский уклад этой жизни. Но и Островский в своей комедии как раз изображает типичную домостроевскую семью. Не следует, однако, думать, что драматург здесь шел исключительно по стопам историка, что он лично не был знаком с таким памятником, как Домострой. Что он знал его, это уже известно. Но, кроме того, и в настоящей комедии цитата из Домостроя, вложенная в уста Кочетова, сделана непосредственно из самого памятника. Правда, у Забелина тоже цитировано это место, но некоторых строк, приведенных в комедии, у него нет.

Кроме исследования Тихонравова по истории начального периода русского театра, широко использованного труда Забелина и Домостроя, легко указать еще один источник, которым воспользовался драматург в своем «Комике XVII столетия». Во II действии комедии ученики Грегори разыгрывают «proludium» «Цыган и лекарь». Несомненно, что Островский имел какой-нибудь текст этой интермедии, который и переложил в стихи. В «Летописи русской литературы и древности» 1859 г., кн. III, Н. С. Тихонравов напечатал «Интермедии или междувброшенные забавные игралища», из которых «proludium secundum» и представляет нашу сцену цыгана с лекарем. Только нужно иметь в виду, что язык этого интерлюдия южнорусский, и, таким образом, Островскому приходилось не только перела-

* Там же, стр. 404—405.

гать в стихи стихотворный же текст, но и переделывать самый язык. Но кажется наиболее вероятным, что именнно этот текст и послужил источником драматургу. Выше уже было упомянуто, что материалами снабжали его Забелин и Тихонравов. Но среди рукописей Забелина этой интермедии не имеется. Естественно, что текст ее дал ему Тихонравов, так как неизвестно, чтобы Островский имел свою собственную рукопись этой интермедии. Но в таком случае вполне естественно, что драматург пользовался именно указанным печатным текстом.

Сопоставление текстов Островского и Тихонравова также свидетельствует об этом. Возьмем для примера хотя бы один отрывок.

Цыг. Коли люди чули, чтоб цыгане с
голоду пропадали,
А мы уже таких веков, бедные, дождали,
Хоть добре шалберовать умеем,
Хоть лучших над цыганов и незлодеев.
Однакож теперь приходит с голоду пропасти:
Робити не хочется и негде чего украсти.
Коликий день не бувало во рте куска хлеба.
Гибну, умираю, як на сухом песку рыба.
Спробую другого еще счастия: голод чи не переснится,
Албо что доброе во сне приснится.

Цыган.
Чахбей, чахбей!
Когда ж люди видали,
Чтоб цыгане с голоду пропадали!
А уж я ныне того дождался,
До самого нельзя-вплоть домотался.
Такая, право, забота:
Работать не берет охота,
А бродишь день до вечера
И украсть тебе нечего.
Нашла на меня напасть,
Приходит с голоду пропасть,
И стал я без хлеба в тоске,
Как без воды рыба на песке.
Да что ж я, сдуру, стою да плачу
Лягу-ко я спать на удачу!
Уж либо голод переснится,
Либо что съестное приснится.

«Комик XVII столетия». Д. II, явл. 5.

Как видим, в тексте Островского встречаем очень немногое, чего бы не было в тексте интерлюдия. Слова: «чахбей, чахбей», которых нет в этом последнем, взяты, очевидно, из Proludium primum *. Но при переделке, какой подвергся в данном случае текст старинного интерлюдия, вряд ли можно требовать большего сходства.

Мы указали материалы, которыми пользовался Островский для своей комедии. Основным источником для него служил труд И. Е. Забелина: «Домашний быт русских царей и цариц». Сошлись два бытописателя старинной русской жизни, ученый и художник. Труд ученого заменял для художника свои собственные наблюдения: научное исследование познакомило его со всем укладом тогдашней жизни, с теми бытовыми подробно-

* Текст предшествующего интерлюдия у Тихонравова напечатан, но только нет обозначения, что это proludium primum. Среди действующих лиц есть там и цыган, и его монолог начинается словами: «чахбей, чахбей, чахбей» (Летоп., 1859, кн. 3, стр. 33).

9*

стями, которые так дороги для художника. Пользуясь этим материалом, драматург создавал яркие картины русской жизни XVII века.

Посмотрим же теперь, как шла его работа над созданием данной комедии.

II. РУКОПИСНЫЙ ТЕКСТ КОМЕДИИ

С этой работой нас может познакомить черновая рукопись комедии, хранящаяся в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина под № 3095. Это тетрадь в лист, в 52 листа, в том числе несколько четвертушек. Писана она по большей части карандашом, только 8 листов да одна четвертушка чернилами.

Как показывают авторские пометы, начата комедия 2 марта, а кончена 9 сентября 1872 г. Задумана она была, вероятно, раньше. Таким образом, самая работа над комедией продолжалась с небольшим полгода.

На 1-м листе находится такое заглавие пьесы:

«Комик XVII-го столетия,

Комедия в IV действиях. С прологом.

Пролог.

Постельное крыльцо.

(4 июня 1672 года)».

Но нужно иметь в виду, что цифра IV поставлена впоследствии и что слова: «С прологом. Пролог. Постельное крыльцо» тщательно зачеркнуты. Таким образом, автор сам сначала не знал, во сколько актов будет его пьеса, и начал ее прологом, который потом стал эпилогом. Что касается пролога, то был написан только список лиц, причем по именам названы только трое: окольничий Артемон Сергеевич Матвеев, затем Богдан Хитрово, причем для отчества Хитрово оставлен пробел и, наконец, Иоган Готфрид Грегори, аптекарь дворцовой аптеки. Кроме того, должны были участвовать трое бояр, три дьяка (имена тех и других не названы), а также жильцы, дворяне, дети боярские, дворцовая прислуга. На этом, повидимому, работа над прологом в это время и остановилась *.

Затем автор приступил к I действию (печатное III), и на обратной странице 1-го листа помещен список лиц этого действия, причем по имени назван только Василий Клушин, подьячий приказа царицыной мастерской палаты, да и то его имя, судя по почерку, приписано потом, да кроме того, несколько сбоку вписано имя Абрама Никитича Лопухина, которого и нет в числе действующих лиц этого действия. Затем первоначально у Клушина была жена, но потом, очевидно, в то самое время, когда создавался этот список, слово «Жена» было зачеркнуто. Помимо упомянутых лиц, указаны еще подьячий приказа Галицкой чети, его жена, его сын, писец Посольского приказа, вдова, царицына золотная мастерица, ее дочь и, наконец, слуга, все без имен.

Из этих набросков, мне думается, ясно видно, что, так сказать, исходным пунктом для драматурга была работа Забелина: все эти данные заимствованы у последнего. Затем первоначально автор думал лишь о сватовстве Якова, и только в то самое время, когда создавался список действующих лиц I действия, он задумал этому сватовству противопоставить сватовство Клушина, и за указанным списком идет следующий любопытный набросок как бы сценария 1-го явления. «Клушин и подьячий. О сатире, потом просит сына в дружки и говорит о намерении жениться. — Отец говорит о его ученьи. Показывает писанье. — Ищет, мать говорит: вот что-то он прятал» **.

* Дальше, до конца первой страницы 1-го листа идут наброски разговора Якова и Татьяны Перепечиной во 2-м явлении 1-го действия (печатного).

** В последней фразе знаков препинания в рукописи нет, и они расставлены мною. После этого сценария до конца страницы, равно как на первой странице 2-го листа, идут разные наброски.

После этого драматург, повидимому, приступил к работе над текстом этого I действия и написал 4 явления (теперь 2—5-е явления печатного текста), может быть, даже переписал их, но уже в то время, когда переписывал их, он уже не решился отнести их к I действию, а просто назвал: «Сцена из пьесы: «Комик XVII столетия». Поэтому неудивительно, что он оставил работу над текстом названного действия, снова задумался над ходом действия всей пьесы, и в результате этого, быть может, явился следующий сценарий, помещенный на второй странице 2-го листа: «1. Сватовство. 2. Аптека. 3. У Кочетова. 4. Двор. 5. Постельное крыльцо»; причем, повидимому, тут же автор набрасывает конец 5-й сцены: «Последние слова». Написав этот сценарий, Островский, надо полагать, начинает его разрабатывать, и предварительно между сценами 4-й и 5-й вставляет новую 5-ю сцену: «У мастериц», причем прежняя цифра 5 исправлена на 3, но потом новая 5-я сцена: «У мастериц», зачеркнута, хотя цифра 6 так и осталась, а рядом со словом: «Двор», немного выше слов: «у мастериц», приписано: «и заднее крыльцо».

Что касается первой сцены: «Сватовство», то нужно думать, что это была уже новая сцена, сватовство Якова, а не Клушина; это можно заключить из следующего наброска, написанного сбоку, справа от указанного сценария: «Разговор. Поклон детей. — Сватовство, уходят — смотреть приданое. — [Сцена детей] *. Приходят. Что вы врозь. — Ссорятся. Что вы вместе. — Мирятся. Что вы врозь. Ссорятся. Что вы вместе. Уходят: Приходит Клушин. Безобразие»: «Поминки по муже», причем она отнесена к 1-й сцене». «Сватовство».

Затем слева от общего сценария помещен такой сценарий 2-й сцены: «1. Ребята. 2. Немец. 3. Матвеев. 4. Интермедия. 5. Без Матвеева. Кочетов бежит. 6. Матвеев». Это опять-таки уже сценарий теперешнего II действия, нет только одного явления (печатного 4-го), именно челобитья Клушина Лопухину. Вполне понятно, почему его нет в этом действии. Оно входило в 4-ю сцену: «Двор и заднее крыльцо», как показывает следующий набросок ее сценария: «Боярыня Хитрая и Клушин». Лопухин и Клушин **. Казначея с жалобой. Две девки, Хитрая и Лопухин. Лопухин и Матвеев и Кочетов Яков. — Матвеев».

Когда были набросаны эти сценарии? Так как 4-я сцена совершенно выброшена, текста ее Островский даже и не начинал писать, то вполне естественно предположить, что упомянутые сценарии были составлены после того, как драматург набросал вышеуказанные четыре явления предполагаемого I (теперь III) действия, и перед тем, как он приступил вновь к писанию текста.

Теперь мы посмотрим, как создавался текст каждого акта. Текст I действия, как увидим, тоже как раз подтверждает только что высказанное предположение. Содержание этого акта в его законченном виде сводится к следующему.

В светлицу дома Перепечиной, где хозяйская дочь Наталья накрывает стол скатертью и расставляет на нем разные сласти, вбегает Яков Кочетов, молодой писец, не помнящий себя от страха. Не успели они сказать друг другу нескольких слов, в комнату входят родители обоих молодых людей, вставши, очевидно, из-за стола после обильного угощения. Хозяйка, в свою очередь, предлагает закусить и Якову, который отказывается. После этого Кочетов-отец начинает рассказ о своем посещении Матвеева с целью поздравить его с новым царским пожалованием в сан окольничего, передает хвалебный отзыв боярина об Якове. Разговор переходит на другую тему, касаясь службы последнего, который как раз из-за нее и испытывает свой страх: он охотой пошел в науку к Грегори обучаться

---

* Поставленное в скобки надписано сверху.

** Над словами: «Боярыня Хитрая и Клушин» поставлена цифра 2, над «Лопухин и Клушин» цифра 1, т. е. явления переставлены одно на место другого. Затем после фамилии Клушин (во 2-й раз) приписано: «Ты пьяница. Кафтан и сапоги снимали».

какому-то неслыханному действу, а оказалось, что он попал, как он говорит, в скоморохи, т. е. актеры. Ясно, что Яков не может этого открыто сказать своему отцу и только намекает на то, что неизвестно, какую службу могут ему назначить. Затем начинается сватовство, и в то время как старшие уходят в избу смотреть приданое, Яков сообщает Наталье о постигшей его беде и о своем намерении беганьем спасаться от этой службы. Сватовство не кончилось ничем, ибо старики не сошлись в приданом. Между тем приходит Юрий Михайлов, режиссер в труппе Грегори и учитель Якова немецкому языку, приходит именно за Яковом, которого и уводит с собой. Оставшись вдвоем с дочерью, Перепечина начинает сбираться, чтобы итти к боярину Лопухину сообщить о сватовстве, так как царица обещала прибавку к приданому, если найдется Наталье хороший жених. Яков именно такой жених, которого не за что покаять. То же, что они не сошлись в приданом, ничего не значит: побранятся еще разок, другой и сладят дело. Тем временем приходит пьяный подьячий Клушин, которому сама старуха Перепечина не хочет и показываться, дочери же, конечно, по понятиям того времени, неудобно было его принимать, и Клушин успевает только сказать, что он пришлет свата хорошего, Лопухина боярина, и это заставляет Перепечину спешить к боярину с поклоном, чтобы подьячишко не забежал вперед и не наделал хлопот.

Первоначальный текст I акта начинается приходом стариков в светлицу: эта сцена названа в рукописи явлением 1-м, всех явлений в этом действии было 8, а не 9, как теперь. Не было именно теперешнего 1-го явления, т. е. первоначальный текст вполне соответствует вышеуказанному сценарию, иными словами, этот сценарий составлен перед тем, как автор принялся за текст. Далее, так как в рукописи последнее явление первого акта обозначено цифрой 8, а всех их в этом действии 9, то, следовательно, уже после того, как текст всего акта был окончен, он подвергся переделке, которая состояла в том, что прежде всего было прибавлено новое явление, т. е. сцена Натальи и Якова. Поэтому вполне естественно, что в первоначальном 1-м явлении не было диалога Перепечиной с Яковом, в котором она предлагает последнему закусить.

Есть одна любопытная подробность в рукописном тексте этого явления. Разговор о деле, которое предстоит Якову, долго не давался автору: он много труда потратил прежде, чем удовлетворился результатом. Среди зачеркнутого в тексте обращают на себя внимание следующие реплики Кочетовых, Якова и его отца:

«Яков. Несут молву, что для некакой потехи царской
Неведомой окольничий Матвеев
[Сгонять велел] подьячих молодых
В потешную палату.
Кочетов. Эта служба
Не хитрая: охотников найдется
Хоть пруд пруди; да чести в ней немного
нисколько,
А грех велик.
Яков. . . . .* Охотников не ищут.
В потешную сбивают силой: жизни
Своей не рад, брожу, как полоумный.
Навяжут мне невесть какую службу».

Итак, на основании цитированных реплик выходило, что Матвеев силой велел набрать комедиантов из подьячих; поневоле попал в их число и Яков. Это совершенно противоречит окончательному тексту комедии. Теперь Матвеев велит, наоборот, отвести Якова к отцу, а относительно Якова дело представлено так, что он охотой пошел в науку к

* Тут пропущена неинтересная в данном случае реплика Якова: «У прочих потентатов»... и т. д.

Грегори, и это, должно заметить, более подходит к этому типу. Таким образом, личность Якова не вся сложилась у автора сразу: одна очень любопытная и важная черта выработалась только постепенно.

По рукописи можно далее точно определить, когда произошла эта перемена во взглядах автора на личность Якова. Приведенные выше реплики Кочетовых автор зачеркнул, и разговор о службе Якова поднимается в 3-м (теперь 4-м) явлении, у самого Якова с Натальей. Должно заметить, что текст этого явления также нелегко давался драматургу. Так, длинная реплика Якова

«Тебе известно
Житье мое проклятое, из дома
Ни в праздник мне, ни в будни ходу нет...» и т. д.

сложилась после того, как сделаны были два наброска, из которых каждый, в свою очередь, подвергался тщательной обработке, и автор, недовольный тем и другим, в третий раз принялся за эту реплику. И вот в первом из упомянутых набросков снова повторяется мысль о том, что Яков неволей попал в службу.

«Вот видишь ли, — говорит он Наталье, — [Господним
попущеньем] *
[безвинно я страдаю] **
Моей вины и моего хотенья
Нисколько тут, ни на волос: забитый, ***
За[пуганный] ****, как
[крыса из подполья] *****
[На божий свет] ****** [поглядывал, боялся] *******
Родителей, учителей и старших
И сверстников, бояр и челядинцев.
На свете нет, чего б я не боялся,
Над книгой замореный».

Но во втором наброске и в окончательном тексте этой реплики выражающих указанную мысль слов:

«Моей вины и моего хотенья
Нисколько тут, ни на волос»

уже нет, но они повторяются дальше, когда после заключительных слов этой реплики Якова: «Чего мне ждать, когда узнает он» (т. е. отец), Наталья спрашивает его: «О чем», и Яков отвечает:

«О лютом окаянстве.
Моей вины и моего хотенья
Нисколько тут, ни на волос.
Крестись. Попал я в скоморохи».

Как будто неудовлетворенный этим, автор заставил Якова далее говорить Наталье:

---

* Поставленное в скобки зачеркнуто.

** Поставленное в скобки подписано снизу строки, причем над словом «страдаю» надписано «пропадаю».

*** Над этим словом надписано: «ты знаешь».

**** Поставленное в скобки зачеркнуто, а сверху надписано: «стращеный», т. е. получилось: «застращеный».

***** Над поставленным в скобки надписано: «заяц из куста».

****** Над поставленным в скобки надписано: «со страхом я», а под словом «Божий» подписано: «вольный».

******* Первоначально было: «На божий свет глядел я», потом два последних слова зачеркнуты и подписано, как теперь: «поглядывал, боялся». Затем «поглядывал» переделано в «выглядывал».

«Службу дали такую мне,
Такую мне, что хуже скоморошьей,
Заставили насильно из-под палки».

Теперь же (в печатном тексте) дело представляется так:

«Спросили нас, подьячих молодых (говорит Яков Наталье)
Не хочет ли который обучаться
В аптекарской палате у Грегори
Какому-то неслыханному действу;
Охотники нашлись, и я за ними,
Да с дуру-то и продал душу чорту». (Д. I, явл. 4.)

В первоначальном тексте рукописного 3-го явления в соответствующем месте этой реплики нет; она вставлена впоследствии и в другом месте. Где же? В этом явлении есть, между прочим, такой разговор Натальи с Яковом:

«Наталья. В чем служба-то твоя, и как зовется,
Скажи ты мне на милость!
Яков. Как зовется,
Не знаю сам покуда. Действом, либо
Игрой какой, — мудреное прозвание.
Наталья. А весело?
Яков. Да так-то хорошо,
Что кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью».

В первоначальном тексте на первый вопрос Натальи Яков отвечал:

«Как зовется
Не знаю сам покуда, знаю только,
Что [если бы] * не страх [кабы] ** не грех пред Богом,
Не страх отца, я с ней бы не расстался
Веселая и легкая работа
По сердцу мне пришлась. [Кто] раз [увидит] ***
[В век ее не позабудет, ночью] ****
Мерещится тебе,
Как в очию».

После этой реплики, заканчивающей 39-й лист рукописи, на 40-м листе идет реплика Якова:

«Вот недавно
Спросили нас, подьячих молодых...»

и так далее, совершенно согласно с печатным текстом. Таким образом, когда автор пришел к вопросу о том, нравится или не нравится Якову та новая служба, на которую его определили, и когда автор решил его в положительном смысле, в тот же момент он вновь задумался над вопросом о том, как лучше сделать, заставить ли Якова добровольно пойти на эту службу или представить дело так, что его силой затащили на нее. Вопрос, таким образом, перерешен автором в смысле добровольного поступления, но при этом отметим чрезвычайно художествен-

---

* Над «если бы» надписано «кабы».

** «Кабы» надписано сверху.

*** Поставленное в скобки в этой строке зачеркнуто, а сверху надписано: «увидишь».

**** Эта строка вся зачеркнута, а между строк вставлено: «Никак от ней не оторвешься. Ночью».

ную подробность, введенную драматургом: Яков хотя и добровольно согласился, но не представлял ясно, что это будет за служба, и, узнав ее покороче, испугался и в силу своих собственных убеждений и страха ради отцовского проклятья. Вот в результате какого процесса сложился у драматурга образ Якова. В остальном текст I действия интереса не представляет.

II действие происходит в аптекарской палате во дворце. Юрий Михайлов приводит Якова. Сотоварищи последнего окружают его, шутят над ним, разговаривают про его житье-бытье и просят представить, как его отец читает Домострой. Яков, сначала угрюмый, в конце концов уступает их просьбам. Затем появляется Грегори, делающий замечание Якову, Матвеев, Лопухин. Речь идет о готовящемся спектакле, об «Эсфири». Матвеев произносит длинный монолог в защиту театра. Далее подьячий Клушин излагает свое челобитье Лопухину на обидевшего его «Якова Матвеева, палаты царицыной закройщика» и просит боярина быть его сватом. Клушина оставляют в палате, чтобы он посмотрел представление, которое и заполняет следующую сцену. Дается proludium «Цыган и лекарь». Клушин все время вмешивается в ход действия, и в конце концов его выгоняют вон. Пользуясь суматохой, убегает снова Яков. Матвеев приказывает Юрию Михайловичу отыскать его и отвести к отцу. Грегори заявляет, что без Якова не может исполняться «Эсфирь». Михайлов берется уладить дело и добиться, что старик Кочетов сам приведет сына.

Так как Островский приступил к писанию текста, уже выработав сценарий, то в смысле развития действия текст II акта не представляет никаких особенностей, за исключением, пожалуй, одной и то не очень важной, состоящей в том, что монолог Матвеева в защиту театра был как бы вставлен в диалог Клушина с Лопухиным, именно между челобитьем Клушина и его просьбой к боярину быть сватом. Затем, конечно, монолог был перенесен в предшествующее явление, где он более к месту.

Рукописный текст данного действия любопытен в другом отношении. В начале действия обычно помещается список лиц, очень часто составляемый уже по окончании всего акта. Здесь этого списка нет. А в самом тексте Юрий Михайлов был сначала назван Виктор Михайлов. Исправлено, повидимому, впоследствии, хотя в тексте первого явления имя Юрия встречается еще не раз; можно думать, что первоначально в этих случаях стояло не имя Юрия, а цифра 1, и потом из нее сделано «Юр», так как в одном случае даже эта цифра так и осталась, а сбоку на свободном месте приписано: «Юр. Мих», т. е. Юрий Михайлов. Затем во 2-м явлении в списке лиц перед текстом и в заключительной ремарке автора снова сказано: «Виктор». В явлении 6-м он назван Михайлов, и только в последнем явлении этого действия на листке 26-м стоит Ю., т. е. Юрий. Каким образом случилось, что в I акте это лицо правильно названо Юрий, а во II ошибочно Виктор? Естественно предположить, что II акт писался ранее I. В этом вообще нет ничего невероятного, так как сценарий был уже составлен и текст каждого действия мог писаться отдельно, тем более, что по своему содержанию II действие обособлено от двух других, изображая то, что происходило в аптекарской палате. Но есть одно обстоятельство, как будто препятствующее такому предположению. Монолог Якова, который наполняет собой 6-е явление и после которого Яков вновь убегает, в рукописи первоначально читался иначе, сравнительно с печатным текстом. Приведу его по рукописи.

«С добра ума убраться поскорей.
Потешно им, а мне [хоть волком вой] *

* Поставленное в скобки зачеркнуто, а сверху надписано: «Веселья мало», как в печатном тексте.

Душа моя трепещет, сердце ноет
И день и ночь. Не силой, не неволей
Заставили грешить меня. — Тогда б
И грех на них и вся вина. — Я сам,
Охотой шел, свое хотенье было,
И сам держи ответ перед отцом,
Перед судом господним. Страшно дело.
Охотой шел, охотой и уйду.
Отбегаюсь, веди хоть на веревке
В потешную, хоть [на цепь посади] *
Хоть режь меня. Я бегать не отстану
До той поры, когда родной отец
Прикажет мне комедиантом зваться
И действовать меня благословит.
[Всяк о себе] ** кому [нужна] ** Эсфирь,
А мне душа нужна. Прощайте братцы».

В этой редакции монолога, как видим, речь идет о добровольном поступлении Якова на службу. А в I действии, как мы уже знаем, этот вопрос сначала решался иначе: Яков был силой взят в потешную. Если бы II акт писался ранее I, этого не могло бы быть, хотя должно отметить, что и приведенный монолог был так переработан, что в конце концов здесь совершенно не упоминается о том, добровольно или недобровольно стал Яков комедиантом. Как бы то ни было, интересна самая ошибка в имени Михайлова. Приходится предполагать, что или Островский мало придавал значения имени, но это мало правдоподобно, или просто забыл его имя, так как нельзя предположить, чтобы он еще не знал имени этого лица, фамилия которого, Михайлов, уже упоминается в этом акте. Возможно, впрочем, что только одно последнее явление II действия писано после I акта, а все остальное во II писано прежде его. Тогда объясняется, что в первых явлениях II действия Михайлов ошибочно назван Виктором, а в последнем явлении этого действия, равно как и в I акте, правильно — Юрием.

Отметим еще одну подробность. В самом начале 5-го явления, где идет представление интермедии, приведя из первой реплики Якова, исполняющего роль цыгана, две строки:

«Когда ж это люди видали,
Чтоб цыгане с голоду пропадали»,

автор делает заметку: «вставить proludium» и, повидимому, работу над переделкой текста самой интермедии в данный момент прекращает, и можно думать, что, сделав несколько набросков из этого текста, прямо обращается к тексту этого явления и продолжает работу вплоть до окончания акта. Proludium же он вставляет после пересмотра текста этого акта, в которой были сделаны некоторые вставки ***. Это, во всяком случае,

---

* Первоначально эта строка читалась так:

«В потешную, хоть [бей, а буду бегать
До той поры],

затем поставленное в скобки зачеркнуто, а сверху надписано: «на цепь посади».

** Поставленное в скобки зачеркнуто.

*** Заметка «ставить proludium» находится в конце 1-й стр. 27-го листа. Продолжение proludium'а на л. 29-м (весь лист), на л. 30-м (1-я стр. после вставки в диалог Матвеева и Грегори) д. II, явл. 3 (и 2-я стр. целиком), затем на оборотной стр. л. 27-го, начиная почти с половины страницы, верхняя часть которой занята набросками из этого же proludium'а. Конец этого явления находится на самом конце этой оборотной страницы л. 27-го и в начале 1-й стр. л. 28-го. Далее на л. 28-м идет следующее явление, т. е. 6-е (цифрового обозначения в рукописи нет), за ним сплошь, без обозначения цифрой и даже без указания, что это новое явление, идет текст явления 7-го, продолжение и конец которого на л. 26-м.

не имеет большого значения. Любопытно только указать на этот перерыв в приспособлении текста интермедии, какая работа, по существу, не представляла для Островского ни малейшего затруднения.

Наконец, обращает на себя внимание еще одна заметка, автором совершенно не использованная. Среди разных набросков, сделанных сбоку на 1-й странице листа 28-го, между прочим, читаем:

«Благоволите, Государи наши,
сие малое действо, от нас
несмышленых отрочат
милостиво прияти».

Перехожу к III действию и следующему за ним эпилогу.

Татьяна Перепечина, напуганная сватовством Клушина, спешит к Кочетовой, чтобы, сделав уступку в рядной, уладить дело со свадьбой Натальи. Переговорив об этом, старухи уходят в светелку. На сцене появляется сам старик Кочетов и, выпив чарки две вина, садится за чтение Домостроя, которое прерывается приходом Клушина. Приятели ведут беседу.

«От разума и от писаний книжных,
О том, о сем, о суете житейской».

После этой беседы Кочетов кличет жену, велит подать вина и подвыпивший Клушин сообщает про свое сватовство к Наталье, на замечание же Кочетова, что Наталья сговорена за Якова, называет последнего скоморохом и рассказывает о виденном им представлении в аптекарской палате. Кочетов готов проклясть сына. На шум выходит жена его с Перепечиной, а потом является и Юрий Михайлов с Яковом, а также в это время приходит и Наталья. Юрий Михайлов говорит, что он привел Якова по приказанию боярика Матвеева, и иронически замечает старику Кочетову, что он, собственно говоря, идет против воли царской, так как по царскому веленью обучают подьяческих детей, чтобы представлять перед царем «Эсфирь». Разговор же Клушина Михайлов просто выставляет как вранье пьяного человека. Всего же более Кочетова соблазняет то, что не только исполнителей, но и их отцов ждут царские подарки. Татьяна Перепечина, узнав, что Яков попал в скоморохи, не соглашается выдать за него свою дочь, но тогда Михайлов сообщает, как в спальной у его дочери-смиренницы нашли спрятавшегося Якова, и сама Наталья на вопрос матери, как это произошло, говорит, что не помнит, что хмельна была. Перепечина снова соглашается на свадьбу дочери с Яковом. В эпилоге на Постельном крыльце, где разыгрывается он, собрались разные служилые люди, среди них и Кочетов с сыном. Вышедший дьяк читает указ Ягану Готфриду Грегори учинити комедию. Пьеса заканчивается словами Кочетова к боярину Матвееву:

«Сынка привел; возьми его, боярин!
Да будет он царев комедиант».

Как выше было указано, именно с теперешнего III действия, которое было сначала I, и начал свою работу наш драматург: не говорю о прологе, который был вскоре же оставлен. Но должно отметить, что 1-м явлением этого акта было теперешнее 3-е явление, к писанию которого Островский приступил 2-го марта, как гласит собственноручная пометка автора, надо полагать, 1872 года.

Отметим также, что в противоположность прологу, где лица, хотя и были указаны, но не были названы по именам, здесь в 1-м (теперь 3-м) явлении лица уже названы, с тою только разницею, сравнительно с печатным текстом, что Кочетова сына звали сначала «Иван», потом это имя зачеркнуто и внизу подписано «Яков», затем Перепечину звали не

Татьяною Макарьевною, а как Грибоедовскую — Татьяна Юрьевна, а потом «Юрьевна» зачеркнуто и сверху надписано «Макарьевна».

Как я уже упоминал, 1-е явление этого действия соответствует теперешнему 3-му явлению, хотя текст и не вполне совпадает. Так, напр., первоначально не было всей этой задушевной беседы * двух приятелей — подьячих, представляющей собой прекрасный образчик «плетения словес». Она вставлена, повидимому, впоследствии.

Далее идет текст теперешнего 4-го явления, т. е. сцены между Кочетовым, Клушиным и Анисьей, причем должно сказать, что в рукописи это явление помечено римской цифрой III; очевидно, эта пометка позднейшая, а сначала не было никакой. Как раньше было упомянуто, Островский писал сплошь, иногда даже не разделяя явлений, не только не обозначая их цифрой, как, напр., не отделено здесь следующее, теперь 5-е явление III действия. Затем в данной сцене заключительная реплика Анисьи была коротенькая: «Иду. Затолковалась», и не было дальнейших слов:

«Сейчас велю подать. И у самой-то
В гостях сидит знакомая старушка,
Так у меня припасено. Сидите,
Беседуйте! Я гостью провожу,
И к вам приду, присяду».

Вполне понятно, почему их не было: теперешнее 1-е явление III действия, сцена Анисьи и Татьяны, не входило в первоначальный план автора.

Доведя теперешнее 5-е явление до ответа Кочетова на вопрос Клушина, не знает ли он Перепечиной, т. е. его реплики: «Ну как ее не знать» **, автор снова обращается к теперешнему 3-му явлению и продолжает беседу Кочетова и Клушина. Должно заметить, что сцена эта нелегко давалась драматургу и в этом наброске еще не закончена.

Точно так же пришлось поработать и над разговором Клушина и Кочетова о сватовстве первого к Наталье, о Якове и его скоморошестве. В первоначальном тексте его (лист 5-й) далеко нет еще той живости диалога, которая наблюдается теперь в печатном тексте.

Доведя работу почти до самого конца теперешнего 5-го явления (нехватает последней реплики Кочетова), автор обращается к началу действия и пишет текст теперешнего 2-го явления III действия, сцену чтения Кочетовым «Домостроя», но оно названо в рукописи: «Явление I». Затем он переписывает уже законченный, но не сходный еще с печатным текстом этих четырех явлений, дав им такое заглавие «Сцена из пьесы: «Комик XVII столетия». Далее, после зачеркнутого списка лиц идет явление 1-е, причем цифра 1 исправлена на 2; это именно как раз теперешнее 2-е явление — сцена чтения Кочетовым Домостроя. Следовательно, текст еще раз подвергался переработке. На время этой переработки указывают до некоторой степени следующие подробности. Теперешнее 5-е явление сначала было обозначено 4-м, а потом цифра 4 исправлена на 5. Из дальнейших явлений правильно обозначены 6-е и 7-е, слова «явление 8-е» приписаны сбоку (л. 17, стр. 1-я), явление 9-е совсем не обозначено. Затем на листе 13-м, писанном карандашом, равно, как и конец акта, начиная с 6-го явления, находим наброски того же III действия, причем уже в начале страницы написано: «Действие III. Лица», хотя списка лиц нет, а оставлено только пустое место. Дальше идет «явление

---

* После слов Кочетова: «и восхвалим» сразу идет его обращение к жене: «Жена войди. Василий Фалалеич в гостях у нас».

** Эта реплика помещена в самом конце 1-й стр. 4-го листа; на обратной стороне его идут слова Кочетова: «За милости его», составляющие как раз продолжение его же слов: «И восхвалим». См. предшествующее примечание.

1-е» (теперешнее печатное первое). Затем на этом же листе находятся дополнения и поправки к 4-му и 5-му явлениям. Таким образом, можно думать, что автор принялся за переработку этого действия, когда уже 1 и 2-е действия были написаны, поэтому в исправленном виде данный акт стал III; прежде всего, конечно, он добавил новое 1-е явление, причем старые написанные уже явления соответственно изменили свои обозначения: 1-е стало 2-м и т. д., вплоть до 4-го, ставшего 5-м. Внеся поправки и дополнения и в эти явления, драматург затем уже продолжает правильно свою работу, начиная с 6-го явления и кончая эпилогом.

Отмечу и в III акте некоторые подробности. Так, напр., в 4-м явлении (в переписанном чернилами тексте) в реплике Клушина нет следующих строк:

«Погляди-ко!
Пьяна Москва от мала до велика.
Бояре пьют с почетом у царя.
Промеж себя дворяне, духовенство
И всякий чин придворный; а подьячий —
Где подчуют его. И всякий пьет,
Где есть вино и где ему придется».

Эти строки добавлены потом, при переработке текста, написаны на 13-м листе рукописи, в самом конце страницы.

В следующем, 5-м явлении Клушин, сообщая приятелю о своем предполагаемом сватовстве, между прочим, говорит:

«. . . . . Я Абрама
Никитича посватать попросил.
Я стар и вдов, а скажет только слово
Боярское, — и люб, и молод буду».

Опять-таки в переписанном чернилами тексте этого явления данная реплика читается несколько иначе, а именно:

«. . . . . Я Абрама
Никитича посватать попрошу.
Он ласков к нам, — челом ему ударю.
Покланяюсь боярыне Татьяне
Петровне Хитрой. Толь еще не сваты.
Я стар и вдов, а скажут только слово
Боярское — и люб, и молод буду».

Вполне естественно, что будущее время «попрошу» превратилось в прошедшее: по первоначальному плану это было I действие, впоследствии, когда уже текст этих явлений был переписан чернилами, превратившееся в III. Здесь более обращает на себя внимание упоминание о боярыне Хитрой (или Хитрово), имя которой приведено неправильно: ее звали Анна Петровна, как это и исправлено у Островского на другом листе рукописи, где читается та же самая реплика. Отметим, что первоначально этого упоминания о боярыне Хитрово не было, оно вставлено впоследствии. Опять-таки вполне понятно, почему автор сделал эту вставку. Ведь раньше, как мы знаем, предполагалось еще целое действие: «Двор и заднее крыльцо», где, между прочим, действующим лицом являлась и боярыня Хитрово. Очень возможно, что, сочтя излишним это действие, драматург желал бы хотя в двух строчках упомянуть о названной боярыне, сестре Богдана Хитрово, игравшей при дворе, повидимому, важную роль, но в конце концов отказался и от этого.

В эпилоге боярин Хитрово сначала не был назван, а просто сказано «I боярин», но дальше уже обозначается его фамилия. Не было фамилии Милославского, а его реплика принадлежит Волынскому, фамилия которого названа сразу. Приведу последнюю реплику Грегори, которая первоначально читалась так:

«А будет и у вас.
Коль есть у всех и вам уйти не можно.
И есть у вас начало: ваш ученый
На Киеве давно сказал Конисский
Что комиком свои * должность
Чтобы учить общество, нравы представляя».

Отметим здесь выпущенную впоследствии подробность о Георгии Конисском. Закончил автор эпилог 8 сентября, а 12 сентября он писал Ф. А. Бурдину: «Я сегодня послал новую пьесу: «Комик XVII столетия» **.

В таком виде в главных своих чертах представляется нам работа Островского над названной комедией. Хотя как в общей компановке, так и в подробностях не все давалось драматургу сразу, хотя комедия не принадлежит к числу лучших его произведений, однако должно заметить, что сразу чувствуется во всем рука опытного мастера.

III. «КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ» И КОМЕДИЯ А. А. ШАХОВСКОГО «ФЕДОР ГРИГОРЬЕВИЧ ВОЛКОВ»

Теперь должно остановиться на одном вопросе, касающемся этой комедии. Говоря о ней в своей «Истории русского театра», проф. Б. В. Варнеке, между прочим, замечает, что, изображая в драматической форме историю возникновения первого русского театра при Алексее Михайловиче, «Островский в данном случае имел предшественника в лице кн. А. А. Шаховского, комедия которого «Федор Григорьевич Волков, или день рождения русского театра» изображала возникновение русского театра в половине XVIII столетия в Ярославле, при содействии Волкова и товарищей. Между обеими пьесами есть немалое сходство в построении и развитии общего плана» ***.

Возникает, таким образом, вопрос о литературном влиянии Шаховского на Островского. В этом влиянии, конечно, нет ничего удивительного и невероятного. В пьесах этого драматурга первой четверти XIX столетия много новых элементов и зародышей, которые особенно и ценил Островский и которыми он пользовался, так или иначе приспособляя их к своим произведениям. Это вообще, а в частности должно отметить, что драма А. А. Шаховского «Двумужница» оказала несомненное влияние на комедию Островского «Воевода» ****. Таким образом нам необходимо познакомиться с той комедией Шаховского *****, влияние которой предполагается в данном случае.

Содержание ее следующее. Театр представляет задний двор владения кожевенного фабриканта вотчима Волковых Полушкина на берегу Волги. Из находящегося на правой стороне кожевенного сарая мужики выносят кожи и нагружают в лодку, которая стоит у берега. Волков со своими товарищами занят каждый своим делом; кто учит куплеты, так как сегодня Полушкин именинник, кто готовит кулисы, кто облака, кто расчесывает бороды и парики, а кто пишет стихи, но всех их мучит одно, что сосед Полушкина с прилисью подьячий стряпчий Михеич не пустит к ним свою крестницу Грушу, которая должна играть роль Берфы в пасторали «Эвмон и Берфа», написанной Ф. Волковым. Этот стряпчий — страшный противник театра, чертовщины, как он его называет, терпеть не может самого Ф. Волкова и боится, как бы его крестница не набралась от последнего этой чертовщины. Из разговоров Ф. Волкова выясняется вся история

---

* Пропуск в рукописи.

** А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма. № 245. Стр. 142.

*** Б. В. Варнеке. История рус. театра. Изд. 2-е, стр. 548—549.

**** См. об этом подробнее в моих «Этюдах об А. Н. Островском». Т. 1, М. 1912, стр. 235—245.

***** «Федор Григорьевич Волков, или день рождения русского театра». Анекдотическая комедия — водевиль в трех действиях. Сочинение кн. А. А. Шаховского. «Репертуар рус. театра». Изд. П. Песоцким. СПБ, 1840, кн. VI, стр. 1—29.

его первого знакомства с театральными представлениями, когда он был в Петербурге, его увлечение ими, его желание создать театр в Ярославле, которое в момент действия комедии, как видим, близко к осуществлению. Дело уже все налажено, для первого представления выбрана «Эсфирь» и упомянутая выше пастораль: «Эвмон и Берфа». Между тем приходит и Груня, чтобы поздравить именинника, и просит поспешить с пробой, т. е. репетицией. Затем выходит жена Полушкина Марфа Родионовна, мать Волковых, которая, по ее словам, потакает их затеям, хотя у самой сердце вымерло. Она предостерегает своих детей против стряпчего Михеича, который тем временем приближается к сцене, и все будущие актеры прячутся от него. Он пришел по поручению какого-то своего милостивца посмотреть товар Полушкина и, по его словам, «обревизирует» его только для проформы. Конечно, как и следовало ожидать, в этом явлении происходит пикировка между Михеичем и Ф. Волковым, которого защищают и Полушкин, и Марфа, последняя подчас резко нападая на Михеича. Точно так же заранее можно было ожидать, что речь сведется на театр, на который подьячий так сильно нападает. Марфа всячески старается отвлечь внимание посетителя от сарая, где приготовляется представление, и это ей удается, так что Михеич и Полушкин в конце концов уходят в другой амбар, где также лежит товар. По их уходе спрятавшиеся товарищи Волкова выходят из своей засады, причем один из них — Дмитревский, желая спрыгнуть, опрокидывает чан, на краю которого он стоял, вследствие чего поднимается шум, на который возвращается Михеич с Полушкиным, и подьячий приказывает Груше итти домой с тем, чтобы больше никогда не приходить к Волковым. Полушкин же спрашивает своего пасынка, что тут такое происходило, но тот просит не спрашивать его об этом до вечера, иначе ему придется солгать. Вотчим не желает его принуждать, и на этом кончается первое действие.

Второе действие изображает беспокойство молодых актеров перед представлением. Ф. Волкову нужно еще проверить торговые счета вотчима; Дмитревский беспокоится, что не приедет Груша, которую ее опекун Михеич запер в комнату. Но в это время подъезжает лодка, из которой выходит Груша: Григорий Волков обманул подьячего и увез Грушу. Теперь все начинают хлопотать о костюмах и декорациях. Тут опять забота: то облака не двигаются, то у Дмитревского Эсфирины башмаки лопнули, то Груше сшили платье с кривыми бочками и горбом на спине. Марфа беспокоится, как бы не пришел кум Михеич, да и своего-то мужа тоже побаивается. Сам Ф. Волков испытывает какое-то волнение. Мало-помалу все улаживается. Марфа выводит гостей, собравшихся по случаю именин; хотя Полушкин, собственно говоря, ведет показать свой товар, но ему приходится теперь показывать театр, и это было для него сюрпризом. Все входят в театр, где должно начаться представление. Этим оканчивается второе действие.

В третьем действии театр представляет внутренность сарая, где устроена сцена. Перед нею оркестр и два ряда стульев, на которых сидят почетные гости; по обеим сторонам скамейки, на которых сидят мастеровые, посадские, их жены и дети. До поднятия занавеса слышна на сцене музыка и окончание хора из «Эсфири», после которых раздаются аплодисменты и крики: «Славно, браво, ура», и занавес подымается.

Все гости в восхищении от спектакля и восхваляют Ф. Волкова. Тот от счастья «не в силах слова вымолвить» и просит вотчима благословить его «предаться совершенно врожденной его склонности и сделаться настоящим актером». Но Полушкин против того, чтобы его пасынок сделался, по выражению Михеича, фигляром, хотя и позволяет ему «забавляться по его склонности». Тогда Волков произносит длинную речь в защиту столь любимого им искусства, изредка только прерываемую краткими, иногда в два-три слова, репликами вотчима, и в эту речь вложены данные из истории театра, начиная с греческого. Растро-

ганный Полушкин соглашается, чтобы его пасынок был актером, «если это ему на роду написано».

Далее актеры возобновляют свой спектакль и разыгрывают пастораль «Эвмон и Берфа», которую Волков, как оказывается теперь, перевел с немецкого. Представление нарушается приходом Михеича, который нескоро усаживается на место, усевшись же, не хочет ни смотреть, ни слушать, потом, выслушав несколько реплик, прерывает спектакль, требуя, чтобы Груша сошла к нему. Жена Полушкина, как крестная мать Груши, вступается за нее и просит Михеича отпустить ее и позволить «ей представлять для воеводы и всех честных людей на их театре». Михеич соглашается под условием, что ему будут возвращены все те расходы, которые он сделал для ее воспитания. Затем Марфа обнадеживает вздыхающего Дмитревского, что он, когда будет взрослым, женится на Груше. Пьеса заканчивается двойным обращением к публике, причем в одном обращении выражается надежда на перенесение театра на берег Невский и в другом, что публика не захочет бранить того, кто напомнит о действующих лицах, когда их уже не будет в живых, иными словами, не захочет бранить автора настоящей пьесы.

Таково содержание комедии Шаховского. Что же общего у ней с комедией Островского, в чем сходство между ними. Б. В. Варнеке видит это сходство, как выше было упомянуто, «в построении и развитии общего плана». План пьесы Шаховского (имея в виду сценарий) можно передать в таких словах: I действие. Приготовление к спектаклю. II действие. Перед самым спектаклем. III д. Спектакль и после него.

Шаховской, желая изобразить в драматической форме зарождение театра в Ярославле, только на этом, как видим, и сосредоточил свое внимание; он выдвинул на первый план спектакль и оставил в стороне все, что так или иначе его не касается. Конечно, совершенно обойтись без этого постороннего, так сказать, элемента он не мог: и у него мужики выносят кожи из сарая. Михеич является к Полушкину посмотреть товар, зрители являются к имениннику в гости. Но все это только отдельные мелкие подробности, да и их очень мало, и быт как бы совершенно отсутствует в качестве самостоятельного элемента.

Не то мы видим у Островского: здесь прежде всего сама жизнь с ее заботами и интересами, сватовство, толки о приданом, хлопоты о том, как бы предотвратить нежелательное сватовство другого претендента, ярко написанная беседа двух подьячих, любителей «плетения словес», челобитье подьячего и многое другое и только, наконец, театр, как один из составных элементов этой жизни, клином врезавшийся в нее. Получилась более или менее широкая картина русской жизни, насколько позволяли это рамки комедии.

Конечно, в основе обеих пьес есть нечто общее: это главная их мысль или цель, как хотите назовите, в драматической форме изобразить зарождение русского театра, хотя бы и в разных местах и в разные моменты. Но ведь отсюда еще нельзя сделать заключения, что у Островского эта мысль явилась под влиянием пьесы Шаховского. Скорее всего можно предположить, что мысль о данной комедии зародилась у драматурга в связи с толками о предстоящем юбилее русского театра. Задумав новое произведение, он прежде всего обращается к изучению истории нашего театра при Алексее Михайловиче и быта того времени. Исходя из приобретенных путем этого изучения данных, автор начинает набрасывать план комедии, который оказывается построенным на совершенно иных началах, чем план комедии Шаховского; даже, как мы видели, не выработав окончательно сценария, драматург набрасывает несколько явлений одного действия, в которых нет и помину о театре. Итак, сходства в построении планов обеих пьес мы не находим, и комедия Шаховского не могла быть исходным пунктом в данном случае: не она внушила Островскому мысль создать «Комика XVII столетия» и не под ее влиянием был выработан сценарий комедии.

Сцена 2-го действия «Комик XVII столетия».

Рис. худ. А. С. Янова.

Но, может быть, не оказав такого общего влияния, она сыграла свою роль в другом отношении, повлияв на разработку отдельных актов и сцен комедии. Ведь известно, что Островский никогда не упускал случая поучиться чему-либо у других своих собратьев *. Чему же мог поучиться он в данном случае у Шаховского, в чем есть сходство между их пьесами в развитии плана и в тех или других подробностях? Из самого сценария комедии Островского легко заключить, что действие первое и третье, главным содержанием которых является сватовство, не могут иметь ничего общего с пьесой Шаховского, где этот мотив совершенно не затронут, если не считать двух-трех реплик в последнем действии, да и то о сватовстве здесь нет речи. Равным образом, эпилог, разыгрывающийся на Постельном крыльце, не имеет себе параллели. Остается одно второе действие, в котором есть сходство с последним действием «Федора Волкова»: и тут и там на сцене самые актеры, и тут и там на сцене устраивается сцена и разыгрывается в одном случае пастораль, в другом proludium, причем им в обоих случаях должно предшествовать исполнение «Эсфири», которое у Шаховского происходит при закрытом занавесе до начала действия, у Островского же не состоялось, так как убежал Яков, главный исполнитель в «Эсфири», а без него не может состояться самое ее представление, подобно тому как без Груни не может состояться представление «Эсфири» у Шаховского, ибо Дмитревский в таком случае отказывается играть. Затем, и тут и там в ход самого спектакля вмешивается подьячий (у Шаховского Михеич, у Островского Василий Клушин). Но заканчивается действие в каждой пьесе совершенно различно, что легко, конечно, объясняется тем, что в одном случае этим действием заканчивалась пьеса, тогда как в другом бегство Якова давало предлог для новой сцены, прихода Юрия Михайлова к Кочетову с целью воздействовать на него, чтобы он отдал сына в актеры. Далее, мотив вмешательства подьячего в самый ход действия, в чем, собственно, наиболее и выражается сходство двух комедий, в каждой из них разработан по-своему, не говоря уже о том, что у Островского он разработан наиболее естественно: у Шаховского подьячий сначала совсем не хочет садиться, затем садится спиной к сцене и не хочет смотреть, потом прислушивается и, наконец, услышав реплики Эвмона и Берфы о любви и о соединении на веки, вмешивается в самый ход действия. У Островского, как это и естественно, пьяный Клушин сразу же вмешивается в спектакль. Не говорю опять-таки о том, что в одном случае подьячего приходится упрашивать отпустить Грушу, в другом случае подьячего выгоняют в шею. Таким образом, если и можно говорить о каком-либо заимствовании, то только о заимствовании мотива вмешательства подьячего в ход действия, так как о самом-то подьячем Островский прочитал у Забелина, т. е. иными словами, могла быть заимствована одна подробность, правда, приведшая к недурной сцене, но только все-таки разработанная Островским самостоятельно.

Конечно, пьеса Шаховского могла подсказать драматургу мысль ввести в свою комедию представление proludium, но, собственно говоря, это настолько распространенный мотив, что вряд ли Островский нуждался в таком подсказывании, хотя совершенно отрицать такого рода влияние в данном случае невозможно: Островский мог прочитать комедию «Федор Волков», и она могла заронить эту мысль, но было ли так в действительности, положительно утверждать невозможно, как нельзя этого и отрицать.

Что касается участия самих актеров в пьесе, то автор неизбежно приходил к мысли об их участии, раз только он задумал пьесу на такую тему. А мы уже видели, что свою комедию он мог задумать скорее всего без

* См. напр., его письмо к Бурдину от 31 августа 1876 г., где он, между прочим, пишет: «Додэ — драматург еще не установившийся: он мечется из стороны в сторону и ищет настоящего пути; найдет ли он его, не знаю; но все-таки и у него есть чему поучиться». Островский и Бурдин. Неизданные письма № 332. Стр. 208.

влияния Шаховского. Затем невольно обращает на себя внимание то, как громадна разница между изображением актеров у Островского и у его предполагаемого оригинала. Между тем как у Шаховского они только и думают, что о своем спектакле да о своем великом искусстве, проповедуют благородные идеи, вложенные в их уста автором и принадлежащие скорее всего именно этому последнему, одним словом, выказывают себя паиньками во всех отношениях, у Островского это прежде всего живые люди: они и шутят над своим товарищем, и серьезно говорят об его житье-бытье, и пристают к нему с просьбой изобразить им его отца. Только раз Шаховской пошел по правильному пути, заговорив о том волнении, какое испытывал Федор Волков, но и этот мотив разработан в высшей степени и шаблонно и наивно: Волков скоро овладел сам собой, так как он во что бы то ни стало хочет быть великим актером. На этой подробности следует остановиться, конечно, потому, что ведь у Островского Яков все время живет в волнении и страхе. Само собою разумеется, что это волнение уже не того характера, как у Ф. Волкова. У этого последнего волнение объясняется исходом спектакля, у Якова это не столько волнение, сколько страх, вытекающий из всего его мировоззрения, зависящий от всего строя тогдашней жизни. Яков прежде всего человек, воспитанный и живущий по правилам Домостроя, но в душе которого явилась склонность к столь грешной забаве. Островский изображая в своей комедии домостроевский быт, домостроевскую семью, что он делал без влияния Шаховского, точно так же самостоятельно мог притти к мысли ввести в свою пьесу такое лицо, у которого эти домостроевские воззрения сталкивались с влечением самой натуры. Таким образом, и тут нельзя говорить о каком-либо влиянии.

Выше мы упомянули о громадной разнице между двумя пьесами в их изображении актеров. Эта же разница наблюдается и вообще между комедиями. Комедия Шаховского — наивное, примитивное произведение, от которого так и веет книгой. Комедия Островского, хотя и не из лучших его произведений, все же полна жизни. В ее разработке везде чувствуется рука опытного мастера. Но это обстоятельство, конечно, не играет роли в вопросе о влиянии на Островского: он нередко, создавая свои произведения, исходил из мелодрам и водевилей; нужно было только, чтобы в них были здоровые зародыши, которые он и развивал. Здесь этих зародышей мало, да и Островским они были взяты из другого источника. Вот почему я думаю, что вопрос о влиянии комедии Шаховского на «Комика XVII столетия» приходится разрешить скорее в отрицательном, чем в положительном смысле.

IV. ОБЗОР КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В заключение скажем несколько слов об отношении критики к комедии Островского. Отношение это незаслуженно суровое. Отметим прежде всего, что и ставилась пьеса очень мало. В Москве, напр., после сезона 1872 г., когда она была поставлена впервые в Малом театре, она не возобновлялась на сцене этого театра до 16 января 1898 г., а в Петербурге она была поставлена впервые только 30 августа 1894 г. Что касается критических отзывов, то современная Островскому критика откликнулась всего лишь двумя статьями, из которых одна напечатана в «Голосе» 1872 г. (№ 184), другая в «Новом Времени» 1873 г. (№ 61). На них мы теперь и остановимся.

Автор статьи в «Голосе» начинает с замечания о былой заслуженной славе Островского и о теперешнем упадке его таланта. Переходя к самой комедии он, прежде всего, указывает, что это «pièce de circonstance» и как таковая «представленная в дни юбилейных торжеств произвела бы, может быть, даже фурор, не по своим, конечно, внутренним достоинствам, а по непосредственному отношению к данной минуте. Вы-

соко настроенное патриотическое чувство увидело бы тогда, может быть, в появлении этого произведения на сцене, хоть и крайне слабое, но все же напоминание о том, что и русское сценическое искусство вправе связывать с именем великого государя начало своего возникновения в России, потому что с появлением на свет младенца Петра занялась младенческая заря и для русской сцены. «Pièce de circonstance» имела бы тогда и смысл и внутреннее значение; теперь же она не только не имела ни того, ни другого, но, напротив, лишенная самостоятельного внутреннего достоинства, «комедия» не имела даже и тени успеха».

Далее автор излагает, конечно, в насмешливом тоне, содержание пьесы, сопровождая это изложение критическими замечаниями. Так, разговор о приданом в первом действии он находил очень длинным и всю эту сцену торга, длинную до бесконечности, скучной до тошноты. Матвеев высказывает воззрение на искусство, по его мнению, весьма либеральное для 1672 года. Лопухина критик почему-то считает старым скептиком, относящимся к вопросу (очевидно, об искусстве) недоверчиво. К такому выводу он приходит на том основании, что Матвеев, чтобы доказать свою правоту, «предлагает пригласить присутствовавшего на репетиции, пришедшего с челобитной подьячего, из пьющих, с тем, что, если этот подьячий увлечется происходящим перед ним представлением, то, следовательно, Матвеев прав».

Приведем заключительные строки этой статьи. «Занавес опускается. Публика ровно ничего не понимает. Скажите, бога ради, что же это такое. И эта «комедия» подписана именем г. Островского.

Одна передача содержания «комедии» может избавить критика от всякого ее разбора. В ней самой, в одном рассказе этого содержания — полный критический ее анализ, потому что, нет сомнения, всякий прочитавший до конца этот верно переданный мною сценарий, в критических пояснениях не нуждается. Сделав это, я вправе, следовательно, положить перо, и если чем могу закончить мою речь, то разве только горьким сожалением о заслуженной, но увы, должно быть безвозвратно минувшей славе некогда талантливого русского драматического писателя».

Насколько в этой статье мы имеем «верно переданный сценарий», можно видеть из заключительных строк монолога Матвеева и следующей реплики Лопухина, на основании которых критик пришел к выводу, что Лопухин — «старый скептик».

Свою апологию театра Матвеев заканчивает такими словами:

«Простой народ, коль верить иноземцам,
В комедии не действо, правду видит,
Живую явь: иного похваляет,
Других корит, и если не унять,
Готов и сам вмешаться в действо. Хочешь
Испробовать? Подьячему прикажем
Остаться здесь, на действо поглядеть.

Лопухин.

Ну, что ж изволь. А зашумит, так можно
И в шею гнать, боярин не велик». (Д. II, явл. 3.)

Неправильность приведенного выше вывода, кажется, тоже не нуждается ни в каких критических пояснениях.

Излагая содержание интермедии, критик ни на минуту не задумывается над вопросом, не является ли она действительным произведением того времени, только, конечно, подновленным со стороны языка, всецело относя ее на долю творчества Островского, следовательно, возлагая на него и ответственность за столь плохую выдумку. А между тем, как мы знаем, «Интерлюдии» были напечатаны еще в 1859 г.

Не лучше и статья в «Новом времени», принадлежащая перу А. С. (не

Суворина ли?). Он тоже признает, что Островский пережил свой талант. «Поэтому нет ничего удивительного в том, — заявляет критик, — что и последняя его комедия «Комик XVII столетия» крайне плоха и ничем не напоминает славного прошлого своего автора. Содержание ее, — продолжает он, — почерпнуто из быта XVII столетия, и вся завязка вертится около самого комика Якова, чувствующего влечение к драматической карьере и вместе с тем дрожащего перед страхом отцовского проклятия. Так как самый мотив борьбы крайне фальшивый, потому что влечение Якова к ремеслу комика решительно ни в чем не выражается, то она и не возбуждает в вас ни малейшего сочувствия. Разве возможно построить хоть мало-мальски драматическую завязку на отцовском проклятии выжившего из ума старика подьячего, вечно полупьяного, услаждающего себя чтением Домостроя. Развязка же еще фальшивее, так как вызвана девушкой, громогласно признающейся, что из ее клети мужчину вытащили и она ничего не помнит, потому что хмельна была. Во-первых, кто хоть несколько знаком с бытом до-петровской Руси, тот положительно сочтет факт немыслимым» *. Еще более неправдоподобным считает критик ответ на это матери ее, которая упрашивает взять дочку с рук, равно как и согласие родителей Якова на брак его с девушкой, обесчещенной им же самим.

Свою статью автор заканчивает замечанием, что ему «кажется совершенно нерациональным выбирать сюжеты для комедий и драм из давно прошедших времен, когда наша современная эпоха представляет столько интересного материала. Неужели же наш народный драматург, — заявляет А. С., — завидует лаврам г. Аверкиева и намеревается вступить с ним в состязание?»

Выбор сюжета — дело вкуса, и об этом нечего спорить. Что касается «фальшивой» завязки, то она построена не только на отцовском проклятии выжившего из ума старика подьячего, как утверждает критик, а на противоречии всего мировоззрения самого комика с влечением его натуры. Влечение же это сказывается и в его собственном ответе Наталье на ее вопрос: «а весело?»:

«Да так-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью».

Сказывается и в том, что Яков по собственному желанию откликнулся на призыв «обучаться в аптекарской палате у Грегори какому-то неслыханному действу», в его представлении отца, читающего нравоучения, и, наконец, в его талантливости, признанной Грегори.

Столь же мало убедительными представляются заявления критика о неправдоподобности развязки. Ему, вероятно, не были знакомы те дела, напечатанные Забелиным, о которых у нас была речь выше и которые делают образ Натальи очень правдоподобным.

Последующая критика совершенно не уделяла внимания «Комику XVII столетия». Так, напр., П. Д. Боборыкин в своей статье «Островский и его сверстники» **, давая обзор деятельности драматурга и довольно подробно говоря об его исторических пьесах, ни словом не упомянул о нашей комедии.

Статьи, посвященные ей, появились только в 1894 г. по случаю ее постановки в Александринском театре. Познакомимся с некоторыми из них.

---

* Хроникер «Биржевых Ведомостей» (1894 г., 1 сент., № 240) также находит, что «Представление о древнемосковских девушках совсем не соответствует личности мастерицы Наталии, которая, состоя под крылышком матери, говорит и действует, как нынешняя американская мисс, чувствующая за собою много долларов, или живущая собственным интеллигентным трудом русская курсистка первой формации».

** «Слово», 1878, №№ 7 и 8.

«Комик XVII столетия», которым открылся вчера (30 августа 1894 г.) сезон Александринского театра, — пишет рецензент «Нового времени» *, — принадлежит к числу наименее выдающихся произведений покойного Островского. Пьеса эта была поставлена на сцене Малого театра в 1872 году, выдержала всего два, три представления и сошла с репертуара. Администрация Александринского театра, вероятно, в виду ее неуспеха в Москве, игнорировала пьесу и только теперь, в 1894 году петербургской публике пришлось познакомиться с «Комиком XVII столетия». Да и то, при первом известии о предполагаемой постановке этой комедии, в некоторых газетах раздались сетования на эту постановку. К чему-де нам «Комик XVII столетия» — слабая, провалившаяся в Москве пьеса, когда в репертуаре Островского найдутся и более выдающиеся вещи, как, напр., «Снегурочка», «Воевода» и т. д. **

Все эти сетования оказались неверными. Если следует ставить «Снегурочку», «Воеводу» и т. д., то отчего не поставить и «Комика XVII столетия». Островский настолько крупный талант, что якобы и слабые его произведения смотрятся всегда с интересом. Положим, в поставленной вчера комедии нет так называемой интриги, но зато она богата типично очерченными лицами, характерными диалогами и тою своеобразностью русской речи, которую с таким искусством выработал покойный драматург. Все это искупает отсутствие интриги, отсутствие того, что называется на театральном жаргоне сценическим движением. Вы с удовольствием слушаете пьесу. Вчерашний успех комедии, несмотря даже на то, что исполнению ее в общем многого не доставало, ясно показывает, насколько публика сознает, даже и не в особенно выдающейся пьесе, силу таланта Островского. В «Комике» есть некоторые длинноты, от сокращения которых комедия нисколько бы не пострадала; эпилог совершенно лишний, и его можно преспокойно выкинуть. Третьим актом, собственно, заканчивается пьеса; эпилог охлаждает внимание к ней зрителя ***. «Комик XVII столетия», первое представление которого на александринской сцене совпало со сто тридцать восьмою годовщиною основания императорских с-петербургских театров, — иллюстрированная страница из истории русского театра».

Несмотря на благосклонный в общем отзыв, критик все-таки обнаружил не вполне ясное понимание комедии. Как можно, например, выкинуть эпилог? Какая была бы это иллюстрация к истории русского театра, если бы выкинуть сцену, в которой читается указ, можно сказать, давший ему начало?

Ценные замечания о нашей пьесе высказывает Homo novus (А. Р. Кугель) в «Петербургской газете» (1894 г., I/IX, № 239). «Комик XVII столетия», — пишет он, — принадлежит к числу забытых произведений Островского. В Москве эта комедия была поставлена несколько лет назад и хотя успеха в театральном смысле слова не имела, однако это ничего не доказывает. Комедии Островского надо вообще уметь играть, а комедию в стихах, да еще со старинным орнаментом — тем паче. Сама по себе комедия «Комик XVII века» — веселая, жанровая вещица, которая смотрится легко и не лишена поучительности. Сюжет пьесы взят из эпохи, предшествовавшей реформам Петра, и, подобно «Веницейскому истукану» г. Гнедича, ри-

* «Новое время», 1894 г., 1 сентября, № 6648. Маленькая заметка есть также в № 6647, от 31 августа 1894 г.

** См., например, статью Зрителя: «Русский драматический репертуар. (Письмо в редакцию)» в газете: «Новости и биржевая газета», 1894 г., VIII, 30, № 238. В № 240 той же газеты (1 сент.) отметим кстати статью Бинокля: «Открытие сезона русских драматических спектаклей», в которой ничего не говорится по поводу самой пьесы, но есть ценные замечания о недостатках ее постановки в Александринском театре.

*** Хроникер «Биржевых ведомостей» также замечает: «В первом акте пьеса эта страдает растянутостью; затем монологи в ней вообще обильно-длинноваты, что ослабляет действие».

сует с комической стороны восприятие «европейских» начал русскою жизнью. Поп Сильвестр попрежнему любимейший автор и популярнейший философ. Византизм все еще держит в тисках сознание московских людей, но в то же время, быть может, помимо воли и наперекор желанию, европейская культура манит к себе Москву яркостью, новизною и разнообразием впечатлений. И сравнительный метод приходит на помощь. «Комедию для чести государской, — говорит боярин Матвеев, — иметь давно пора. Недаром же у прочих государей при всех дворах она заведена». Все это, как видите, не только смешно, но и поучительно. Глубоко верно и художественно правдиво у Островского также то, что старый подьячий Кочетов, готовый проклясть сына за участие в комедиях и скоморошестве, сам приводит его с низким поклоном, и не потому, что разуверился в попе Сильвестре, а потому, что так угодно царю и боярам. Простой приказ, выраженный в форме желания, не столько перерождает его, сколько отнимает способность рассуждать. В этом маленьком эпизоде вся история петровских реформ и, пожалуй, всего русского просвещения *.

В общем постановку этой веселой комедии Островского нельзя не приветствовать, и жаль только, что ее плохо играют» **.

Возобновление «Комика XVII столетия» в Московском Малом театре в бенефис Н. И. Музиля 16 января 1898 г. вызвало восторженную по адресу комедии статью известного критика «Московских ведомостей» С. Васильева, которая, впрочем, представляя в значительной своей части пересказ, хотя и великолепный, содержания пьесы, не дает ничего нового для изучения пьесы. Что касается восторженного отношения, то, кажется, критик ударился уже в противоположную крайность, чем его собратья — порицатели комедии, так как несомненно, что «Комик XVII столетия» далеко не принадлежит к лучшим произведениям Островского.

Другие заметки московских газет, посвященные комедии, лишены для нас всякого интереса.

Выше уже было упомянуто, что Б. В. Варнеке в своей «Истории русского театра» посвящает несколько строк и «Комику». «Близкая сердцу драматурга тема комедии представляла, по его мнению, то удобство, что давала возможность Островскому выразить многие свои заветные мысли о театре и его назначении». Приведя известный монолог Матвеева в защиту «комедии», историк театра замечает: «Здесь драматург невольно из холодного бытописателя превратился в страстного защитника дорогого его сердцу учреждения и дал должную отповедь тем нападкам на театр, которые, вероятно, и ему самому не раз приходилось слышать во время своей многолетней деятельности на пользу театра» ***. Это, конечно, справедливо, но автор не обратил внимания на то, насколько драматург оказался объективным в этой защите даже дорогого ему учрежде-

---

* Хроникер «Биржевых ведомостей» (1894 г., 1 сент., № 250) находит, что «метаморфозы в образе мыслей подьячего Кочетова относительно скоморошества чересчур, наоборот, скоропостижны».

** Приведу дальнейшие любопытные замечания рецензента об исполнении пьесы. «Исполнителям, — пишет он, — прежде всего нехватает простоты. Такую же точно комедию, написанную не стихами и не на исторический сюжет, без сомнения, разыграли бы не в пример проще и натуральнее. Но как только приходится говорить стихи да еще с «каширскою стариною», как у наших актеров является непреодолимое желание стать на ходули и играть с каким-то искусственным напряжением. Разумеется, чем дальше язык комедии от натуральной разговорной речи, тем труднее проявлять свободную непринужденность и благородную естественность тона. Но про это самое я и говорю. Однообразный и поверхностный репертуар последних лет совершенно отучил наших актеров от способности приспособления и лишил их дарования всякой гибкости. Даже г. Давыдов, крупный и, без сомнения, глубокий артист, не свободен от этого упрека. В его исполнении роли Кочетова попадались неровности и шероховатости, которые, разумеется, были бы невозможны в современной комедии. Вторая причина неудачи: в отсутствии ансамбля».

*** Б. В. Варнеке. История русского театра. Изд. 2-е, стр. 549—550.

ния. Он вложил в уста Матвеева не только прямую защиту «комедии», но и осуждение древнерусских забав и потех, причем источником для этой части монолога ему служило (как мы уже знаем) исследование Забелина. Вопрос этот об источниках настоящей комедии вообще не обсуждался в критической литературе. Критики указывали на изображение древнерусского быта в пьесе Островского, находили несоответствие с своим об этом быте представлением, но ничем не доказывали справедливость своих возражений, ограничиваясь одними голословными замечаниями. Таким образом, вопрос о том, насколько верно изобразил Островский древнерусскую жизнь в своей комедии и что служило ему в этом случае источником, прежде всего вставал перед исследователем, раз он только приступил к изучению «Комика XVII столетия».

«КОМИК XVII СТОЛЕТИЯ» НА СОВЕТСКОЙ СЦЕНЕ

«Комик XVII столетия» много раз шел на советской сцене. Так, в «Театральной Вологде» (1922 г., 24/XI, № 9) было объявлено, что для празднования дня 250-летней годовщины русского театра в Вологодском театре народа пойдет пьеса А. Н. Островского «Комик XVII столетия». Эта же пьеса была поставлена 24 ноября 1922 г. для ознаменования той же юбилейной даты в Омске в гостеатре, причем юбилейный вечер открылся речью главного режиссера И. М. Арнольдова. «Исполнена пьеса была, — по словам рецензента Г. Вяткина, — в общем ровно. Но увы, даже и для юбилейного спектакля некоторые артисты (напр., Курский) не позаботились о твердом знании ролей».

В том же 1922 году «Комик XVII столетия» был поставлен молодой, тогда только начинающей свой сценический путь студией Малого театра под руководством Ф. Н. Каверина. Эта постановка вызвала статью П. А. Маркова, в общем дающую совершенно правильную характеристику не только постановки, но и самой комедии. Он отмечает «специфический, почти этнографический интерес» комедии — «интерес личных воспоминаний, исторических высказываний, бытоизображений» — и вместе с тем подчеркивает в комедии «такое точное знание быта и такое великолепное ощущение начал Домостроя, крепкой и тяжелой русской жизни». «Но драматургически, — правильно замечает критик, — пьеса очень несовершенна; если первый акт завлекает новостью бытоизображения и первыми узлами завязывающейся, но уже ясной и доступной с самого начала интриги; если второй акт занимателен реставрацией комедиальных потех и интермедиальных забав, — то третий акт, в котором совершается давно предвиденная развязка, написан Островским очень утомительно, длинно, недейственно и самым явным образом нуждается в сокращении».

Что касается постановки, то «спектакль, — по мнению критика, — целиком лежит в традиции Малого театра — режиссерская работа, окружив актера заботливо и верно воссозданным стилем эпохи, подчинена актерской игре, вне стремления к отысканию новых театральных форм...» Общий замысел режиссера лежал в воскрешении отдаленных от нас двухсотлетним промежутком трудов и дней актеров придворной комедиальной храмины. В целом этот замысел был достигнут». Из исполнителей остаются в памяти Шамин (Кочетов), Мейер (Яков), Цветкова (Наталья).

Следующей по времени была постановка «Комика» в 1923 г. Ленинградским театром юных зрителей. Э. Старк в своей статье о ней (Красная Газета, 1923, 24/X, № 254), считая это произведение Островского совершенно немыслимым к постановке на большой сцене, находит оправдание этой постановке исключительно в педагогическом соображении познакомить юных зрителей с историческим фактом начала русского театра. «Спектакли в Театре юных зрителей, — по словам рецензента, — вообще интересны с точки зрения оформления сценического зрелища. Это совершенное, как в «Комике», отсутствие всяких сцени-

ческих декораций, самое ограниченное количество мебели и бутафории, сосредоточение действия на широком просцениуме и даже впереди его на полукруге перед первым рядом, — все это дает большой простор для актерской игры в чистом виде». В ТЮЗе особенно живо была исполнена интермедия и вообще, как говорит Э. Старк, в пределах отпущенных им природой способностей актеры Театра юных зрителей выполнили свое дело «с крайней добросовестностью и с исключительной к нему любовью».

Последней была постановка «Комика» в МХАТе II в сезон 1935—1936 гг. силами молодых кадров театра. Вызвана она была соображениями опять-таки педагогического характера. «Театр полагал, — как писал его представитель Ю. В. Соболев *, — что наиболее верным решением проблемы актерских кадров является постановка спектаклей, осуществляемых молодыми исполнителями». Соображение вполне правильное.

Как раз в том же помещении, принадлежавшем прежде филиалу Малого театра «Новому театру», под режиссерством А. П. Ленского, была осуществлена постановка «Комика» молодыми силами Малого театра именно с целью занять эти молодые силы, которые не могли принимать большого участия в спектаклях Малого театра.

Только напрасно Ю. В. Соболев считает историзм пьесы сомнительным. Задачей драматурга, несомненно, было показать, как тогдашнее общество восприняло театр, и то обстоятельство, что театр вводился по приказу царя и актеры становились «царевыми комедиантами», конечно, сыграло немалую роль в том, что тогдашнее домостроевское общество примирилось с театром.

Неправ был и другой театровед, С. Н. Дурылин, который в своей статье «Трагикомедия о русском актере» ** прежде всего отмечает, что комедия Островского не упоминает о холоде и голоде, который скоро ожидал русского актера, как это можно заключить из челобитной, поданной царю в 1673 г. «царевыми комедиантами», которым не платили жалованья. Конечно, драматург и не мог об этом упоминать, так как его целью было воссоздать самый начальный момент истории русского театра. Неправ С. Н. Дурылин и в дальнейшем своем утверждении. «Незаметно для себя, но с верностью истории, — пишет он, — Островский, говоря о театре, говорит о комедии, оставляя в стороне и трагедию, и оперу, и балет, т. е. то самое, что больше всего культивировал театр феодально-царского периода. Говоря об актере, Островский разумеет комического актера». Не касаясь вопроса о культе оперы и балета, который начался гораздо позднее, подчеркнем, что не незаметно для себя говорил Островский устами Грегори о значении комедии. И раньше, на основании письма Островского к попечителю Назимову, а особенно теперь, на основании его новооткрытых критических статей в «Москвитянине», можно смело утверждать, что в этой апологии комедии драматург выразил свое искреннейшее и задушевное убеждение о значении этого рода литературных произведений, которому, по его мнению, «суждено занять едва ли не главное место между разнородными явлениями всей литературной деятельности».

Неправ также и Э. М. Бескин ***, упрекающий Островского, неизвестно на каких основаниях, в недостаточно глубоком, поверхностном знакомстве с материалом, которое повело к тому, что «пьеса вышла гораздо больше бытовой, чем исторической». Как мы видели выше, драматург использовал для своей комедии не только «появившийся юбилейный материал, главным образом, посвященную юбилею (русского театра. Н. К.)

---

* Соболев. «Комик XVII столетия. Островский в МХТ II», «Советское искусство», 1935, 29/IX, № 45 (271).

** Театральная декада, 1935, 11/I, № 2, стр. 6—7.

*** Э. М. Бескин. «Комик XVII столетия». Советское искусство, 1935, 25/X, № 49 (275), стр. 3.

речь профессора Тихонравова на торжественном собрании Московского университета», как это утверждает Э. М. Бескин.

«Недостатков в пьесе Островского действительно много», пишет Э. М. Бескин. «Основной — недостаточное знание исторического материала». Можно сказать одно: нужно много смелости для такого утверждения, так как действительных оснований для него нет никаких. «Отсюда, — продолжает театровед, — терминологическая и историческая неясность в развитии исторической темы. Она оказалась в конце концов поднятой сценами бытовой домостроевщины». В подобного рода утверждении сквозит непонимание задачи, которую ставил себе драматург.

Но если Э. М. Бескин неправ в своих утверждениях о самой комедии Островского, то прав он в своих высказываниях о спектакле МХТ II. «То, что сделал с «Комиком» МХТ II, — пишет он, — трудно назвать очень ходовым у нас термином — новым прочтением. Нет, МХТ II не только вновь прочитал пьесу, но, прочитавши, переделал». Спектакль «Комика» в МХТ II надо скорее назвать — по Островскому, чем непосредственно Островским. Скромно обозначенный на афише «автор пролога и интермедий талантливый поэт Василий Каменский оказался фактически редактором Островского. Пьеса вся перемонтирована. Отдельные места ее переставлены. Очень много стихов изменено. Написан заново пролог. Эпилог вычеркнут. Второй акт почти целиком Каменского».

Рецензент признает за театром право так поступать, но ставит вопрос, какие принципы должны быть при этом соблюдены. «Прежде всего, — отвечает он, — историзм. Его нельзя подменять отсебятиной, хотя бы и театрально выгодной». «Театр увлекся идеей скоморошьей вольницы, скоморошьего фольклора,... и забыл об идейной стороне... Монолог Матвеева, ратующего во втором акте за «действа комедийные», выкинут. А сам Матвеев, один из первых по тому времени западников, превращен в подвыпившего кутилу, участника скоморошьих проказ». Здесь, таким образом, по совершенно справедливым словам Э. М. Бескина, полное искажение в спектакле и объективной истории и того, что дано (пусть неярко, дело театра сделать это более ярким) и у Островского». Первый в России учитель сцены и режиссер пастор Иоган Готфрид Грегори «превращен в прологе в какую-то цирковую фигуру, а в финале спектакля — в скучного ритора». Во втором акте вместо стильной интермедии, вкрапляемой в действо об Эсфири, весь акт превращен в апофеоз скоморошьих «робят», разыгрывающих известную «лодочку».

Ценой такой вольной обработки пьесы, говорит Э. М. Бескин, театр купил успех спектакля, успех несомненный и, что касается сценического успеха, вполне заслуженный. Меньше удовлетворяла в спектакле работа над словом. «Красочной и вкусной какой-то особой терпкостью, особой спотыкающейся для нас поступью старинного стиля язык Островского, — по словам критика, — звучал в спектакле упрощенно и не давал впечатления византийско-боярской Москвы».

В остальном, говорит он, нужно воздать должное молодым кадрам театра. Целый ряд ответственных ролей сыгран четко (Яков — Шахли, Кочетов — Фотиев, Анисья — Невельская, Татьяна — Шиловцева, Наталья Андриевская, Клушин — Шиловцев и др.).

Об успехе театра, в частности актеров, пишут и другие рецензенты, как например, Ив. Рахилло *, И. Бачелис **, А. Февральский ***; диссонансом звучит отзыв Н. Горчакова ****, который пишет: «Не хочется, чтобы оценка молодых кадров была чрезмерно сурова..., но результаты, которые предстали перед нами в показанной пьесе, нельзя чистосердечно занести в актив достижений новых театральных кадров».

---

* Рахилло, Иван. «Комик XVII столетия». «Красная звезда», 1935, 10/X, № 235, стр. 4.

** Бачелис М. Спектакли молодых. «Комсомольская Правда», 1935, 9 октября.

*** Февральский, А. «Комик XVII столетия». «Литературная газета», 1935, 9 октября.

**** Н. Горчаков. Спорный спектакль. «Рабочая Москва», 1935, 9 октября.

Еще несколько слов об оформлении пьесы, выполненном художником В. Татлиным. В этом случае среди хвалебных отзывов опять-таки выделяется мнение Н. Горчакова, признающего работу В. Татлина спорной. Безусловно прав он, утверждая, что «бесконечно надоели условные декорации, деревянные «фактуры», разные обрезки деревьев и фанерные нагромождения». Гораздо интереснее и выразительнее оказалась работа Татлина «в разделе костюма и оформления «комедийной» интермедии второго действия. В этой чисто театральной области много очень интересных находок».

Для полноты обзора отмечу, что театром к спектаклю была выпущена брошюрка * со статьями заслуженного деятеля искусств И. Н. Берсенева «Комик XVII столетия в МХТ 2-м», В. Залесского «А. Н. Островский и его эпоха», Ю. В. Соболева «Первые комедианты».

---

* А. Н. Островский. «Комик XVII столетия». Историческая комедия в 3 действиях. Пролог и интермедии Василия Каменского. 1935. Государственный Московский Художественный театр Второй. Стр. 24 с иллюстрац.

II

А. С. ПУШКИН

МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВА ПРОФ. Д. Н. АНУЧИНА О ПУШКИНЕ

Публикуемые здесь письма, относящиеся к биографическим сведениям о семье А. С. Пушкина, получены известным русским антропологом проф. Дмитрием Николаевичем Анучиным в тот период, когда последний специально занимался изучением вопроса о родословной поэта. Результатом этих изысканий появилась опубликованная в печати в 1899 г. работа (антропологический этюд) «А. С. Пушкин».

Не входя здесь в оценку этой работы по существу, отметим, что по части добывания фактического материала Д. Н. Анучин являлся положительно образцом для всякого специалиста-исследователя. Так, занимаясь вопросом о происхождении А. С. Пушкина, он не удовлетворялся источниками, которые можно было получить от соотечественников, но обращался за границу, к учреждениям и лицам, имевшим хотя бы отдаленное соприкосновение с интересовавшей его задачей, к ученым: известному исследователю истории Франции XVIII в. Chuquet, хорошо знакомому с французскими архивами; знатоку северо-восточной Африки, проф. Пауличке; французскому путешественнику по северной Абиссинии Сэнт-Иву; в военную французскую школу, даже к итальянскому генеральному штабу, — все это за тем, чтобы получить возможно более полное представление об африканских предках русского поэта.

Вопросами о происхождении А. С. Пушкина Д. Н. Анучин стал заниматься давно. Еще в 1880 г. он поместил в «Русском Архиве» заметку о родословной поэта, его происхождении; много лет спустя снова обратился к этому вопросу, изучая альбомы пушкинских выставок, сравнивая портреты А. С. Пушкина в разные годы жизни.

Черновые рабочие записи и выписки из архивов, огромнейшая переписка, развернувшаяся вокруг Пушкина («более пятисот писем, — по словам В. Д. Анучиной, жены Анучина, — послано было им в разные концы»), находятся в материалах архива Д. Н. Анучина, хранящихся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

Он разыскивал в коллекциях частных лиц и учреждений портреты современников А. С. Пушкина, его родственников по линии Ганнибалов, портреты самого поэта, выбирая из них наиболее редкие и интересные.

Особое внимание он уделил портрету Пушкина работы Тропинина, который «будто бы умел очень схватывать оригинал». Для осмотра этого портрета Анучин в 1899 г. специально посетил кн. Н. Н. Оболенского и подробно изучил портрет. Он вымерил портрет и занес о нем специальную запись в своем дневнике: «величина его (без рамки) 68,5×55,5 сант., — писал в 1823 году акад. Васил. Андр. Тропинин, — куплен за 50 руб.» — так значится в составленном Оболенским списке картин, бывших у его grand oncle кн. М. А. Оболенского. (Из дневника Д. Н. Анучина во Всесоюзной библиотеке им. Ленина.)

Д. Н. Анучин находит наряду с этим портретом и другой небольшой рисунок В. А. Тропинина, приобретенный у Н. М. Павлова, крестника Аксакова, сделанный мягким карандашом. По словам И. Е. Цветаева, этот рисунок вернее схватывал оригинал, чем позднейший портрет, для которого он служил первым наброском.

Помимо подлинных портретов, Д. Н. Анучин изучал и сравнивал литографии и фотографии известных портретов А. С. Пушкина — Райта, Верне, Кипренского, принадлежавших В. Е. Якушину *. Немало интересовался Анучин и пушкинскими реликвиями, находившимися у артиста-коллекционера М. П. Писарева, среди которых особенно занимала его картина, писанная гуашью, — портрет А. С. Пушкина и его

* Литография рисунка Бруни — Пушкин в гробу — совершенно не удовлетворила Анучина: «Негоже! Кроме того, сделаны над головой (из листьев венка) два рога. Дует в угоду Бенкендорфа!» (Из дневника А. Н. Анучина.)

жены. Пушкин изображен здесь сидящим за письменным столом в своем кабинете. На столе принадлежности для писания, несколько книг и бюст Данте из темной бронзы. Поэт одет по-домашнему, в туфлях и светлом восточном халате. Лист бумаги и перо, которое Пушкин держит в руке, показывают, что он только что писал и на минуту прервал свои занятия, чтобы проститься с женой, уходящей из дому. Будучи у И. С. Цветкова, Анучин берет на заметку небольшую картинку Крендовского, изображающую сборы Пушкина на охоту.

Из других предметов Анучин обращает внимание на маски и бюсты Пушкина, на восковую статуэтку поэта, где удивительно тонко переданы лицо, глаза и шевелюра Пушкина *; берет на учет различные вещи, принадлежавшие поэту: перстень с печатью, подаренный ему кн. Е. К. Воронцовой (ум. в 1880 г.) и считавшийся талисманом (собственность И. С. Тургенева); черный суконный двубортный жилет Пушкина, бывший на нем во время дуэли, черную палку, подаренную после его смерти В. А. Жуковским проф. И. П. Шульгину (собственность Д. И. Шульгина), палку с сердоликовым набалдашником, перешедшую по смерти Пушкина к врачу И. Г. Спасскому, а по смерти его доставшуюся мужу его воспитанницы, библиотекарю И. П. Беккеру, который подарил ее Библиотеке, и т. д.

Не ограничиваясь этим, Анучин посещает сына поэта Александра Александровича Пушкина. «Он старик в генеральском мундире, — отмечает в своем дневнике Анучин. — Нос тонкий, довольно длинный, горбатый (скорее Льва Пушкина), волосы седые, борода. В типе вообще едва ли кто может заметить африканское. Брат его Григорий Александрович более сохранил африканские черты». (Из дневника Д. Н. Анучина.) Детально изучает гостиную А. А. Пушкина: «Над диваном портрет поэта — Кипренского, в левом нижнем углу — О. К. 1827 г. Портрет хорошей работы. У Пушкина глаза темноголубые, белок без желтизны. Волосы темнокаштановые. На лице порядочная краснота, румянец. Фотография не передает выражения. Ногти длинные, узкие. Налево от поэта портрет Гартунг, вправо — Меренберг **. Первая старше Александра Александровича, волосы темные, вторая моложе — волосы светлосерые». (Из дневника Д. Н. Анучина.)

Там же в кабинете А. А. Пушкина находит портрет его матери — жены поэта, раскрашенную фотографию с акварели В. Гау, ее же портрет в старости. «Черты лица ее — тонкие, сохраняют следы красоты. Подлинник молодой — у Александры Петровны Араповой, дочери ее от Ланского». (Из дневника Д. Н. Анучина.)

Тщательно изучает Анучин рисунки и автографы Пушкина, находившиеся у разных лиц: П. Я. Дашкова, П. В. Анненкова, М. Л. Семевского и др.

Изо дня в день накапливает Анучин огромнейшие материалы по Пушкину, дополняя их сведениями из прочитанных книг, просматривает литературу о Пушкине, листует архивы, родословные книги, изучает иностранную литературу об Абиссинии и т. д.

Не ограничиваясь изучением всех этих материалов, Д. Н. Анучин заводит огромнейшую переписку с лицами, имевшими то или иное отношение к личности А. С. Пушкина или к предметам, связанным с именем Ганнибалов и Пушкиных.

Нет возможности привести всех многочисленных корреспондентов Д. Н. Анучина, поэтому нами публикуются лишь некоторые из них, а именно: 1) три письма Анны Семеновны Ганнибал, правнучки Ибрагима Петровича; 2) два письма Марии Алексеевны Кисловщенко, двоюродной сестры Анны Семеновны Ганнибал; 3) два письма Л. Н. Павлищева, сына Ольги Сергеевны Пушкиной, сестры поэта, автора фальсифицированных «Воспоминаний»; 4) два письма Марии Раевской, племянницы Александра Николаевича Раевского, и 5) выдержки из двух писем Юлия Михайловича Шокальского, друга сына поэта, Григория Александровича.

Представление о других материалах по Пушкину дается в «Пушкиниане по архивным материалам Д. Н. Анучина», небольшом библиографическом опыте, который, полагаем, будет не бесполезен исследователю при изучении материалов о Пушкине в архиве Д. Н. Анучина.

---

* Эта восковая статуэтка А. С. Пушкина известного мастера Теребенева находится в настоящее время в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина; высота статуэтки 355 мм, ширина в плечах 100 мм, в локтях — 93 мм. Здесь же хранится жилет А. С. Пушкина.

** Гартунг и Меренберг — дочери А. С. Пушкина.

Помимо того, из архива Д. Н. Анучина даются:
1. Портрет правнучки Абрама Ганнибал, Анны Семеновны Ганнибал.
2. Портрет старшего сына поэта, Александра Александровича Пушкина.
3. и 4. Два портрета дочерей поэта: М. А. Гартунг и Н. А. Меренберг.
5. Портрет младшего сына поэта, Григория Александровича Пушкина.

И. В. Федоров

ПИСЬМА А. С. ГАННИБАЛ*

1 — Одесса, апр. 1899 г.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

Постараюсь добросовестно ответить на Ваши вопросы, хотя сведения мои относительно моего семейства очень неполны: я всегда жила далеко от моих родственников и не была с ними в постоянных сношениях; но у меня есть двоюродные сестры, сообщения которых будут для Вас интереснее моих.

Я им послала копию Вашего письма и Ваш адрес, прося их написать Вам то, что им известно, и сообщить о портретах, которые Вас интересуют. Мне кажется, у матери их Констанции Исаковны Хорошиловой был портрет Абрама Петровича, но в этом я не уверена, но знаю наверно, что был портрет ее отца Исака Абрамовича, его я видела. К кому из дочерей перешли эти портреты и сохранились ли они, — не знаю, но надеюсь, что Вам будут сообщены о них необходимые сведения.

На всякий случай прилагаю адрес двоюродных сестер, которым я написала.

1) Наталья Алексеевна Назарова — г. Брест-Литовск[ая] Крепость, Военный госпиталь.

У нее хранилось письмо Абр[ама Петровича] к сыну Исаку, в котором он разрешал ему жениться, или же наоборот, письмо Исака Абр[амовича], в кот[ором] он просил разрешения жениться. Не знаю, существует ли это письмо в настоящее время.

2) Марья Алексеевна Кисловщенко. С. Петербург, уг. Б. Итальянской и Садовой. Александров[ский] кадетский корпус.

Относительно генеалогии Ганниб[алов] они также знают больше моего: я потеряла отца, когда мне было 4 года, а мать их, которая была только 2—3 годами моложе отца, умерла только 12—15 лет тому назад.

Знаю только, что Исак Абрамович был женат на Чихачевой и у них было 21 или 22 человека детей.

Исаак Абрамович

Александр	Клавдия (Инглиз)	Семен	Констанция (Хорошилова)
I	I	I	I
Александр	Мария Аделаида (жива) (Конден)	Анна (жива)	1) Наталья (Назарова) (жива)
I			2) Мария (Кисловщенко) (жива) в первом браке Стоянова
Егор (в живых)			I
I			От первого брака двое детей и от 2-го — дочь Ольга
Его дети?			3) Александра
			4) Владимир
			У Владимира Хорошилова остались дети.

* Анна Семеновна Ганнибал — правнучка Абрама Петровича Ганнибал.

Из этой таблицы (которую, надеюсь, Вам пополнят мои двоюродные сестры) Вы видите, что в такой же степени происхождения от Абр[ама] Петр[овича], как и Пушкин, состоят: Александр Александрович Ганнибал, Марья Алекс. Толстонова, рожд. Инглиз, Аделаида Алекс. Конден, Анна Сем[еновна] Ганнибал, Наталья Алекс. Назарова, Марья Алексеевна Кисловщенко, Александра Алекс[еевна] Хорошилова и Владимир Алексеевич Хорошилов. Из них только четверо в живых: Н. А. Назарова, М. А. Кисловщенко, Ад. Ал. Конден и Анна Сем[еновна] Ганнибал.

Аделаида Александр[овна] Конден живет в Москве, иногда в деревне под Москвой.

Егор Алекс[андрович] Ганнибал имеет сыновей подростков; ему уже лет под 60. Насколько помню, у матери его были какие-то документы, относящиеся к семье ее мужа, она ими дорожила. Егор Алекс[андрович] живет в Петербурге, Марья Алекс[еевна] Кисловщенко видается с ними и, вероятно, сообщит Вам, если у него что-нибудь интересное найдется.

Относительно образа я должна сообщить Вам, что это тот образ, которым, по нашему семейному преданию, Петр Великий благословил Абр[ама] Петровича перед смертью. Пушкин говорит где-то, что Петр I благословил своего крестника образом Петра и Павла, но я думаю, что отец мой, ближе стоявший к Абраму Петровичу, был лучше осведомлен. Я полагаю, как и Вы, что год 1725 не точен, и что 23 — вернее. Вероятно, Абр[ам] Петров[ич] привез этот образ Петру I, и он перед смертью им же и благословил своего крестника. Отец очень дорожил этим образом и постарался возвратить его в свою семью: до 1852 или 53 г. образ этот находился в семье Дурново. Как он туда попал, — мне неизвестно. Кажется, между Дурново и Ганнибалами б[ыло] какое-то родство. У этих же Дурново, по словам отца, хранилась и дворянская грамота, данная Абраму Петровичу Петром I или Елизаветой Петровной? а может быть, там были и другие документы.

Относительно надписи на образе я не ошибаюсь: там стоит 1725 г. и Италия. Но меня именно смущал этот 25 г.; так как я знала, что образ этот был в руках Петра I в январе 25 г., то надо бы предположить, что Абр[ам] Петр[ович] вернулся именно в январе 25 года, что, конечно, не невозможно, но мало вероятно. Первая половина надписи сохранилась на образе ясно; пострадали только последние 3 слова: «Абрамом Петровичем Ганнибалом», но и их можно прочесть; это случилось уже с тех пор, как образ в моих руках; я помню надпись еще очень отчетливой.

Относительно поездки в Италию, хотя и нет на это других документов, кроме надписи на образе, я склонна думать, что Абрам Петрович непременно был в Италии проездом из Франции, где он должен был много слышать об Италии (мне кажется, в то время Франция была в частых сношениях с Италией), должен был заинтересоваться этой страной, лежащей так недалеко от его родины, и воспользоваться случаем посетить ее.

Да и живопись на образе не напоминает русскую иконопись, а скорее итальянскую живопись; так мне кажется по крайней мере, я в этом не знаток и не берусь судить.

Если будет возможно, я Вам пришлю фотографию с этого образа.

Прилагаю снимок с моей печати: мне тоже кажется теперь, что первая буква F; но у меня только четыре буквы Fuma. Последняя — несомненно a.

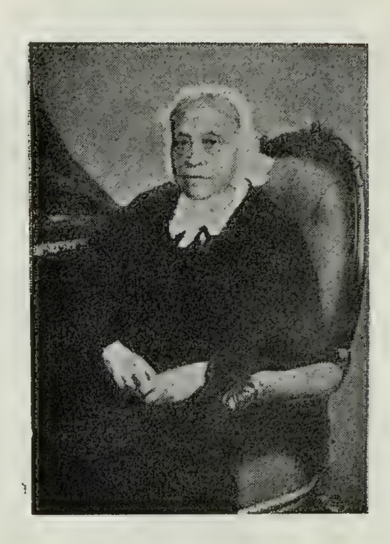
Впрочем, таких печатей должно быть несколько: Исак Абр[амович] заказал для всех своих сыновей одинакие печати со своей; очень может б[ыть], что резчик ошибся на которой-нибудь из них. Знаю только, что моя печать досталась мне от отца, я считала ее печатью деда Исака Абрамовича, но теперь вспомнила рассказ о печатях, заказанных для

М. А. Пушкина, дочь поэта.

Н. А. Пушкина, дочь поэта.

А. С. Ганнибал.

А. А. Пушкин, сын поэта.

Г. А. Пушкин, сын поэта.

сыновей Исаака Абрамов[ича]. Такая же печать была у Егора Алекс[андровича] Ганнибала, но какая на ней надпись, не знаю; по наружному виду она похожа на мою совершенно. Не знаю, сохранилась ли она у него.

Не находится ли какого-нибудь указания на герб Ганнибалов в Записках или автобиографии Ивана Абр[амовича] Г[аннибала], хранящейся, если не ошибаюсь, в Архиве министерства иностранных дел в Москве?

Память об Иване Абрамов[иче] сохранилась в Херсоне, где ему поставлен памятник небольшой в крепости, и одна из улиц Херсона наз[вана] Ганнибаловской.

Вы называете его героем Чесмы? Не знаю, был ли он под Чесмой, но он взял Наварин у турок в 1770 г. Об этом факте упоминает и Соловьев в своей Истории, и Пушкин говорит:

. . . .
Пред кем громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин.

Иван Абр[амович], вероятно, жил на юге и владел здесь землей: на археологическом съезде в Одессе мне показывали фотографию церкви того села, которое некогда принадлежало Ивану Абрамовичу.

Похоронен Иван Абрамович в Александро-Невской лавре, в маленькой церкви св. Лазаря. На мраморной доске вырезана, как мне тогда казалось (лет 20 тому назад), весьма витиеватая эпитафия.

Из портретов у меня есть только портрет отца Семена Исаковича, и то не очень хороший; но я пришлю Вам фотографический снимок с него, если Вы желаете.

Отец мой родился еще в прошлом столетии, ему было бы больше ста лет теперь, воспитывался в I Кадет[ском] корпусе в Петербурге и в 13 или 14 г. б[ыл] выпущен в артиллерию и отправлен за границу. Он простоял все время в Силезии и по заключении мира вернулся в Россию. Формуляр отца свидетельствует о том, что он любил перемену и, по всей вероятности, не уживался с начальством; между тем, сопоставляя рассказ моей матери и его племянников и племянниц, я составила себе о нем понятие, как о человеке умном, симпатичном, кот[орый] был душой общества и всюду вносил с собой радость и веселье, но был не лишен эксцентричности; он женился поздно, когда ему б[ыло] уже за 50 лет, и через 5 лет умер в 1853 г.

Из рассказов его многое у меня перепуталось и забылось, многое относится к его личной жизни и не имеет для Вас интереса.

То же, что я Вам сказала об образе, хотя и не имеет документального подтверждения, для меня по крайней мере очень интересно. Кроме того, слышала я, что Абрам Петрович б[ыл] сын какого-то владетельного князька в Африке и будто брат его приезжал в Россию с выкупом, но Петр I имел жестокость не отпустить его на родину. Слышала тоже, что Абрам Петр[ович] или сын его Иван Абр[амович] считали своим родоначальником Карфагенского Ганнибала, и вот подтверждение этой легенде я искала в их гербе и думала найти слово: Puna — карфагенянин; но оказывается, что по-латыни это слово не так пишется. Мне было бы очень интересно знать, найдете ли Вы объяснение этой надписи.

Прилагаю: 1) фотографическую карточку Констансии Исаковны Хорошиловой, ей уж б[ыло] за 70 лет, с просьбой вернуть мне ее когда-нибудь. 2) Свою — в молодости; думаю, что это будет Вам полезнее, нежели последующие.

Известны ли Вам Записки Павлищева (племянника Пушкина)? Они печатались в «Старине» или «Архиве» лет 13—14 тому назад, там были кой-какие сведения о Ганнибалах.

Я сказала Вам много лишнего и прошу простить за многословие, но, как все непосвященные, не умею выразить мысль в сжатой форме.

Прошу Вас принять уверение в моем совершенном уважении. *А. Ганнибал.*

2

Одесса, 20 мая 99 г.

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Если только сегодня удается поблагодарить Вас за Ваше любезное и в высшей степени интересное письмо от 28 апреля, то виною этому та страдная пора, которая наступает для учащих и учащихся каждую весну. В настоящую минуту я окончила все мои занятия и собираюсь в Петербург, где надеюсь застать празднества, устраиваемые в честь Пушкина, посмотреть выставки и т. д.

Мне очень жаль, что я так мало могла сообщить Вам о моих предках, но за то мне удалось достать здесь один из Ваших фельетонов, который я и прочитала с живейшим интересом и почерпнула там очень интересные новые сведения о происхождении прадеда; этот фельетон доказал мне, что письмо мое к Вам было очень наивно, так как Вы знаете о Ганнибалах гораздо больше моего!

Фотографию с образа взялся делать очень искусный фотограф-любитель, Г. Кремер; но фотография еще не готова, и Вы ее получите через 2—3 недели, я думаю. Портрет моего отца я хочу Вам прислать в оригинале, так как с фотографиями с старинных портретов — большая возня; говорят, нужно 2—3 недели работать, а Вам, может быть, интересно будет видеть этот портрет раньше, да и в мое отсутствие я не могу рассчитывать на скорое исполнение; образ уже с неделю в работе, так что я могу надеяться на то, что снимок будет Вам доставлен.

Пушкинская выставка открывается 22-го, и я поручила переслать Вам каталог и кой-какие сведения о ней. Если Вы имеете хоть какие-нибудь поручения в Петербург к m-me Кисловщенко или Е. А. Ганнибалу, то я попрошу Вас адресовать мне письмо к М. А. Кисловщенко на ее имя с передачей мне; может быть, Вы желаете получить еще что-нибудь от Е. А. Ганнибала; я его, конечно, буду видеть и, может быть, найду у него что-нибудь еще, кроме тех грамот, которые Вы, верно, уж получили.

Из Петербурга я еду в Волынскую губ., в м. Славуту, где и буду жить до конца августа; если Вы будете так добры и перешлете мне фельетоны, в случае, если не измените намерения сделать их оттиски, то прошу Вас писать мне по следующему адресу: Ольге Алекс. Чикуановой, Славута, Юго-Зап[адной] ж. д., с передачей мне.

Мне бы интересно знать, дойдет ли до Вас в целости портрет отца и фотография образа.

На счет детей Констансии Исаковны Хорошиловой — ошибка у М. А. Кисловщенко: она не упомянула о своей младшей сестре, кот[орая] не б[ыла] замужем и умерла в молодости, но я ее знала.

О Дурново постараюсь узнать в Петербурге.

Портрета дяди, Исака Абр[амовича], который был у Н. А. Назаровой, у нее больше нет, и она не знает, где он. Буду видеться еще с Евг[енией] Петр[овной] Дельфин, рожд. Ганнибал, ей уж 80 лет, но она, кажется, сохранила память, и все, что она расскажет о Ганнибалах, запишу и сообщу, если будет что-нибудь интересное.

Может быть, на образе Италия стоит вместо Испании? Не был ли Абрам Петрович в Испании?

Во всяком случае живопись — не русская. Кажется, фотография будет удачна.

Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за письмо и за те интересные сведения, которые Вы сообщаете. Все эти вопросы меня давно

интересовали, и не знаю уж почему, я твердо помнила о рукописи Ив[ана] Абр[амовича], хранящейся в Архиве иностр[анных] дел, и думала, что, будь я мужчиной, непременно занялась бы изданием этих бумаг. На каком основании и откуда я взяла, что эта рукопись должна существовать, сказать не умею, но верно откуда-нибудь я об ней слышала.

Прошу извинить за мое всегдашнее многословие и принять уверение в моем совершенном уважении.

А. Ганнибал.

Одесса, 6 ноября 99 г.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

Приношу Вам мою живейшую благодарность за присылку брошюры с Вашими фельетонами об А. С. Пушкине. В них я нашла ответ на многие вопросы, которые меня всю жизнь интересовали и на которые я не надеялась получить ответ.

Относительно портрета моего отца скажу, что с удовольствием передам его в какой-нибудь музей, но после моей смерти, а теперь я попрошу Вас мне его возвратить, когда он Вам не будет нужен.

Образ же, принадлежавший А. П. Ганнибалу, я хочу отдать (тоже после моей смерти) в Александро-Невскую лавру, с тем, чтобы его поставили над могилой Ивана Абрамовича.

Фотографические снимки с образа я Вам препроводила в августе. Г. Кремер, член хозяйственной части в Одесском институте, любезно предложил мне сделать снимки; мне кажется, они вышли удачны.

Он мне говорил, что год на образе действительнее 23, а не 25-й.

Очень жалею, что я не молода и не могу посетить отечество моих предков, о котором благодаря Вам я получила живое представление, но должна сказать, что у меня смолоду было тяготение к югу, зною и солнцу.

Еще раз благодарю Вас, милостивый государь, за те приятные минуты, которые доставило мне чтение Ваших очерков, и прошу принять уверение в моем совершенном уважении.

А. Ганнибал.

ПИСЬМА М. А. КИСЛОВЩЕНКО *

1

С. Петербург 26 апреля 1899 г.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

Согласно желанию родственницы моей Анны Семеновны Ганнибал, к которой Вы обратились письменно о присылке Вам родословной Ганнибалов и портретов некоторых их родственников и потомков Ибрагима Ганнибала, посылаю Вам как родословную его, так и карточки некоторых из моих родных, которые, по снятии с них копий, прошу возвратить мне обратно по следующему адресу: С. Петербург, угол Большой Садовой и Большой Итальянской, Александровский кадетский корпус, Марии Алексеевне Кисловщенко.

Относительно биографических сведений некоторых из моих родственников могу сообщить лишь следующие данные: Георгий Александрович Ганнибал отставной поручик 67 лет, дети его находятся на частной службе, умершая мать моя Констанция Исаковна Хорошилова, урожд[енная] Ганнибал, вдова отставного капитана, муж мой первый Александр Конст[антинович] Стоянов потомств[енный] дворянин, второй же Дмитрий Дмитриевич Кисловщенко служит экономом в С. Петер[бургском] Александровском кадетском корпусе.

---

* Кисловщенко Мария Алексеевна — двоюродная сестра Анны Семеновны Ганнибал — по первому мужу Стоянова.

Один из моих сыновей Сергей служит поручиком в одном из армейских полков, другой же Алексей находится дома, дочь же моя Ольга Кисловщенко находится при мне. В Москве проживает еще одна из моих родственниц Аделаида Александровна Конден. Адрес ее следующ.: Большая Пресня, д. Егорова, кв. Дубинина.

Примите уверение в совершенном почтении и искренней преданности Глубоко уважающей Вас

Марии Кисловщенко.

2

20 май

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

Письмо Ваше от 15 мая получила только 20-го, так как мы уже переехали на дачу в Лифляндскую губ., а потому и спешу ответить Вам.

Относительно посланных Вам предметов я ничего не имею, чтобы они были выставлены; об одном прошу, чтобы они были сохранены. Об Исааке Абрамовиче хочу только сказать, что он был женат на псковской помещице Анне Андреевне Чихачевой, он умер в чине коллежского советника, а когда умер и где похоронен, мне не известно; что касается его наружности, то, судя, по портрету, который был у нашей матери: Исаак Абрамович был смуглый, но арабского в нем было мало, нос был продлинноватый и губы тонкие, прическа такая же, как на портрете у Иосифа Абрамовича, который был помещен в «Ниве».

Вот все, что только могу написать о нем.

С истинным почтением имею быть готовая к услугам

М. Кисловщенко.

P. S. Это письмо пишу собственноручно, а предыдущие по болезни моей писал муж мой.

Лифляндской губ., г. Пернов, Купальная ул., д. Бредо.

ПИСЬМА Л. Н. ПАВЛИЩЕВА

1

С. Петербург, 8/II—99 г.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

Ваше письмо от 6 февраля получил и на поставленные Вами вопросы имею честь ответить следующее:

1. На московскую Пушкинскую выставку 1880 года мною были представлены лично во время Пушкинских дней имеющиеся у меня портреты моих ближайших родных. Из этих портретов, бог знает почему, не попал в альбом портрет родной сестры поэта — незабвенной памяти матери моей Ольги Сергеевны, и о таком недосмотре я напечатал в введении моей Семейной Хроники («Ист. Вестник», Январь 1888 г.). Представленные мной портреты я получил после довольно продолжительного периода времени обратно по почте, частью с разбитыми рамками, частью же с выпачканными изображениями, и, конечно, распорядился привести их в прежний благообразный вид.

2. Портрет моей матери* и портрет дяди Льва**, — первый акварельной работы г-жи Черновой в 1844 году, второй — подаренный дядей Львом в 1848 г. Ольге Сергеевне, — отданы мною ныне издателю журнала «Нива» для их воспроизведения в его органе, причем я дал ему письменное обязательство не распространять их для дальнейших переснимок другими лицами. Они у него в работе. Другой портрет моей матери (1833 года) и дяди Льва (последний Орловского) нарисованы карандашом, почему снимать их крайне затруднительно. Так же неудобно снимать и единственный находящийся у меня портрет масляными крас-

* Воспроизведенный в январской книжке «Исторического Вестника» 1888 г.

** В мартовской книжке «Исторического Вестника» 1888 г.

ками в миниатюре — Ивана Ибрагимовича Ганнибала (брата моего прадеда Осипа Ибрагимовича), да портрет моей бабки Надежды Осиповны Пушкиной, на слоновой кости, писанный графом Местром, а также и портрет моего дяди Сергея Львовича Пушкина (пастелью), довольно большой, подаренный им моей матери незадолго до его кончины.

3. Касательно требуемых Вами сведений на счет темперамента, привычек, странностей и т. п. как у самого поэта, так и у его ближайшей родни, то все это (за исключением странностей) как нельзя более подробно изложено в своей Семейной Хронике («Ист. Вестник» 1888 г.), вышедшей впоследствии в 1890 году в Москве отдельным изданием, под заглавием «Воспоминания об А. С. Пушкине» (издал бывший редактор «Московских Ведомостей» г. Петровский), частью же в продолжениях той же «Хроники» («Московское Русское Обозрение» 1890 г. и «Русская Старина» 1896 года).

4. У моей бабки Надежды Осиповны Пушкиной волоса и глаза были темные, волоса несколько курчавые, черты лица безукоризненно правильные, редкой красоты — можно сказать, антично-греческой, цвет кожи смугловатый. Что же касается до слышанной г. Бартеневым желтоватой краски ее ладоней и ногтей, особенно при корне их, то ничего об этих признаках сказать не могу: моя мать никогда мне о них не говорила; я же не мог их и заметить, ибо когда умирала бабка (в 1836 г.), я был полуторагодовалым ребенком и лишь бессознательным свидетелем ее кончины, ночуя в комнате, в которой Надежда Осиповна скончалась. В имеющемся же у меня портрете она снята только по талью, следовательно ладоней, тем более ногтей, не видно.

5. У моего деда Сергея Львовича глаза были голубоватые, светлые, волоса белокурые, с рыжеватым оттенком, судя по портрету, и он и его оба сына были росту небольшого — немного выше моей матери, которая для женщины была ростом более среднего.

6. У дяди Александра глаза, действительно, были голубые, впадая в серый цвет, судя по большому портрету Кипренского. Подлинник я видел у моей тетки — вдовы поэта Натальи Николаевны, а точная копия с него — в моем кабинете. Кипренский нарисовал глаза дяди Александра без ресниц, что заметила моя мать, говоря, что у ее брата-поэта были ресницы очень густые. Волоса его в детстве — так же, как в детстве у моей матери и в детстве у Вашего покорного слуги, были белокурые. Все же мы, с наступлением молодости, сделались более чем темнорусыми. Моя же мать стала седеть около 32-х лет, а после известия о страшной кончине ее брата поседела значительно.

7. Дядя Лев был всю жизнь белокур, при африканском типе, а в молодости курчав. У моей же матери волосы были прямые.

8. В молодых и средних летах моя мать была наружностью очень похожа на свою родительницу, а в старости наоборот — на отца. Отпечатка у нее африканского типа было гораздо меньше, чем у ее братьев, но все же заметно было, что она дочь de la belle créole — Надежды Осиповны.

Признаки же африканского происхождения сохранились в особенности у моего двоюродного брата — младшего сына поэта Григория Александровича Пушкина, поразительно похожего на Александра Сергеевича, отчасти же у младшей дочери поэта — графини Натальи Александровны Меренберг. Старшая же дочь Марья Александровна Гартунг похожа не столько на отца, сколько на мою мать Ольгу Сергеевну. Впрочем, Марья Александровна и старший сын поэта генерал-лейтенант Александр Александрович Пушкин проживают в Москве, и видеть их в Белокаменной не представляет Вам особенных затруднений. Они же Вам могли бы сообщить о судьбе Ганнибаловских портретов. Из них, как я сказал выше, у меня лишь портрет Ивана Ибрагимовича в белом мундире и с Александровской лентой. Чистый тип мулата. Цвет лица — café au lait.

Вот все, что могу сообщить о внешнем виде моих родных; но было бы гораздо лучше для Вас, если Вы бы меня посетили в Петербурге. Я бы показал Вам портреты, украшающие мой кабинет.

Что же касается равномерно требуемых Вами сведений о происхождении моего прапрадеда Ибрагима Петровича, то об этом предмете рассказано как нельзя лучше самим моим достославной памяти дядей Александром в его прозаических сочинениях: «Арап Петра Великого» и проч. Сведений же о привычках да образе жизни прочих Ганнибаловых опять-таки найдете в моей «Семейной Хронике» («Историч. Вестник» 1888 г.), а еще лучше того, в ее отдельном издании, о котором упоминаю выше, так как в конце помянутого издания напечатан в алфавитном порядке подробный список лицам, о которых говорится в тексте моих воспоминаний.

Примите уверение в совершенном моем уважении

Л. Павлищев.

2

С. Петербург 19/II—99.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

Извините, что промедлил ответом на Ваше письмо от 11 февраля, так как не мог этого сделать, пока не отыскал фотографа после многих затруднений, который согласился сделать снимки с портретов моей матери* и прадеда Ивана Ибрагимовича**. Вся эта история со снимком и моего портрета, который желаете тоже иметь, будет стоить 25 рублей. Если Вы согласны, то по получении от Вас этой суммы закажу требуемое немедленно и вышлю Вам тотчас, когда портреты будут готовы.

Портрет Ивана Ибрагимовича не есть копия с портрета Боровиковского, а подарен моей покойной матери с незапамятных времен. Лицо не влево от зрителя, а вправо, через плечо Александровская, а не Владимирская лента, жилета не видно, а плаща, накинутого на мундире, вовсе не имеется.

Затем, обращаясь к изложенному Вами в последнем письме, имею честь сообщить:

1. В моей «Семейной Хронике» о Пушкине и всех его родных рассказано все, что знаю, а затем дальнейшие подробности мне неизвестны, но вот о чем считаю не лишним Вам еще сообщить:

Я приготовил к юбилею дяди моего критическое исследование о его кончине, событиях, предшествовавших поединку с Дантесом-Гекереном, причинах поединка с характеристикой Дантеса и прочими подробностями на основании имеющихся у меня семейных писем и бесед моих с моей матерью, а также со вдовой поэта и его современниками-друзьями — князем П. А. Вяземским, П. А. Плетневым, С. А. Соболевским, Ф. Ф. Вигелем и другими. Рукопись эту, представляющую собою не малый интерес, я передал на рассмотрение одному лицу для издания этой рукописи особой книжкой, с тем чтобы это лицо, по рассмотрении рукописи, уплатило мне гонорар тотчас, а затем половину барышей от продажи книжки. В среду это дело должно решиться. В случае, если найду его предложения невыгодными, то во внимание к тому, что Вы интересуетесь всем, что касается моего дяди, готов предложить Вам приобрести эту рукопись, с чем и спишусь с Вами.

Во 2-х. Если Вам сообщил о белокурости в детстве моего дяди, то мне кажется, что истина не на стороне его биографов, а на стороне свидетельства родной сестры его — моей матери, следовательно и на моей.

Пользуюсь случаем просить Вас принять уверение в совершенном уважении.

Л. Павлищев.

---

* В 1833 г. карандашом

** Миниатюра масляными красками.

ПИСЬМА М. РАЕВСКОЙ *

1

С. Петербург, Сергиевская, 32.
17 февраля 1899 г.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

У меня хранятся следующие собственноручные манускрипты А. С. Пушкина.

1-е. Письмо из Ставрополя от 6-го июня 1848 ** к моему свекру, генералу Н. Н. Раевскому.

2-е. Одна страница из «Евгения Онегина».

3-е. В отдельном, переплетном альбоме, несколько рисунков (эскизов) А. С. Пушкина и собственноручно написанное стихотворение «Когда по синеве морей».

4-е. 2 письма братьев Пушкина, Льва и Сергия ***.

5-е. Копия письма с интересным подробным описанием смерти Пушкина. без подписи. Вот все, что имеется в нашем семейном архиве о А. С. Пушкине.

Портретов Пушкина не имею.

Если Вас интересует то, что имеется, то я готова их Вам показать, и если желаете, могу прислать Вам копии с этих реликвий, но высылать их Вам я не решаюсь.

Уважающая Вас *Мария Раевская.*

P. S. Мне говорили, что дядя моего мужа Александр Николаевич Раевский сжег огромную переписку с Пушкиным.

2

С. Петербург, Сергиевская 32, 20 марта.

Милостивый государь, Дмитрий Николаевич.

Посылаю Вам в копиях письмо, касающееся А. С. Пушкина. Письмо от 5-го июня 1838, вероятно, принадлежит Льву Сергиевичу. Также собственноручно написанное стихотворение А. С. Пушкина 1829 5 июня. Что же касается отрывка из «Евгения Онегина», тоже собственноручно написанного автором, я его не посылаю, ибо он ничем не отличается от изданных сочинений Пушкина. Рисунки А. С. Пушкина находятся в толстой тетради, и трудно мне Вам перечислить эти рисунки, большею частью это разные типы горцев, казаков, есть один запорожец с бритой головой и с косой, сатиры. Есть один эскиз вид фонтана в Гурзуфе. Большею частью эти рисунки одни наброски.

Портрета поэта не имеется в этом альбоме. Прошу Вас, милостивый государь Дмитрий Николаевич, принять уверения в совершенном моем уважении.

Мария Раевская.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ Ю. М. ШОКАЛЬСКОГО ****

1

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Простите, что так задержал ответ, это произошло потому, что все это время был болен и теперь еще не поправился, заболел неважною

---

* Раевская Мария Григорьевна, урожденная княжна Гагарина, жена Михаила Николаевича Раевского, сына Николая Николаевича Раевского-младшего. (Со слов племянницы ее мужа Елизаветы Николаевны Орловой.)

** Дата дана ошибочная.

*** Одного из братьев А. С. Пушкина. Дано ошибочное имя.

**** Шокальский, Юлий Михайлович (род. в 1856 г.) — крупнейший специалист по исследованию океанов, морей и озер, участник международных географических, геодезических, картографических конгрессов и конференций, почетный член крупнейших

болезнью — переутомлением и вынужден на некоторое время не заниматься, не работать и не думать ничего.

Справки собрал, — они не утешительны, в Морск[ом] музее нет портретов, каталог его присылаю вместе с Т. I и Т. VI Общего морского списка, в которых только и есть данные о Ганнибалах, больше сведений о них не нашел. Нет ли портретов у Ровинского?

Затем написал в деревню, нет ли там портретов; да надо Вам сказать, что я вырос в Тригорском, рядом с Михайловским, и приятель младшего сына Григ[ория] Алекс[андровича]; все мои родные по матери, родственники Осиповым и Вульфам. Прообраз Татьяны — моя двоюродная тетушка, кот[орую] я хорошо очень помню. Туда и написал, но ответа еще не имею, да и боюсь согласятся ли расстаться с портретами; дело в том, что у них неоднократно брали и не возвращали, так что старушки в обиде и сердиты вообще на интервьюеров, кот[орые] сплошь и рядом пристают, а потом пишут чепуху, как напр[имер] Острогорский Викт[ор] в «Мире Бож[ием]» написал осенью сплошную ошибку, хотя лета у него не малые и мог бы быть осмотрительнее. Все это отражается и на других, конечно, почему боюсь, что не дадут, но если мне удастся весною быть там, как почти ежегодно бывает, то сниму фотографии и пришлю Вам. [9/II—1899 г.]

2

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич.

Простите, ради бога, что я так неаккуратно отвечаю, я все эти дни в отвратительном настроении из-за постоянного кружения головы.

Вот несколько дней ровно ничего не делал и теперь прошло почти совсем. Из Голубова еще не получил толкового ответа о Ганнибалах, написал еще туда. Думаю на 1-й нед[еле] в[еликого] п[оста] быть там сам на отдыхе, да раньше 4-й не попасть, так занятия распределились. Поеду, так поищу и чего нельзя достать, сниму сам фотографию. Может побываю и в Михайловском, это близко, 16 в., и место, где я в юности прожил много хороших дней с Григор[ием] Алекс[андровичем] Пу[шкиным], который мой приятель большой. Однако я к нему не решусь обратиться прямо с такой просьбой. Надо войти и в его положение, ведь его преследуют всю жизнь не только отродье репортеров (по-моему, одно из нудных явлений современной жизни), но и все глупцы общества. Ведь это можно остервениться, когда к Вам постоянно обращаются с вопросом: «а Вы не пишете стихов» — «а Вы помните Вашего отца», «ах Вы сам поэт, как это интересно». Не мало раз я его видал и право предпочитаю быть сыном не знаменитого челов[ека] и в особенности писателя. Естест[венную] истор[ию] гениев обыкновенно мало знают, мало ценят в публике, а писателя все знают и пристают к детям достаточно, потому что дураков в обществе не мало, а нет ничего хуже, как расспросы особ, котор[ым] это надо для дальнейшей похвальбы — и только.

Вот почему ему не особенно приятны такие расспросы, тем более, что он отца не может помнить, ему было 4 г., когда он умер, и именье Михайловское досталось ему не от отца, а от деда, причем дом был старый, как хорошо помню говорила покойная тетка моя Марья Иван[овна] Осипова (дочь Прасковьи Петровны и сестра дяди Алекс[ея] Ник[олаевича] Вульфа), был еще перестроен отцом поэта. Портретов Ганнибалов на стенах я не помню, хотя бывал в Михайловском почти

научных географических обществ мира, член иностранных академий и член-корреспондент Всесоюзной Академии Наук.

Ю. М. Шокальский — один из друзей Григория Александровича Пушкина, младшего сына поэта, оставивший о нем воспоминания в книге «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», 1906 г., Спб., вып. IV.

ежедневно и, случалось, оставался по несколько дней под ряд. Скорее если есть что, то в Тригорском, там я помню были портреты; обо всем этом писал в деревню.

[1899 г. весна].

ДОБАВЛЕНИЕ К ПИСЬМУ Ю. М. ШОКАЛЬСКОГО *

1. Портретов Ганнибалов никто не видел ни в Михайловском ни в Тригорском. Леонид Ник. Майков говорит, что существует рисунок, сделанный самим Пушкиным и кот[орый], по его мнению, — портрет Надежды Осиповны.

2. — Портрет Ольги Сергеевны Пуш[киной], вероятно, можно найти у ее сына Льва Ник. Павлищева. Он живет в Петерб. на Петерб. стороне.

Судя по словам г-жи Шокальской, — дочери А. П. Керн, — только Александр Сергеевич был похож на свою мать, — Лев Сергеевич был рыжий и некрасивый и на него была похожа Ольга Сергеевна.

О самом Пушкине г-жа Шокальская говорит, что он имел выразительные темно-синие глаза, черные курчавые волосы, темный цвет лица и очень красивые руки, кот[орыми] он очень занимался и носил очень длинные ногти.

Хорошо помнит Пушкина сестра Павлищева — Надежда Николаевна Пане, но в Петерб[урге] ли она, — неизвестно.

3. — Л. Н. Майков недавно напал на след молодого Дуппелт, вероятно, сын гр. Меренберг по первому браку.

4. — Анекдот про femme de couleur известен и Майкову, но он помнит этот рассказ очень смутно. — Во всяком случае все знавшие гр. Меренберг, говорят, что она была поразительно похожа на отца en beau, — только волосы ее были светлы и цвет лица белый.

5. К сожалению, портреты были такой редкостью в провинции, а дагеротипы так скоро выцветали, что у нас нет портрета нашей пробабушки Прасковьи Алекс. Осиповой (Вульф по первому браку) и точно также не сохранился портрет в молодости Анны Петровны Керн. Г-жа Шокальская видела Пушкина в пятилетнем возрасте, когда встречалась с ним не без страха из-за длинных его ногтей. 6-ти лет маленькую Керн отдали в институт, и самого Пушкина она более не видела, хотя он присылал ей сладости в Смольный через жену Дельвига и раз велел ей сказать, что прислал бы ей и больше конфет, если бы был уверен, что она так же красива, как мать.

6. — Павлищев, говорят, продал все семейные документы Павлу Яков[левичу]. Дашкову, — но обо всем этом подробно знает Л. Н. Майков.

7. Если молодой Дуппелт — сын гр. Меренберг, то есть основание думать, что он похож на Пушкина.

8. — Кн. А. Михайловна Хилкова находится в своем имении: ее адрес — Каменец-Подольск.

ПУШКИНИАНА ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ Д. Н. АНУЧИНА

1. Анучин Д. Н. — Материалы к изучению вопроса о происхождении А. С. Пушкина.

Выписки из журналов «Русский Архив», «Временник Общества истории и древностей российских», «Остафьевский архив кн. Вяземского»; из писем Катенина к Пушкину 1826—1835 гг.; схема родословной поэта; характеристика портретов А. С. Пушкина.

Автограф-черновик чернилами.

44 листа (2 л. чистых).

2. Анучин Д. Н. — Генеалогическая таблица рода Ибрагима Ганнибала.

Рукописная чернилами.

1 лист.

---

* Добавление это находится среди писем Ю. М. Шокальского; написано оно рукою не Шокальского, женским почерком.

3. Анучин Д. Н. — Несколько слов о психическом типе поэта
К вопросу об изучении творческой личности художника вообще и А. С. Пушкина в частности.
Автограф-черновик чернилами.
3 листа.

4. Анучин Д. Н. — Маска А. С. Пушкина.
О гипсовых масках поэта с подробным описанием маски, полученной от П. П. Анненкова, сына П. В. Анненкова, издателя сочинений А. С. Пушкина.
Автограф-черновик чернилами.
13 листов.

5. Анучин Д. Н. — Материалы к изучению портретов А. С. Пушкина 1899 г., I, 30.
Черновые записи дневника в связи с детальным изучением потретов А. С. Пушкина, их особенностей, места нахождения, указанием владельцев этих портретов; описание визита к сыну поэта А. А. Пушкину.
Автограф-черновик чернилами.
13 листов.

6. Анучин Д. Н. — К вопросу исследования волос по степени их уплотнения у африканских народов.
Исследования даны в процентном отношении.
Рукописное.
2 листа.

7. Анучин Д. Н. — Речь об А. С. Пушкине.
К вопросу об антропологическом изучении личности поэта 1899 г.
Автограф-черновик чернилами.
48 листов.

8—9. Бахрушин А. П. — Письма Анучину Д. Н. от 1889 г., II, 14 и 1899 г., III, 7.
Извещение о посылке фотографии с изображением А. С. Пушкина в синем мундире с золотыми пуговицами.
3 листа (1 л. чистый).

10. Быстряков — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., III, 3. По поводу сведений об Абраме Петровиче Ганнибале и месте его могилы.
1 лист.

11. Бычков А. Ф. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 24.
Сообщение о документах, касающихся Ганнибалов и находящихся в Публичной библиотеке Ленинграда, о письмах и стихотворениях А. С. Пушкина, о портретах Пушкина и Ганнибалов.
2 листа.

12. Веневитинов М. — Шведские предки А. С. Пушкина. — Статья.
К вопросу о происхождении прабабки поэта по матери — Христины Шеберг.
2 листа.

13. Веневитинов М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., IV, 12.
По поводу портретов и документов, касающихся А. С. Пушкина.
2 листа.

14. Веневитинов М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., V, 21.
О полученных фото от Фишера и обещанных фотографиях с бюста Пушкина. По поводу записи антропологических заметок об А. С. Пушкине, записанных со слов Арсеньева. О своей статье и доставлении ее в «Русские Ведомости».
2 листа.

15. Веневитинов М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., VI, 3.
К вопросу об абиссинском происхождении Ибрагима Ганнибала в заметке о дневнике А. И. Вульф.
1 лист.

16. Веневитинов М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., XI, 17.
О предоставлении портрета А. С. Пушкина, писанного Райтом; генеалогические соображения о родстве Пушкина, хотя и отдаленном, с предками Веневитинова.

1 лист.

17. Волконский А. кн. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., VI, 8.
Извещение о высылке фотографии со статуэтки А. С. Пушкина, бывшей на московской выставке (под. № 31).

2 листа.

18. Выписки из книги S. Ludolf — Historia Aethiopica.
Рукописное чернилами.

1 лист.

19—23. Выписки из писем А. А. Бестужева (Марлинского) 1825 г., III, 9; из писем Глинки Ф. И. 1830 г., II, 17, Петрозаводск; из писем Гнедича, 1830 г.; из писем Н. Греча к Пушкину 1837 г., III, 13; из писем Катенина к Пушкину 1825 г., XI, 24; из послания к Языкову 1824 г., II, 20.

7 листов.

24. Галиновский А. А. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., VIII, 27.
Об интересе к антропологическому этюду Д. Н. Анучина об А. С. Пушкине в связи с рядом статей о Гете, Бальзаке и др. в «Русских Ведомостях».

2 листа.

25. Ганнибал А. С. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., III, 28 (копия).

2 листа (см. его выше).

26. Ганнибал А. С. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., IV, 18, из Одессы.

6 листов (см. его выше).

27. Ганнибал А. С. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., V, 20, из Одессы.

2 листа (см. его выше).

28. Ганнибал А. С. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., XI, 6, из Одессы.

2 листа (см. его выше).

29. Ганнибал Авр. Петр. — Черновые выписки Анучина Д. Н. из биографии Ганнибала на немецком и русском языках, чернилами.

16 листов.

30. Грамоты А. П. Ганнибалу — 1737 г., II, 7, Спб., и 1743 г., XII, 13 (копии).
Грамоты, пожалованные имп. Анною за подписью гр. Х. Миниха и имп. Елизаветою за подписью кн. Долгорукого.

2 листа.

31. Записка «Характерная штука». Без даты и автора.
Об отношении пушкинских мужиков к своему барину, о взаимоотношениях Пушкина со своим отцом.
Рукописное чернилами, без подписи.

1 лист.

32. Зензинов М. — Письмо от 1899 г., VIII, 2/14, Анучину Д. Н.
По поводу портрета Пушкина и редкой коллекции портретов декабристов

2 листа (1 л. чистый).

33. Кизерицкий Г. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., I, 7, Спб.
О портретах арапа Петра Великого в галлерее Эрмитажа, а также единственном изображении арапа на гравюре голландского мастера Шхонебека, рисующего Петра в сопровождении арапа.

2 листа.

34. Кисловщенко М. А. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., IV, 26.

2 листа (см. его выше).

35. Кисловщенко М. А. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., 5, 2.

2 листа (см. его выше).

36. Кисловщенко М. А. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., V, 20.

2 листа (см. его выше).

37. Ковалевский М. М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., III, II, Paris.

По вопросу о нахождении данных об Ибрагиме в Архиве военного министерства через историка-библиографа Chuquet, автора Jeunesse de Napoléon.

1 лист.

38. Ковалевский М. М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., III, 17.

С сообщением ответа А. Chuquet по поводу данных об Ибрагиме в Архиве военного министерства, а также сведения о Ланском (с приложением письма А. Chuquet на французском языке).

2 листа.

39. Крымский А. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., IV, 17, из Москвы (открытка).

По поводу славянского происхождения имени «Радша».

1 лист.

40. М. . . . [?]* — Письмо от 1899 г., II, 8.

О портретах А. С. Пушкина, имениях Ганнибалов и пр.

11 листов.

41. Майков Л. Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1898 г., IX, 21, Спб.

Сообщение об отправке портрета Ивана Ганнибала; о местонахождении портрета А. С. Пушкина, а также портрета его матери.

2 листа.

42. Майков Л. Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1898 г., VIII, 3.

Относительно гатчинского оригинала портрета Ивана Абрамовича Ганнибала работы Боровиковского.

2 листа.

43. Майков Л. Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1898 г., IX, 10.

О портрете деда А. С. Пушкина по матери — Ивана Абрамовича Ганнибала, работы Боровиковского, с указанием литературы об И. А. Ганнибале.

44. Майков Л. Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1898 г., V, 26.

К вопросу о портрете Абрама Ганнибала, иконографии Пушкиных и Ганнибалов, портрете А. С. Пушкина в приложении к «Русской Старине» 1884 г., о темпераменте и характере родичей Пушкина.

2 листа.

45. Майков Л. Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., V, 27.

Сообщение о высылке каталога Пушкинской выставки; сведения об Исааке и Осипе Ганнибалах.

1 лист.

46. Майков Л. Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., III, 29, Спб.

О бюсте А. С. Пушкина работы Гальберга.

1 лист.

47. Майков Л. Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 28, Спб.

К вопросу о петергофских и гатчинских портретах Ганнибала; о подлинниках детского портрета Пушкина, а также портретов работы Мазера, бюсте А. С. Пушкина работы Гальберга, масок поэта.

2 листа.

48. Маркевич Арсений — Письмо Анучину Д. Н. от 1900 г., II, 19, из Симферополя.

С извещением о посылке оттиска своей речи, произнесенной 25 мая 1899 г., накануне дня рождения А. С. Пушкина, в торжественном заседании Таврической ученой архивной комиссии.

1 лист.

* Адресат не известен.

49. Монцаль О. [?] — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., VI, 3/15.
По поводу продажи своей картины — Пэтр с негром Ибрагимом.

1 лист.

50. Н. . . . [?]* — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., III, 6, из Ревеля.
Извещение о посылке фотоснимка подписи А. Ганнибала на бумаге к Ревельскому магистрату от 2 апреля 1742 г., по поводу портрета и герба Ганнибала.

1 лист.

51. Н. . . . [?]* — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., IV, 8., из Ревеля. К вопросу о гербе Ганнибалов (слон с короною).

1 лист.

52. Н. . . . . [?]* — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 18, из Ревеля.
Относительно официальных бумаг Ганнибала, находящихся в Ревельском магистрате (1741—1745 гг.), о гербах Ганнибалов и Шеберг.

53. Назарова Н. А. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., [?], V, 2.
С извещением о посылке портретов двух сыновей и дочери Исаака Абрамовича: Якова, Павла и Александры.

1 лист.

54. Неизвестного автора — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г.
К вопросу о местонахождении портрета Ганнибалов, О. Л. Пушкиной. Внешность А. С. Пушкина по отзыву Шокальской, дочери А. П. Керн.

2 листа.

55. Неизвестного автора — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., I, 24.
По поводу прозвища «Ганнибал», усвоенного предками А. С. Пушкина.

2 листа.

56. Никольский М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., V, 6.
К вопросу о происхождении имени «Ганнибал».

4 листа.

57. Никольский М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., V, 14.
К вопросу об употреблении слова baal в южно-семитских наречиях.

2 листа.

58. Оболенский Н. Н., кн. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 3.
О готовности предоставить осмотр портрета А. С. Пушкина, кисти Тропинина.

2 листа.

59—62. Павлищев Л. Н. — Письма Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 8; II, 19; III, 23; IV, 9.

4 письма, 11 листов (два из них см. выше).

63. Першенин Н. — Письмо Анучину Д. Н. от 1898 г., XII, 21.
С извещением о продаже имущества покойного С. И. Шилова, в частности, портрета А. С. Пушкина.

1 лист.

64. Раевская Мария — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 17, Спб.

2 листа (см. его выше).

65. Раевская Мария — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., III, 20.

2 листа (см. его выше).

66. Фельдман О. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., [?] I, 21.
— Извещение о посылке своей брошюры в память пятидесятилетия кончины А. С. Пушкина и каталога Пушкинского музея. О портрете А. С. Пушкина работы Линева и праве издания его. О бюсте А. С. Пушкина работы Полонской.

* Адресат не известен.

О вещах, принадлежавших поэту и хранящихся в лицейском музее. О статье Н. А. Шляпкина со сведениями о роде Ганнибалов.

2 листа

67. Фельдман О. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г. [?], II, 12.

По вопросу о медальоне с волосами А. С. Пушкина, хранящемся в музее.

1 лист.

68. Фельдман О. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 7, Спб.

С сообщением об отправке фотографии с портрета поэта работы Линева, а также рисунка и портрета, находящихся у М. П. Писарева.

1 лист.

69. Шереметев С. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 15, Спб.

О портрете А. С. Пушкина масляными красками в доме с. Остафьева.

1 лист.

70. Шокальский Ю. М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г., II, 9, Спб.

2 листа (см. его выше).

71. Шокальский Ю. М. — Письмо Анучину Д. Н. от 1899 г. с приложением добавочных сведений о портретах А. С. Пушкина.

5 листов (выдержки из обоих этих писем см. выше).

РУКОПИСИ А. С. ПУШКИНА ВО ВСЕСОЮЗНОЙ БИБЛИОТЕКЕ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

28 января (ст. ст.) 1837 г., когда смертельно раненый Пушкин в мучениях доживал свои последние часы, Николай I призвал к себе Жуковского и, давая ему поручение к умирающему поэту, прибавил:

— Тебе же поручаю, если он умрет, запечатать его бумаги, ты после их сам разберешь.

Когда на другой день Николай I получил сообщение о кончине Пушкина, он тотчас дал распоряжение шефу жандармов Бенкендорфу:

— Пушкин скончался; я приказал Жуковскому запечатать кабинет и предлагаю вам послать Дуббельта к Жуковскому, чтобы он (Дуббельт) наложил печать жандармскую для большей верности. Через неделю они оба снимут печати, и Жуковский сделает разборку бумаг.

Через три четверти часа по кончине Пушкина Жуковский запечатал своею печатью кабинет покойного. То же проделал и Дуббельт.

Жандармская печать разоблачает действительные намерения Николая: бумаги Пушкина отбирались от наследников и передавались жандармам; жандармы должны были обыскать и изъять все, что прикажет начальство. Последовавшие события вполне подтвердили это: Дуббельт произвел «посмертный обыск» в бумагах Пушкина, отыскивая в них прежде всего связей с декабристами.

Когда прошли погребальные дни, Жуковский приступил к разбору бумаг поэта, прорегистрировав их при помощи наемного писца, а Дуббельт проделал ту же операцию при помощи своих военных писарей III отделения, проставивших регистрационные цифры красными чернилами на середине каждого листка пушкинских автографов и вообще бумаг, оставленных жандармами в его кабинете.

С этого момента начинается история рукописей Пушкина.

Рукописи Пушкина оставлены были осиротевшей семье поэта и должны были служить обеспечением для воспитания и образования его сирот. В состав опеки входил В. А. Жуковский. Первой заботой опеки стало посмертное издание всех сочинений Пушкина, с тем чтобы доходы от продажи этого издания пошли в пользу его семьи. Издатели-опекуны пригласили себе в помощь при редактировании пушкинских произведений А. А. Краевского, преемника Пушкина по редактированию журнала «Современник».

Редакторы и издатели широко пользовались рукописями Пушкина. Эти рукописи были богаты неизданными произведениями и дополнениями, так как сам Пушкин иногда по нескольку лет не печатал уже совсем законченных и обработанных произведений. При печатании же ему нередко приходилось делать пропуски и изменения по цензурным соображениям и требованиям. Кроме того, в бумагах Пушкина хранилось множество его черновых работ, первоначальных набросков, переделанных, неоконченных и необработанных. Сам Пушкин не находил нужным печатать их, но для последующих издателей положение существенно изменилось: еще Белинским было сказано, что всякая строка, написанная Пушкиным, для нас драгоценна.

Естественно, что хозяевами рукописного пушкинского наследства стали опекуны-издатели. С одной стороны, Жуковский производил «разборку» бумаг, с другой — опека готовила посмертное издание сочинений Пушкина. И для той и для другой цели пользовались рукописями поэта. Автографы Пушкина пошли по рукам опекунов и редакторов. И Жуковский, и другой опекун, Тарасенко-Отрешков, и Краевский не только брали к себе на дом драгоценные автографы, но многое задерживали у себя. В результате этого, после выхода в свет посмертного издания (1838—1842 гг.), когда отпала надобность в работах над рукописями далеко не все они вернулись на свое надлежащее место — в кабинет Пушкина... Что это так, доказывается последующим.

В 1855 г. Н. И. Тарасенко-Отрешков принес в дар Публичной библиотеке небольшое собрание рукописей Пушкина. Среди них, однако, оказалась записная рабочая тетрадь Пушкина в 66 листов с текстом «Кавказского пленника» и других стихотворений поэта и два листа приходно-расходных записей его за 1834—1835 гг. Вдова поэта, Наталия Николаевна, тотчас же подала жалобу на Н. И. Тарасенко-Отрешкова, обвиняя его в незаконном присвоении рукописей Пушкина.

В 1884 г. П. В. Жуковский, сын Василия Андреевича, продал той же Публичной библиотеке несколько рукописей Пушкина. Среди них были первая, вторая, третья и восьмая главы и отрывки «Евгения Онегина» и полные беловые рукописи «Бориса Годунова» и «Анджело».

Но эта только одна часть автографов Пушкина, застрявших у Жуковского. Из другой части образовалось известное «Собрание А. Ф. Онегина», перепроданное «Пушкинскому дому».

В 1889 г. та же Публичная библиотека купила «архив» А. А. Краевского. Среди этого нового приобретения оказались две записные рабочие тетради Пушкина, одна в 103 листа, другая в 8 листов, и отрывки из «Капитанской дочки» и из «Сцен из рыцарских времен».

Лет через десять после посмертного издания потребовалось новое издание сочинений Пушкина. На этот раз подготовку текстов и редактирование взял на себя П. В. Анненков. Он купил у вдовы поэта право на издание его сочинений за 5 000 руб. с разрешением напечатать 5 000 экземпляров. Новый издатель забрал к себе все пушкинские бумаги и с переменой места своего жительства перевозил их по новым квартирам, даже брал их с собой в симбирское имение, где проводил часть года. Работа его над сочинениями Пушкина затянулась. После напечатания шести томов в 1855 г., в 1857 г. вышел седьмой том, дополнительный. Анненков и потом не переставал пользоваться бумагами поэта, о чем свидетельствуют последующие сообщения его из этих бумаг.

После П. В. Анненкова в его «архиве» тоже оказались рукописи Пушкина. Из них составились два известных собрания автографов Пушкина: одно — Л. Н. Майкова, другое — И. А. Шляпкина, впоследствии поступившие в состав Петебургского академического хранилища. В 1897 г. Д. И. Сапожников в каретном сарае в имении Анненкова нашел целую груду старых бумаг и среди них 17 четвертушек собственноручных рукописей Пушкина. В 1931 г. еще 8 листов автографов Пушкина были найдены среди бумаг вдовы соседа Анненкова по имению.

В итоге за двадцать лет, протекших со смерти Пушкина, из его письменного наследства исчезли ценные тетради и сотни отдельных листов. Опекуны и редакторы не оправдали доверия и частью присвоили, а частью растеряли драгоценное имущество великого поэта.

Последующим издателям уже не дано было право пользоваться рукописями поэта. Уцелевшие части вернувшегося в семью наследства на целых 25 лет скрыты были от чужих рук и даже от чужих глаз. Редакторы изданий 1859 и 1870 гг. (под редакцией Геннади) и издания 1880 г. (под редакцией Ефремова), выпущенных книгопродавцем Исаковым, уже не пользовались рукописями семьи Пушкина и вынуждены были выпустить новые издания по первопечатным текстам.

В 1880 г., когда в Москве готовилось открытие памятника Пушкину, его дети, во главе со старшим сыном Александром Александровичем, решили безвозмездно передать государству, в лице Отдела рукописей бывшего Румянцовского музея, свое семейное сокровище — все сохранившиеся у них автографы отца. Только «дневник» поэта, как последнюю фамилию реликвию, Александр Александрович удержал у себя до своей смерти, а после его кончины (в июле 1914 г.) и эта последняя рукопись Пушкина была передана в Отдел (№ 4419)*.

Один этот дар поставил Отдел рукописей на первое место среди государственных и частных хранилищ автографов Пушкина. Отдел получил 16 цельных крупных тетрадей, вошедших в хранилище под №№ 2364—2374, 2378, 2382, 2384, 2389, 2392; 43 мелких тетради, соединенных в 8 номеров: 2377 В, 2380 А—Б, 2381 1—13, 2385 Б, В, 2386 Г, 2388 А, Б, В, Г, Д, Е и Ж, 2390 1—10 и 2394 1—6, и 15 тетрадей, составленных после смерти Пушкина из отдельных листов или несшитых тетрадей: №№ 2375, 2376 А, Б, В, 2377 А и В, 2379, 2383, 2386 А, Б и В, 2387 А, Б и В и 2391. Два номера — 2393 и 2395 — содержат копии, снятые для посмертного издания по заказу Жуковского. В составе этого же собрания в Отделе получены были 64 письма Пушкина к жене Наталье Николаевне, хранящиеся под № 7021, и Дневник А. С. Пушкина за 1833—1835 гг., хранящийся под № 4419. Переводя всю эту бумажную массу на листы (по две страницы в каждом), придется исчислять ее больше чем в 4 440 листов, или 8 880 страниц.

На этих листах вместилось творчество Пушкина и в стихах и в прозе. Здесь содержатся его произведения в различных стадиях их зарождения и обработки. По ним исследователь может увидеть тот колоссальный труд, который выполнял Пушкин в процессе выработки окончательной формы своих произведений, не исключая даже писем. Нет почти ни одного из крупных произведений Пушкина, которого нельзя было бы найти, если не целиком, то в отрывках и в частях на листах рукописей, находящихся в Отделе. А его лирика, его мелкие творения представлены здесь с такой полнотой, с которой не могут сравниться все прочие собрания его автографов, вместе взятые. В этом легко убедиться из приводимого ниже перечня. Почти все рукописи черновые. Среди них имеются и перебеленные поэтом автографы. Однако он тут снова подверг их дальнейшей обработке, новым переменам и заменам и в словах, и в стихах, и в целых выражениях. Только две творческие рукописи из наследства Пушкина являются беловыми в собственном смысле — это тетради поэмы «Медный всадник» (в № 2375) и десять несшитых тетрадей истории Пугачева (№ 2390). Оба эти произведения Пушкин тщательно переписал набело с целью послать их своему главному цензору Николаю I. Цензор читал, кое-где карандашом сделал небольшие отметки и замечания и вернул рукопись Пушкину. В таком чистовом виде, вместе с отметками цензора, оба автографа и сохранились в письменном наследстве Пушкина.

Сверх этого дара семьи Пушкина Отдел рукописей не переставал и не перестает пополнять собрание пушкинских автографов всеми способами — и в качестве безвозмездных даров и путем покупок. Это собирание началось с первых лет образования Отдела в составе бывш. Московского публичного и Румянцовского музеев в 1861 г.

Среди бумаг первого крупного приобретения Отдела в собрании рукописей В. М. Ундольского оказался автограф Пушкина — его письмо к Вяземскому от 6 февраля 1823 г. (№ 7020).

---

* Необходимо оговорить, что в первые полтора года по передаче автографов Пушкина государству за П. И. Бартеневым, издателем журнала «Русский Архив», оставлено было монопольное право пользоваться автографами в благодарность за то содействие, которое Бартенев оказал в деле перехода к государству пушкинского письменного наследства.

С осени 1882 г. монополия Бартенева прекратилась, и рукописи Пушкина стали общедоступными.

Тогда же в составе громадного и замечательного книжного собрания С. Д. Полторацкого приобретены были и автографы Пушкина. Среди них два стихотворения: «Ex ungue leonem» и «Цветы последние милей» (№ 7016), три прозаических статьи «О г-же Сталь и о Г. А. М-ве», «О предисловии г-на Ламонте к переводу басен И. А. Крылова», «Записки Чухина» (№ 7019) и одно письмо Вяземскому от 7 января 1829 г. (№ 2599). Кроме того, в альбоме Полторацкого, со списками сочинений Пушкина, «Кинжал» (в конце) дописан собственноручно поэтом (№ 3015, стр. 106).

Вместе с библиотекой А. С. Норова поступили две собственноручных записки Пушкина к Норову от 1833 г. (№ 7020).

В 1870 г. у наследников брата поэта Льва Сергеевича были приобретены 34 письма к нему Пушкина (№ 1254).

В 1871 г. М. И. Жихарев передал Отделу письмо Пушкина к П. Я. Чаадаеву от 6 июля 1831 г. (№ 7020).

И. Е. Бецкий передал Отделу в разное время автографы стихотворения «Не пой, волшебница, при мне» (№ 7016), письма к Вяземскому от 7 мая 1836 г. и приписки Пушкина на приглашении Вяземского к обеду (№ 7020).

П. Д. Голохвастов передал Отделу автограф народной песни, записанной Пушкиным, — «Как у нас было на улице» (№ 7016).

В составе переписки М. П. Погодина поступили 29 писем Пушкина к нему (№ 3515—3519).

Вместе с автографами Н. В. Гоголя Отдел приобрел у П. В. Быкова одно письмо Пушкина к Гоголю от 13 мая 1834 г. (№ 7020).

От наследников Любовниковой, родственницы Л. С. Пушкина, Отдел получил одно письмо Пушкина к брату Льву Сергеевичу от конца января — первой половины февраля 1825 г. (№ 7020).

От В. А. Венкстерна поступили два собственноручно подписанные Пушкиным контракта от 1 мая 1835 г. и 1 мая 1836 г. на наем квартиры в доме С. А. Баташева, в Петербурге, Литейной части, первого квартала, под № 20 (№ 3735).

В собрании автографов С. П. Давыдовой поступило письмо Пушкина к А. А. Яковлеву от 9 июля 1836 г. (№ 3253).

В большом собрании народных песен П. В. Киреевского поступила песня «Не белинька березанька к земле клонится», собственноручно записанная Пушкиным (№ 7016).

Несколько пушкинских автографов перешло в Отдел из собрания П. С. Киселева:

1. Альбом Н. Д. Киселева с автопортретом Пушкина и стихотворением-автографом «Ищи в чужом краю здоровья и свободы» (№ 7017).
2. Четыре рифмованных шутки (№ 7016).
3. Восемь листков из альбома Елизаветы Николаевны Киселевой, рожденной Ушаковой, среди них один со стихотворением Пушкина, посвященным Елизавете Николаевне: «Вы избалованы природой», и карандашным рисунком его на тему о будущем семейном счастье Елизаветы Николаевны (№ 7018).
4. Четыре листка с карандашными рисунками Пушкина, между ними портреты Шаликова и Шаховского (№ 7022).
5. Приглашение Ф. И. Толстого с подписью Пушкина от января 1829 г. (№ 7020).

Из того же источника в Отдел поступил так называемый Ушаковский альбом, подаренный Российским кооперативным обществом (№ 4222). Он переполнен собственноручными рисунками Пушкина.

В 1898 г. Д. Сапожников среди бумаг, оказавшихся в каретном сарае имения П. В. Анненкова в Симбирской губернии, нашел листки с автографами Пушкина. Он передал их Отделу (№ 3266). На 17 четвертушках оказались:

1. Стихотворение «Под небом сладостным Италии своей».
2. Лицейские стихотворения, эпиграммы на Шаховского, Шихма-

това, Шишкова и др. и заметки в виде дневника; запись кантаты: «Венчанье Шутовского».

3. Карандашные записи: «В конце 1826-го я часто видался с одним дерптским студентом».

4. Отрывок из римской истории: Замечания на Анналы Тацита: «Тиберий был в Иллирии, когда получил известие о болезни престарелого Августа».

5. Заметки о холере.

Зимой 1930 г. Н. Н. Столов, по уполномочию владелицы, сообщил Отделу, что в Ульяновске проживает вдова, покойный муж которой, сосед по имению с П. В. Анненковым, получил от последнего несколько листочков, написанных собственной рукой Пушкина. Весной 1931 г. листы были приобретены Отделом. На них оказались следующие автографы:

1. Стихотворение «Я думал сердце позабыло» (№ 7705).

2. «Русский Пелам», глава и план работы над романом, на 6 листках (№ 7706).

3. Черновые планы «Капитанской дочки» и «Золотого Петушка» (№ 7707).

4. План статьи «О ничтожестве литературы русской» (№ 7708).

5. Критические замечания на статью Бестужева: «...Б. предполагает, что словесность всех народов следовала общим законам» (№ 7709).

Отдельно от этих приобретений поступило письмо Пушкина к С. Д. Киселеву, начинающееся словами: «Отсылаю тебе твои книги с благодарностью» (№ 7723), и автографы из Радищевского музея (№ 4835): два стихотворения «Делибаш» и «Послание цензору» («Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой»).

Наконец 1 июля 1936 г. Отдел приобрел печатную книжку из личной библиотеки Пушкина. Она содержит переплетенные в один корешок первые шесть глав романа «Евгений Онегин», выходивших каждая отдельно, кроме IV и V глав, вышедших вместе, с собственноручными изменениями, поправками, дополнениями и рисунками Пушкина.

Собирание пушкинских автографов, еще, несомненно, до сих пор остающихся в частных руках и в небольших архивах, Отдел будет продолжать и в дальнейшем.

Г. П. Георгиевский

1937 г. Январь.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К АВТОГРАФАМ ПУШКИНА *

1. СТИХОТВОРЕНИЯ

Адели, № 2367, 8/2
Алексееву, № 2367, 13/1
Амур и Гименей, № 2364, 7/1
Анджело, № 2374, 31/1—30/2
Андрей Шенье в темнице, № 2370, 59/2—64/1
Анчар, № 2371, 20/2—21/1—22/2
Арион, № 2367, 36/1
A son amant, № 2365, 39/2

Баратынскому № 2366, 1/2. № 2367, 24/2, 25/1
Безверие, № 2364, 26/1
Бесы, № 2371, 83/1. № 2382, 101/2
Благословен и день и час, № 2382, 106/1
Блажен в кругу вельмож, № 2368, 35/1
Брадатый старичек Авдей, № 2371, 90/2
Брат милый, отроком расстался ты со мной, № 2369, 4/1
Брожу ли я вдоль улиц шумных, № 2382, 26/2, 28/1
Был и я среди донцов, № 2382, 102/2 103/1

Вдали тех пропастей глубоких, № 2365 50/1
Везувий зев открыл, № 2374, 18/2—19/1
Вельможе, № 2367, 59/2
Венере, Фебу и Фемиде, № 2369, 35/2
Вечерний пир, № 2364, 52/1
В журнал совсем не европейский, № 2382, 105/2
Виноград, № 2370, 38/1
В крови горит огонь желанья, см. Песнь песней

* В числе автографов оставлены стихотворения Пушкина, переписанные в особой тетради лицейскими товарищами поэта. Все эти копии авторизованы Пушкиным, который просматривал их и в некоторые внес ряд поправок. Эти копии находятся в тетради № 2364.

В лесах Гаргарии, № 2365, 55/2
В местах, где царствует Венеция златая, № 2367, 36/2
В мои осенние досуги, № 2384, 59/2
Внемли, о Гелиос, № 2366, 37/1, 38/1
Вновь я посетил, № 2377 А, 12. № 2384, 30/2—31/2, 39/1, 40/1
Во время оное, былое, № 2382, 39/2
Во дни Додона, № 2365, 43/1
Воевода, № 2373, 29/1
Война, № 2367, 12/1
Волненьем жизни утомленный, № 2371, 16/2
Воспоминанье, № 2371, 13/2—14/2
Воспоминаньем упоенный, № 2367, 9/1
Воспоминанья в Царском Селе, № 2371, 17/2. № 2382, 43/1, 44/2
Вот на шахматную доску, № 2375, 21/1, 31/2
В пещере тайной в день гоненья, № 2370, 63/2
В поле чистом серебрится, № 2374, 31/1
В прохладе сладостной фонтанов, № 2371, 7/1
В рощах карийских, любезных ловцам, № 2368, 36/1
В рюмке светлой предо мной, № 2371, 97/2
Все кончено, меж нами связи нет, № 2369, 42/2
Всем красны боярские конюшни, № 2368, 34/1, 33/2
Все призрак, суета, № 2364, 77/2
Все тихо, на Кавказ идет ночная мгла, № 2382, 107/2, 107/1
В степях зеленых Буджака, № 2371, 19/1
В твою светлицу, друг мой нежный, № 2365, 42/2
Вы, дни протекшие, № 2364, 43/2
Вы избалованы природой, № 2371, 12/2, 12/2. № 7018
В Юрзуфе седчий мусульман, № 2365, 34/2
Вяземскому, № 2365, 36/1

Гекзаметр (из А. Шенье), № 2366, 37/1
Глинке (Ф.), № 2367, 16/а2. № 1254, стр. 14
Глухой глухого, № 2387 А, 15/2
Графу О (лизару), № 2370, 32/1
Гречанке, № 2367, 17/2
Гроб Анакреона, № 2364, 3/1. № 2370, 29/1
Гроб юноши, № 2365, 43/2. № 2366, 2/1

Давно ли тайными судьбами, № 2364, 71/1
Давно об ней воспоминанье, № 2369, 44/2
Да сохранит тебя твой добрый гений, см. Кюхельбекеру
Дева, № 2367, 4/2
Девственницы (начало 1-й песни), № 2370, 85/2
Делибаш, № 4835
Демон, № 2366, 40/2—41/2
Дионея, № 2367, 9/2. № 2365, 34/1
До меня доходят, № 2364, 48/2
Дон, № 2382, 102/1
Дорида, № 2364, 53/2
Дочери Кара-Георгия, № 2367, 18/2
Дружба, № 2370, 23/2, 35/2
Дубравы, где в тиши свободы, № 2364, 43/2, 42/1

Едва уста красноречивы, № 2368, 17/1
Ex ungue leonem, № 7016

Если ехать вам случится, № 2373, 30/1
Еще одной, высокой, важной песни, № 2382, 27/1

Жалоба, № 2369, 22/2
Желание (Кто видел край), № 2365, 25/1
Желание, см. Уныние (Медлительно влекутся дни...)
Желанье славы. Когда любовию и негой упоенный, № 2369, 39/2
Жених, № 2370, 30/1, 30/2
J'ai possédé maitresse, № 2365, 67/2
Je t'aime tant, № 2364, 41/2
Жив, жив, курилка, № 1254, стр. 37
Жил на свете рыцарь бедный, № 2371, 77/3—76/1. № 2384, 49/2, 50/1
Жуковский, святой Парнасский чудотворец, № 2369, 40/2

Завидую тебе, питомец моря смелый, № 2369, 12/1
Заздравный кубок, № 2364, 18/1
За старые грехи наказанный судьбою, № 2364, 64/1
Заступники кнута и плети, № 2370, 63/1
Зачем, Елена, так пугливо, № 2382, 17/1
Зачем раздался гром войны, № 2365, 58/2. № 2366, 18/2, 33/2
Зачем ты послан был, № 2370, 7/1
Земли достигнув наконец, № 2368, 21/1
Земля и море. См. Морской берег
Зима. Что делать мне в деревне, № 2382, 15/1
Зимнее утро, № 2382, 16/2
Зорю бьют, № 2382, 104/2
Зубову (в альбом), № 2367, 3/2

Иван-царевич по лесам, № 2370, 40/1
И вот ущелье мрачных скал, № 2382, 40а/2
Играй, прелестное дитя, № 2370, 52/1
Из Alfieri, № 2368, 34/2
Из Андрея Шенье, № 2370, 84/1
Из Ариоста (октавы), № 2370, 69/1, 79/1, 79/2
Из Горация, № 2377 А, 13
Иной имел мою Аглаю, № 1254, стр. 2 об.
Иностранке, № 2367, 26/1. № 2369, 1/1
Исполню я твое желанье, № 2369, 1/2
Истина, № 2364, 4/2
Ищи в чужом краю здоровья и свободы, № 7017
И я бы мог, как шут, № 2368, 38/1
И я слыхал, что белый свет, № 2364, 49/2

Каверину, № 2364, 58/1
Какая ночь! Мороз трескучий, № 2368, 18/1—19/1
Как быстро в поле, вкруг открытом, № 2387, 6/1
Как весенней теплою порой, № 2376 В, 5
Как жениться задумал царский арап, см. Черный ворон выбирал белую лебедушку
Как наше сердце своенравно, № 2366, 34/2
Как роза увядает, № 2370, 56/2
Как сладостно, но, боги, как опасно, № 2364, 48/1
Калмычке, № 2382, 106/2, 107/1
Quand au doux sein de l'oubli, № 2370, 56/2
Катенину, № 2367, 5/1
К Галичу, № 2364, 75/2
К Дельвигу, № 2364, 36/1. № 2367, 19/1
К живописцу, № 2364, 12/2

Кинжал, № 3015, 106 стр. № 2365, 53/1
Кирджали, см. В степях
К Кагульскому памятнику, № 2364, 77/2
Клеветник без дарованья, № 2367, 3/2. № 1254, стр. 2 об.
Клеопатра, № 2367, 32/2, 33/2,48/1. № 2370, 22/2, 30/2, 35/1, 37/2. № 2376 В, 1, 22/2. № 2384, 54/1
К Лиле. Лила, Лила, я страдаю, № 2364, 40/2
К моей чернильнице, № 2365, 31/2
К молодой вдове, № 2364, 5/1
К морю, № 2370, 12/1, 12/2, 13/1, 18/V
К ней, № 2364, 14/2
К Овидию, № 2365, 53/2, 66/2. № 2366, 18/1. № 2367, 14/2
К Огаревой, № 2364, 44/1
Когда б ты родилась, № 2368, 1/2
Когда владыка ассирийский, № 2384, 43/2—44/1
Когда в объятия мои, № 2372, 66/2
Когда любовию и негой упоенный, см. Желание славы.
К О-й, № 2364, 41/1
Кокетке, № 2367, 23/1
Колокольчики звенят, № 2373, 30/1
Комедия, № 2365, 40/2, 41
К Орлову А. Ф., № 2364, 54/2
Кормом, стойлами, надзором, № 2368, 34/1
К портрету Вяземского, № 2367, 3/1
Красавица перед зеркалом, № 2367, 2/1
Красавице, которая нюхала табак, № 2364, 33/1
Красноречивый забияка, № 2364, 64/1
Красы Лаис, № 2365, 36/2
Кригон, роскошный гражданин, № 2382, 103/1
К сну, № 2364, 13/1
Кто видел край, см. Желание
Кто, волны, вас остановил. № 2369, 9/1
Кто из богов мне возвратил, № 2377А, 13
Кто там? Здорово, господа, № 2370, 54/2
Куда, куда завлек меня враждебный Гений, № 2370, 59/1
К Щербинину, № 2364, 71
К Юдину, № 2364, 21
Кюхельбекеру. Да сохранит тебя твой добрый гений, № 2370, 59/1

Лаиса, я люблю твой смелый взор, № 2364, 73/2
Le tien et le mien, № 2364, 15/1
Лиде страшно полюбить, № 2367, 10/2. № 2370, 41/2
Лихой товарищ наших дедов, № 2367, 28/1
Лицейская годовщина, 1831 г., № 2377 А, 11, 1836 г., № 2377, 1. № 2386, 2/1. 2/2. 78/1. 78/2
Лицинский сколел, № 2371, 99/2
Лобзай меня, см. Песнь песней
Любимец моды легкокрылой, № 2367, 58/1
Люблю ваш сумрак неизвестный, № 2369, 1/1

Медок, № 2373, 1
Меж тем как генерал Орлов, № 2365, 30/1
Мертвая царевна, сказка, № 2372, 59/1, 56/2, 55/1, 46/1—45/1
Месяц, № 2364, 9/2
Милый мой сегодня, № 2364, 62/2
Мицкевичу, 2374, 7/1—6/2
Младенцу, № 2370, 24/1
Мне жаль великия жены, № 2370, 19/1
Могущий бог садов, № 2364, 42/1
Мое завещание друзьям, № 2364, 19/1
Моему Аристарху, № 2364, 29/1
Мой друг, забыты мной, № 2367, 11/1
Мой друг, не узнавай, № 2365, 47/2 № 2367, 11
Мой друг, уже три дня, № 2365, 8/1
Мордвинову, № 2367, 53/2
Морей красавец окрыленный, № 2370, 7/2
Морской берег, № 2367, 1/2
Моя родословная, № 2376 В, 4/1
Муза, № 2367, 4/1
Мы рождены, мой брат названный, № 2376 В, 4/1

На Воронцова, № 2370, 2/2, 57/1, 85/1
На выздоровление Лукулла, № 2384, 41/.
Надеждой сладостной младенчески дыша, № 2369, 30/1
Надеясь на мое презренье, № 2382, 102/2
Надпись к беседке, № 2364, 13/2
Наездники, № 2364, 11/1
На Испанию родную, № 2377А, №№ 6—
На лире дикой, благородной, № 2364, 42/
На небесах печальная луна, № 2370, 68/.
Наполеон, № 2365, 62/1, 62/2. № 2367, 20/1
Напрасно ахнула Европа, № 2370, 29/2
Напрасно, милый друг, я мысліла угать. № 2364, 56/1
На тихих берегах Москвы, № 2366, 18/2
Не дай мне бог сойти с ума, № 2377 А, 9
Недвижный страж дремал, № 2369, 41/2
Не пой, волшебница, при мне, № 7016
Нереида, № 2367, 1/1
Не розу пафосскую, № 2387 Б, 46/2
Нет, нет мои друзья, напрасны ваши пени, № 2364, 71/1
Не угожай ленивцу молодому, № 2364, 78/2
Ночь, № 2367, 25/1

О бедность, затвердил я наконец, № 2384 58/2
Об рифме, № 2371, 24/2—25/2
О дева-роза, я в оковах, № 2370, 35/1
Один, один остался я, № 2366, 17/1
Однажды странствуя, № 2377 А, 3. 4. 5
Одна черта руки моей, № 2365, 46/1
Окно, № 2364, 10/1
Олегов щит, № 2382, 104/2
Олениной, № 2374, 35/2
Он вежлив был в иных прихожих, № 2370, 57/1
Она мила, твоя подруга, № 2364, 41/2
Они твердили, пусть виденья, № 2370, 37/2
Опричник, № 2368, 18/1
Опять я ваш, о юные друзья, № 2364, 28/1
Осеннее утро, № 2364, 17
Осень, № 2371, 78/2, 79/82/1. № 2377А, 10
О, сколько нам открытий чудных, № 2382, 19/1
Оставь, о Лесбия, лампаду, № 2364, 67/2
Оставя честь судьбе на произвол, № 2367. 4/2
Отрывки: № 2364, 49/1, 50/2, 52/2, 63/2, 66/2, 69/2
№ 2365, 26/1, 39/1, 49/1, 58/1
№ 2366, 16/1, 42/1
№ 2367, 49/2
№ 2369, 42/1
№ 2370, 1/1
№ 2372, 66/1

О, ты, который сочетал, № 2367, 61/2
О, ты, надежда нашей сцены, № 2364, 48/1
Охотник до журнальной драки, № 2367, 28/1

Памятник, № 2384, 57/2
Певец, № 2364, 6/2
Певец гусар, ты пел биваки, № 2365, 38/1
Певец Давид был ростом мал, № 2366, 26/1
Песни Западных Славян, № 2375, 18/2, 35/1
Песни (народные), № 2368, 52/2—20/2. № 2373, 30/1—31/2
№ 2375, 18/2
№ 7016 (Как у нас было на улице) и (Не белинька березанька)
Песнь о вещем Олеге, № 2366, 4/1
Песнь песней, № 2365, 53/1
Пирующие студенты, № 2364, 38/1
Письмо к Лиде, № 2364, 31/2
Платонизм, № 2364, 73/1, 78/1
Пленился он смазливой рожей, № 4222, 47
Поверь мне, быть тебе Панглосом, № 2365, 41/1
Под небом сладостным Италии своей, № 3266
Подражание Анакреону, № 2371, 15/1
Подражания Корану, № 2367, 28/2—29/2, 32/1. № 2370, 9/1, 13/1, 18/2, 19/1, 20/1, 22/1, 35/2, 36/1, 37/2, 38/2—39/2
Подруга дней моих суровых, № 2368, 43/1
Подруга милая, я знаю для чего, № 2365, 39/2, 34/1. № 2367, 9/2
Поедем, я готов, № 2382, 25/1
Позволь душе моей открыться пред тобой, № 2364, 44/2
Пока супруг тебя, красавицу младую, № 2370, 38/1
Полководец, № 2374, 28/2—25/2. № 2382, 107/2
Получит то, чего он стоит, № 2387 Б, 50/2
Полюби меня, девица, № 2382, 101/2
Послание к Лиде, № 2364, 1/1
Послание к цензору, № 2367, 30/1. № 2370, 21. № 4835
Послание к Юдину, № 2364, 21
Поэт, № 2367, 39/1
Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций, № 2382, 90/1
Поэт идет, открыты вежды, № 2384, 43/1
Предчувствие, № 2371, 13/1
Презрев и шопот укоризны, № 2370, 35/2
Придет ужасный час, № 2369, 30
Примите новую тетрадь, № 2365, 23/1
Припадками болезни женской, № 2370, 64/2
Приятелю, № 2367, 24/1
Приятелям, № 2370, 85/1
Приют любви, он вечно полн, № 2370, 6/1
Пробуждение, № 2364, 2/2
Прозерпина, № 2365, 29/2. № 2367, 27
Проклятый город Кишинев, № 2369, 23/1
Проснулся я, а небосклон, № 2371, 95/2
Простишь ли мне ревнивые мечты, № 2369, 15/2, 16/1
Пускай услышит, № 2370, 72

Разговор поэта с книгопродавцем, № 2370, 2/2, 13/2—17/1, 28/2
Раззевавшись от обедни, № 2365, 37/1
Разлука, № 2364, 32/1
Редеет облаков летучая гряда, № 2367, 1/1
Родословная моего героя, № 2373, 18—21/2 № 2374, 3/2—6/2, 7/2—15/1, 16/2, 17/1. № 2375, 16. 36. 19, 34. 20. 33. 32. 21/2 31. 35/1. 23—28/1. 32. 90
Родриг, № 2377 А, 6. 7. 8. 9. № 2375, 29/2—29/1
Роза, № 2364, 2/1
Русалка, № 2364, 76/2

Сабуров, ты оклеветал, № 2370, 35/2
Сапожник, № 2382, 105/2
Сват Иван, как пить мы станем, № 2374, 15/2
Свободы друг уединенный, № 2364, 43/2
Свободы сеятель пустынный, № 2366, 41/1. № 2367, 25/2. № 2369, 25/1
Сводня грустно за столом, № 2368, 27/1
Своенравная подруга, № 2368, 33/2
С Гомером долго ты беседовал один, № 2376 В, 6/2
Семейственной любви и нежной дружбы ради, № 1254, стр. 51
Сиятельный Аристофан, № 2364, 49/2
Скажи, какие заклинанья имеют над тобою власть, № 2364, 70/1
Скажи мне ночь, зачем твой тихий мрак, № 2370, 56/2
Скажи, не я ль тебя заметил, № 2369, 6/2
Сказали раз царю, № 2370, 85/1
Сказка о золотой рыбке, № 2376 В, 2. 21
„ о золотом петушке, № 2374, 1/1. 20/1—23/1
Программы и планы: № 7707.
„ о попе и работнике его Балде, № 2376 Б, 18. 19. 44. 45
„ о царе Салтане, № 2371, 15/2. Программы и планы: № 2371, 16/1. 39/2. 34. 78/1 № 2366, 30/2
Слаб и робок человек, № 2370, 18/2
Слеза, № 2364, 4/1
Слово милой, № 2364, 9/1
Снова тучи надо мною, № 2371, 13/1
Сожженное письмо, № 2370, 51/1
Соседство ваше нам опасно, № 2370, 51/1
С португальского, № 2368, 1/1
Сраженный рыцарь, № 2364, 16/1
Стамбул гяуры нынче славят, № 2376 В, 3. 20/1
Старайся наблюдать, № 2367, 17/1
Старик, № 2364, 51/2
С толпой не делишь ты, № 2374, 4/1
Странник, см. Однажды странствуя
Страшно и скучно, № 2382, 50/а2
С турецкого, № 2365, 69/1
Счастлив, кто близь тебя, № 2364, 41/2
Счастлив, кто в страсти сам себе, № 2364, 10/2
Счастлив, кто избран своенравно, № 2371, 22/2
Счастлив ты в прелестных дурах, № 2382, 14/2

Таврида, № 2366, 13/1. 16
Тадарашка в вас влюблен, № 2365, 43/1
Так на страницы, № 2370, 51/1
Твой и мой, № 2364, 13/2
Тебя пою на томной лире, № 2371, 88/2
Tien et mien, dit Lafontaine, № 2364, 15/1
Толпа глухая, крылатой новизны любовница, № 2365, 59/1
Толпа холодная поэта окружает, № 2367, 42/2
Товарищам, № 2364, 37/2
Т — прав, когда так верно вас, № 2370, 17/1
Трудясь над образом прелестной У., № 4222
Ты богоматерь, № 2367, 26/2

Ты в горестях любви находишь наслажденье, № 2364, 43/1
Ты и вы, № 2371, 12/2
Ты издал дядю моего, № 2370, 33
Ты мне велишь открыться, № 2364, 65/1
Ты мне велишь пылать душою, № 2364, 35/1
Ты не внемлешь, № 2364, 47/2
Ты, прав, мой друг, № 2365, 56/2
Ты прав, несносен Фирс ученый, № 2364, 58/2
Ты прав, хоть он поэт изрядный, № 2367, 5/1
Ты, сердцу непонятный мрак, № 2366, 14. № 2369, 1/1

Увы, зачем она блистает, № 2367, 2/2
Увы, язык любви болтливой, № 2371, 13/1
Уединение, № 2362, 51/2
Уж осень холодом дохнула, № 2371, 79
У Клариссы денег мало, № 2367, 11/2
Улыбка уст, улыбка взоров, № 2369
Умолкну скоро я, № 2365, 47/1. № 2367, 10/1
Уныние (Медлительно влекутся дни), № 2364, 14/1
Уныние (Не спрашивай, зачем), № 2364, 72/2
Усы, № 2364, 25/1
Ушаковой, № 2371, 12/2

Фиал Анакреона, № 2364, 8/1
Фонтану Бахчисарайского дворца, № 2370, 38/1
Французских рифмачей суровый судия, № 2374, 2/2

Хованский (кн.), № 2367, 26/2
Христос воскрес, моя Ревекка, № 2365, 24/2. № 2367, 8/1

Царь Никита, № 2366, 9/2. № 2365, 53/1
Царь увидел пред собой, № 2375, 31/2

Цветок, № 2371, 93/2, 93/1
Цветы последние милей, № 7016
Ценитель умственных творений исполинских, № 2384, 56/1

Чаадаеву, № 2365, 26/2, 27/1. № 2367, 5/2. № 2369, 44/2
Череп, № 2367, 37/2, 57/2. № 2368. 36/2
Чернь, № 2371, 91/1. 93/1
Черный ворон выбирал белую лебедушку, № 2370, 36/2
Что же, будет ли вино, № 2370, 42/1
Что козырь? Черви, № 2370, 54/2
Чугун Кугульский, ты священ, № 2366, 30/2
Чудный сон мне бог послал, № 2375, 29
Чу, пушки грянули, № 2374, 10/1

Шишкову, № 2364, 33/2
Шотландская песня, № 2371, 99/2
Шумит кустарник. На утес, № 2367, 50/1
(Шутки) 4, № 7016

Эллеферия, пред тобой, № 2365, 34/1
(Эпиграммы), № 2367, 1/1

Юдифь, № 2384, 43/2

Я был свидетелем златой твоей весны, № 2370, 55
Я видел смерть, № 2364, 40/2
Я возмужал среди печальных бурь, № 2384, 23/1
Я думал сердце позабыло, № 2384, 58/2, № 7705
Я думал, что любовь погасла навсегда, № 2364, 15/1
Языкову, № 2367, 37/1
Я не дремал, сон изнеможенья, № 2370
Я пережил свои желанья, № 2365, 13/1
Я слушаю тебя и сердцем молодею, № 2365, 38/1

2. ПОЭМЫ

Бахчисарайский фонтан, № 2365, 48/2, 49/2, 50/1. № 2366, 20/1—29/1. № 2369, 3/2
Братья разбойники, № 2365, 51/1, 52/1. № 2366, 19/1
Програмы и планы: № 2365, 46/1, 61/2
Вадим, № 2365, 60/1. Программы и планы: № 2365, 60/2
Галуб, № 2373, 3/1—12/2. № 2375, 12/1—15/2, 37/1—40/2. № 2382, 22/2. Программы и планы: № 2373, 5. № 2382, 22/2
Домик в Коломне, № 2376 А, 1/1—5/2, 21/1—24/2
Египетские ночи, № 2367, 32/2, 33/2, 48/1. № 2370, 22/2, 30/2, 35/1, 37/2. № 2376 В, 1. 22/2. № 2384. 54/1
Кавказский пленник, № 2365, 1/1—22/2, 23/2, 24/1
Клеопатра, см. Египетские ночи
Медный всадник, № 2372, 54/2—46/1. № 2373, 19/1, 23/1. № 2374, 7/2—15/1, 16/2—17/1. № 2375, 1/1—10/2, 43/1—50/1, 16/1, 36/1, 18/2, 23/1, 60/1, 60/2. № 2376 Б, 10—16, 47—53, 20—40, 41
Мстислав, план поэмы: № 2366, 8/2—9/1, 10/1
Полтава, № 2371, 10/2—12/1, 17/2—19/2, 23/1, 24/1, 26/1, 26/2, 36/2, 37/1—67/2, 69/2—70/2, 95/1—94/2, 97/2—96/1. № 2372, 1—41. № 2377 А, 21
Руслан и Людмила, № 2364, 46/1—47/2, 50/1—51/2. 54/1, 56/2, 59/1—69/2.
Программы и планы: № 2364, 59
(Тазит), см. Галуб
Цыганы, № 2368, 3/2—16/2. № 2369, 45/2. 46/1. 47/2, 48/1. № 2370, 3/1, 3/2. 9/2. 10/1. 24/1—29/2, 31/1. 32/2. 50. 2. Программы и планы: № 2369. 45/2
Примечания: № 2363, 2/1. № 2370, 29/1

3. ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

№ 2366, 13/2. 17/2. 34/2
№ 2368, 21/1. 23/1. 24/1. 27/1. 30/1. 31/2—32/2, 35/1. 36/1. 37/1. 50/1. 49/2, 43/2, 43/1. 42/1—38/2.
№ 2369, 4/2—15/1. 16/2—20/2. 22/1—23/1. 24/1, 31/2. 33/0—39/2. 40/2. 41/2. 43/1. 48/2—50/1. 51/2.

№ 2370. 2/1—7/2. 11/2. 12/1. 17/1—18/1. 19/1—20/2. 28/2. 29/2. 31/1. 32/2—34/1. 39/2. 41/1. 50/2, 51/1—54/1. 57/2—58/2. 64/1—65/1. 66/1—68/2. 70/2—84/1.
№ 2371. 2/1—10. 17/1. 68/1—69/2. 71/2—75/1. 82/2
№ 2382. 17/2. 25/2. 32/2. 34/1. 101/1—96/1. 89/1—93/2
№ 1251, стр. 24.
№ 3515, лл. 415—417.
Программы и планы Онегина: № 2370, 5/1. 71/1.

Указатель к „Евгению Онегину“

Первая глава

Строфы:
I—II, № 2369, 4/2
III—IV, № 2369, 5/1—5/2
V, № 2369, 5/2. 6/2. 15/1
VI, № 2369, 6/1
VII, № 2369, 7/1
VIII, № 2369, 7/1
IX, № 2369, 8
X, № 2369, 7/2
XI, № 2369, 7/2
XII—XV, № 2369, 8/1, 9/2, 12
XVI, № 2369, 9/1, 9/2
XVII, № 2369, 10/1
XVIII, № 2370, 20/2
XIX, № 2370, 20/2
XX, № 2369, 10/1
XXI—XXIV, № 2369, 10/2—11/2
XXV—XXVI, № 2369, 12/2
XXVII № 2369, 13/1
XXVIII, № 2369, 13/2. № 2370, 82/1
XXIX—XXXII, № 2369, 13/1—14/2
XXXIII, № 2366, 13/2. 17/2. № 2370, 4/1 № 1254, стр. 24
XXXIV, № 2366, 34/2. № 2369, 9/2. 13/2—14/2
XXXV—XXXVI, № 2369, 15/1
XXXVII—XXXVIII, № 2369, 16/2—20/2
XII—VI, № 2369, 16/2—20/2
VII, № 2369, 21/2
VIII, № 2369, 21/2. 22/1. 22/2
IX—X, № 2369, 22/1. 22/2

Вторая глава

I, № 2369, 23/1. 24/1
II, № 2369, 24/2
III, № 2369, 25/1
IV, № 2369, 24/2
V, № 2369, 25/1
VI—VIII, № 2369, 25/2. № 2370, 58/1
IX, № 2369, 26/1
X, № 2370, 58/1. № 2369, 27
XI—XII, № 2369, 27/2
XIII, № 2369, 28/1
XIV, № 2369, 28/1. 28/2
XV, № 2369, 28/2
XVI, № 2369, 29/2
XVII, № 2369, 30/2
XVIII, № 2369, 33/1
XIX, № 2369, 30/2. 33/1. 33/2
XX, № 2369, 33/1. 33/2
XXI—XXII, № 2369, 34/1
XXII, № 2369, 34/2
XXIII—XXIV, № 2369, 35/1
XXV, № 2369, 35/2
XXVII, № 2369, 36/1
XXVIII, № 2369, 39/1
XXIX, № 2369, 36/2, 39/1
XXX, № 2369, 36/2
XXXI, № 2369, 37/1
XXXII, № 2369, 37/1. 37/2
XXXIV, № 2369, 38/2
XXXV, № 2369, 43/1
XXXVI, № 2369, 38/2
XXXVII—XXXVIII, № 2369, 39/1
XXXIX, № 2369, 39/2. 41/2. 42/1
X, № 2369, 41/2. 42/1

Третья глава

I, № 2369, 39/2. 48/2
II, № 2369, 48/2
III—IV, № 2369, 49/1
V, № 2369, 49/2
VI, № 2369, 51/2. № 2370, 53/1
VII, № 2370, 53/1.
IX, № 2369, 50/1
XXV, № 2370, 12/1
XXIX—XXX, № 2370, 2. 1. 3/2. 4/1
XXXI, № 2370, 4/2
Письмо Татьяны, № 2370, 4/2. 5/1. 5/2. 6/1. 6/2. 7/1
XXXII, № 2370, 2/2. 7/2. 11/2
XXXIII, № 2370, 2/2. 11/2
XXXIV № 2370, 12/1
XXXV, № 2370, 12/1
XXXVI, № 2370, 28/2
XXXVII, № 2370, 17/2
XXXVIII, № 2370, 18/1, 19/1
X, № 2370, 19/2
Песня девушек, № 2370, 19/2
XI, № 2370, 20/1

Четвертая глава

I, № 2370, 31/1. 70/2. № 3515, л. 415
II, № 2370, 33/2. 70/2. № 3515, л. 415
III, № 2370, 33/2. 41/1. 70/2. № 3515, лл. 415—417.
IV, № 2370. 32/2. 34/1. 70/2. № 3515, лл. 415—417
V, № 2370, 41/1
VII, № 2370, 70/2—71/1
VIII, № 2370, 32/2, 70/2—71/1
IX, № 2370, 29/2. 70/2—71/1
X, № 2370, 39/2. 70/2—71/1
XI, № 2370, 70/2—71/1
XII, № 2370, 28/2. 29/2. 70/2—71/1
XIII, № 2370, 71/1. 71/2—73/2
XIV, № 2370, 64/2. 71/2—73/2
XV, № 2370, 50/2. 64/2. 71/2—73/2
XVI, № 2370, 71/2—73/2
XVII, № 2370, 51/2. 71/2—73/2
XVII—XXII, № 2370, 71/2—73/2
XXIII, № 2370, 52/1
XXIV—XXV, № 2370, 57/2
XXVI, № 2370, 58/1
XXVII, № 2370, 58/1. 58/2
XXVIII—XXX, № 2370. 74/1—74/2
XXXI—XXXII, № 2370, 75/1
XXXIII—XXXVI № 2370, 75/2—76/1
XXXVII—XXXVIII, № 2370, 76/2
XXXIX, № 2370, 77/1
X, № 2370, 53/2. 54/1. 77/1—79/1
XII—I, № 2370. 77/1—79/1

Пятая глава

I—II, № 2370, 79/2
III—XII, № 2370, 80/1—82/1
XIII—XX, № 2370, 82/2—84/1
XXI, № 2368, 50/1—49/2. № 2370, 64/1

Шаржированный портрет А. С. Пушкина.

Шаржированный портрет В. Г. Бенедиктова.

Шаржированный портрет В. Ф. Одоевского.

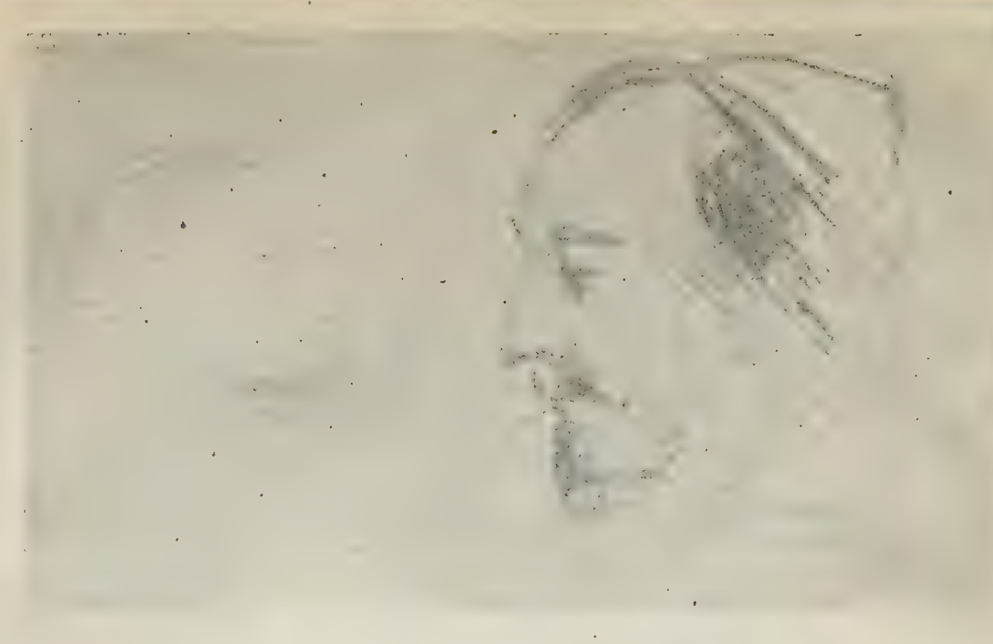
Шаржированный портрет М. И. Глинки.

Шаржированный портрет Ф. В. Булгарина и В. А. Соллогуба.

Шаржированный портрет В. А. Соллогуба.

Шаржированный портрет головы В. А. Соллогуба.

Статуэтка-шарж, изображающая Ф. В. Булгарина (работы Н. В. Степанова).

Статуэтка-шарж, изображающая В. А. Соллогуба (работы Н. В. Степанова).

XXII—XXIV, № 2368, 50/1—49/2
XXV, № 2368, 43/2
XXVI, № 2368, 43/1
XXVII—XXX, XXXII—XXXVIII, № 2368, 42/1—38/2

Шестая глава

XIII—XV, № 2368, 24/1. 24/2

Седьмая глава

I, № 2371, 2/1
II, № 2371, 2/1. 2/2
III—V, № 2371, 2/2—3/1
VI—VII, № 2368, 21/1. 36/1. 37/1. № 2371, 3/2
VIII, № 2368, 35/1. № 2371, 4/1.
IX—XXI, № 2371, 4/1—7/1.
XXII, № 2371, 17/1. 68/1—69/2.
XXIII—XXIV, № 2371, 68/1—69/2. 71/2—74/2
XXV—XXXV, № 2371, 71/2—74/2
XXXIII, № 2382, 89/1
XXXV, № 2370, 52/2
XXXVI, № 2368, 22/2. № 2370, 52/2
XXXVII, № 2368, 23/1
XXXVIII, № 2368, 23/1. 27/1
XXIX, № 2371, 73/2. № 2368, 27/1
X—XIII, № 2371, 73/2. 74/2.
XIV, № 2368, 30/2. № 2371, 74/2.
XVI—XVII, № 2368, 31/2—32/1
XIX, № 2368, 31/2—32/1
IV, № 2371, 74/2
V, № 2371, 75/1
Альбом Онегина, № 2371, 7/2—10

Восьмая глава

I, № 2382, 25/2
VI, № 2387 А, 17/1
X—XI, № 2382, 101/1, 102/2
XII, № 2382, 100/1
XVI, № 2382, 88/2
XXV, № 2382, 32/2
XXVI, № 2382, 32/2. 33/2. 34/1
Путешествие Онегина, № 2370, 65/1, 66/1—68/2. № 2382, 101/1—96/1. 93/2

Наброски к „Евгению Онегину“

№ 2373, 32/1
№ 2382, 17/2
№ 2384, 30/1. 55/2. 59/2
№ 2385 Б, 23

Наброски возражений критикам „Евгения Онегина“

№ 2387 А, 64. 18. 67. 67/2. 22

Предисловие и примечания к „Евгению Онегину“

№ 2370, 10/1, 11. 33

Проект предисловия к последним главам „Евгения Онегина“

№ 2387 Б, 36 и 62/2

4. ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Борис Годунов, № 2370, 45/1—46/1. 47/2—50/1. 52/1. 55/1. 55/2. 56/1. № 2392. Программы и планы: № 2370, 45. 55/2
Каменный гость, № 2376 Б, 1—9, 54, 61. № 2377а, 23. № 2387 Б, 46/2
Русалка, № 2371, 85/2. 84/1. 83/а2. № 2376 А. 7/1—18/2. № 2382, 19/2. 39/2. 40/1. Программы и планы: № 2376 А, 18/2
Скупой рыцарь, № 2376 В, 7. 8. 15. 19. 14. 10. 13. 11. 12. 16. Программы и планы: № 2370, 80/1
Сцены из рыцарских времен, № 2384 27/1—29/1, 32/1—38/2. 45/1—49/1 51/1—53

Отрывки и наброски

Вадим, № 2365, 60/1. Программы и планы: № 2365, 60/2
Папесса Иоанна, план, № 2384, 23/1
Скажи какой судьбой друг другу мы попались, № 2365, 40—41/1

5. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА

Повести

Арап Петра Великого, № 2367, 60/2. 61/1 № 2368, 21/2. 22/1. 22/2. 23/2 25/1—27/1. 28/2—29/2. № 2378, 1—44/2
В Коломне на углу маленькой площади, № 2371. 88/1—86/2. 89/1. № 2386, 12—13. 50. 51. Программы и планы: № 2382, 23/2
В начале 1812 полк наш стоял в небольшом уездном городе, № 2382, 12
В одно из первых чисел апреля, № 2377 А, 2
Б 179** возвращался я в Лифляндию, № 2387 Б, 23. 75
Гости съезжались на дачу, № 2371, 27/1—36/2. 98/1. № 2382, 75/2—73/1. № 2387 Б, 40, 41. 57. 58. 42. 43. 55/1
Дубровский, № 2380, № 2387 А, 32/1. № 2373, 42/2
Египетские ночи № 2386 А, 14. 16—49. Б, 13—26. № 2376 В, 1—22
История села Горохина, № 2367. 43. № 233 А, 1/1—10/1. 83—75. № 2387 Б, 13/1 13/2. 14/1. Программы и планы: № 2387 А, 1. 75/2. 76/1
Капитанская дочка, № 2381, № 2374, 4/2—5/1. № 2375, 32/1. № 2385, 16. Программы и планы: № 7707
Мария Шонинг, № 2377 А, 13. 14/1. 15. 16. 17
Мы проводили вечера, см. Египетские ночи
Надинька, № 2364, 57/1
„Несмотря на великие преимущества“, № 2387 Б, 24. 25. 73, 74. № 2386 А, 15/2
Пиковая дама, № 2373, 15. 18
Повести Белкина, № 2379, № 2387 В, 14—20
Романы в письмах, № 2382, 93/2—89/2. 88/2—86/2. 85/2
Роман на Кавказских водах, см. В одно из первых чисел апреля

Рославлев, № 2382, 63/2, 63/2—47/1. 70—71/2. № 2387 Б, 10. 12—15. 82—85. Программы и планы: № 2382, 53/1
Русский Пелам, № 2387 Б, 16. 17. 19. 79. 78/1. № 7706
С французского, см. Участь моя решена
Участь моя решена. Я женюсь, № 2372, 65/2—62
Цезарь путешествовал, № 2372, 57/2—56/2

Путешествие в Арзрум
№ 2382, 1/1—14/1. 85/2—81/1
№ 2383
№ 2387 Б, 27. 71
Программы и планы: № 2382, 10

История Пугачева
№ 2373, 26/2—25в/2
№ 2390
Материалы для истории Пугачева, № 2391

6. ИСТОРИЯ. КРИТИКА. ПУБЛИЦИСТИКА. ДНЕВНИКИ

Материалы записных книжек

Александр Радищев, № 2385. № 2387 Б, 1—8. 87—93. Программы и планы: № 2377 А, 18
Алманашник, № 2382, 35/1—39
Английские критики оспаривали, № 2367, 40—41
Анекдоты, № 2377
Баратынский, № 2387 В, 5. 6. 8. 27—29
Вольтер, № 2386, 11—12. 68—52
„Детская книжка“, № 2382, 65—64/а2
Дневник, № 4419. № 3266
Дневник Кишиневский, № 2387 А, 33
„ лицейский, № 2366
Железная маска, № 2387 Б, 44. 54. 45. 53
„Закон ограждается“, № 2364, 71/1
Заметки и наброски:
Об азбуке, № 2377 А, 19
Об А. Шенье, № 2370, 65/1
О Байроне, № 2376, 40/2. № 2382, 24/1 № 2386 Б, 1. 3—7. 32—36
О Баратынском, № 2367, 38—39/2—40 2387 В, 6. 29. 5. 8. 27 и 28
О Борисе Годунове, № 2370, 44. № 2372, 42—44/1. № 2373, 2. № 2382, 11/1 № 2386 В, 79 № 2387 А, 35/1. 12
О выходе Иллиады, № 2382, 28. 73. 69
О Г. Г. Пушкине, № 2367, 55/а2
О г-же Сталь, № 2387 В, 2/1
О г-же Сталь и о Г. А. М-ве, № 7019
О записках Симсона, № 2382, 78/2—77/2
Об истории поэзии Шевырева, № 2382, 41/1—42
О Камчатке, № 2377 А, 22. № 2388 Ж. Программы и планы: № 2877 А, 24
О литературной критике, № 2382, 29/2—30/2. (Французские критики имеют свое понятие)
О Лобанове, № 2386 В, 28—37. 42—50
О Марфе посаднице, № 2387 Б, 31—34. 63—67
О некрологии Раевского, № 2382, 17/1
О ничтожестве литературы русской, № 2384
О повестях Павлова, № 2387 Б, 21/1—22/2. 76
О Полевом, № 2387 Б, 46. 47. 57. 52. № 2387 В, 1. № 2387 А, 1
О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова, № 7019
О поэме „Цыганы“, № 2370, 29
О поэзии классической и романтической, № 2387 Б, 2. 3. 4. 31. 52. 33
О прекрасном, № 2387 А, 52/2
О приличии в литературе (письмо в редакцию „Литературной газеты“), № 2382, 71/2—70/2. 31—32
О путешествии Муравьева, № 2373, 22/1—23
О разговоре у кн. Халдиной, № 2382, 76/2—77/2
О романтизме, № 2382, 29/2
О романе („Юрий Милославский“) Загоскина, № 2382, 80/2. 79/1. 77/1
О словесности, № 2387 В, 4. 31. 32
О слоге (о русской прозе), № 2366, 10/2—12/2
О соколиной охоте, № 2377 А, 20
О статьях кн. Вяземского, № 2382, 72—77/2
О Таците, № 2367, 60/1
Об утере адреса подписчика из города Холма, № 2386 В, 5
О фракийских элегиях, № 2386 В, 23. 24. 26. 53. 55
О холере, № 2366. № 2377
Заметки критические и полемические, № 2382, 18—19. № 2373, 13—14 (Несколько Московских литераторов.) 31/1 (О критике и полемике.) 102/1, 95/2—93. (О публикации Ап. в „Сев. Звезде“) № 2383, 13/1 № 2387 А, 14. 12. 13. 15—17. 67. 19 (О Полтаве.) 20. 65. 64. 21. 22. 63. (Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений.) № 2387 Б, 30/2—68/2. 35/1. 33/2. 62/2. 37, 67. 38. 39. 61—59. № 7709 (На статью Бестужева.)
Заметки мелкие, № 2364, 78/2. № 2367, 42. 45/1—47/2. (Есть различная смелость.) 55/2. 57/1. 59/1—60/1. № 2368, 30. 31/1. № 2369, 2/2—3 (Причинами, замедлившими ход нашей словесности.) № 2370, 56/1. 58/1. 65/1. 82/1. № 2372, 59/2. № 2382, 30/2. № 2386 В, 79. № 2387 А, 1. 18/2
Заметки мелкие (биографические) № 2365, 45/2. № 2366, 33/2. 39/2 (Только революционная голова.) № 2368, 38/1. № 2382, 20/2. 26/1. 77/1—108/1. № 2386 Б, 13/1. № 2387 Б, 48/1. 49/1
Заметки для газеты, № 2387, 31. 54. 55
Заметки о ранних поэмах, № 2387 А, 21. 21/2. 12
Заметки по истории французской революции, № 2387 В, 1. 1/2
Замечания на Слово о полку Игореве и перевод Слова, № 2386 Г, 5—11. 14—20
Записи, № 3266
Записка по изданию газеты, № 2386 Б, 11 12. 27.
Записки, № 2387, 34/1. 51/1. 51/2
Записки Моро де Бразе, № 2389
Записки Чухина, № 7019
Исторические замечания, № 2365, 61/1. 62/1. 66/2. № 2373, 16/1. 17/1 (Москва б. освобождена.) 43/2 (О приказах.) № 2387 Б, 22 (О русском дворянстве.) № 3266 (На Анналы Тацита.)

Катенин перевел многие трагедии, № 2370, 56/1
Лорд Байрон, № 2386 Б, 3/1—7/1. 32/1—36
Материалы (разные исторические), № 2388. № 2394
Многие недовольны нашей журнальной критикой, № 2382, 14
Мысли на дороге, см. Путешествие из Москвы в Петербург
Notice sur la révolution d'Ipsilanti № 2386 B, 9. 71/2
О народном воспитании, № 2368, 49/1—44/1
Отрывки из писем, мысли и замечания. № 2367, 38. 40. 42/2. 46. 47/2. 56/2, 57. 58/2. 59. № 2368, 30. 31. № 2369, 2. Материалы к ним: № 2367, 46/2. 47. № 2368, 30. 31. № 2372, 59/2. № 2377, 19. 69. № 2387 В, 28/2
Отрывок: Мы ехали из Арзрума в Тифлис, № 2382, 12—13
Отрывок заметки о Демоне, № 2370, 58/2. 59
Репда-Декз, № 2786 В, 10. 70/1
План издания журнала, № 2373, 25/1. (Дневник „Контора под ведомством редактора".)
План изданий сочинения, № 2372, 66/1. 61/2. № 2374, 20/1. № 2386 Б, 62/2. № 2386 В, 28/1
Показания по делу о Гаврилиаде, № 2371, 21
Последний из родственников J. д'Арк, № 2386 А, 2—5. 58—61
Программы и планы:
Гаврилиады, 2365, № 28/1. 68/1
Записок, № 2375, 18/1
Из русской истории, № 2365, 46/1. 59/а2. № 2366, 8/2. 9/1. 10/1. 17/1. № 2378, 45/1
Карты; продан... № 2369
Кирджали, № 2371, 78
Н. избирает себе в наперсники, № 2387 А, 84/2
Русская девушка и черкес, № 2382, 13
Сказки, № 2370, 40/1 („Иван царевич поехал по горам".)
Статьи для „Северных цветов" (Письмо к Дельвигу.) № 2370, 42
Статьи о греческой революции, № 2371, 78/1
Статьи о дворянстве, № 2374, 24/1
Статьи о литературной собственности, № 2387 Б, 49/2
Статьи о ничтожестве литературы русской, № 7708
Статьи о новейших романах, № 2372, 60/1. Статьи по истории литературы, № 2382, 20
Статьи полемической, № 2387 А, 15/2
Элегии, № 2365, 57/1
Просьба на цензора, № 2382, 66/2
Путешествие из Москвы в Петербург, № 2377 А, 18. № 2384, 1—26. № 2385 Б. № 2386 В, 38—41
Путешествие В. Л. П., № 2386 А, 10/1—11/2. 52
Разговор А и В, № 2387 Б, 28. 29. 70. 69. 1 2387 А, 17/2
Разговор (воображаемый) с Александром I, № 2370, 46/1
Родословная Пушкиных и Ганнибалов, № 2387 А, 25—26. 59. 60 62. 50/1. № 2387 Б, 38. 39. 59/2—61/2
Российская Академия, № 2336 А, 6—9, 54—57
Сам съешь, № 2387 А, 63/2
„ Б, 30/1
Сказки, записанные Пушкиным, № 2366, 30/2. № 2368, 59/2—52/2
Список сочинений, № 2365, 53/1. № 2367, на переплете № 2371, 22/2. № 2376 А, 19/2. № 2377 А, 4/2. № 2379 (после Гробовщика). № 2366
Table-talk № 2377 В
Татищев, № 2395, 199. 263
Я мнил иной успех, № 2370, 34/1

7. ВЫПИСКИ. ПЕРЕВОДЫ. КОПИИ

Альбом (Ушаковский), № 4222
Биография А. Ганнибала: немецкий подлинник, № 2387 А, 40/1—45/2; в переводе, № 2387 А. 28—29. 56—58; писанная сыном его, № 2387 А, 37
Выписки из:
Байрона, № 2385 Б, 2. 37. № 2371, 70
Вордсворта, № 2374, 31/2
Gazette de France 5 Juillet 1831, № 2377 Б, 3/1
Гомера, Одиссея, № 2374, 2/1
Дашковой (из Записок), № 2386 В, 3/1. 3/2. 77/1
Ginguéné, Histoire litter. d'Italie № 2366, 31—33
Жуковского, № 2370, 8/1
Journal des Débats, Juillet 1831, № 2377 Б Истории французского феодализма, № 2377 Б, 10/2—5
Manzoni. Al Sulla morale cattolica osservazioni, № 2386 Б. 1/1
Мицкевича, № 2373, 33/2—46/2
Мятлева „Восторг", № 3379 (На письме Нащокина.)
Raunouard, Histoire du droit municipale en France, № 2377 Б, 3/2—4/1
Revue encyclopédique, Fevr. 1821, № 2366, 1
Сафо, № 2385 В, 1
Сербской песни, № 2375, 18. 35/1
Сервантеса (Цыганочка), № 2376 Б, 17
Испанская выписка, № 2376 Б, 17/1
Итальянская „ № 2386 Б. 1
Extrait de Beroid de Sovoy, № 2367, 65/2—62/1
Контракты (два) на наем квартиры, № 3735
Копия письма Востокова, № 2385 Г, 4
„ „ Петра I, № 2388 В
Marie Schoning, № 2377 А, 13
Notice sur la Secte de Jezides № 2383, 36
Преставление Саввы, № 2386 Б, 8. 31
Прошение А. Ганнибала, № 2387 А, 39. 46
Рескрипт Екатерины, № 2387 А, 38

8. ПИСЬМА

Александру I, № 2370, 69/2. (1825, июль—сентябрь)
Бенкендорфу, № 2370, 65/2 (1827, 20 июля.) № 2371, 21/2. 23/1 (1828, август), № 2373, 44/2. (1833, 22 июля) № 2382, 29/1 (1830, 7 января), 46, 2. (1834,

февраль) № 2386 Б, 10. 11. 12--27 (1828)
Бестужеву, № 2366, 35 (1823, 13 июля). № 2369, 43/2. 46/2 (1824, 12 января и февраль)
Бороздину, № 2382, 66/2 (1830 февраль).
Вигелю, № 2369, 23/1. (1823, ноябрь)
Всеволожскому, № 2370, 36/1 (1824, окт. ноябрь)
Вяземской, В. Ф., № 2370, 34/2 (1824, октябрь)
Вяземскому, № 2369, 16/1 (1823, 14 октября). 32/1. (1823, 4 ноября). 41/1. (1823, ноябрь), 50/2 (1824, 8 марта) № 2370, 40/1 (1824, 29 ноября) № 2371. 20/1 (1828, 1 сентября). № 2599 № 7020
(февраль 1823).
(7 мая, 1836 г.)
1828,21 мая).
1829,7 янв.
Гнедичу, № 2382, 28/2 (1829, декабрь)
Гоголю, № 7020 (1834 г.).
Гончаровой Н. Н., см. Пушкиной
Гончарову А. Н., № 2382, 33/1 (1830, 3 мая)
Давыдову В. Л. и Д. В. № 2386 В, 5/1. 72. (1821) 75/2 (1836, май) № 2387 Б, 26/1. 78/2 (1836, июль—август)
Дельвигу, см. Статья для „Сев. Цв.“
Дмитриеву, № 2372, 56/1 (1833 ноябрь). № 2386, 5/2, 75/1 (1836, 14 июня)
Жандру А. А., № 2386 В, 7/2 и 73 (1836)
Жене, № 7021, № 2382. 32/2. См. Пушкиной Н. Н.
Жуковскому, № 2370, 36/2. 37/1 (1825 г.)
Измайлову, или Погодину, № 2367, 36/2
Инзову, № 2369, 48/1
Казначееву, № 2370, 1/1, 8/2 (1824, июнь)
Катенину, № 2366, 18 (1822, апрель—май)
Киселеву, С. Д., № 7723 (1829, 15 ноября).
Княжевичу, № 2370, 41/2 (1824 г., декабрь)
Кривцову, № 2364, 71/1 (1819 г.)
Крылову А. А., № 2385 В, 1. (1836 г.).
Невесте, № 2372, 60/2. См. Пушкиной Н. Н.
Неизвестным лицам: № 2364, между 49—50 лл. (черновик иронического письма (1817—1818)
№ 2365, 46.
№ 2366, 39/1
№ 2367, 32/2
№ 2368, 30/1
№ 2369, 21/1. 37/2. 40/1
№ 2371,7.
№ 2373, 24/1
№ 2380, 24/2 (1832—1833 гг.).
№ 2382, 32/2. 108/1. 68/2
№ 2386 А, 15/1. 15/2. В, 6. 4. Г, между 12 и 13.
№ 2387 А, 33/2. В, 28/2. Б. 49.
№ 2392, 1/1
Норову, А. С. № 7020. (1833 г.).
Огонь-Дагановскому, № 2372, 61/2. (1830, май—июнь)
Орловой Е. Н., № 2366. 30.
Плетневу, № 2366 42/1 -43/2. (1822, октябрь). № 2370, 34 (1824, окт. ноябрь).
Погодину М. П., № 3515, 173—175. 239. 337. 415—417. 435—437. № 3516. 33/2. 35—37. 165—167. 721. № 3517, 165. 367. 369. 371. 373. 375. 377. 379. 381. 383. 385. 575. 629—631. № 3518, 2. 185. 249. № 3519, 85-86. 34 35. 196—197. 254—255 (1826—1836 гг.)
Пушкиной Н. Н. (невесте, жене), № 2372, 60/2. № 2382, 32/2. № 7021 (1830—1836 гг.)
Пушкину Л. С., № 1254. № 7020. (1820—1836 гг.)
Пушкину С. Л., № 238,7 В, 49 (1835).
Раевскому А., № 2364, 74/1. (1824, июнь). № 2369, 21—22/2 1823. октябрь).
Собаньской В. А., № 2382, 69/2—69/1. № 2373, 24/1 (февраль 1830 г.)
Соколову П. И., № 2372, 59 (1833, май)
Толстому Ф. И., (Приглашение), № 7020 (1828—1829 гг.) № 2382, 10 (1829, май—июнь)
Тургеневу, А., № 2365, 66/1 (1821, июль). № 2369, 40/1 (1824, 14 июля)
Ушакову, № 2386 В, 74/2 (1836, май—июнь)
Чаадаеву, П. Я. № 7020 (1831, 2 янв. и 6 июля)
Чиляеву, Б. Г., № 2382, 105/2 (1829, 24 мая)
Шварцу Д. М., № 2370, 41/2 (1824, декабрь).
Шишкову А. С., № 2370, 65/2 (1825, Апрель).
Яковлеву, И. А., № 3253 (1836,. 9 июля.)

Г. П. Георгиевский

НОВЫЕ ШАРЖИ И ПОРТРЕТЫ ЛИЦ ПУШКИНСКОГО ОКРУЖЕНИЯ

В хранилищах Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина имеется исключительное по богатству собрание автографов и портретов современников Пушкина. Некоторые из этих материалов никогда не были опубликованы. К их числу относятся и недавно обнаруженные нами, впервые здесь публикуемые, карандашные шаржи и портреты в тетради, принадлежавшей кн. Вл. Фед. Одоевскому.

Тетрадь эта — в переплете из плотного картона, покрытого коричневой «мраморной» бумагой, с кожаным коричневым корешком, в верхней части которого наклеена бумажная этикетка с надписью: «Charges». На «титульном» листе вверху собственноручная подпись владельца «Кн. В. Одоевский». В тетради 87 листов, из которых на 21 находятся рисунки (на одном только начатый) и остальные 66 чистые (в том числе один оборван на 1/5). Водяных знаков на бумаге нет. Рисунки, судя по их содержанию, относятся к 40-м или к началу 50-х годов прошлого столетия. Кто были авторы этих рисунков (они принадлежат, безусловно, нескольким лицам), установить не удалось.

В ряде публикуемых здесь рисунков на первом месте должен быть поставлен шарж, находящийся на 14-ом листе тетради.

На рисунке — голова юноши с ярко выраженными негритянскими чертами, с курчавыми волосами, с толстыми губами и со вздернутыми ноздрями.

Поворот головы, положение глаз, раскрытый рот, стиснутые ряды зубов и вздувшиеся ноздри придают юноше выражение недовольства или гнева.

Это, несомненно, шаржированный портрет А. С. Пушкина, точнее шарж на известный портрет юноши-поэта, гравированный Е. Гейтманом и приложенный к первому изданию «Кавказского пленника» (Спб., 1822).

В этом не трудно убедиться даже при беглом сравнении этого шаржа с гравюрой Гейтмана. Автор шаржа сохранил такие детали оригинала, как завиток локона, спадающий на лоб юноши, и вдавленную часть правой щеки поэта, опирающегося на гравюре Гейтмана на согнутую в кулак руку, которую, по условиям композиции, шаржист должен был устранить. О гравюре Гейтмана напоминает и штриховка фона.

Под рисунком-шаржем рукою неизвестного нам лица написано: «Weder Weise noch Weiss», т. е. «Ни мудрец ни белый».

Второй из публикуемых шаржей, наклеенный на втором листе тетради, изображает ее владельца. Зябкий, постоянно боявшийся простуды В. Ф. Одоевский представлен в зимнем пальто, с высоко поднятым воротником поверх большого шарфа, закрывающего нижнюю часть лица до самого носа, в теплой шапке и в опушенных мехом сапогах. Руки глубоко запрятаны в карманы пальто. Подмышкой левой руки зажат сверток нот.

Под портретом-шаржем надпись: «Le prince Adonis en costume d'été se proposant de faire une promenade musicale aux îles en mois de Juillet». («Князь Адонис в летнем костюме, отправляющийся на музыкальную прогулку на острова в июле месяце».)

Шаржированный портрет на 3-м листе тетради, исполненный с хорошим мастерством, изображает, вероятно, поэта В. Г. Бенедиктова.

На трех рисунках шаржирован В. А. Соллогуб. На одном (лист 16-й) он изображен спорящим или ссорящимся с Ф. В. Булгариным. В верхней части рисунка надпись: «Местники» — заглавие исторической драмы В. А. Соллогуба. Около презрительно сжатых губ В. А. Соллогуба, написано, повидимому, брошенное им в адрес Булгарина слово: «Петух». Этот рисунок интересно сопоставить с двумя, также публикуемыми здесь, статуэтками-шаржами Ф. В. Булгарина и В. А. Соллогуба работы Степанова (из коллекции Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки имени Ленина).

На другом рисунке (лист 44-й) В. А. Соллогуб изображен с руками, воздетыми над запрокинутым лицом изящно одетого молодого человека (может быть, Д. В. Григоровича), на ходу застывшего в почтительной позе. В правой части рисунка надпись, которая, используя игру слов, намекает одновременно и на плодовитость, повидимому, недавно начавшего литературную карьеру молодого писателя и на его высокий рост: «Multipliez, mais ne croissez plus». («Размножайтесь, но не растите больше».) Первоначально у автора шаржа было намерение сделать другую какую-то надпись, зачеркнутое начало которой сохранилось: «Un veau et un d...» («Теленок и......») Возможно, что эта первоначальная надпись должна была сопоставить «незрелого», начинающего писателя с «матерым» литератором В. А. Соллогубом.

На третьем рисунке (лист 35-й) дана незаконченная шаржированная голова Соллогуба рядом с хорошо выписанной головой другого какого-то лица, которое мы не смогли установить.

Рисунок (наклеен на лист 22-й) с надписью «Une bonne charge de cou» («Хороший шарж шеи») шаржирует, повидимому, М. И. Глинку.

Тетрадь В. Ф. Одоевского, предоставленная ранее, судя по надписи на «титульном» листе, только для шаржей, утратила затем это ее первоначальное специфическое назначение.

В ней же находятся и публикуемые здесь, сделанные рукою опытного рисовальщика, два портрета: М. Ю. Виельгорского (наклеен на лист 25-й), и его дочери А. М. Веневитиновой (лист 18-й), жены А. В. Веневитинова, брата поэта.

П. А. Попов

III

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

М. Ю. Виельгорский.

А. М. Веневитинова (урожд. Виельгорская).

ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Публикуемые ниже письма таких видных литературных деятелей прошлого, как К. С. Аксаков, И. С. Тургенев, А. К. Толстой и И. И. Панаев, представляют большой интерес, главным образом, потому, что они дают некоторые новые материалы и иллюстрации по истории борьбы и взаимоотношений двух крупных общественных группировок 40-х гг. прошлого столетия — западников и славянофилов.

По истории западничества и славянофильства опубликовано уже достаточное количество материалов — воспоминания, переписка и т. п. Но тем не менее нужно признать, что вопрос об истинном характере этих двух группировок далеко нельзя считать полностью освещенным.

Борьба западничества и славянофильства характеризует 40-е годы прошлого столетия. Но зародыши этих двух группировок наблюдались и раньше. Причиной, вызвавшей возникновение этих двух течений, был тот факт, что для России в первой половине XIX в. остро встал вопрос о пути, по которому пойдет и должно пойти ее дальнейшее развитие. Должна ли она и впредь остаться страной земледельческой, какой она была до того времени, т. е. страной, в которой командующая роль принадлежит поместному дворянству, опирающемуся в своих отношениях к другому основному классу аграрной страны — крестьянству — на крепостное право и на другие феодальные отношения, или она должна будет в будущем вступить на тот путь, по которому шли и идут страны Западной Европы, — на путь развития фабрично-заводской промышленности, т. е. на путь буржуазного развития, который не мирится с крепостничеством и феодализмом? Этот вопрос составлял корень разногласия между западниками и славянофилами.

Та же идея о необходимости и желательности для России вступления на путь буржуазной Западной Европы стояла и перед декабристами, которые искали образец политической организации государства в буржуазной Западной Европе. Тот же вопрос о дальнейшем пути развития России мучительно стоял перед Чаадаевым, который ясно понимал желательность западноевропейского пути, но не видел в тогдашней России общественных сил, на которые могло бы опереться это развитие. Так же болезненно остро стоял этот вопрос перед Печериным. И его взоры были устремлены на Западную Европу; и он там, на Западе, видел спасительный маяк.

Запад! Запад величавый!
Запад золотом горит!
Там венки виются славы!
Доблесть, правда там блестит!

писал Печерин в одном из своих стихотворений.

Но в 30-х гг. было еще слишком свежо впечатление разгрома декабристов, и Чаадаев и Печерин были одиночками; за ними не стояло никакого общественного движения. Царское правительство легко расправилось с этими двумя одиночками: в 1836 г. Чаадаев был за свое первое «Философическое письмо» объявлен сумасшедшим, а Печерин в том же году эмигрировал за границу.

Экономическое развитие России шло постепенно по пути капитализ-

ма. Даже в помещичьих кругах все яснее стало сознаваться, что для самих владельцев имений выгоднее поставить свое хозяйство на капиталистические рельсы, чтобы увеличить товарную производительность имений для сбыта продуктов за границу. А для этого надо было вступить на путь развития, указанный Западной Европой. С другой стороны, все более многочисленным становился слой разночинной интеллигенции, развитие и интересы которой были всецело связаны с дальнейшим развитием России по образцу Западной Европы. Эти общественные изменения и создали в 40-х гг. почву для расцвета западничества. В противовес ему в среде помещиков, которые хотели продолжать свое хозяйство на старых, патриархальных основаниях, на основе крепостного права и всех тех привилегий, которые давал им существующий строй, возникло течение славянофильства. Представители этого течения утверждали, что для России нежелательно, губительно вступление на путь развития Западной Европы, что в России, благодаря свойствам славянского духа, на ее счастье сохранился и очень прочно стоит патриархальный строй, основанный, якобы, не на вражде и борьбе, а на любви и доверии между высшими и низшими сословиями, а в частности между помещиками и крестьянами. Этот будто-бы свойственный славянству общественный строй более высок, более человечен, чем строй западноевропейский, который порождает беспощадную борьбу классов. Россия, по мнению славянофилов, должна была итти по своему, самобытному, пути развития, который обеспечивает ей блестящее и счастливое будущее.

В группу «западников» входили представители двух классов. Во-первых, это были буржуазные элементы, главным образом, просвещенные элементы передовых слоев дворянства, понимавшие, что для того, чтобы хозяйничать по-новому, необходимо создать в стране правовые и политические условия по типу Западной Европы. К ним примыкали немногочисленные еще в то время представители нарождавшейся буржуазии (В. П. Боткин). Вторую группу образовывали представители разночинной интеллигенции, которые понимали, что при сохранении старых, патриархальных порядков, для них не будет ни места, ни будущего. Классовые интересы толкали их в ряды сторонников развития по типу Западной Европы, в ряды западничества. Это привело к образованию в группировке западничества двух направлений: во-первых, правого крыла, состоявшего, главным образом, из либерально настроенных помещиков — дворян и небольшой части примыкавших к ним наиболее культурных представителей буржуазии, и, во-вторых, левого крыла, состоявшего из гораздо более радикально и демократически настроенных разночинных интеллигентов. Правое крыло в рядах западничества было более многочисленно, чем левое.

Конечно, классовые интересы помещиков-дворян и интеллигентов-разночинцев были далеко не однородны. Общим у них было только то, что и те и другие считали необходимым и желательным, чтобы отсталая в экономческом и культурном отношениях Россия пошла в дальнейшем по пути Западной Европы, т. е. по пути буржуазного развития. Но в Западной Европе правых и левых интересовали различные стороны ее жизни. Правых в Западной Европе привлекал и интересовал ее политический и правовой строй, создавший условия для развития капиталистического хозяйства, строй, обеспечивавший притом господствующее положение за буржуазией и примыкавшими к ней слоями поместного дворянства. Левых в Западной Европе привлекало и интересовало совершавшееся там революционно-демократическое движение; экономические и правовые отношения и политический строй Западной Европы они ценили лишь постольку, поскольку эти отношения давали возможность развития демократическим течениям среди эксплоатируемых масс. Эти революционно-демократические стремления разночинной интеллигенции в силу жестоких цензурных стеснений не могли находить яркого отражения в литературе, но они ярко сказались в письмах левых западников.

«Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития

в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию», писал в одном из своих писем Белинский.

Но, желая установления в России буржуазных порядков, Белинский был очень далек от идеализации западноевропейского строя. «Я знаю, что владычество капиталистов покрыло современную Францию позором», писал он в декабре 1847 г. В. П. Боткину. «В нем все мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести». Капиталисты, по его словам, «это люди без патриотизма, без возвышенности чувства... торгаш есть существо, по натуре своей пошлое, дрянное, низкое и презренное».

Белинский ненавидел буржуазию и презирал ее, но он видел, что только в буржуазной Западной Европе развивается то революционно-демократическое и социалистическое движение, которому он отдавал все свои горячие симпатии.

«Социальность, социальность* или смерть! Вот девиз мой, — писал в 1841 г. Белинский в письме к Боткину. — Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живет в небе, когда толпа валяется в грязи?.. Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда бóльшая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч!.. Сердце мое обливается кровью и судорожно содрогается при взгляде на толпу и ее представителей. Горе, тяжелое горе овладевает мною при виде и босоногих мальчишек, играющих на улице в бабки, и оборванных нищих, и пьяного извозчика, и идущего с развода солдата». Путь развития Запада Белинский ценил постольку, поскольку он представлял возможность «толпе», т. е. эксплоатируемым и угнетенным массам, бороться за свои интересы, за освобождение от эксплоатации, за социализм.

Помещики-дворяне, состоявшие в рядах западников, хорошо понимали, что в будущем их движение может быть сильно только в том случае, если им удастся увлечь за собой широкие массы. Поэтому они не выявляли открыто своих классовых интересов; они скрывали их под маской туманных фраз об истине, красоте, справедливости и т. п., под маской общечеловеческой гуманности. Классовые интересы старательно укрывались под обильными красивыми цитатами из Гете и Шиллера — «Laura am Klavier», как язвительно писал Щедрин, вспоминая это время. В публикуемых письмах К. Аксакова читатель найдет образцы этой игры с цитатами из Гете и восторга перед Шиллером. Вообще характерно, что вопросы чисто экономические играли очень небольшую роль в писаниях и полемике западников. На первом плане стояла философия. Хотя правое крыло и составляло большинство в рядах западников, это большинство допускало, чтобы во главе западничества стояли два блестящих представителя левого крыла — Белинский и Герцен.

Итак, дворяне-помещики были не только тем слоем, который был единственной базой славянофильства. Дворяне-помещики составляли большинство и западничества. Споры между славянофилами и западниками — это были споры в своем дружеском, дворянском, кругу. Для многих это было только интересное препровождение времени. Вот как Герцен описывает вечера, на которых происходили жестокие споры западников и славянофилов. «Сверх участников спора, сверх людей, имевших мнения, на эти вечера приезжали охотники, даже охотницы, и сидели до двух часов ночи, чтобы посмотреть, кто из матадоров кого отделает и как отделают его самого; приезжали в том роде, как встарь ездили на кулачные бои».

Несмотря на жестокие споры с противниками, дворяне-помещики, входившие в эти группировки, сохраняли со своими противниками прекрасные, дружеские отношения. Читая публикуемые нами письма, читатель

* Т. е. социализм. — *Н. М.*

увидит, например, как извинялся И. С. Тургенев за то, что в одном из своих рассказов он вывел героя, похожего на К. С. Аксакова, как он выбрасывал из своих «Записок охотника», по совету славянофилов, места, в которых были легкие насмешливые намеки на славянофилов. Читатель увидит в письмах западника Панаева тот подобострастный пиэтет, с которым он относился к славянофилу Аксакову. Он увидит, как западник Тургенев и умеренный либерал поэт А. К. Толстой охотно давали свои произведения в славянофильские журналы, а последние печатали их. Дело объясняется не только тем, что между членами славянофильских и западнических кружков издавна существовали тесные, дружеские связи, как между людьми одного и того же круга, но и тем, что социальный состав славянофильства и праваго крыла западничества был одинаков. И там и тут были дворяне, которые там и тут защищали дворянские интересы, хотя и предлагали для этого различные средства. Это был «спор славян между собою», домашний, семейный спор. Это внутреннее классовое родство западников и славянофилов прекрасно понимал Щедрин. В одном из очерков своей серии «Благонамеренные речи» он сводит двух приятелей — западника Тебенькова и славянофила Плешивцева. Вот как он характеризует их.

«Оба мои друга вполне благонамеренные люди. Оба признают необходимость «почвы», оба консерваторы, оба сторонники аристократического принципа, оба религиозны, оба разделяют человечество на пасущих и пасомых, оба уважают народность. Все различие в подходе к людям. Плешивцев проникает в человеческую душу при помощи взлома. Тебеньков делает то же самое с помощью подобранного ключа. Даже Тебеньков понимает, что различие это чисто формальное. «Разномыслие наше чисто наружное, — говорит он, — и отнюдь не мешает полному внутреннему нашему единомыслию». Это благодушное отношение западников к славянофилам очень отчетливо выступает в публикуемых письмах.

Иначе относится к своим противникам революционный демократ Белинский. Пусть читатель, для контраста с письмами Тургенева и Панаева, прочитает знаменитое письмо Белинского Гоголю по поводу его «Переписки с друзьями». Белинский высоко ценил и глубоко любил Гоголя за его предшествовавшую литературную работу. Но как резко он изменил свое отношение к нему после выхода в свет «Переписки с друзьями», когда он увидел в Гоголе своего противника! Каким гневом, каким негодованием дышит его знаменитое письмо!

«Да, я любил вас со всей страстью, с какой человек, кровно связанный со своей страной, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса», писал Белинский в этом письме, вспоминая прежнего Гоголя — автора «Ревизора» и «Мертвых душ». А дальше, переходя к Гоголю, автору «Переписки с друзьями», Белинский продолжает: «Я не в состоянии дать вам ни малейшего понятия о том негодовании, которое возбудила ваша книга во всех благородных сердцах... Да, если бы вы обнаружили покушение на мою жизнь, и тогда бы я не более возненавидел вас, как за эти позорные строки... Или вы больны — и вам надо лечиться, или... не смею досказать своей мысли!.. Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете! Взгляните себе под ноги, — ведь вы стоите над бездной».

Все письмо Белинского дышит глубокой страстью, непримиримым гневом, негодованием. Это не те дружеские турниры западников со славянофилами «в понедельник у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у Елагиной», где сходились и с вечера до рассвета дружески, по-джентльменски спорили люди одного и того же класса, только поразному понимавшие интересы поместного дворянства, люди, «у которых была одна любовь, но не одинаковая», противники, у которых, по словам Герцена, «сердце билось одно». В письме революционного разночинца Белинского нет и тени благодушия и джентльменства. Оно все пропитано

революционной страстью, ненавистью, презрением к противнику. Революционный демократ встает в нем во весь свой рост.

А вот отрывок из письма Белинского к Кавелину, в котором он убеждает последнего резче выступать в полемике со славянофилами:

«Церемониться со славянофилами нечего... За исключением этих людей (два брата Киреевских и два брата Аксаковых. — *Н. М.*), все остальные славянофилы, знакомые мне лично или по сочинениям, подлецы страшные и на все готовые или, по крайней мере, пошлецы: Самарин не лучше других. От его статьи веет мерзостью. Эти господа чувствуют свое бессилие, свою слабость и хотят заменить их дерзостью, наглостью и ругательным тоном. В их рядах нет ни одного человека с талантом... Да что об этом толковать много! Катать их, мерзавцев!»

Белинский и все те, от лица которых он выражал свое негодование Гоголю, были западниками. Но западниками были и участники дружеских турниров в московских литературных салонах 40-х гг. Этот факт ярко показывает наличие двух течений в лагере западничества, течений, имевших различный классовый характер. До конца 40-х гг. оба эти течения, сдавленные тисками николаевского режима, довольно мирно уживались в рядах западничества. Это было возможно потому, что в то время еще не вставали остро практические вопросы о том, на каких началах произойдет вступление России на путь развития западноевропейской культуры.

Революция 1848 г. положила конец этому мирному сожительству. Она резко поставила главным образом, во Франции, вопрос о противоречиях классовых интересов пролетариата и буржуазии, о социалистической, пролетарской революции. В ходе революции 1848 г. произошли жестокие столкновения между пролетариатом и буржуазией. Пути пролетариата и буржуазии на Западе резко разошлись. Тот же вопрос встал и перед русскими западниками.

В рядах западников наметился раскол. Правое крыло западничества, напуганное самостоятельными революционными выступлениями французского пролетариата, еще более отшатнулось вправо. Левое революционно-демократическое крыло, наоборот, отдавало все свои симпатии революционным массам Франции, Германии и Австрии. «Мне кажется, что я стал по своим убеждениям о конечных целях человечества решительным партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев», писал в своем дневнике в 1848 г. Н. Г. Чернышевский, бывший тогда еще студентом.

С другой стороны, несмотря на гнет царского самодержавия, и в России быстро нарастали симптомы глубокого недовольства угнетенного и закабаленного крестьянства. Быстро росло количество крестьянских волнений. Если за десятилетие с 1835 по 1844 г. их было 216, то за следующее десятилетие, с 1845 по 1854 г., их было уже 348. «Вообще мысль о свободе вкореняется все более и более и бывает причиной не только беспорядков, но порождает часто и важнейшие преступления: посягательство на жизнь самих помещиков и управителей имениями. Постоянное увеличение числа преступлений этого рода должно обратить на себя особое внимание правительства», читаем мы в докладе корпуса жандармов царю за 1840 г. «Мысль о свободе крестьян тлеет между ними беспрерывно. Эти темные идеи все более развиваются и сулят вечно нехорошее», писали жандармы в отчете за 1841 г.

В следующем шестилетии, с 1855 по 1861 г., было уже 447 крестьянских волнений.

Широко известно знаменитое изречение Александра II о том, что лучше освободить крестьян сверху, чем дожидаться, когда они освободятся снизу. Из цитируемой нами книги «Крестьянское движение» видно, что изречение это представляло только почти буквальное повторение фразы, написанной жандармами в «Нравственно-политическом отчете» относительно крестьянского движения за 1839 г.:

«Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, — писали жандармы в этом отчете, — и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Тогда только мера будет спасительна, когда будет предпринята самим правительством тихо, без шуму, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, — в этом все согласны» *.

К концу 40-х и в начале 50-х гг. необходимость близкого уничтожения крепостного права в России стала очевидной для всех сколько-нибудь здравомыслящих людей. Еще более стала она ясной для западников. А вместе с тем вопрос из абстрактного стал делаться конкретным. На каких основаниях должно было произойти освобождение крестьян? Надо ли их освободить без выкупа или за выкуп? С землей или без земли? Какими другими реформами должно сопровождаться уничтожение крепостного права? Какой характер должно получить при этом государственное устройство страны? Итти ли при этом по пути либерально-буржуазной Европы или по пути, за который выступали революционно-демократические партии и течения Западной Европы? При постановке и решении этих вопросов уже нельзя было укрываться за общими историко-философскими рассуждениями, как это было в спорах западников и славянофилов, а надо было перейти в область экономических и правовых вопросов. Противоречия интересов правого (дворянского) и левого (разночинного) мелкобуржуазного крыла западничества должно было при этом ярко выявиться и привести к неизбежному расколу этого движения.

Для либерально-буржуазного крыла задача размежевания была не трудна. Для него было выгодно пользоваться старой, неопределенной идеологией и аргументацией старого западничества, ибо это удерживало в его рядах и под его руководством еще малосознательные элементы разночинной интеллигенции, а через них открывалась возможность влиять и на массы просыпавшегося крестьянства. Труднее была задача левого крыла западничества. Тут нельзя было попросту итти по пути западноевропейских радикальных мелкобуржуазных и социалистических течений, ибо в России вся классовая расстановка сил была иная, и слепое подражание западноевропейским социалистам-утопистам сделало бы движение левого крыла западничества вдвойне утопическим. Это чувствовал уже Щедрин в своих первых повестях «Противоречия» и «Запутанное дело». Надо было приспособить принципы западноевропейского социализма (домарксовского, ибо о Марксе левые западники или ничего еще в то время не знали или знали очень мало) к русским условиям, к классовым отношениям и экономическим условиям России того времени. Надо было выработать идеологию, программу и тактику русской революционной демократии, а это было делом не легким. Трудность усугублялась еще и тем, что наиболее глубокий вождь революционно-демократического разночинства, Белинский, умер в начале 1848 г., а Герцен, во-первых, находился в эмиграции и был, следовательно, оторван от близкого общения с Россией, а во-вторых, сам был глубоко удручен тем разрывом между буржуазией и пролетариатом, который он наблюдал во Франции в июньские дни 1848 г. Кроме того, Герцен колебался между дворянским либерализмом и решительным радикализмом революционной демократии. Такой вождь не мог проделать всей той работы, которая стояла в то время перед русской революционной демократией. Для решения этой задачи нужны были совершенно другие люди, люди другого классового происхождения и воспитания, люди, не связанные своими интересами с дворянством. Эту роль выполнял позднее Чернышевский, но в 40-х годах он был еще студентом, а позднейший соратник Чернышевского Добролюбов был еще мальчиком.

Естественно, что процесс разложения западничества несколько, правда,

---

* Центрархив. Крестьянские движения 1827—1869 гг., вып. 1, стр. 32, 41, 44.

совсем не надолго, затянулся, и в начале 50-х гг. все еще продолжалось сотрудничество правых западников (напр., Тургенева) в «Современнике», редактором которого был Некрасов. Только со второй половины 50-х гг. происходит настолько резкий разрыв между бывшими левыми и правыми западниками, что последние прекращают свое сотрудничество в «Современнике». Этот разрыв был настолько резок, что даже мягкий, джентльменски воспитанный Тургенев нашел в себе силы откровенно сказать Чернышевскому, что последний в его глазах «змея», а Добролюбов — «змея очковая». И в то же время дружеские отношения между западником Тургеневым и вождями славянофильства Аксаковыми, как видно из публикуемых писем, развиваются и крепнут, и Тургенев полон негодования по поводу резких рецензий «Современника» на произведения Аксакова. Он заявляет при этом, что впредь он не будет давать свои произведения «Современнику». Эта рисующаяся в публикуемых письмах картина сближения либералов западничества со своими вчерашними противниками на московских турнирах — славянофилами — перед лицом начавшегося роста революционно-демократического движения чрезвычайно поучительна. Mutatis mutandis, такая внутренняя близость либералов и ретроградов повторялась в течение всей последующей истории и достигла апогея в ходе Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г., а в особенности после торжества Октябрьской пролетарской революции 1917 г. Одна из поучительных черт истории нашего либерализма состоит в том, что изучение ее открывает имевшееся у русского либерализма уже с детских лет амикошонское отношение к реакционерам и всегдашнюю готовность сотрудничать с реакцией в борьбе против революции, как общего врага. А после торжества Октябрьской социалистической революции оба эти течения вплотную сошлись в одном лагере самой оголтелой контрреволюции и мирно сотрудничают в нем друг с другом.

Во второй половине 50-х гг. происходит уже явное разделение западничества на два лагеря. Правые западники превращаются в чистокровных буржуазных и буржуазно-помещичьих либералов, а левые — в революционных демократов. Классовый состав этих двух лагерей становится совершенно различным, и было бы величайшей путаницей смешивать их.

С этого времени развитие двух течений, на которые разложилось западничество, пошло различными путями. Правое крыло, оформляясь в либеральное движение, во всем своем дальнейшем развитии все более теряло те черты, которые позволяли ему в 40-х гг. выступать под одним знаменем с таким революционным демократом, как Белинский. Они оказались удовлетворенными убогими реформами 60-х гг. Они притупляют свою критику сохранившегося в России полукрепостнического строя; они превращаются в чистокровных, беззубых буржуазно-помещичьих либералов. Их литературные органы, как «Вестник Европы» Стасюлевича *, «С. Петербургские Ведомости» Корша, «Голос» А. Краевского, все более тускнеют. Самое название западничества исчезает и заменяется словом либерализм.

Тускнеет и славянофильство, ибо падение крепостного права и явное вступление России на путь буржуазного развития подрезали корни этого движения. Та часть поместного дворянства, которая входила в это движение, убедилась, что и при капитализме интересы дворянства не пострадают, что их нетрудно примирить с интересами буржуазии, и недаром такой видный последыш славянофильства, как И. С. Аксаков, проповедуя по старой памяти славянофильство, являлся в то же время видным банковским дельцом. Да и вождь реакции 70-х и 80-х гг. М. Н. Катков (бывший западник), направляя одной рукой дворянскую реакцию, другой энергично работал в пользу крепнувшей в то время русской бур-

* Щедрин называл «Вестник Европы» «крашеным гробом», а его редактора Стасюлевича — «скопцом».

жуазии. Мало того, в 70-х гг. славянофильство превратилось до известной степени в орудие русской буржуазии. Так, напр. славянофилы, которые были очень сильны в министерстве иностранных дел, старательно проводили там под флагом объединения всего славянства политику подчинения балканских славян русскому владычеству. Сближение интересов буржуазии и дворян-помещиков, пытавшихся завести у себя хозяйство, которое давало бы бо́льшую товарную продукцию на внешний рынок, повело к сближению славянофильства и бывшего правого крыла западничества в области практической деятельности.

Позднее, в 70-х гг., движение революционной демократии приняло форму народничества, выдвинувшего в своей идеологии и в программе ряд требований в сторону сохранения в России старых, патриархальных институтов — община, мир, артель и т. п. — и утверждавшего, что Россия должна итти и неизбежно пойдет своим, отличным от Западной Европы путем развития, минуя капитализм. По внешнему виду эти мысли и требования народников напоминают то, что в 40-х и 50-х гг. проповедывали славянофилы. Но было бы глубоко ошибочным утверждать, что славянофильство и народничество родственны между собою, что народники являются наследниками славянофилов и продолжателями их дела. Не надо никогда забывать и упускать из виду, что классовый характер этих двух течений резко различен. Славянофилы — это были идеологи и представители интересов русского поместного дворянства. Народники — идеологи мелкой крестьянской буржуазии.

В 80-х гг. в России стало формироваться движение пролетариата. Русские марксисты утверждали, что дальнейшее развитие России пойдет по пути капитализма, т. е. по пути Западной Европы; и здесь было сходство с тем, что раньше утверждали западники. Но и это сходство было только внешним, ибо глубоко различны были классовые основы обоих движений. Марксизм был движением пролетарским, тогда как в западничестве преобладало буржуазное течение (правое крыло). Но это было ясно далеко не всем марксистам того времени. Так, П. Струве в своей известной книге «Критические заметки об экономическом развитии России» утверждал, что народничество имеет «славянофильские корни», что вера в «самобытное развитие России» составляет «историческую связь между славянофильством и народничеством», что борьба марксистов с народниками есть «естественное продолжение разногласия между славянофильством и западничеством». В. И. Ленин сразу заметил ошибку Струве. В своей известной статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» он писал по поводу только что приведенных мыслей Струве:

«Бесспорно, что народники очень и очень повинны в квасном патриотизме самого низкого разбора... Но сущность народничества лежит глубже; не в учении о самобытности и славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя...», т. е. в мелкобуржуазном характере народнического движения. Далее Ленин продолжает: «С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и *капитала*. Оно отразило этот *факт* через призму жизненных условий и интересов мелкого производителя, отразило поэтому уродливо, трусливо...» (Ленин, Соч., т. I, стр. 278—279.)

Но ошибка Струве очень поучительна. В основе ее лежит то, что, выдавая себя за марксиста, он обеими ногами стоял в лагере буржуазии, что очень скоро и обнаружилось. Но мысль Ленина не была понятна очень многим марксистам (в кавычках и без кавычек) того времени. Даже Плеханов в ряде своих статей не проводил этого резкого классового различия между западниками и марксистами, и он, а за ним и все меньшевики, понимал вступление России на путь капиталистического

развития Западной Европы слишком упрощенно, механически. Это происходило потому, что они также, несмотря на марксистскую фразеологию, по существу, стояли в лагере буржуазии и были пропитаны ее идеологией. Это родство с буржуазной сущностью западничества, т. е. либерализмом, ярко проявилось тогда, когда в эпоху революции 1905 г. и после меньшевики превратились в простых прислужников буржуазии, когда они начали ставить своей задачей поддержание буржуазного строя от натиска революционного пролетариата, т. е. когда они превратились в охвостье заурядных буржуазных либералов, а в ходе революции 1917 г. вместе с либералами перешли в лагерь реакции.

* *
*

Приведенная выше цитата из Ленина устанавливает глубоко правильную точку зрения на западничество и славянофильство.

Публикуемые в настоящем сборнике письма послужат полезным материалом для изучения западничества и славянофильства.

Н. Мещеряков

ПИСЬМА К. С. АКСАКОВА к В. Г. БЕЛИНСКОМУ

В эпистолярном наследии В. Г. Белинского дошло до нас шесть его писем к К. С. Аксакову, опубликованных первоначально А. Н. Пыпиным в журнале „Русь“ за 1881 г., № 8. Позднее они были включены Е. А. Ляцким в собрание писем Белинского, вышедшее в 1914 г. (Белинский. Письма. 3 т. СПб. 1914). Ответных писем К. С. Аксакова мы не имели и, можно сказать, не имеем, так как публикуемые нами ниже два письма Аксакова не являются ответами на известные нам письма Белинского.

Эти последние приходятся на 1837 и 1840 гг. Оба письма К. Аксакова не датированы, но время написания первого легко устанавливается с точностью до месяца по упоминаемым им местам своего пребывания в Германии и Швейцарии, куда он ездил в 1838 г., — в году, как раз не представленном письмами Белинского.

Труднее определить дату второго, так как оно является запоздалым ответом на не известное нам письмо Белинского. О мотивировке приблизительно устанавливаемой даты мы говорим в примечании к нему.

Но несомненно, что это отсутствие точно соответствующих корреспонденций Белинского не лишают письма К. Аксакова значительности и интереса. Они представляют нам их автора в его двух стадиях развития: в раннем увлечении немецким идеализмом и при свершившемся окончательном повороте в сторону национализма. Правда, следует заметить, что тенденция к этому намечается уже в конце первого письма. В письмах этих обращает также на себя внимание насыщенность философской терминологией русского гегельянства 30-х годов.

Е. Коншина.

I

Люцерн [1838 г., август—октябрь]

Нравится мне Германия, и я полюбил ее житье бытье, которое старался узнать покороче, как все немцы проникнуты чистою любовью к изящному; какая простота, совершенное отсутствие фраз. — Теперь я в Швейцарии нанял себе комнатку недели на четыре и отсюда пишу к вам, любезные друзья Виссарион и Боткин. Передо мною горы, покрытые снегами, влево озеро, день прекрасный, тихо. — На зло твоим нападкам, Виссарион, Шиллер имеет для меня гораздо высшее и важнейшее(?) значение теперь, нежели прежде. Я видел, что такое он до сих пор для Германии; как живо у всех немцев чувство к нему: это любовь какая-то, и Шиллер служит для них связью, которая соединяет всех разноплеменных немцев между собою. Назови только Шиллера и посмотри на лицо Немца, как вмиг расцветает оно. Ты может быть скажешь: но что это за любовь, понимают ли Шиллера те, которые его любят; это глупая любовь. Нет Виссарион; ты сказал вздор, если сказал это. Общее народное чувство не бывает глупо, и если даже многие не понимают многого в Шиллере, то это чувство все таки имеет основание; это следствие общего впечатления, которое производят стихи Шиллера, это следствие той любви, того стремления, которое везде у него высказывается; чувство отзывается на чувство, часто бессознательно, часто только темно понимая его, и потому Шиллер так любим Немцами. Да, его влияние было огромное, и теперь память о нем как жива, как мы и не воображаем, сидя дома. Представьте себе, любезные мои Виссарион и Боткин, теперь появилось новое издание Шиллера, и 75 000 экземпляров уже разобрано, правда, очень дешево: 12 рублей (12 частей), но за то, каково количество желающих. —

Итак, я вслед за Немцами еще более сблизился с Шиллером. — В Веймаре был я у его гроба и Гете. Обыкновенно случается, по крайней мере, случалось со мной, что, когда подходишь к памятнику или ко гробу великого человека, то очень мало или вовсе не чувствуешь в то время никакого впечатления; бывало я сердился на себя за это и насильственно хотел пробудить в себе благоговение, но теперь, друзья мои, когда проводник сказал мне: мы идем к гробу Шиллера и Гете, я почувствовал таинственное волнение; когда же мы пришли туда, я спустился в подземелье, и мне сказали: вот Шиллер, вот Гете, я и не знаю что со мною было; чуть ли это не было сильнее всех впечатлений моего путешествия. В самом деле Шиллер и потом Гете, как важны они для меня, для меня собственно; другие великие люди действуют на меня, через историю человечества; а с этими я сам имел дело. Я пошел потом в библиотеку, где стоят бюсты Гете и Шиллера. Сперва увидал я бюст Шиллера, но этот мне не очень понравился. Сдесь у него на лице выражается слишком много беспокойства, страдания даже: это мученик. Я обернулся, напротив стоял другой бюст; я подумал сначала, что это Аполлон Бельведерский или молодой Юпитер. Кто это? спросил я. Это Гете, еще в молодости, отвечал мне проводник. Тут же стоит бюст Гете в колоссальном размере, снятый с него, повидимому, незадолго до его смерти (т. е. Гете). Жаль, что вы не можете видеть этого бюста; вот сила, вот величие. Это Юпитер; вспомнишь слова Гейне[1]. — Я подошел поближе и увидал стихи Шиллера из его чудного стихотворения: Щастие, которое не хорошо переведено Жуковским, но которое все таки прочтите; вот стихи вырезанные под бюстом Гете по Русски:

Блажен, кого боги еще до рожденья любили,
Кого в детстве Венера качала в объятьях своих,
Кому Гермес уста, а Феб отверз бодрые очи,
И могущества знак Зевс на чело положил[2].

Да, эти стихи идут к Гете и особенно к этому бюсту. Тут также другой бюст Шиллера, и этот бюст прекрасен. Умиление, любовь пробуждают во мне его черты. — Гете выше Шиллера, я согласен: т. е. жизнь развилась в нем полнее, но Шиллера я люблю, просто люблю, субъективно, как друга. Когда ты дружишься с кем нибудь, ты не станешь спрашивать наперед: вышли ли из субъективности, возвысились ли до конкретного? Не это основания твоей дружбы: дружатся субстанции, а не определения.—Точно поэтому же я люблю, люблю Шиллера, хотя определение Гете несравненно выше; да еще погоди брат, мы Шиллера мало знаем, и я сдесь начинаю его ближе узнавать. В Рудольштадте, на Шиллеровой горе (Schieler's Höhe) поставлен тоже бронзовый бюст Шиллера, совершенно в тени деревьев, и над ним на доске вырезанные стихи Шиллера; вот они, друзья мои; прочтите их хотя и в плохом моем переводе; подлинник несравненно. Как хороши эти стихи:

Точно-ль я снова один? в твоих объятьях, у груди, Природа, твоей?
Чист твой алтарь, и с него я чище жизнь принимаю;
Вновь бодрый дух нахожу юности, полной надежд.
Вечно воля меняет и цель, и законы, и вечно
Меняясь, кружатся людские деяния вокруг
Но младая всегда, всегда в красоте разновидной,
Чтишь ты, благая Природа, свято древний закон.
Вечно то же, для мужа ты в верных руках сохраняешь,
Что тебе юноша вверил, что тебе вверил дитя.
Многие разные возрасты на той же груди ты питаешь
Под той же лазурью, на тех же зеленых лугах
Странствуют близкие и вместе далекие все поколенья
И Гомерово солнце, смотри! оно светит и нам![3]

В душу идут эти стихи.

Многим покажется смешным мое путешествие; Многие станут спрашивать: вы были в таком городе, видели ли там то-то, то-то? Вероятно на многие такие вопросы буду я отвечать: нет, нет. Я не понимаю, как можно во все продолжение своего путешествия, находиться постоянно в состоянии принимать впечатления; как, с путеводною книгою в руках, бегать по городу осмотреть все достопамятности и таким образом продолжать во весь свой путь? Несколько раз случалось, что приехав в город, я был совсем не в расположении осматривать его достопамятности и потому и не выходил из своей комнаты; так было со мною в Женеве, где на меня напала ужасная апатия. Но за то много прекрасных минут было у меня, когда я был в Веймаре, и потом в Рудольштадте мне было так хорошо. Когда ночью плыли мы по Рейну: ночь была теплая, тихая, небо кой где покрыто облаками; месяц то прятался, то опять выходил из за них; разнообразные берега, Рейн, в котором все отражалось. — Я вспомнил стихи:

Как освежается душа
И кровь течет быстрей,
О, как природа хороша.
Я на груди у ней![4]

Чудная, прекрасная ночь. И много раз я так полно наслаждался природою; или лучше, право не знаю чем; но только много раз, приходил я в такое неопределенное, полное, блаженное состояние, в котором все заключалось; но что именно занимало, наполняло меня тогда, — я не могу сказать. Приехав в Цюрих, в котором пробыл я несколько дней, взял я жизнь Шиллера[5], которую купил здесь, и прочел несколько его писем. Нет, мы очень мало знаем еще его, нам должно покороче с ним познакомиться, изучить этого великого человека. Для меня истинное наслаждение узнавать его более и более. — Книгу эту должно перевести непременно; еслиб она могла у нас сделаться книгою всеми читаемою! Тут есть одно письмо Шиллера, в котором он пишет о Валенштейне[6]: Содержание и предмет находятся вне меня; личного влечения я к нему не чувствую, и со всем тем, труд мой одушевлен. Исключая только двух лиц, к которым меня привязывает влечение, все остальное и особенно главный характер, обрабатываю я с одною чистою любовью художника[7]. Вы узнаете, любезные друзья, эти два лица[8]; но понятно влечение Шиллера к ним, и они от того не менее прекрасны и даже, как и всегда говорил я, вполне художественны. — Как интересно знакомство Шиллера с Гете; их переписка, которую тоже я купил. Как понял Шиллер все достоинство, все значение Гете. — В этой книге, так умно написанной, видна его семейная жизнь, его разговоры, семейные письма. Он сказал однажды: Смерть не может быть злом, потому что это всеобщее. Эта мысль, такая простая, в тот вечер так сильно подействовала на меня, что вдруг уничтожила все беспокойство, всю заботу смерти, которые довольно сильно тревожили меня за несколько дней. — Вообще все, что я читаю о Шиллере, все его существо, дает мне такое наслаждение, в котором я конца не вижу. — Ты закричишь, Виссарион, что я впадаю в субъективность! вздор! Мое состояние — такое спокойное, полное наслаждение, столько жизни, силы чувствую я тогда в себе; и чувство мое так всеобще, что знать я не хочу всех тех определений, которые ты даешь ему. Но увидимся поговорим подольше. Одно только я скажу: я был совсем другой, когда кончил читать в этот вечер жизнь Шиллера. Мне было так хорошо, и все вокруг меня было так прекрасно, и мне так хотелось узнавать и делать; а сколько еще передо мною. Я думал о том как возвращусь в Москву, как стану там трудиться, писать, передавая весь мир, который занимает и наполняет меня, помогать вам, любезные друзья.

Damit das Gute weile(?), wache(?), komme(?)![9],

Хотелось бы мне современем написать о Шиллере. — Да мало ли чего бы хотелось мне; меня не на шутку занимает и филология[10].

Вот в третий раз принимаюсь за письмо к вам, любезные друзья Виссарион и Боткин. Я теперь в Вюрцбурге; но письмо вероятно пойдет не отсюда. — Я уже на возвратном пути, слава Богу; эта мысль мне очень приятна; да мне хочется вернуться домой, в свое семейство; здесь я вполне узнал, что оно для меня значит, как дорого оно мне; — Москву я часто вспоминаю, вспоминаю и наш маленький кружок[11]; теперь с каждым шагом приближаюсь я к России и между тем с удовольствием хожу по старинным городам, любуюсь на Готическую архитектуру; слушаю орган в Церкви. Здесь о России имеют гигантское понятие. Иные не любят нас, потому что боятся и не верят нашему спокойствию; другие любят, надеясь соединиться с нами; но я встречал и таких Немцев, которые глядели на Россию с любопытством и любовию ученого, предугадывая великую судьбу этого ungeheuer * государства. — Здесь, странное дело, беспрестанно встречая новые предметы, я почти беспрерывно вспоминал и думал о России, о ее значении, и здесь она занимала меня больше. Не думайте, чтобы все то, что я увидал, не произвело на меня никакого впечатления; напротив, чем сильнее оно было, тем яснее, смотря на эту Западную жизнь, представлял я себе наш Восток; тем определеннее становился для меня его характер. Некоторые называют наш Восток Азиятским. Совершенный вздор. Это Европа, только не Западная; развивающаяся особенно. История Русская, язык Русской, народ — все это яснее для меня теперь. — Но довольно; пора проститься с вами, до свидания, Любезные друзья. — Обнимите за меня Ключникова[12], Князя[13], Ефремова[14], Кудрявцева[15], и всех, всех добрых наших знакомых, которые помнят меня.

При свидании обо всем подробнее. Начало письма написано месяца за два я думаю

ваш *Константин Аксаков.*

Несмотря на то, что мне нравится эта простая семейная Германия, но она несколько тесна для нас русских. —

II

[Начало 1840 г.]

Я давно уж получил письмо твое, Виссарион, но не отвечал на него до сих пор. Ты нападаешь на Русских, на народность их, и между тем, в письме твоем, ты являешься Русским по преимуществу (по твоему определению Русского человека) в отношении к вони. Оно конечно, запах силен, но все мне гадко оставаться в нужнике: таково письмо твое. — Ты говоришь еще о действительности, с которой ты в сотый раз уже, кажется, знакомишься. Но действительность (впрочем ты не понимаешь этого слова), которую ты постигал столько раз, знаешь ты только по слухам; ты все слышишь звоны да не в той стороне. — Развиваться значит предыдущее полагать в себе моментом и итти далее, а не то, чтоб целый век прыгать с ноги на ногу и качаться из стороны в сторону на одном месте. Эти слова — ответ не только собственно на последнее письмо, но на твой образ мыслей, на все, что ты пишешь и думаешь, на твое так называемое р а з в и т и е[1]. Прощай.

Константин Аксаков.

---

* Огромного.

ПРИМЕЧАНИЯ

I

Письмо датируется на основании сведений, имеющихся в письме В. Г. Белинского о времени пребывания К. С. Аксакова в Люцерне, — см. письмо к М. А. Бакунину от 16—17 августа 1838 г.: „Не знаю, написать ли к Константину Аксакову, который теперь в Люцерне, или написать в Удеревку к Саничке [Станкевичу]?“ (Белинский. Письма, т. I, стр. 227. СПб. 1914.)

Письмо адресуется кроме Белинского также Василию Петровичу Боткину.

1. Вспомнишь слова Гейне — подразумеваются последние строки стихотворения Гейне: „По поводу проектируемого памятника Гете во Франкфурте на Майне“:

„Был он в пеленках вам близок, но, верьте,
Нынче меж вами и им после смерти
Целая бездна лежит“ (перевод Д. Минаева)
(Im Windeln war er einst euch nah; doch jetzt
Trennt euch von Goethe eine ganze Welt
Euch, die ein Flüsslein trennt von Sachsenhäuser.)

Гейне Генрих (1798—1856)

2. В оригинале эти строки имеют следующий текст:
„Selig, welchen die Götter, die gnädigen, vor Geburt schon
Liebten, welchen als Kind Venus im Arme gewiegt,
Welchem Phoebus die Augen, die Lippen Hermes gelöset
Und das Siegel der Macht Zeus auf die Stirne gedrückt!“
Жуковским они переведены так:
„Блажен, кто богами еще до рожденья любимый,
На сладостном ложе Киприды взлелеян младенцем;
Кто очи от Феба, от Гермеса дар убежденья принял,
А силы печать на чело от руки громовержца“.

3. Эти строки заканчивают стихотворение Шиллера „Прогулка“ („Der Spaziergang“):
Bin ich wirklich allein? In deinen Armen, an deinem
Herzen wieder, Natur, ach! und es war nur ein Traum,
Der mich schauernd ergriff; mit des Lebens furchtbarem Bilde,
Mit dem stürmenden Thal stürzt der finstre hinab.
Reiner nehm' ich mein Leben von deinem reinen Altare,
Nehme den fröhlichen Muth hoffender Jugend zurück.
Ewig wechselt der Wille den Zweck und die Regel, in ewig
Wiederholter Gestalt wälzen die Thaten sich um.
Aber jugendlich immer, in immer veränderter Schöne
Ehrst du, fromme Natur, richtig das alte Gesetz!
Immer dieselbe, bewahrst du in treun Händen dem Manne,
Was dir das gaukelnde Kind, was dir der Jüngling vertraut,
Nährest an gleicher Brust die vielfach wechselnden Alter;
Unter demselben Blau, über dem nähmlichen Grün
Wandeln die nahen und wandeln vereint die fernen Geschlechter,
Und die Sonne Homers, siehe! sie lächelt auch uns.

4. Первая строфа из стихотворения Гете „На озере“ в переводе самого К. С. Аксакова.

5. Жизнь Шиллера — подразумевается книга Гофмейстера (1796—1844), только что выходившая в те годы. „Schiller's Leben, Geistesentwickelung und Werke im Zusammenhang. B. I—V. Stuttgart, 1838—1842.

6. Валленштейн — драматическая трилогия Шиллера, состоящая из пролога „Лагерь Валленштейна“ и двух трагедий „Пикколомини“ и „Смерть Валленштейна“.

7. К. С. Аксаков приводит отрывок сокращенно и не совсем точно; в оригинале текст следующий:

Jena, den 28. November 1798

„In Rücksicht auf den Geist, in welchem ich arbeite, werden Sie wahrscheinlich mit mir zufrieden sein. Es will mir ganz gut gelingen, meinen Stoff ausser mir zu halten und nur den Gegenstand zu geben. Beinahe möchte ich sagen, das Süget interessirt mich gar nicht, und ich habe nie eine solche Kälte für meinen Gegenstand mit einer solchen Wärme für die Arbeit in mir vereinigt. Den Hauptcharakter sowie die meisten Nebencharaktere traktiere ich wirklich bis jetzt mit der reinen Liebe des Künstlers; bloss für den nächsten nach dem Hauptcharakter, den jungen Piccolomini, bin ich durch meine eigene Zuneigung interessirt, wobei das Ganze übrigens eher gewönnen als verlieren soll". (Jena, 7/XI 1798).

(„По отношению к настроению, в котором я работаю, Вы, вероятно, будете мною довольны. Как будто бы мне вполне удается держаться в стороне от своего материала и давать только самый предмет. Я почти мог бы сказать, что сюжет совсем не интересует меня, и во мне никогда не соединялась такая холодность к предмету с такой горячностью к самой работе. Главный характер так же, как и большинство второстепенных, развиваются мною до сих пор действительно с чистой любовью художника; только по отношению к ближайшему за главным характером, молодому Пикколомини, есть во мне личная заинтересованность, отчего, впрочем, общее должно скорее выиграть, чем проиграть". Иена, 7/XI 1798 г.).

8. Эти два лица — Текла, дочь Валленштейна, и Макс Пикколомини. Следует обратить внимание, что Шиллер говорит только о втором.

9. Damit das Gute weile, wache, komme! — последние 3 слова разобраны нами предположительно, они имеют зачеркнутые буквы, переправку, и потому нам не удалось установить эту цитату. К тому же, они могут быть и перефразировкой.

10. Планы написать о Шиллере не были осуществлены К. С. Аксаковым, филологией же, напротив, он занялся серьезно, и плодом этих занятий были его следующие работы: „Опыт русской грамматики", „О грамматике вообще (по поводу грамматики Белинского)" и „О русских глаголах".

11. Наш маленький кружок — к этому кружку принадлежали, кроме автора письма и двух адресатов, лица, перечисленные им ниже, а также поэт Красов, Сергей Строев, выступавший под псевдонимом „Скромненко", Бакунин и Катков. Все они группировались первоначально вокруг Н. В. Станкевича, но к этому времени он уже уехал за границу. Тем не менее его именем обычно называется этот кружок москвичей, ранних русских гегельянцев правого уклона.

12. Ключников — Иван Петрович (1811—1895), поэт, подписывавшийся „— Θ —" (фитой с двумя тире по сторонам).

13. Князь — князь П. А. Козловский, инспектор Константиновского Межевого института, где преподавал Белинский.

14. Ефремов — Александр Петрович, занимавший позднее кафедру географии в московском университете.

15. Кудрявцев — Петр Николаевич (1816—1858), профессор московского университета, историк, ученик и друг Т. Н. Грановского.

II

Датируем на основании письма Белинского от 10 января 1840 г., начинающегося словами: „Любезный Константин, Панаев сию минуту прочел мне твое письмо к нему. Прошу тебя дружески извинить меня за мое к тебе письмо, грязное и неэстетическое, которое так глубоко оскорбило твое чувство". („Письма", т. II, стр. 22.) Это письмо не дошло до нас. Вероятно, оно было написано в конце 1839 года. К. Аксаков ответную записку начинает указанием на свою задержку. Сколько времени длилась она?

А. Н. Пыпин во вступительной заметке к публикации писем Белинского в „Руси" (1881 г., № 8) считает эту записку, которая, явно, была ему известна, окончательным разрывом между Белинским и Аксаковым, но, судя по письму Белинского К. Аксакову от 14 июня 1840 года, следует предполагать еще по крайней мере одно письмо К. Аксакова, на которое и отвечает Белинский.

1. Развиваться значит...—на одном месте — к этому месту письма Аксакова невольно припоминается контрастная характеристика, данная ему в письме Белинского к Н. В. Станкевичу от 29 сентября (8 октября) 1839 г.: „Сделавши определение, Аксаков умрет и не расстанется с ним, боясь упасть в собственных глазах" (Белинский, Письма, т. I, стр. 358).

ПИСЬМА И. И. ПАНАЕВА К АКСАКОВЫМ

Иван Иванович Панаев — некрупная фигура литературно-журнального мира середины прошлого столетия. В нем самом не стоит искать ни оригинальности мысли, ни яркого таланта. Но это человек не без способностей. К тому же жизненные обстоятельства поставили его в круг людей, выдающихся по своей умственной одаренности, образованности, поэтическим дарованиям или общественному темпераменту. Он умел от них воспринять многое, пополнившее его скудное образование Благородного Дворянского пансиона. И для нашего времени он интересен не как исключение, а именно как рядовой выразитель мнений и вкусов своей среды. Из двух течений общественной мысли, борьбою которых ознаменованы 40-е годы XIX в., он выбрал западническое не потому, что глубоко продумал и прочувствовал его правоту и жизненность, а потому, что к нему, конечно, примыкало большинство его круга.

Публикуемые нами письма его к Аксаковым относятся к концу 30-х и началу 40-х годов — к той эпохе, когда разделения между этими группами еще не произошло, хотя разрыв был уже недалеко. Этого не ощущал Панаев, и оттого он обращается к Аксаковым как к друзьям и единомышленникам.

Знакомство их состоялось в 1839 г. О нем подробно рассказано в „Литературных воспоминаниях" (часть II, гл. I и сл.) И. И. Панаева.

Е. Коншина.

I

[1839 г., Москва] *

При всем моем желании ехать завтра к Н. Ф. Павлову[1] верьхом вместе с вами, при всем том, что сия поездка представляется мне в весьма поэтическом виде, — я ехать не могу. Причину я Вам завтра расскажу сам и с низким поклоном и глубоким извинением, возвращу Вам 32 р. 50 — долж[ные] мною Вам. — Теперь, я наслаждаюсь чтением прекрасной статьи Каткова о Русских песнях[2], вырванной из VI книж[ки] О[течественных] З[аписок][3] и присланной к нему, — а часов в 10-ть отправлюсь ужинать к Мельгунову[4], который, говорят, через месяц, едит в чужие краи.

До свидания

Ваш *И. Панаев.*

II

На обороте

Констант[ину] Сергеевичу Аксакову

Казань, Августа 6 1839 г.

Здравствуйте, драгоценный мой Константин Сергеевич, вот уже более двух недель, как я в Казани[1] свирепствую в полном значении этого слова, т. е. больше ничем не занимаюсь, как описями движимого и недвижимого имущества. Сюда доехал я в 6 суток — и как нельзя покойнее в чудесном тарантасе М. С. Щепкина[2], за который ему мой поклон до земли. — Вообразите, что я нигде не имел задержек в лошадях от Владимира до Казани (до Владимира я ехал на вольных). Через 2 дня после моего приезда брошен был жребий — и на мою долю, между прочим, пало прекрасное имение на Волге до 200 д. село Богород-

---

* В квадратные скобки включены пояснения редакции, в круглых скобках — пояснения автора письма.

К. С. Аксаков.

Рис. худ. Мамонова.

И. С. Аксаков.

Рис. худ. Мамонова.

Я давно уже получил письмо твое, Виссарион, но не отвечал на него до сих пор. Ты нападаешь на Русских, на народность их, и между прочим, в письме твоем, ты являешься Русским по принципу (по твоему определению Русского человека) в отношении их вообще. Оно конечно, хорошо и умно, но все мне гадко оставаться в дураках: таково письмо твое.— Ты говоришь еще о действительности, с которой ты в сотый раз уже, не решив, знакомишься. Но действительность (впрочем ты не понимаешь этого слова) которую ты постигаешь столько раз, узнал ты только по слухам; ты все слышишь звон, да не в той стороне.— Развиваемая значение предыдущее положить в себ

[illegible] и идти дальше, а не так, чтобы узнав вдруг хромать с ноги на ногу и качаться из стороны в сторону на одном месте. Эти слова — ответ не только собственно на последнее письмо, но на твой образ мнений вообще, и что ты [illegible] [illegible] и [illegible] за твое такое направление [illegible]. Прощай.

Константин Аксаков

Первая и вторая страницы письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому.

(Не въ слухъ.)

С. Петербургъ 8 Декаб. 1839.

[illegible] многоуважаемый Константинъ Сергеевичъ, надобно намъ поговорить о Вашемъ. Если бы какая-нибудь благодетельная фея хотя на одну минуту перенести Васъ въ кабинетъ мой, — горе мое! [illegible] четыре [illegible] Вашимъ дружескимъ... Прежде всего это письмо [illegible], ибо въ выраженіи могу [illegible] [illegible] вещи, кои я очень желаю могу высказать. Вы знаете, что в человеке сангвинической организаціи, повидимому никогда ни чемъ не возмущающійся совсемъ соглашающійся и редко в чемъ [illegible] спорящій. Я знаю, что такого рода объективность вещь очень полезная въ семъ мире. — Итакъ прежде всего позвольте мне крепко крепко пожать Вашу руку: Вы Н. Ср. — [illegible] прежде меня и никогда не забуду о вашихъ разговорахъ о немъ у Васъ въ саду... Въ первыхъ двухъ повестяхъ его [illegible] Нищенка и въ Аталанте было много [illegible] и жизни... Это были задушевные, сочувственные убежденія Автора — и это одушевленіе и фразы совершенно случайные, были мною отмечены, — въ двухъ последнихъ повестяхъ Н. Ср. (которого впрочемъ я очень уважаю, какъ человека) обнаружилъ его опытъ — и [illegible] [illegible] заставилъ говорить о себе не его [illegible]. Авторъ — по наглядности содержанія должно быть и высказанное занимательнейшимъ образомъ, обнаружилъ при этомъ самый неправильный взглядъ на предметъ... Мильтонъ, но объ этомъ [illegible] [illegible] говорить много, [illegible] несказанно [illegible], за [illegible] [illegible] [illegible].

Страница письма И. Панаева к К. С. Аксакову.

ское. Соделавшись помещиком сего села, — и посоветовавшись с моим будущим управляющим, я решился имение это оставить за собою, ибо оно будет приносить лёгинькие, но хорошенькие доходцы, как говорит один из сонаследников наших Маиор Синельников[3] с красным носом, с тараканьими усами в милиционном сюртуке с двумя монетами золотой и медной, торжественно развешенными по сюртуку на Владимирских лентах. — Движимость наша почти также разделена — и, о чудо! раздел был весьма мирный и точно полюбовный. К концу Сентября — я снова ваш, снова Москвичь. Хоть Казань город весьма красивый, и обращение в нем хорошее, хотя все дворяне здесь люди образованные, и левой ногой нос не сморкают, хотя здесь торцевые мостовые и высокие минареты и башня Сумбеки — героини Ив[ана] Ермолаевича[4]; хотя здешние дамы читают и вздыхают и очень мило рассуждают об Отечеств[енных] Запис[ках] и Литер[атурных] Приб[авлениях][5] и о Библиот[еке] для Чтения[6], — но не смотря на все сие для меня

Сумбеки — дивный град,
Не много скучноват!

Что здесь хорошо, так это Волга! Какое раздолье для души. На днях вечером переезжая через нее и вышедши на берег, покуда впрягали в коляску лошадей моих, я пролежал с полчаса на берегу. Вечер был чудесный, солнце еще не село, вода тиха, как стекло, на противоположной стороне в селе Ключищах песни рыбаков — и по средине реки в челноке выдолбленном из небольшого дерева человек с удочкой. Целую-бы ночь просидел я на этом береге. Право, славно! Но мой двоюродный брат недоволен будучи одним созерцанием природы вознамерился дорожную пыль оставить в Волге, разделся и кинулся в воду. Дно в этом месте, как бархат, из мелкого песку, и более полуверсты от берега не глубже пояса. Я последовал его примеру, — лег на песок и преисполненный блаженством, хотел «простерть мои объятия бегущей волне»[7], — но — такая обида! ни зыби на воде; не смотря на таковое приключение, я все таки вспомнил вас и Гете[8].

В антрактах раздела я читаю Ретшера[9] или лучше перечитываю; все книги мои отправлены в деревню, а здесь со мной только Наблюдатель[10]. Статейка-то важнейшая, да-с, в ней много этого, как говорит Гектор[3]. Теперь она для меня совершенно ясна — и за Ретшера я готов хоть на поединок!

Уведомьте меня, ради Бога, — о вашем адресе и о адресе М. С. Щепкина, которого поцелуйте за меня. — Достопочт[енному] Д. М. Щепкину[11], Саше[3] и всему семейству Щепкиных мой поклон и жены моей[12]; тотчас по высылке мне адресов ваших я пришлю деньги вам и Михайлу Семеновичу, а у меня кроме адреса Белинских, нет ничьего; я позабыл взять у вас. — Такова уж моя разсеянная натура!

Пишите ко мне поскорей и поподробнее, не ленитесь, любезный Константин Сергеевич. Весточка из Москвы и особенно от вас будет для меня непомерно-усладительна.

Библиотеку почтенного Дедушки мы разрубили на несколько частей, между прочим, и к счастию, мне досталось старое издание Сочинений Державина с его собственноручною подписью: «Любезному племяннику Александру Васильевичу Страхову* от Гаврилла Державина» и Голиков с дополнениями. 19 томов. —

Верно Надеждина[13] вы видели уже, я получил от него и от Дмитрия Максимовича[3] письмо от 24 июня. Засвидетельствуйте мое и жены моей почтение Ольге Семеновне[14], Вере Сергеевне[15] и всем вашим. Где Сергий Тимофеевич?[16] — Пишите ко мне, пишите и пишите. Вашего письма будет с нетерпением ожидать

И. Панаев.

---

* Моему дедушке Державин был дядя, — как же он мне приходится? [Примечание И. И. Панаева].

Приписки на полях стр. 4: Я теперь в Казани для совершения акта, а жена моя с теткой в деревне. Адрес мой Казанс[кая] Губерн[ия] в город Лаишев.

стр. 3: Кланяйтесь Н. Ф. Павлову, Кар[олине] Карл[овне] [17] и всем кто меня помнит.

III

не вслух

С. Петербург 8 Декаб [ря] 1839

Много кое о чем, Любезнейший Константин Сергеевичь, надобно нам поговорить с Вами. Еслибы какая-нибудь благодетельная фея могла в сию-минуту перенести Вас в кабинет мой, — Боже мой! я б часа четыре говорил с Вами без умолку... Прежде всего — это письмо между нами, ибо я высказать хочу вам разные такие вещи, кои я очень не многим могу высказать. Вы знаете, что я человек галантерейного обращения, повидимому никогда ни чем не возмущающийся, со всем соглашающийся и редко входящий в споры. Я сознал, что такого рода объективность вещь очень полезная в сем мире. — И так прежде всего позвольте мне крепко на крепко пожать Вашу руку: вы Н[иколая] Ф[илипповича] [1], — как повествователя разнюхали гораздо прежде меня и никогда не забуду я ваших разговоров о нем у вас в саду... В первых двух повестях его в Именинах [2] и в Ятагане [2] было много одушевления и жизни... Это были задушевные, субъективные произведения Автора — и это одушевление и жизнь совершенно случайные, сбили меня с толку, — в двух последних повестях Н[иколай] Ф[илиппович], (которого впрочем я очень уважаю и люблю, как человека) обнаружил себя вполне — и решительно заставил говорить о себе не в свою пользу. Демон [2] — по натянутости содержания должен был и высказаться наинатянутейшим образом, обнаружив при этом самый неприятный взгляд Автора на жизнь... Миллион [2], но об этой повести или говорить много, или не сказать ничего, за недостатком места я не скажу вам ничего, замечу только вскользь, что она произвела на меня самое неприятное впечатление. Вся эта повесть состоит из мыльных пузырей, которые надуваются, надуваются — и ту же минуту лопаются. Содержание этой повести, по моему мнению, фарс и фарс оскорбительной... Но довольно. Мне, хотя и третьестепенному повествователю, неследовало бы так искренно высказывать свое мнение о первостатейных, — но ведь я это говорю с вами, а вы, верно, не подумаете, что зависть и неудовлетворенное самолюбие заставляют меня говорить так. — Вообще успех повестей Н[иколая] Ф[илипповича] сомнителен и в массе. Отзывы людей и с смыслом и без смысла об них невыгодны. Впрочем некоторые аристократки ими восхищаются.*

Когда мы отправились [3] вдаль из второй станции Черн[ой] Грязи в Подсолнечную, уже смеркалось, разговоры смолкли — и я прислонился к подушке в намерении вздремнуть, мне стало так грустно, так грустно, что я и пересказать Вам этого не могу. Отрываясь от Москвы, я будто отрывался от родного и близкого мне, будто ехал в незнакомый город. — Странное и неприятное впечатление произвел на меня Пбург, — опять эти вечныя лицы Невского Проспекта, которые к счастию уже начинали изглаживаться из моей памяти — и мне так захотелось в Москву, что если бы не обстоятельства — сей час бы вон из благочинного и чиновного города, в котором только те и люди, что имеют чин Дейст[вительного] Ст[атского] Сов[етника], Тайных и Генерал-Маиоров и т. д.

Дик показался мне Пбург, так дик, что я и не ожидал этого... Свиньи в апельсинах знают более, нежели здешние господа Чиновники в Искусстве... О сем вам засвидетельствует Сергей Тимофеевич. —

* Статья в О[течественных] З[аписках] — между нами нелепа и возмутительна. [Примечание И. И. Панаева].

Титир Иванович[4] [Дядинька] говорит такие прелести, что и пересказать не возможно. Между прочим изъявляет свое удивление, как Сергий Тимофеевич не обратиг внимание на то, что вы губите себя занимаясь Немецкой Философией, а то что вы занимаетесь таким непотребством он заметил из статьи Вашей о Грамматике Белинского[5], которую он прочел!!. —

Белинский здесь в сильном ходу. Краевский[6] от него в восторге, Кн. Одоев[ский][7] за ним ухаживает... Я вожу его всем показывать — и беру со всех за это по полтиннику, чем и хочу составить себе состояние. — В 12 кн[иге] его статьи о Ф. Н. Глинки[8] — прелесть! Уведомьте, какое она произведет впечатление на Вас. — Да пишите к нам чаще, подувайте на нас Москвой, а то мы со всем здесь сделаемся Действительными Статскими Советниками.

Гоголя хотя и редко, но я видал. Один раз мы в троем (я, Белинский и он) обедали у Князя[9]. — Князь со всем из ума выживает и пишет такую гадость, что читать тошно (Зри Альм[анах] Вл[адиславлева] на 1840 г. и О[течественные] З[аписки] 10 №)[10]. — Низко поклонитесь от меня Москве, и поровну ее любезнейшим людям: Н. Ф. Павлову с супругой (к нему я с первой почтой буду писать, да не сердится он на меня) Верстовскому[11]; М. Н. Загоскину[12] *, которого ласки и расположения ко мне я всегда буду ценить; Ф. Н. Глинке[14], А[вдотье] П[авловне][15], — Ивану Ермолаевичу (о подвигах которого все знают) Достолюбезнейший из людей... Щепкиным отцу и сыну (последнему книжку вышлю на днях).

Краевский убедительно просит меня, чтобы вы прислали в О[течественные] З[аписки] песнь радости из Шиллера[16] и другие пиесы, а я вам тоже о сем низко кланяюсь. — Засвидетельствуйте мое и жены моей глубокое почтение Ольге Семеновне — и напомните ей о существовании людей, которые в ее доме проводили приятнейшие минуты. Всем Вашим поклон. — Ради бога, чуть было не забыл, пришлите мне о Ноздренном дыхании Господа нашего И[исуса] Х[риста][17]. Белинский сказал, что эта книга у Вас и Князь Од[оевский] теперь с ума сходит и умоляет меня просить Вас о присылке ему этой книги.

Вас обнимает Ваш *И. Панаев.* —

IV

СПбург 2 Марта 1840

Препровождаю вам при этом письме моего задушевного приятеля и товарища Михаила Александровича Языкова[1], о котором я уже, верно, не раз говорил Вам. — Он человек Московский в нашем значении слова. У него душа глубокая, любящая и поэтическая. Если бы вы взглянули на лице его в ту минуту, когда он читает Илиаду или Евангелие, — вы лучше бы всех описаний, узнали, что это за человек. — Непосредственность его достолюбезна до высшей степени: все народное к нему так и липнет: если бы вы послушали, как он разговаривает с извощиками, вы покатились-бы со смеху. Воспроизводить их язык лучше невозможно, к тому же он облекает все это в такие комические формы! Он чудак — и с новым для него человеком бывает непомерно дик, но, нет сомнения: он полюбит Вас и вы расшевелите его. — В прежние годы, он только и читал из русских журналов Наблюдатель, а теперь только и дышет О[течественными] З[аписками], ибо он бежит тотчас туда, где замечает хоть малейшее стремление к мысли. Без мысли он не может жить, как рыба, без воды... Гегель[2] его сильно тревожит, — но увы! он

* Досадно мне, что в О[течественных] З[аписках] напечатано об его романе с такою усмешкою... Уже я кричал и с редактором и с сочинителем статьи, — да с этими упрямыми и тупыми башками нечего делать. Я говорю тебе, что Панаев[13] глуп как сивой мерин. [Примечание И. И. Панаева].

не знает русского языка — а силы воли нет, чтобы присесть да поучиться. Явление утешительное! смотря на Языкова я думаю: не один же я так ленив и бесхарактерен! — В Петербурге нам без Языкова было-бы тошно и грустно... Я, он и Белинский видимся почти ежедневно. — (Кстати, Белинский говорит, что вы его совсем забыли — и ни словечка). — Языков расскажет вам о нашем житье-бытье. Он познакомился у меня с братом вашим Иваном Сергеевичем[3], который был так добр и мил, что раза три был у меня на масленице и один раз провел целый вечер. — Да, это юноша чудный, я в эти три свидания мои с ним уже увидел, что он будет такой-же негодный и бездельный человек, как вы, и что практическая жизнь — не его сфера. Читая «сочинения Господина Полевого»[4] и живя в поганом Пбурге, я начал было совсем убеждаться, что в нашем индюстриальном веке людей с божиими искрами в душе не может быть и что оные нарождаться впредь не могут *. Иван Сергеевич поколебал мое убеждение. Он принес мне «Песнь радости» Шиллера — перевод ваш, который я уже отдал Краевскому, прося его обождать печатание до тех пор покуда вы пришлете мне поправки, ибо в этом переводе вы кажется хотели что-то исправить. Пришлите же, если найдете нужные поправки, а не то мы напечатаем так. Надо с вами действовать насильственно. Краевский рад чрезвычайно тому, что вы изъявляете согласие ваше на участие в О[течественных] З[аписках]: он, — это я вам скажу кладя руку на сердце, без комплиментов, дорожит вашим сотрудничеством — и всякую статью вашу будет помещать с величайшим удовольствием. Пишите, пишите и переводите Константин Сергеевич, да будут для вас О[течественные] З[аписки] тем же, чем был некогда Наблюдатель!

Экземпляр О[течественных] З[аписок] высылается на ваше имя к Ширяеву[5]. Получаете-ли вы; уведомьте? Если паче чаяния нет, справьтесь у Ширяева и уведомьте меня.

Как мне грустно в Пбурге, вы себе представить не можете. Только побывав в Москве, я уразумел великую, неизмеримую разницу между этими двумя городами. — Суждение офицеров, Статских и Д[ействительных] Ст[атских] Сов[етников] о литературе здесь возмутительны. — Гречь[6], Булгарин[7] и Полевой — это три литерат[урных] кумира, коим Пбург поклоняется. От Греча пошлых и гнусных лекций все Директора Департаментов в восторге, о Нач[альниках] Отд[елений] и Столонач[альниках] говорить не[че]го. На одной из лекций своих, Гречь сказал между прочим: «В наше время лже-критики и люди набирающиеся высокой германской чепухи, толкуют, что будто Искусство только должно служить самому себе, что оно само себе цель, а вне себя не имеет и не должно иметь цели. — Господи! Что это такое? — Чтоже после этого нравственность, гражданские добродетели?» (Аплодисменты Чиновников с Владимирами на шее и с знаками отличия беспорочной службы)... Удивляюсь я также, что у Сумарокова[8] отнимают всякое достоинство. Как драматический писатель, он заслуживает наше внимание» ...Каково? — Генералы морские, сухопутные и другие, принадлежащие ко временам Сумарокова хотят Гречу воздвигнуть за сие монумент!! — Да и по делом! — Полевой — это подлая рожа, обтянутая стертою и изношенною лайкою (смотрите Литер[атурную] газету портрет № 2[9]: я тут вывел как съумел и Греча и Булгарина и Полевого... речи их не вымышлены) эта скотина Полевой Парашками[10] и тому подобною Коцебятиной[11] приводит в восторг всю публику. — Говорят, и на Москов[ском] театре его вызвали три раза за Смерть и честь[12]. Правда-ли это? Как Москве-то не стыдно позориться? Или это купчики-с пленились Мочаловым??[13] —

В 4 № С[ына] О[течества] отделал-с Полевой-с: Н. Ф. Павлова, Лажечникова, Лермонтова и м а с-с с вами-с. Хорошо, что попали в хорошую компанию[14].

---

* Вас, других Московских и Языкова я начинал считать уродливыми явлениями, исключениями из общего правила. [Примечание И. И. Панаева].

Но полно об этой музыке. — Я теперь читаю в французском переводе Вильгельма Мейстера[15], Гете — и таю и блаженствую. Миньона[16] такое же бесконечно-грациозное, такое же великое создание, как Юлия[17] Шекспира, а я уже думал, что под-пару к ней ничего нет во всех литературах мира. Очаровательная, дивная Миньона! Она так и преследует меня всюду... Одно только странно поражает меня, что иногда в его Мейстере есть целые страницы размышлений, которые, отдельно взятые, превосходны, но как-то не приклеиваются к целому и явно вставлены в роман (?), потому-что Гете в эту минуту хотелось поговорить о том и о другом. — Не недостаток-ли это неизбежный для всех Германских поэтов, которые не могут обойтись без рефлексии?.. Не оттого-ли ни одно Германское произведение (Шиллера и Гете, которые я прочел) не производили на меня целостного впечатления, такого, как напр[имер] драма Шекспира? (Напишите мне, как вы об этом думаете. Не вру-ли я?) Отсутствие рефлексии в художественном произведении придает ему мне кажется, необычайную мощь и силу, — посмотрите на Пушкина и Гоголя... Ведь искусство есть непосредственное представление истины? так-ли? Идея предстает перед творцом в образах и никогда не представляется ему сначала в виде отвлеченном. Отсюда бессознательность творчества. — Читая Шекспира, так и чувствуешь глубокость и истинность этих слов, но Гете всегда приводит меня в смущение. Мне все кажется, что он сначала задает себе развитие такой-то темы, да уж для этой темы и создает потом образы. Но его Миньона — это вдохновенное, гениальное создание, и верно непосредственно явившееся ему в самую светлую, в самую святую минуту творчества; — но эти милые лица, этот мир артистов, которыми окружен Вильгельм, — все это чудо, прелесть! — Кажется гигантская творческая сила, мощный гений Гете подавляет в его Мейстере эту скучную рефлексию. Дайте мне прочесть все... я жажду окончания — и передам вам мое впечатление тотчас... Как бледна Фенелла Вальтер-Скотта в его Певериле[18] перед этой Миньоной! — Очертите мне ваши мысли о Ломоносове[19]: это очень любопытно. Вы меня заставили призадуматься намеком о нем в последнем письме вашем. Подлец Полевой в 4 книжке апатического журнала своего в Смеси объявляет будто Гоголя сочинения будут печатать вновь, с прибавлением его новой комедии, которая не будет на сцене[20]. Что это значит! Видно это еще старая песня? Краевский хочет возразить в Л[итературной] Г[азете], что это вздор. — Что Гоголь? Напишите, как он поживает, пишет-ли... Ведь он в Петерб[урге] говорил, что примется писать в Москве. Все, что касается до него, нам интересно более нежели какая нибудь Европей[ская] литература, не говорю уже о гнусной, подлой, презрительной русской литературе, не смотря на то, что мы живем в Петербурге. Сергей Тимофеевичь (которому низко, низко поклонитесь от меня и пожмите ему крепко, крепко руку с просьбою не забывать обо мне) верно говорил вам, что в Чухонской столице Рассейского царства Основьяненку (!!!?)[21] считают выше талантом Гоголя... Гнусный, отвратительный Петербург, я, может быть, проволочу здесь год, а там неутерплю и переeду на житье к Вам, выхлопотав себе через дядю[22] какую-нибудь должность в Москве. Ей богу, здесь жить нет никакой мочи. Кланяйтесь Н[иколаю] Ф[илипповичу] и напомните обо мне К[аролине] Карл[овне], прекрасные стихи которой мы снова с радостию великою увидели во 2 книж[ке] О[течественных] З[аписок][23]. — Скажите Н[иколаю] Ф[илипповичу], чтобы он оставил свое высокое мнение о Петербургском Европеизме. Здесь Русская действительность является во всей своей возмутительности. Об этом я подробно буду иметь честь донести ему. — Счастливы вы, живущие в Москве, — о я бы полетел к вам с такою радостию...

Засвидетельствуйте мое и жены моей почтение Ольге Семеновне, Вере Сергеевне и всем вашим... Ах, чуть было не забыл вам сказать, что я уже отец семейства. У меня недавно родилась дочь...

Пишите, любезный, добрейший К[онстантин] С[ергеевич] и мне, и в О[течественные] З[аписки] — Да кстати, изложите ваше мнение о первых двух номерах.

Крепко обнимает Вас Ваш душой и сердцем

И. Панаев.

На полях:

Мой сердечный поклон всем кто меня помнит. Щепкиным крепко пожмите руку. И. Е. Великопол[ьский] здесь свирепствует со своими драмами [21] и надоел всем цензорам.

V

С. Петербург 19 мая 1840 г.

Любезнейший Константин Сергеевич, хотел отослать сие послание с братом Вашим [1], но не успел, ибо захлопотался по случаю переезда моего из старой квартиры на новую. — Теперь я живу один и чувствую себя гораздо легче и свободнее. — Что вы? От вас ни к кому ни весточки, ни привета. Или диссертация [2] сильно озабочивает вас? Напишите, что вы, как и прочее. Все это интересует Петербургских ваших приятелей. Приедете-ли к нам в Петербург и когда? — Я живу теперь у Пяти углов (близь Владимирской) против Комерческого У[чили]ща в доме Купчихи Пшеницыной. В сих-то странах будет ожидать вашего приезда нижеподписавшийся. Погода у нас отвратительная, дождь, ветер, холод, так, что на сердце скребёт. — То ли дело прошлое лето, когда мы с вами ходили по Кремлю, купались в тинистом озере, а на голове вашей была пастушеская шляпа? (Что жива ли сия соломенная шляпа?—) То ли дело, когда мы с вами ездили верьхом в Кунцово [3]?..

Да!

«Все мгновенно, все пройдет,
Что пройдет, то будет мило!» [4]

Знаете-ли вы о существовании литературного дома сумашедших, то есть Маяка [5]. Вот эпиграмма на пресловутый Маяк, вдохновенно импровизированная Соболевским [6]:

Просвещения маяк
Издает большой дурак
По прозванию Корсак [7];
Помогает дурачек
По прозванью Бурачек [8].

К этому превосходному 5-стишию Языков [9] прибавил следующее:

С ним трудится. . . . . .
По прозванию Зеленый [10] *.

Покажите эту эпиграмму Сергею Тимофеевичу — и засвидетельствуйте ему мое искреннее и глубокое почтение. Также как от меня и от жены моей Ольге Семеновне и Вере Сергеевне и всем вашим.

Ивана Сергеевича я полюбил от всей души. Чудный юноша! — Приезжайте же скорее в Петербург к нетерпеливо ожидающему вас

Ив. Панаеву.

Всем кто меня в Москве еще не забыл, поклонитесь.

VI

11 Февр [аля] 1841 СПбург.

Прежде всего, почтеннейший Сергий Тимофеевичь, низко кланяюсь вам и рекомендую первых артистов нашей оперы Петровых [1]: жену и мужа,

* Известный математик, учитель в Морском Корпусе Бурачек и Зеленый издали Лекции Остроградского. [Примечание И. И. Панаева].

которые захотели побывать в Русском городе, наскучив нашей Чухландией. Примите их под свое покровительство, — вы может быть единственной человек в православном Русском царстве, живо интересующийся искусством и дающий у себя приют артистам всех родов и званий[2]. Те не многие, для которых свято на земле все прекрасное, те уроды, которые посвящают себя интересам высшим, человеческим, безумная душа которых рвется выразиться или в камне или на полотне или в звуке, или в слове, — они бесприютные в нашем обществе, — у вас в вашем доме находят родственный прием, радушное, горячее угощение. Вот почему я адресую к вам Петровых, если нужно будет, вы не откажитесь за них попросить М. Н. Загоскина[3].

Москвитянин[4] — первый № хорош, но во многом нельзя согласиться с Шевыревым[5]. Мысль очень патриотическая, что Россия должна теперь поддерживать одряхлевшую Западную Европу, но верна-ли она?.. Ужь нашему ли чинолюбивому, крестолюбивому неустановившемуся, слабому обществу, поддерживать общество, кипящее жизнью и полное интересов? Ради бога, в чем проявляется дряхлость Западной Европы? Не потому ли все люди глубокие, талантливые, честь и слава России рвутся на Запад и только там отдыхают? И этому ли обществу, для которого Основьяненко с своими пошлостями выше Гоголя, для которого Пушкин был только приятным стихотворцем, — ему-ли поддерживать теперь кого-нибудь? Со временем... но «будущее в руце божией!»

Пожил бы г. Шевырев в С. Петербурге, — заговорил бы, может быть, другое, — а впрочем и то еще не верно. Стоит побывать только в трех, четырех наших аристократических солонах, где горит столько свечь и наставлено столько бронзы — и дело с концом: ослепнешь от блеска и одуреешь от курений, — чего доброго, Петербург покажется земным раем. Мы все ужасные либералы, только уж извините никак не можем устоять против Генерал-Адьютантской улыбки и Александро-Невского пожатия руки. Что делать? От Гоголевского городничего до первого министра, все мы Русские очень горды и очень падки на знаки отличия.

Дорого бы я дал, чтобы быть в сию минуту в Москве. Петербургские лица опротивели мне до нельзя: куда не взглянешь или подлый чиновник (хорошо еще, что многие из них пооколели в нынешнюю зиму от морозов) или Господин офицер... и еще с претензиями о Литературе изволят рассуждать и об разной учености.

— В вистик бы с ними, как делывали вы, — это самое лучшее, да, чорт возьми, в вист то не умею играть. — Пойду учиться к Тет[ушке] Праск[овье] Алексе[евне]!

Сюда на днях приехал Лермонтов[6] в отпуск на 2 месяца. —

Что поделывает К[онстантин] С[ергеевич]? — Попросите его, чтобы он прислал нам в О[течественные] З[аписки] чего-нибудь, — а я распоряжусь о высылке ему экземпляра через контору О[течественных] З[аписок]. — Говорил мне И[ван] С[ергеевич] (он был у меня на днях), что вы не получили двух последних №№ за прошлый год. Отчего это? — Москвитянин кроме К. Полевого[7] все книгопр[одавцы] получают отменно поздно — и я об этом писал М. П. Погодину, по просьбе книгопродавца Юнгмейстера[8]. Скажите М[ихаилу] П[етровичу], что это может повредить подписке.

Переводы в Москв[итянине] Каролины Карловны[9] прелесть. Перед ее уменьем владеть стихом и языком, я преклоняюсь низко. Засвидетельствуйте ей мое наиглубочайшее почтение. Сологуб[10] получил 2 № Москв[итянина] (я его еще не видал) и катается со смеху от статьи: Брат и Сестра[11].

Потрудитесь засвидет[ельствовать] также мой искренний поклон (а равно и жены моей) Ольге Семеновне, Вере Сергеевне и всем вашим.

Когда у вас вырвется минута свободная — черкните мне словечко и попросите о том же К[онстантина] С[ергеевича]. — От вас весточки

мне всегда необыкновенно приятны, так и повеет тем блаженным временем, когда я был у вас в Москве.

Теперь я дышу только одною фантазией: чужими краями. Дела мои надеюсь устроить скоро — и до тех пор если не отвезут на Волково [12],— то в Италию, в Италию! А там, бог даст, — по возвращении совсем переселюсь в Москву, наплевав на этот чухонский город, в котором имел я несчастие родиться — и где у меня только и есть драгоценного три могилы: отца, дедушки моего и няни. Но могилы — безответны, — а с живыми трупами тяжело жить.

Я повторяю с Пушкиным:

«Если жизнь тебя обманет
Не печалься, не сердись:
В день уныния смирись:
День веселья верь настанет!»

Ожидаю этого дня — и прошу вас не забывать душой преданного вам

И. Панаева.

Примечания

I

Письмо датируется по упоминанию о статье Каткова, помещенной в «Отечественных записках» за 1839 г. (см. ниже).

1. Н. Ф. Павлов (1805—1894) — писатель, сын крестьянина, отпущенного на волю. Из его произведений особенный успех имели две ранние повести: «Ятаган» и «Именины», где он обрисовал ужасы бесправного состояния крепостного художника и нижних военных чинов, за что и был выслан не надолго из Москвы. Вернувшись в столицу, он продолжал свою литературную деятельность в качестве писателя и переводчика; наиболее известен его перевод комедии Шекспира «Венецианский купец». На рубеже 30-х и 40-х годов Павлов был близок к раннему кружку Белинского и печатался в тех же органах. В своих «Литературных воспоминаниях» Панаев довольно подробно останавливается на характеристике Н. Ф. Павлова (часть II, гл. II).

2. Статья Каткова о Русских песнях — критический разбор книги И. Сахарова «Песни русского народа», 5 ч. Спб., 1838—39, помещенный в «Отечественных записках», т. IV, отд. VI — Критика, стр. 1 и 25. Панаев ошибочно говорит о VI книге.

Катков Михаил Никифорович (1818—1887) в эти годы был близок с либеральными кругами.

3. «Отечественные записки» — журнал, основанный в 1818 г. П. Свиньиным. В первые два года вышли только два сборника, с 1820 г. он стал ежемесячным. В 1839 г. он перешел в руки А. А. Краевского, который привлек туда лучшие литературные силы.

4. Мельгунов Николай Александрович (ум. 1867 г.) — литератор, выступавший также под псевдонимом «Н. Ливенский» и «Н. Л-ский». В «Литературных воспоминаниях» Панаев упоминает о нем в ч. II, гл. I.

II

1. Летом 1839 г. Панаев ездил в Казань для участия в разделе наследства после его деда А. В. Страхова.

2. Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — известный драматический актер московского Малого театра.

3. Майор Синельников, Саша, Гектор и Дмитрий Максимович остались невыясненными.

4. Иван Ермолаевич — Великопольский (1793—1868), писатель, выступавший под псевдонимом «Ивельев». Кроме беллетристических произведений, он написал также ряд брошюр об обработке льна по новому, им изобретенному способу.

5. «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду» выходили с

1831 по 1839 г. До 1836 г. редактором их был А. Ф. Воейков; с 1837 г. во главе стал А. А. Краевский.

6. «Библиотека для чтения» — журнал, издававшийся О. И. Сенковским и А. Ф. Смирдиным по типу парижской «Bibliothèque Universelle» с 1834 по 1865 г.

7. «Простерть мои объятия бегущей волне» — перифраз перевода Тютчева стихотворения Гете «Перемена»:

«Лежу я в потоке на камнях... как рад я!
Идущей волне простираю объятья» и т. д.,

опубликованного в «Московском наблюдателе» за 1838 г., т. XVIII, стр. 55.

8. «Ни зыби на воде... вспомнил вас и Гете» — кроме приведенного отрывка из перевода Гете, Панаев мог вспомнить перевод К. Аксакова стихотворения Гете: «На озере», где также говорится о волнах:

«Качает наш челнок волна,
В лад с нею весла бьют»

(«Московский наблюдатель» за 1838 г., том XVI, стр. 92).

9. Ретшер — Генрих Теодор (1803—1871), немецкий теоретик эстетики и драматического искусства, гегельянец, очень популярный в России в 30-х годах прошлого века. В «Московском наблюдателе» за 1838 г. была помещена его статья «О философской критике художественного произведения», в переводе М. Н. Каткова (том XVII, май, кн. II, стр. 159; июнь, кн. I, стр. 304, кн. II, стр. 432).

10. Наблюдатель — «Московский наблюдатель», журнал, основанный Погодиным в 1835 г. Но только с вступлением Белинского в 1838 г. он оживился и стал выразителем раннего русского гегельянства. Он просуществовал до 1839 г.

11. Щепкин Дмитрий Михайлович (1817—1857) — старший сын известного актера, математик и филолог.

12. Жена — Авдотья Яковлевна Панаева, урожденная Брянская (1820—1893), дочь актера-трагика, во втором браке Головачева. В литературе выступала под псевдонимом «Н. Станицкий».

13. Надеждин — Николай Иванович (1804—1854), ученый, профессор московского университета по кафедре русской словесности, критик, выступавший в «Вестнике Европы» под псевдонимом «Экс-студент Никодим Надоумко» и в «Московском вестнике». В 1831 г. им был основан журнал «Телескоп», просуществовавший до 1836 г., когда он был закрыт за напечатание «Философического письма» П. Я. Чаадаева. После непродолжительной ссылки в Усть-Сысольск Надеждин вернулся в столицу разбитым физически и духовно, хотя и продолжал отчасти свою литературную деятельность. Он поступил на службу в министерство внутренних дел, был усердным чиновником, выступал рьяно против старообрядцев и писал верноподданнические статьи.

14. Ольга Семеновна — Аксакова, урожденная Заплатина, мать К. С. Аксакова.

15. Вера Сергеевна — Аксакова, сестра Константина Сергеевича.

16. Сергей Тимофеевич — Аксаков (1791—1859), писатель, отец К. С. Аксакова.

17. Каролина Карловна — Павлова, урожденная Яниш (1810—1894), жена Н. Ф. Павлова, поэтесса.

III

1. Н. Ф. — Павлов, см. примечание 1 к письму I.

2. «Именины», «Ятаган», «Демон», «Миллион» — повести Н. Ф. Павлова. Две первые характеризованы выше, — см. примечание 1 к письму I. Что касается последних, то Панаев прав, считая их крайне слабыми.

3. Мы отправились — Панаев уезжал из Москвы вместе с Белинским, который переселялся в Петербург, приглашенный Краевским вести отдел критики в «Отечественных записках».

4. Титир Иванович — прозвище Вл. И. Панаева, писателя, дяди И. И. Панаева. Прозвище это пародирует его идиллии, написанные в подражательном пастушеском стиле XVIII в. «Титир» — пастушеское имя, встречающееся у Виргилия.

5. Статья Ваша о Грамматике Белинского — статья К. С. Аксакова О грамматике вообще. (По поводу грамматики г. Белинского) - была помещена в «Московском наблюдателе» за 1839 г.

6. Краевский — Андрей Александрович (1810—1887), литератор, был соредактором журнала «Современник», с 1837 г. редактором «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду», с 1839 г. — редактором «Отечественных записок».

7. Кн. Одоевский — Владимир Федорович (1803—1869), писатель и философ. О «литературно-великосветских» собраниях в его доме подробно рассказывает И. И. Панаев в своих «Литературных воспоминаниях» (часть I, гл. V).

8. Статья о Ф. Н. Глинке — статья Белинского «Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 г.) сочинение Ф. Глинки» опубликована в «Отечественных записках» за 1839 г., т. VII, стр. 1, критика.

9. У Князя — В. Ф. Одоевского.

10. «Гадость» В. Ф. Одоевского напечатана в «Отечественных записках» (№ 10) 1839 г., т. VI, повесть «Живописец» (из записок гробовщика) — в альманахе Владиславлева на 1840 г., «Утренняя заря» — фантастический рассказ «4338-й год».

Владиславлев — Владимир Андреевич (ум. в 1856), писатель и издатель альманаха «Утренняя заря» с 1839 по 1843 г.

11. Верстовский Алексей Николаевич (1799—1862), композитор.

12. М. Н. Загоскин (1789—1852) — писатель. В «Отечественных записках» за 1839 г. (т. VII, стр. 118) помещен нелестный отзыв о его повести «Тоска по родине», в котором отмечаются три ее стороны: 1) нападение на тех, кто все русское считает неудовлетворительным, по сравнению с заграничным, но подобные люди так ничтожны, что не стоит по этим воробьям стрелять из пушек, 2) любовь героя и героини, изображенная в «конфетно-приторных» тонах, впрочем, по вине изображаемой эпохи, а никак не автора, и 3) наконец — язык произведения, очень правильный, но без мертвенности, а, напротив, очень живой. Рецензия эта анонимна, но из примечания Панаева можно понять, что она принадлежала перу его дяди (см. выше примечание 2).

13. Панаев — Владимир Иванович (1792—1859).

14. Глинка — Федор Николаевич (1786—1880), писатель, один из участников «Союза благоденствия».

15. Авдотья Павловна — Глинка, урожденная Голенищева-Кутузова (1765—1863), поэтесса, жена Ф. Н. Глинки.

16. «Песнь радости» из Шиллера — перевод К. С. Аксакова стихотворения Шиллера был прислан позже и напечатан в «Отечественных записках» за 1840 г., т. IX, стр. 129, с подписью «К. А-в».

17. О Ноздренном дыхании господа нашего Иисуса Христа — подразумевается, вероятно, книга, распространенная среди старообрядцев, очень интересовавшая В. Ф. Одоевского: «Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения от писаний святых и богодухновенных отец. Перевод с еллино-греческого языка». Она «представляет собой сборник, составленный» из поучений различных церковных писателей. Глава 20-я поучений Каллиста Патриарха носит заглавие, распространенное Панаевым и на всю книгу: «О естественном через вдыхание ноздренное художестве и с ним господа нашего Иисуса Христа призывании». В письме Белинского к К. С. Аксакову от 10 января 1840 г. говорится, что Одоевский уже достал эту книгу, а в более позднее время он ее приобрел себе. Во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина среди книг В. Ф. Одоевского хранится принадлежавший ему экземпляр с собственноручною надписью.

IV

1. Языков — Михаил Александрович (1811—1885), впоследствии директор императорского стеклянного завода, основатель библиотеки в Новгороде. О нем много говорится в воспоминаниях И. И. Панаева.

2. Гегель — Георг-Фридрих-Вильгельм (1770—1831), философ.

3. Иван Сергеевич — Аксаков (1823—1886), в 1840 г. был еще в Училище правоведения.

4. Полевой — Николай Алексеевич (1796—1846), писатель, издатель «Московского Телеграфа», закрытие которого превратило его из противника авторитетов в квасного патриота.

5. Ширяев — А. С, книгопродавец.

6. Греч — Николай Иванович (1787 - 1867), журналист.

7. Булгарин — Фаддей Бенедиктович (1789—1859), писатель и журналист. Оба они являлись представителями ярко реакционного направления.

8. Сумароков — Александр Петрович (1718- 1777), писатель.

9. «Полевой — эта подлая рожа, обтянутая стертою и изношенной лайкой — «Литературная газета, портрет № 2». В «Литературной газете» за 1840 г., № 12, от 2 февраля помещена статья Панаева «Портретная галерея. Портрет № 2».

«Литературная газета» — была основана бар. А. А. Дельвигом, после его смерти редактором был О. И. Сомов. В 1840 г. она была в руках А. А. Краевского.

10. «Парашка» — пьеса Полевого «Параша Сибирячка».

11. «Коцебятина» — подражание мелодраматизму писателя Августа Коцебу.

12. «Смерть и честь» — ошибочно названо Панаевым вместо «Любовь и честь».

13. Мочалов — Павел Степанович (1800—1848), московский актер-трагик.

14. «Сын отечества» 1840 г., т. I, кн. IV — «Современная русская библиография». Среди заметок о книгах 1840 г. под № 18 разбирается «Одесский альманах на 1840 г.», где читаем следующее: «Плохи также стихи гг. Аксакова, Галанина, Лермонтова и еще кой-кого» (стр. 888). «Неужели отныне и И. И. Панаев перестанет писать свои повести и Н. Ф. Павлов не станет нанизовать повествовательного бисера на нитку отчаяния и И. И. Лажечников перестанет чертить карикатуры великих мужей русской земли в своих романах?» (стр. 889).

«Сын отечества» — журнал, возникший в 1812 г., просуществовал до 1852 г. В 1840 г. редактором его был А. В. Никитенко.

Лажечников — Иван Иванович (1792—1869), один из основателей русского исторического романа.

15. Вильгельм Мейстер — роман Гете, первая часть которого озаглавлена «Ученические годы Вильгельма Мейстера», вторая — «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Дальше идет речь о второй части.

16. Миньона — персонаж из романа Гете «Годы странствий Вильгельма Мейстера».

17. Юлия — героиня трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» (или обычнее «Джульетта»).

18. Фенелла Вальтера Скотта в его Певериле — персонаж из романа «Певериль Пик», тоже очень молоденькая девушка, как Миньона и Джульетта.

19. Мысли о Ломоносове — К. С. Аксаков был занят в эти годы работой над своей диссертацией «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка».

20. В I томе «Сына отечества» за 1840 г., действительно, есть две заметки: «Г-н Гоголь привез из-за границы новую большую комедию; но, кажется, ничего из исчисленного здесь мы не увидим на сцене, по крайней мере в нынешнем году» (кн. I, стр. 221). «Все сочинения г-на Гоголя будут изданы вместе с присовокуплением новой его комедии, которая не поступит на театр» (кн. IV, стр. 915).

21. В статье «Русская литература за 1838—39» Полевой называет Основьяненко «дарованием весьма замечательным» («Сын отечества», 1840, май-апрель, стр. 181).

Квитка (Основьяненко псевдоним его) Григорий Федорович (1778—1843), украинский писатель. Он писал и на русском языке, но эти произведения очень слабы.

22. Дядя — Владимир Иванович Панаев, см. примечания 4 и 13 к письму III.

23. Во второй книжке «Отечественных записок» было помещено стихотворение К. Павловой: «Да, много было нас, младенческих подруг».

24. Драмы И. Е. Великопольского — «Сюрприз», «Владимир Влонский», «Любовь и честь» и «Янстерский».

V

1. Брат — И. С. Аксаков.

2. Диссертация — см. примечание 19 к письму IV.

3. Кунцево — подмосковное дачное место.

4. Заключительные строки стихотворения Пушкина: «Если жизнь тебя обманет».

5. «Маяк» — ежемесячный журнал, выходивший под редакцией С. А. Бурачка и П. А. Корсакова с 1840 по 1845 г.

6. Соболевский — Сергей Александрович (1803—1870) славился своими эпиграммами и каламбурами.

7. Корсаков — Петр Александрович (1790—1844), писатель.

8. Бурачек — Степан Анисимович (род. 1800), корабельный инженер и писатель. Ап. Григорьев характеризовал его как «последовательного представителя чистого застоя» (статья «Оппозиция застоя»).

9. Языков — Николай Михайлович (1803—1846), поэт.

10. Зеленый — Семен Ильич (1810—1892), адмирал и астроном.

VI

1. Петровы — Осип Афанасьевич (1807—1878), бас, и его жена, контральто, — артисты петербургской оперы, приезжавшие в Москву на великопостный сезон.

2. Тяготение С. Т. Аксакова к театру появилось уже при первом его приезде в Петербург в 1808 г., когда он познакомился и подружился со многими артистами, театральными писателями и театральными завсегдатаями. Отъезд в деревню после женитьбы прервал на время его театральные связи, но они возобновились в полной мере при переезде Аксаковых в Москву в конце 1820-х гг. и не прекращались до смерти Сергея Тимофеевича. М. С. Щепкин был одним из близких друзей Аксакова, причем дружба эта распространялась и среди всех членов обеих семей.

3. Михаил Николаевич Загоскин — с 1831 г. состоял директором московских императорских театров, был очень близок с С. Т. Аксаковым, написавшим его биографию.

4. Москвитянин — журнал, издававшийся М. П. Погодиным с 1841—1856 г.; С. П. Шевырев заведывал его литературно-критическим отделом.

5. Нельзя согласиться с Шевыревым — подразумевается статья С. П. Шевырева: «Взгляд русского на современное состояние Европы», опубликованная в «Москвитянине» за 1841 г., т. I, стр. 219. В сущности, в дальнейшем Панаев льет воду на мельницу славянофила Шевырева. Те отрицательные черты петербургской жизни, которые перечисляет Панаев, и являются, с точки зрения славянофилов, проявлением «гнилого Запада», над которым поднимается сохранившая в себе больше «народного русского духа» Москва.

Шевырев — Степан Петрович (1806—1864), историк русской словесности, критик и поэт.

6. Приехал Лермонтов... — это был последний приезд М. Ю. Лермонтова в Петербург, который ему выхлопотала в период его второй ссылки его бабка Арсеньева. Весною он снова поехал на Кавказ, откуда ему уже не суждено было вернуться. 15 июня 1841 г. он был убит на дуэли.

7. Полевой — Ксенофонт Алексеевич (1801—1867), писатель.

8. Юнгмейстер — книгопродавец в Петербурге.

9. Переводы Каролины Карловны — в «Москвитянине» за 1841 г. Были напечатаны следующие переводы К. Павловой. — «Сцены из последней неконченной трагедии Шиллера «Дмитрий Самозванец» (т. I, стр. 67) и «Последние стихи Байрона» (т. II, стр. 110).

10. Соллогуб — гр. Владимир Александрович (1814—1882), писатель.

11. «Брат и сестра» — очерк Н. М. Загоскина был напечатан в I томе «Москвитянина», на стр. 421, с подзаголовком «Два характера». В нем дана параллель Москвы («сестры») и Петербурга («брата»).

12. Волково — кладбище в Петербурге, где похоронено большинство писателей, умерших в этом городе.

ПИСЬМА И. С. ТУРГЕНЕВА к И. С. и К. С. АКСАКОВЫМ

Из переписки И. С. Тургенева с семьей Аксаковых известны 42 письма Тургенева к Аксаковым за 1852—1857 гг., напечатанные в первых двух книгах «Вестника Европы» 1894 г., и 56 писем С. Т., К. С. и И. С. Аксаковых к Тургеневу за 1851—1861 гг., опубликованных Л. Н. Майковым в журнале «Русское обозрение» 1894 г. (книги 8—12; есть отдельный оттиск).

Печатаемые здесь два письма И. С. Тургенева к И. С. Аксакову (от 28 декабря 1852 г.) и к К. С. Аксакову (от 12 марта 1859 г.) и две записки, адресованные К. С. Аксакову, не имеющие точных дат и предположительно отнесенные к 1851 г., публикуются впервые по автографам, хранящимся в Отделе рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина (архив Аксаковых).

Являясь дополнением к известной переписке Тургенева с Аксаковыми, эти письма и записки вносят новые штрихи в его отношения к славянофилам в лице Аксаковых, с одной стороны, и к революционной демократии 60-х годов — с другой.

Особенно знаменательно с этой стороны письмо Тургенева к К. С. Аксакову от 12 марта 1859 г. Тургенев здесь высказывает свое возмущение рецензией «Современника» на сочинения С. Т. Аксакова, принадлежавшей перу Н. А. Добролюбова, и сообщает о своем решении прекратить свое сотрудничество в журнале Н. А. Некрасова навсегда.

Письмо приоткрывает обострившиеся противоречия между западником-либералом Тургеневым и западниками-революционными демократами (Некрасов, Чернышевский, Добролюбов), группировавшимися вокруг «Современника». Эти противоречия неизбежно вели к разрыву, который и произошел в начале 1860 г.

И. С. Ежов.

I

С. Спасское. 28-го *Декабря* [18]52

Только вчера, любезный Иван Сергеичь, получил я Ваше письмо от 4-го Октября. Прежде чем я буду отвечать Вам на него, мне непременно нужно объяснить Вам почему это глупое место о Г-не Любозвонове осталось в моих Записках [1].—Вы может-быть слышали что книга эта была издана и напечатана в моем отсутствии. — Я едва просмотрел рукопись прежде чем я послал ее к Кетчеру [2] — помнил я что был какой-то где-то намек в «Записках» на Славянофильство — нашол несколько слов на этот счет в «Хоре и Калиниче» — и выкинул их [3] — а то место осталось, к великой моей досаде. — Могу Вас уверить что я вовсе не думал о Вашем брате когда его писал — и Вы можете себе легко представить что я во всяком случае выкинул бы это место после нашего сближения—еслиб я вспомнил о нем. — Пусть Ваш брат извинит мою рассеянность — и это ему будет тем легче — что подобные холодные шутки падают на того, кто их произносит — мне гораздо будет труднее забыть мою неосмотрительность — и — повторяю — досада моя очень велика [4]. —

Теперь о Вашем письме. — Все что Вы говорите о З[аписках] О[хотника] — я подписываю обеими руками и писал уже об этом Вашему брату [5]. Я, право, могу уверить Вас, что мне иногда кажется будто эта книга писана не мною, так уж я далек от нее. Напряженность и натянутость которые слишком часто в ней попадаются — отчасти могут быть извинены тем обстоятельством что когда я писал ее — я был за границей

и окруженный не Русской стихией и не Русской жизнью — невольно проводил карандашем два раза по каждому штриху. — В этом отношении я не совсем доволен и Муму [6] — отчего мне крайне хочется чтоб Вы прочли мою последнюю вещь — «Постоялый двор» — Я не знаю — ошибаюсь ли я или нет — здесь нет никого, кто бы мог мне это сказать — но я полагаю что в П[остоялом] Д[воре] — я иду прямее и проще к цели — не кокетничаю и не умничаю — а стараюсь дельно высказать то, что почитаю делом. — Дай бог любому автору понять и выразить жизнь — где ему мудрить над ней или поправлять ее. — П[остоялый] Д[вор] давно готов и переписан — я жду оказии чтобы послать его в Москву к Кетчеру, которому напишу чтоб он непременно и в самом скором времени Вам его передал. — Заранее прошу от Вас, от Вашего брата и от С[ергея] Т[имофеевича] — строгого и подробного отзыва. — Мысль Муму Вами так верно схвачена что мне очень хочется знать что Вы скажете о П[остоялом] Д[воре] [7].

Уединение, в котором я нахожусь, мне очень полезно. — Я работаю много — и кроме П[остоялого] Д[вора] написал первые три главы большого романа [8] и еще небольшую вещь под названием: Переписка [9]. — Все это я желал бы прочесть людям во вкус которых я верю, — очень хотелось бы знать иду ли я настоящей или по ложной дороге. — Я бы много дал — чтобы иметь удовольствие видеть Вас у себя — но боюсь и просить Вас. — Поездка-то и — не очень дальняя — да человек-то я не на хорошем счету — да и Вы, кажется, немножко подгуляли. — А еслиб можно было — как я был бы рад! — Стоит доехать (по шоссе) до Мценска — а оттуда до меня (до Спасского-Лутовинова) всего 10 верст.

Статья моя о книге Вашего отца явится в 1-м № Совр[еменника] — Месяца через два я пошлю еще другую. — Желал бы я чтобы первая эта статья Вам понравилась. — Там есть несколько мыслей о том как описывают природу, где я себя не щажу [10]. —

К[онстантину] С[ергеевичу] я на днях пошлю большое письмо о его статье в М[осковском] С[борнике] [11]. — Странное дело! Мы сходимся с с ним в воззрении на наш народ — но выводы у нас различные.

Ваше замечание на счет мужицкой речи совершенно справедливо. — В П[остоялом] Д[воре] — и следа нет всей этой дагерротипности. — Это все надо бросить — или, если без этого не выходит живо — бросить перо. —

Прощайте, любезнейший И[ван] С[ергеевич]. Бог знает, когда придется увидеться — но во всяком случае прошу Вас верить в искренность моей дружбы —

Кланяйтесь от меня всем Вашим —

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

Поздравляю Вас с новым годом. — Когда Вы получите П[остоялый] Д[вор] — доставьте Кетчеру Муму — меня просили переписать ее.

II

Любезный Константин Сергеевич, пользуюсь отъездом Н. А. Осковского [1] чтобы переслать Вам несколько слов. Начинаю с извинения о том, что не ответил на Ваше письмо — но встретились такие обстоятельства, что ни минуты если не свободной — спокойной — не было. — Рецензия Совр[еменник]а на Сочинения вашего батюшки [2] возмутила меня по крайней мере на столько же сколько Вас самих; я выразил им мое негодование — и, скажу Вам между нами — строки моей в Совр[еменник]е уже больше не будет [3]: но предлагаемое Вами средство (рецензия) — кажется мне неудобным и бесполезным. — Здесь дела идут, как вы уже знаете, дурно: особенно возмутила всех история польского «Слова» — и заключение Огрызки. — Должно сказать, что общественное мнение выразилось весьма единодушно на счет этого дела; — Государь получил несколько писем — между прочим одно от меня, копию с которого взял Основский —

и которое Вы можете у него прочесть, если это Вам интересно[4]. Впрочем я об этом обо всем переговорю с Вами лично на днях — : я буду в Москве в Середу на будущей неделе — и останусь до Субботы.

В ожидании скорого свидания дружески жму Вам руку. Кланяюсь Вашему батюшке и всему Вашему семейству, о котором я имею самые свежие сведения от Г. Карташевского[5].

Преданный Вам *Ив. Тургенев.*

С. Петербург
12-го Марта 1859

III

Москва [1851][1]

Извините меня, любезный Аксаков, если я не могу сдержать своего слова — мне что-то очень нездоровится — и я решился остаться дома и даже лечь в постель. Я надеюсь что это скоро пройдет — и что я буду иметь удовольствие провести у Вас на днях вечер — положим в Середу — если этот день Вы не отозваны. — До свидания — жму Вам дружески руку и остаюсь

Ваш *И. Тургенев.*

Понедельник

IV

[Москва. 1851][1]

Я собирался к Вам писать, любезный Аксаков, когда получил Вашу записку. Рукопись[2] у меня — но Садовскому раньше пятницы утром нельзя. Кстати, я и свое тогда прочту. — До тех пор я Вас впрочем увижу. Ваша приписка мне очень лестна, но я думаю что *так,* как Вы желаете делать, лучше Вас не сделает никто. — Будьте здоровы — кланяюсь Сергею Тимофеевичу. До свиданья.

Ваш *Ив. Тургенев.*

Середа

Примечания.

I

В начале 1852 г. И. С. Тургенев выпустил в Москве первое издание «Записок охотника» в двух частях. Книга была послана автором С. Т. Аксакову. В упоминаемом Тургеневым письме от 4 октября 1852 г. И. С. Аксаков передал Тургеневу благодарность отца за присылку «Записок охотника» и вместе с тем высказал свои впечатления от книги, а также сделал некоторые критические замечания о форме и содержании «Записок». Между прочим, по поводу изображения помещика Любозвонова, одного из персонажей в рассказе «Однодворец Овсянников», И. С. Аксаков писал:

«Послушайте, любезнейший Иван Сергеевич: как могли вы теперь оставить место о г. Любозвонове? Само собою разумеется, что под Любозвоновым вы разумели брата Константина, великодушно отвергая мнение Овсянникова — «что он не в своем уме», предположением, что он болен. Вы могли это написать в 1847 году, но теперь, для красного словца, вы пожертвовали истиной... Мало ли вы что тогда писали по ошибке и недоразумению! Теперь многое вам уяснилось, и как хотите, вы поступили не совсем согласно с вашим собственным убеждением. К тому же эта насмешка совершенно устарела. Все это было бы хорошо тогда, а теперь ни общество, ни публика не улыбнутся ни разу от этой выходки. Все подмостки, на которых стояли тогда насмехавшиеся, рушились под ними; убеждения, во имя которых они нападали, выдохлись и испарились и сами вы обо многом изменили свои мнения» («Русское обозрение», 1894, август, стр. 477.)

2. Кетчер Николай Христофорович (1806—1886) — врач и поэт-переводчик Шекспира (а также Шиллера, Гофмана и других). В 30-х годах сошелся с кружком Станкевича, затем был непременным членом московского кружка западников, другом Белинского, Герцена, Грановского. С середины 50-х годов перешел в лагерь реак-

ционеров. В 1862 г. Герцен писал о нем: «Между нами и бывшими близкими людьми в Москве все кончено... Поведение Коршей, Кетчера... и всей сволочи таково, что мы поставили над ними крест и считаем их вне существующих» («Сочинения», т. XV, стр. 71). С Тургеневым был в приятельских отношениях.

3. Из первоначального текста рассказа «Хорь и Калиныч» было выброшено следующее место:

«В десяти верстах от усадьбы находилось до тла разоренное село, принадлежавшее... ну, кому бы то ни было. Владелец этого села ходил, вероятно, потехи ради, в мурмолке, и рубашку носил с косым воротником. Думаете ли вы, что Хорь промолчал об этой мурмолке, что мурмолка его ослепила? Как бы не так!».

4. И. С. Аксаков в письме от 22 января 1853 г. ответил:

«Вы слишком горячо приняли к сердцу, любезнейший Иван Сергеевич, мое письмо от 4-го октября: при чтении вашего последнего ответа, мне стало самому совестно, что я вздумал писать вам о таких пустяках, как Любозванов и проч. Будьте уверены, что брат мой ни на минуту не задумался над этим местом; ни тени неудовольствия в нем не было; ни он, ни я не сохраняем ни малейшего зерна досады или чего-нибудь подобного... Но довольно об этом». («Русское обозрение», 1894, сентябрь, стр. 8.)

5. И. С. Аксаков писал Тургеневу о «Записках охотника» (в письме от 4 октября 1852 г.): «Я сам перечитываю теперь «Записки Охотника» и не понимаю, каким образом Львов решился пропустить их. Это стройный ряд нападений, целый батальный огонь против помещичьего быта. Все это дает книге огромное значение, независимо от ее литературного достоинства. Конечно, не все рассказы одинакового достоинства. «Контора», «Бурмистр», «Бирюк», «Певцы» (где можно было бы обойтись без последней сцены пьяных в кабаке), «Гамлет Щигровского уезда», «Свидание», «Хорь и Калиныч» — лучше всех других. Хорош также, очень хорош «Овсянников». Но не могу удержаться, чтобы не сделать вам следующих замечаний.

В «Записках Охотника» встречаются очень часто такие натянутые сравнения, такие претенциозные остроты, такая изысканная наблюдательность, как будто любующаяся собою и всем говорящая: какова наблюдательность, а? — что я удивляюсь, как ваш строгий и разборчивый вкус допустил все это. К чему все эти шуточки и остроты, часто ни к селу, ни к городу, на счет старых девок, кислых фортепьян (слово *кислый* у вас в большом ходу), рыхлых купчих, дряблых грудей и проч., и проч.? Нападения на старых девушек напоминают мне нападения Вонлярлярского на единственные сапоги у бедняка. На этот счет так остроумно острят водевильные писатели, что вы могли бы не оспаривать у них первенства в этом отношении. Ничего подобного нет в «Муму».

...Мне пришло в голову еще одно замечание — относительно крестьянской речи. Я вообще против употребления крестьянской речи в литературе так, как она является у Григоровича и отчасти у Вас. Это не свободная крестьянская речь, а копировка, стоющая, по видимому, больших усилий. Григорович, желая вывести на сцену русского мужика вообще, заставляет его говорить рязанским наречием, вы — орловским, Даль — винегретом из всех наречий. Мне кажется, можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную, а иногда и личную, и не одинаковых в каждом месте. Видно, что вы копируете и к тому же частехонько не доглядываете; у вас, например, мужик беспрестанно говорит: *удивительно*. Вы могли, конечно, услыхать это слово от *одного* мужика, но вообще крестьяне этого выражения не употребляют. Думая уловить русскую речь, вы улавливаете только местное наречие. Впрочем, и то сказать, вы обозначили местность, где действуют лица ваших рассказов, и это обвинение относится к вам в меньшей степени, чем к Григоровичу» («Русское обозрение», 1894, август, стр. 475—477).

6. «Муму» — повесть И. С. Тургенева, написанная им в 1852 г., которую автор прислал И. С. Аксакову для подготовлявшегося последним «Московского сборника». Однако после первой книги издание сборника было запрещено, повесть «Муму» была возвращена И. С. Тургеневу и была напечатана лишь в 1854 г. в журале «Современник» (книга 3). В письме от 4 октября 1852 г. И. С. Аксаков очень хвалил «Муму», ставя эту повесть выше «Записок Охотника».

7. «Постоялый двор» был получен Аксаковым 9 марта 1853 г. В своих

Я собирался и самъ писать Константину Аксакову, когда получилъ Вашу записку. Пришлите непремѣнно Строевскую раньше будущей недѣли. Кстати, я и свою тогда пришлю. — До сихъ поръ я Васъ [illegible]. Ваша приписка меня очень смутила, но я думаю что *такъ*, какъ Вы желаете сдѣлать, лучше Васъ не сдѣлаетъ никто. — Будьте здоровы — кланяюсь Сергѣю Тимофеевичу. До свиданья.

Вашъ

Середа

Ив. Тургеневъ

Письмо И. С. Тургенева к К. С. Аксакову.

Имѣю честь, милый и [illegible] другъ, [illegible] Иванъ

Сергѣевичъ! Не много у меня времени, а это

очень, что я удивленъ раздѣленiемъ между Вашимъ

Погодинымъ и Русскимъ Вѣстникомъ. Не

знаю допускаются ли въ Бесѣду мелкiя

стихотворенiя и переводы въ [illegible] [illegible]

Почему-жъ и нѣтъ? Прозаическiй [illegible],

а переводъ почти подстрочный. Она назы-

вается у Байрона: The destruction of Senna-

cherib. Въ Вѣстникъ посылаю переводъ изъ

Гервега, Погодину изъ Гейне и Байрона.

Если посылаемое Вамъ не годится въ Бе-

сѣду — передайте Погодину.

Сердечно [illegible] [illegible] и [illegible]

[illegible] Прощайте, [illegible] [illegible]

[illegible] до [illegible] за границу.

Вашъ [illegible]

Кр. Рогъ, 20-го Апрѣля, 185[illegible].

А. Толстой

Страница письма А. К. Толстого к И. С. Аксакову.

письмах к Тургеневу все трое Аксаковых отзывались о его повести одобрительно. Впервые повесть была напечатана в журнале «Современник» (1855, ноябрь).

8. Работа над романом, о котором здесь упоминает Тургенев, осталась незаконченной. Тургенев отделал лишь первую часть романа и послал ее С. Т. Аксакову, который получил ее в начале августа 1853 г. Под влиянием отзывов Аксаковых, а также П. В. Анненкова, В. П. Боткина, Н. Х. Кетчера, которые тоже ознакомились с рукописью, интерес к начатой теме у Тургенева ослабел, и роман был им заброшен совсем. Лишь немногие страницы из него были опубликованы в первой книжке журнала «Московский вестник» за 1859 г. под заглавием: «Собственная господская контора. Отрывок из неизданного романа».

9. «Переписка» была впервые напечатана в журнале «Отечественные записки», 1856, книга 1-я.

10. В 1-й книге «Современника» за 1853 г. была напечатана критическая статья Тургенева на книгу С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника». Обещанной Тургеневым второй статьи написано не было.

11. Речь идет о статье К. С. Аксакова «О древнем быте славян вообще и у Русских в особенности», напечатанной в 1-й книге «Московского сборника».

II

1. Основский Нил Андреевич (ум. в 1871 г.) — беллетрист, сотрудник «Современника» 1850-х годов, «Русского вестника» и других изданий. Писал преимущественно охотничьи рассказы и повести.

2. Речь идет о статье «Разные сочинения С. Аксакова. Москва, 1858 г.», помещенной в журнале «Современник», 1859, кн. 2-я (февраль). Статья принадлежала перу Н. А. Добролюбова, который подверг резкой критике книгу С. Т. Аксакова, содержащую литературные и театральные воспоминания, биографию Загоскина и мелкие статьи и заметки.

3. В январской книге «Современника» за 1860 г. была напечатана последняя вещь И. С. Тургенева — речь «Гамлет и Дон-Кихот». Этим его сотрудничество в журнале Некрасова, ставшем самым передовым и боевым органом эпохи, закончилось навсегда, знаменуя собой окончательный разрыв западника-либерала с революционной демократией во главе с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым.

4. Иосафат Огрызко (Ohryzko) (1826—1890) — польский политический деятель, издавал в Петербурге на польском языке газету «Słowo» (с начала 1859 г. по 21 февраля того же года). За помещение в № 15 газеты письма И. Лелевеля, известного польского историка и одного из главных руководителей польского восстания 1830 г., газета была закрыта, а ее издатель Огрызко был заключен в Петропавловскую крепость на месяц. Письмо Тургенева к царю относится к этому аресту. Позднее, в 1865 г., Огрызко был арестован по обвинению в участии в польском восстании 1863 г. и присужден к смертной казни, которая была заменена 20 годами каторги. По отбытии сокращенного срока работ занимался адвокатурой в Иркутске, где и умер.

5. Карташевский — вероятно, сын Г. И. Карташевского (1777—1840), бывшего воспитателя С. Т. Аксакова во время пребывания последнего в Казанской гимназии, адъюнкта высшей математики Казанского университета, позднее сенатора. Как видно из воспоминаний С. Т. Аксакова, семья Карташевских была в близких отношениях с Аксаковыми.

III

1. На записке надписано: «Его Высокоблагородию Константину Сергеевичу Аксакову. В Н. Иерусалимском переулке, в доме Высоцкой».

Датируется предположительно. См. ниже, примечания к письму IV.

IV

1. На записке надписано: «Константину Сергеевичу Аксакову».

Датируется предположительно. Судя по почерку и чернилам, записки III и IV следовали одна за другой через короткий промежуток времени. Обращение: «Любезный Аксаков» дает основание заключить, что они относятся к началу сближения Тургенева

с Аксаковыми, так как в дальнейшей переписке (1852—1857 гг.) Тургенев к Сергею Тимофеевичу Аксакову постоянно обращается: «Любезный и почтенный», «любезный и дорогой», к Ивану Сергеевичу — «Любезнейший», к Константину — «любезный Константин Сергеевич».

Кроме того, во второй записке упоминается Садовский — несомненно Пров Михайлович (1818—1872), известный артист московского Малого театра, который бывал у Тургенева нередким гостем именно в 1851 г., когда Тургенев подолгу жил в Москве и у него часто сходились многочисленные друзья и знакомые из круга ученых, писателей и артистов.

2. Рукопись — К. С. Аксакова, очевидно, предназначавшаяся для прочтения у Тургенева.

Н. С. Ежов.

ПИСЬМА А. К. ТОЛСТОГО к И. С. АКСАКОВУ.

До сих пор из переписки обоих писателей были опубликованы лишь отрывок письма А. К. Толстого к И. С. Аксакову (*Н. Барсуков*. Жизнь и труды М. П. Погодина, книга шестнадцатая. СПБ, 1902, стр. 443—444), два письма И. С. Аксакова к А. К. Толстому («Вестник Европы», 1905, № 10, стр. 442—444) и одно письмо А. К. Толстого к И. С. Аксакову («Звенья», 1935, № 4—5). Из публикуемых впервые восьми писем А. К. Толстого к И. С. Аксакову пять (№№ 3—7) хранятся во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина. К ним присоединяем три письма (№№ 1—2, 8), хранящиеся в Институте русской литературы Академии наук СССР. Сообщением последних мы обязаны Л. Б. Модзалевскому.

Публикуемые письма в большинстве случаев касаются литературных отношений обоих писателей и дают новые черты для характеристики того умеренного либерализма и легкого политического фрондерства А. К. Толстого, которое у него прекрасно уживалось с близостью ко двору и проистекавшим отсюда житейским благополучием. В этом отношении человек одной с ним социальной природы, но наделенный гораздо большим политическим темпераментом, И. С. Аксаков представляется фигурой значительно более последовательной. Очень показательны тут же уговоры и аргументы, к которым прибегает А. Толстой в последнем из публикуемых писем, чтобы склонить И. Аксакова к свиданию с императрицей Марией Александровной.

Н. Гудзий.

I

Любезный Иван Сергеевич,

Соберите, пожалуйста, все, что Вы имеете любопытного по части раскольников и Нижегородской ярмарки (писанного Вами)[1] и пошлите в Петергоф на имя Бобринского[2]. Императрица Мария Александровна[3] поручила мне просить Вас об этом. Ей именно хочется познакомиться с этими предметами через Вас. Она остается здесь только до 10-го августа.

Душевно Вас уважающий и любящий *Ал. Толстой.*

12 июля 1858 (Пустынька)

II

Любезнейший Иван Сергеевич,

Дайте мне весточку о Иоанне Дамаскине[1]. Я послал его в редакцию Беседы в страховом пакете 27 ноября[2] и в тот же день писал к Вам[3], а императрице послал его 10-го Декабря[4].

Говорят, Крузе[5] уходит; надеюсь, что триумф обскурантизма будет не вечный, а все таки грустно. А Вы все таки скажите, пропустили ли Иоанна? Если нет — значит плохи цензурные дела.

Ваш *Ал. Толстой.*

Адрес мой: Черниговск. губ. Стародубск. уезда на станцию Еленки[6].

III

Вот Вам для почину, любезнейший Иван Сергеевичь, маленькое послание и вместе с тем оправдание на Ваше обвинение в академизме. Я очень буду рад если Вы его напечатаете в Парусе[1]. Впоследствии пришлю еще несколько разных штук, а теперь есть кой какая мелочь, тре-

бующая ревизии и браковки. С огромнейшим нетерпением жду первого № Паруса, который, как Вы пишете, должен был выйти 3-го числа. Сообщите что-нибудь о Крузе. Обнимаю Вас от всего сердца и остаюсь

Погорельцы, 10 янв[аря] 1859 весь Ваш *Ал. Толстой.*

Адрес все так в Еленку.

IV

Погорельцы, 25 янв[аря] 1859

Что это значит, любезный Иван Сергеевичь, что после 1-го № Паруса, я не получал следующего? Неужели мои опасения сбылись? Боюсь это предполагать, но если так, то мне это очень, очень грустно и не за Вас одних. De mortuis aut bene, aut nihil *, нечего тогда повторять, что я Вам писал в прошлом письме, но все таки очень, очень грустно. Не знаю вышла ли Беседа, но и ее я также не получал. Вообще, не смотря на то, что подписался на многие журналы, Ваши-же и Вестник [1] получаю даром, я не получил этот год ничего кроме 1-го № Паруса. Не забудьте пожалуйста прислать несколько экземпляров Дамаскина, как Вы обещали. Впрочем оговариваюсь: я получаю очень регулярно Słowo, издаваемое Огрызкою [2]. Погодин писал мне, но слишком поздно, об альманахе Утро [3]. С этою-же почтой пишу к Жемчужникову чтобы он прислал его мне [4].

Я знаю, что Вы очень заняты, но все-таки сделайте одолжение время от времени пишите ко мне строчки две, три, хотя самые лаконические, чтобы я только знал, жива-ли литература, здорова-ли, или хворает?

Крепко жму Вашу руку, сердечно обнимаю Вас и с нетерпением жду известия об участи Паруса.
Адрес все так: в Еленку.

Весь Ваш *Ал. Толстой.*

V

Погорельцы 2 февраля 1859

Спасибо Вам, любезнейший Иван Сергеевичь, за Ваше письмо от 14 февр[аля] [1] и за присылку экземпляров Дамаскина [2]. Спасибо также за известие о Пароходе [3]. В его рождении есть нечто буддическое или пифагорическое. Может быть, он и в прежние времена существовал, но под другими названиями. Le roi est mort, vive le roi! [4]. Постараюсь непременно и как можно скорее прислать Вам что нибудь для него. Послание мое печатайте как хотите, но жаль мне будет если оно появится под литерами П. П. [5] Его знают Г-ня Ал[ександра] Андр[еевна] Толстая [6]; она может быть, сообщила его, и если его узнают под лит[ерами] П. П., пожалуй подумают, что я боюсь обращаться к Вам открыто потому что Вы под опалой. А вы могли-бы мне отвечать другим посланием и сказать в нем: нет, мол, это не так; я не то говорил и придраться к этому чтобы высказать кой какие хорошие и назидательные вещи. Но во всяком случае да будет как заблагорассудите. Все это переселение славянской мысли из Паруса в Пароход действительно в высшей степени курьезно, но название журнала знаменательно. Что за человек Чижов? [7] Я об нем не имею понятия. Кажется, это его сотрудника недавно арестовали в Клинцах, слободе Вам вероятно довольно известной в здешней губернии [8]. Причины, результаты и последствия арестования — я не знаю. Вы вряд ли имеете время заниматься отвлеченными науками, как напр[имер], магией. В сочинении Мирвиля, о пневматологии духов [9], говорится о местах проклятых или предназначенных (lieux fatidiques). Кто на них попадет тот непременно сделает гадость, или убьет кого, или повесится (последнее реже). К такому разряду мест принадлежат некоторые

* О мертвых нужно говорить или хорошо, или ничего.

государственные учреждения. Когда в них попадут люди дотоле всеми уважаемые, они вскоре начинают делать гадости[10]. Fiat applicatio*.

Наполеон во время итальянской кампании велел сжечь одну такую будку, в которой все часовые вешались. Если бы у нас ограничивались этим, то будку можно бы и не сжигать. Прощайте, жду Парохода и крепко Вас обнимаю

Весь Ваш *Ал. Толстой.*

VI

Чем богат, тем и рад, дорогой Иван Сергеевич. Не много у меня запаса, а что есть, то я должен разделить между Вами, Погодиным и Русским Вестником. Не знаю, допускаются ли в Беседу мелкие стихотворные переводы вроде прилагаемого. Почему-бы и нет? Предмет библейский, а перевод почти подстрочный. Он называется у Байрона. The destruction of Senacherie[1]. В Вестник посылаю перевод из Гервега[2]. Погодину из Гейне и Байрона[3]. Если посылаемое Вам не годится в Беседу — передайте Погодину.

Сербам нашим везет[4], и слава богу. Прощайте, обнимаю Вас от души, еду до лета за границу[5].

Весь ваш *Ал. Толстой.*

Кр[ивой] Рог, 30-го августа 1859

На обороте

Сербы написали ко мне очень доброе письмо из Калуги, при чем замечтательное то, что после двух-трех слов вставлена буква *е*. Что это такое? Союз или междометие?[6] Выходит чрезвычайно странно....

Пишите мне в Париж poste restante разумеется, слогом ad usum delphini[7].

VII

Вот, любезный Иван Сергеевич, штука написанная мною давно; я постарался припомнить ее дорогой и посылаю Вам на случай, что Вы найдете удобным ее напечатать. Строфы, кажется, немножко мною перепутаны, т. е. разделение строф. Если угодно, Вы можете напечатать и без разделения, или с разделением произвольным или как хотите[1].

Напишите пожалуйста мне в Париж post restante получили-ли Вы ее? Пожалуй здесь так много дорог, что она до Вас и не дойдет. У Вас должны быть еще 2 Крымских очерка[2] не напечатанных, которые я послал Хомякову. Прощайте, обнимаю Вас очень и жму Вашу руку.

Весь Ваш *Ал. Толстой.*

Варшава, которого-то
сентября, кажется 10/22 1859

На обороте

Если по обстоятельствам, от Вас независящим, пришлось-бы напечатать это ad usum delphini, то я предоставляю Вашему вкусу что либо и выкинуть (поставя точки, или не ставя оных), лишь-бы не вышло водяно. В таком случае не печатайте вовсе[3].

VIII

Пустынка, 7 октября 1862

Пишу я Вам наскоро, чтобы не упустить окказии, а по почте этого писать нельзя. Императрица будет в ноябре в Москве. Она сказала мне, что ей хочется с Вами (и даже очень) познакомиться, но что она думает, что Вы этого не захотите, потому что будете бояться компрометироваться. Я этим даже обиделся за Вас и взял на себя сказать ей, что я за Вас отвечаю и что Вы не в состоянии делать этого ради

* *Делается склонность.*

уступки ни для кого и не боитесь ни чьего мнения. Верьте мне, что императрица одна из лучших и умнейших и благороднейших женщин, какие когда либо были. И так, любезный Иван Сергеевич, не вздумайте артачиться, а напротив, allez au devant des avances qu'on pourra vous faire *. Вы можете этим сделать много добра, да и не хорошо было бы не отвечать на чье-либо доброжелательство таким же доброжелательством. Вы ее полюбите, когда узнаете, мне кажется, что самые близкие к ней лица ее не хорошо знают. Прощайте. Еду в Дрезден [1], если можете, напишите мне post restante.

От души обнимаю Вас *Алексей Толстой.*

Примечания

I

1. В качестве чиновника особых поручений И. С. Аксаков ездил для обследования «раскола» в Бессарабию и в Ярославскую губернию. В последней, кроме того, он изучал секту бегунов, о которой написал исследование, напечатанное, однако, лишь в 1866 г. Предлагая Аксакову собрать написанное им о раскольниках, А. Толстой имел в виду, очевидно, официальные записки Аксакова по этому вопросу, направлявшиеся им в министерство внутренних дел и в печати не появившиеся. Нам неизвестно, писал ли что-нибудь Аксаков о Нижегородской ярмарке. Не простая ли это оговорка и не имеет ли в виду А. Толстой обстоятельных работ И. Аксакова об украинских ярмарках, напечатанных в 1858 г. сначала частично в «Русской беседе», а затем полностью отдельной книгой?

2. Бобринского — вероятно, гр. Алексея Павловича (1826—1890), друга А. Толстого, в ту пору флигель-адъютанта, в 70-х гг. министра путей сообщения.

3. Императрица Мария Александровна (1824—1880) — жена Александра II.

II

1. «Иоанн Дамаскин» — поэма А. К. Толстого, была напечатана в «Русской беседе» за 1859 г., т. I, кн. 13. Журнал этот номинально редактировался его издателем А. И. Кошелевым, фактически же — И. С. Аксаковым, которому, как лицу «неблагонадежному», запрещалось официальное редактирование журнала.

2. В редакцию «Русской беседы» А. Толстым было послано следующее письмо, датированное 27 ноября 1858 г.: «Имею честь препроводить в Редакцию Русской беседы обещанную легенду Иоанн Дамаскин, покорнейше прося гг. корректоров приложить все старания для устранения опечаток, которые могли бы изменить смысл, как то случилось в Грешнице, где вместо поонпол Иордана, напечатано по волнам Иордана.

Еще присовокупляю покорнейшую просьбу присылать отныне Русскую Беседу с приложениями на имя мое по следующему адресу: Черниговской губернии, Стародубского уезда на ст. Еленку.

Гр. *Алексей Толстой».*

(Публикуется впервые по автографу Института русской литературы Академии наук СССР. Опечатка, о которой пишет А. Толстой, сделана во второй главе «Грешницы», поэмы А. Толстого, напечатанной в «Русской беседе» за 1858 г., т. I, кн. 9. В последующих изданиях эта опечатка была исправлена.)

3. Это письмо нам неизвестно.

4. Поэма «Иоанн Дамаскин» была посвящена императрице Марии Александровне.

5. Фон-Крузе Николай Федорович (1823—1901) — общественный деятель. С 1855 по 1858 г. был цензором при московском цензурном комитете и в этой должности заявил себя либералом, покровительствовавшим прогрессивной печати, в результате чего должен был уйти в отставку.

6. Это письмо не датировано. Как видно из его текста, оно написано после 10 декабря 1858 г. и, как явствует из текста следующего письма А. Толстого к Аксакову, до 31 декабря того же года, опубликованного нами в «Звеньях» 1935 г., № 4—5.

---

* Идите дальше того, что вам могут предложить.

III

1. Речь идет о стихотворении, озаглавленном «И. С. Аксакову» и начинающемся словами:

Судя меня довольно строго,
В моих стихах находишь ты,
Что в них торжественности много
И слишком мало простоты.

В «Парусе» это стихотворение не могло быть напечатано, так как «Парус» был запрещен цензурой после второго номера, вышедшего 10 января 1859 г. Оно было напечатано во второй (14-й) книге «Русской беседы» за 1859 г.

IV

1. «Русский вестник», выходивший с 1856 г. под редакцией М. Н. Каткова, тогда еще либерально настроенного писателя.

2. Иосафат Петрович Огрызко (1826—1890) — см. выше, примечания к письму II—IV И. С. Тургенева.

3. Литературный сборник «Утро» был издан М. П. Погодиным в Москве в начале 1859 г. Следующие книжки этого сборника вышли в 1866 и 1868 гг.

4. Ср. письмо А. Толстого к Н. М. Жемчужникову от 25 января 1859 г. (Полное собрание сочинений гр. А. К. Толстого. Изд. А. Ф. Маркса, СПБ, 1907, т. IV, стр. 287.) Николай Михайлович Жемчужников (1824—1909) — брат известного поэта А. М. Жемчужникова, приятель А. К. Толстого.

V

1. Это письмо И. С. Аксакова нам неизвестно.

2. Отдельные экземпляры «Иоанна Дамаскина» представляют собой оттиски из первой (13-й) книги «Русской беседы» за 1859 г., где поэма была напечатана. Он вышел в особой обложке: «Москва. 1859. Типография Александра Семенова, 8°, 25 стр. Цензурное разрешение 4 февраля 1859 г.».

3. Газета «Парус» была закрыта по инициативе правительственных сфер. К числу крайне неблагонамеренных и «дерзких» статей была причислена, между прочим, и статья о внешней политике всегда благонамереннейшего Погодина, который в связи с этим, защищая себя от этого упрека, в письме к министру народного просвещения писал: «Главное управление называет меня неблагонамеренным. Нет, ваше превосходительство, в благонамеренности я не уступлю никому на свете». Для того чтобы сгладить впечатление, произведенное на общество запрещением «Паруса», власти дали понять одному из единомышленников И. Аксакова, Ф. В. Чижову, что ему будет разрешено издавать еженедельную газету в том же духе, что и «Парус». Чижов стал ходатайствовать о разрешении газеты «Пароход», которое и было ему дано, но при условии, «чтобы идея о праве самобытности развития народностей, как славянских, так и иноплеменных, не имела места в газете, и все, что относится до сего предмета, было бы из нее исключено». Но таких условий Аксаков не принял, и издание «Парохода» не было осуществлено.

4. «Король умер — да здравствует король» — формула, которой в королевской Франции оповещали из окна дворца народ о смерти короля и о вступлении на престол его наследника.

5. Условные инициалы, которыми, очевидно, Аксаков предлагал заменить свою фамилию в виду того, что в связи с запрещением «Паруса» его имя вновь стало опальным. Послание, однако, напечатано было в «Русской беседе» с полным обозначением фамилии Аксакова.

6. Графиня Александра Андреевна Толстая (1817—1904) — фрейлина двора, двоюродная тетка Л. Н. Толстого.

7. Федор Васильевич Чижов (1811—1877) — крупный общественный и промышленный деятель, магистр математики; усиленно интересовался вопросами искусства и литературы. В результате путешествия в 40-х годах по славянским землям увлекся славянофильскими идеями и сотрудничал в славянофильских органах. От него остался подробный дневник за многие годы, хранящийся в рукописном отделении Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

8. Не установлено о ком здесь идет речь.

9. Речь идет о книге маркиза Jules Eudes de Mirville «Pneumatologie. Des esprits et de leur manifestations fluidiques devant la sciènce moderne», Paris, 1854 г. (3-е издание), 1858 г. (4-е издание).

10. Здесь, очевидно, скрыт намек на полицию или на III отделение и на какое-то определенное лицо, прикосновенное к одному из этих органов, ранее пользовавшееся уважением в обществе.

VI

1. Это стихотворение в переводе А. Толстого («Ассирияне, или как на стадо волки») напечатано в 6-й (18-й) книге «Русской беседы» за 1859 г.

2. Речь идет о переводе А. Толстого из Гервега — «Хотел бы я угаснуть, как заря», напечатанном в августовской книжке «Русского вестника» за 1859 г.

3. Переводы из Гейне и Байрона, предназначенные, очевидно, для второго альманаха «Утро», который Погодиным был издан только в 1866 г. В нем стихотворения А. Толстого напечатаны не были.

4. В июне 1859 г. А. Толстой встретился в Чернигове с двумя молодыми сербами, пробиравшимися в Петербург для поступления в университет, и принял в их судьбе живое участие.

5. А. Толстой пробыл за границей — в Париже и в Англии — до осени 1860 г.

6. е (точнее іе) — по-сербски — третье лицо единственного числа глагола бити (быть), употребляется как вспомогательный глагол в формах прошедшего времени (перфекта).

7. Буквально: для пользования дофина (наследника престола), т. е. для читателя детского возраста. В переносном смысле — озираясь на цензуру.

VII

1. Речь идет о стихотворении «Исполать тебе, жизнь, баба старая», напечатанном в 6-й (18-й) книжке «Русской беседы» за 1859 г.

2. Эти стихотворения «Обычной полная печали» и «Ты помнишь ли вечер, как море шумело», напечатанные в 4-й (16-й) и 6-й (18-й) книжках «Русской беседы» за 1859 г.

3. Стихотворение в «Русской беседе» напечатано без всяких изменений по сравнению с оригиналом.

VIII

1. А. Толстой на этот раз пробыл за границей, преимущественно в Германии, около двух лет (вернулся в Россию в июле 1864 г.).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К разделу об А. Н. Островском.

Стр.

1. Портрет М. П. Погодина. . . . . 16—17
2. Первая и вторая страницы письма А. Н. Островского к М. П. Погодину, май 1851 г. . . . . 32—33
3. Первая и вторая страницы письма А. Н. Островского к Н. А. Дубровскому, 12 сентября 1872 г. . . . . 32—33
4. «Молодая редакция» журнала «Москвитянин»: Б. Н. Алмазов, Л. А. Мей, А. Н. Островский, Т. И. Филиппов и Е. Н. Эдельсон. . . . . 64—65
5. П. М. Садовский в роли Мизгиря в «Снегурочке». Постановка Моск. Малого театра. . . . . 80—81
6. К. А. Варламов в роли Берендея. «Снегурочка» в постановке Александринского театра. . . . . 80—81
7. В. И. Качалов в роли царя Берендея в «Снегурочке». Постановка МХТ. 96—97
8. Мундт в роли Снегурочки. Постановка МХТ. . . . . 96—97
9. И. М. Москвин в роли Бобыля в «Снегурочке». Постановка МХТ. . . 112—113
10. Давыдов и Стрельская в ролях Бобыля и Бобылихи в «Снегурочке». 112—113
11. Сцена 2-го действия «Комик XVII столетия». Рис. худ. А. С. Янова. 144—145

К статье И. В. Федорова «Из материалов архива проф. Д. Н. Анучина».

12. А. С. Ганнибал (с фотографии из собр. проф. Д. Н. Анучина). . 160—161
13. Мар. А. Пушкина — дочь поэта (с портрета маслом). . . . . 160—161
14. Нат. А. Пушкина — дочь поэта (с портрета маслом). . . . . 160—161
15. Ал. А. Пушкин — сын поэта. . . . . 160—161
16. Гр. А. Пушкин — сын поэта. . . . . 160—161

К статье П. А. Попова «Новые шаржи и портреты лиц Пушкинского окружения».

17. Шаржированный портрет А. С. Пушкина. . . . . 184—185
18. » » В. Г. Бенедиктова. . . . . 184—185
19. » » В. Ф. Одоевского. . . . . 184—185
20. » » М. И. Глинки. . . . . 184—185
21. » » Ф. В. Булгарина и В. А. Соллогуба. . . . 184—185
22. » » В. А. Соллогуба. . . . . 184—185
23. Рисунок-шарж головы В. А. Соллогуба. . . . . 184—185
24. Статуэтка шарж, изображающая Ф. В. Булгарина (работы Н. В. Степанова). . . . . 184—185
25. Статуэтка шарж, изображающая В. А. Соллогуба (работы Н. В. Степанова. . . . . 184—185
26. Портрет М. Ю. Виельгорского. . . . . 192—193
27. Портрет А. М. Веневитиновой (урожд. Виельгорской). . . . . 192—193

К разделу «Западники и славянофилы».

28. Портрет К. С. Аксакова (рис. художника Мамонова). 208–209
29. Портрет И. С. Аксакова (рис. художника Мамонова). 208–209
30. Первая и вторая страницы письма К. Аксакова к В. Г. Белинскому. 208–209
31. Страница письма И. И. Панаева к К. С. Аксакову. 208–209
32. Письмо И. С. Тургенева к К. С. Аксакову. 224–225
33. Страница письма А. К. Толстого к И. Аксакову 224–225

СОДЕРЖАНИЕ

I. А. Н. ОСТРОВСКИЙ.

Стр.

Неизданные письма А. Н. Островского. Подготовил к печати *Н. П. Кашин* 7

Письма А. Н. Островского к М. П. Погодину (Из архива Погодина) 8

Письма 8
Комментарии 19

Письма А. Н. Островского к Н. А. Дубровскому (Из архива Дубровского) 30

О Н. А. Дубровском 30
Письма 32
Комментарии 42

А. Н. Островский — сотрудник «Москвитянина». *Н. П. Кашин* . . . 48
„Снегурочка". Весенняя сказка в 4-х действиях с прологом (Опыт изучения) *Н. П. Кашин* 69

„Снегурочка" на сцене до 1917 г. *Н. П. Кашин* . . . . . . 10[illegible]
„Снегурочка" в советском театре. *Н. П. Кашин* 110

Примечания 115

„Комик XVII столетия". Комедия А. Н. Островского (Опыт изучения) *Н. П. Кашин* 121
„Комик XVII столетия" на советской сцене. *Н. П. Кашин* 151

II. А. С. ПУШКИН

Из материалов архива проф. Д. Н. Анучина о Пушкине. *Н. В. Федоров* . . . . . . 1[illegible]

Письма А. С. Ганнибал . . . . . . 1[illegible]
Письма М. А. Кисловицкой . . . . . . 1[illegible]
Письма А. Н. Павлищева . . . . . . 1[illegible]
Письма М. Раевской . . . . . . 1[illegible]
Выдержки из писем Ю. М. Шокальского . . . . . . 1[illegible]
Пушкиниана по архивным материалам Д. Н. Анучина. *Н. В. Федоров* . . . . 16[illegible]

Рукописи А. С. Пушкина во Всесоюзной библиотеке имени В. И. Ленина. *Г. П. Георгиевский* 175

Новые шаржи и портреты лиц пушкинского окружения. *П. А. Попов* . . . . . . [illegible]

III. ЗАПАДНИКИ И СЛАВЯНОФИЛЫ

Западники и славянофилы. *Н. Л. Мещеряков* 193
Письма К. С. Аксакова к В. Г. Белинскому. *Е. Н. Коншина* . . . . . . 20[illegible]

Вступительная заметка . . . . . . 20[illegible]
Письма . . . . . . [illegible]
Примечания . . . . . . [illegible]

Письма И. И. Панаева к Аксаковым. *Е. Н. Коншина* . . . . . . [illegible]

Вступительная заметка . . . . . . [illegible]
Письма . . . . . . [illegible]
Примечания . . . . . . 21[illegible]

Письма И. С. Тургенева к И. С. и К. С. Аксаковым. *И. С. Ежов* 221
Вступительная заметка 221
Письма 221
Примечания 223

Письма А. К. Толстого к И. С. Аксакову. *Н. К. Гудзий* 227
Вступительная заметка 227
Письма 227
Примечания 230

Список иллюстраций 233

Редактор *Н. Мещеряков*
Техред *О. Гурова*
Корректор *О. Гревцова*

Сдано в набор 29/V 1938 г. Подписано к печати 17/XI 1938 г. Формат бумаги $72 \times 110^{1}/_{16}$. Печ. л. $14^{3}/_{4}$ + 2 п. л. накидок. Уч.-авт. л. 25,796. Тираж 3 000 экз. Огиз № 2110. Заказ № 2693. Уполн. Главлита № Б-54191.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста „Полиграфкнига“. Москва, Валовая, 28.

